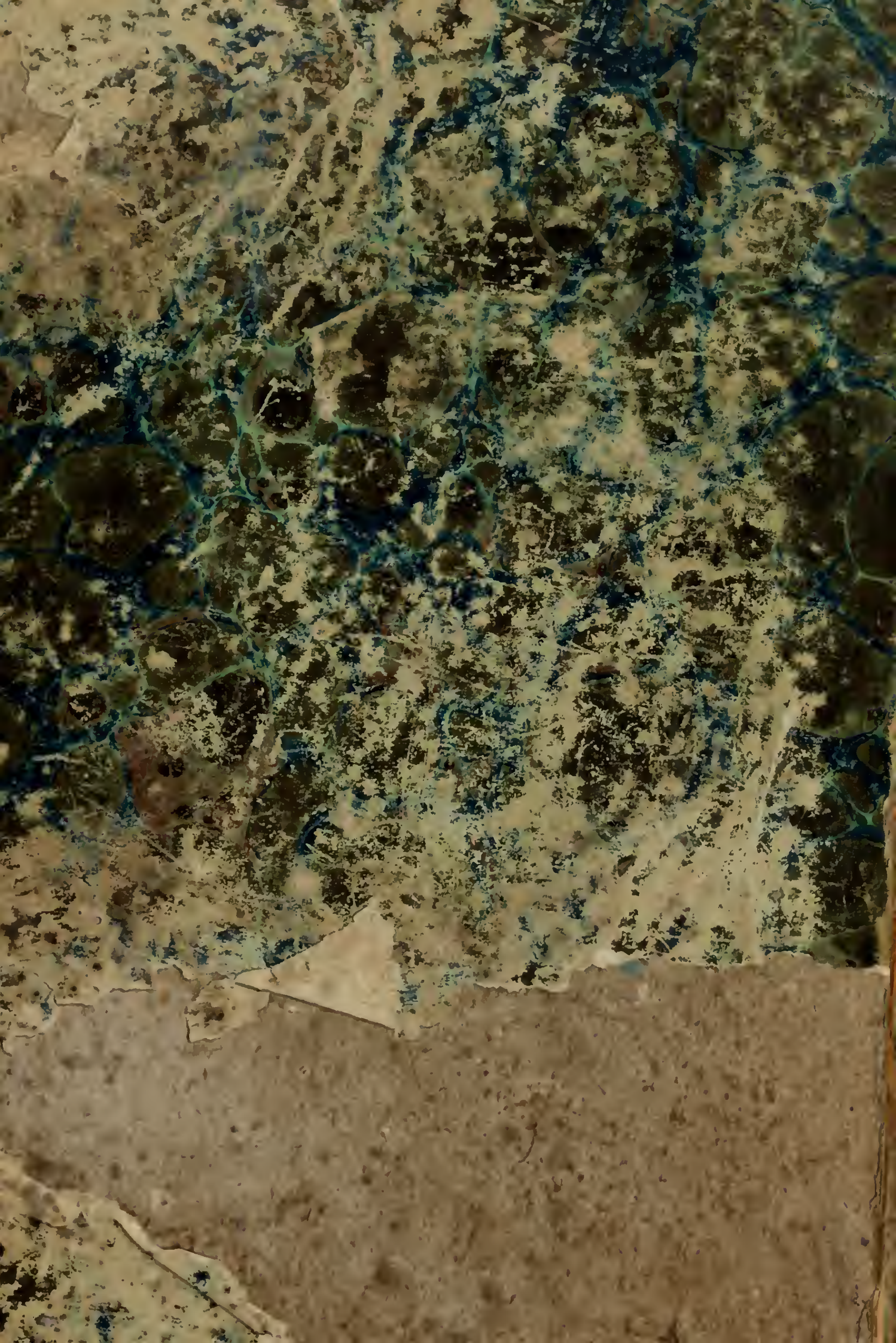

Мо[illegible] [illegible]

[illegible]

Ник[illegible]

[illegible] Апрѣл[illegible]

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

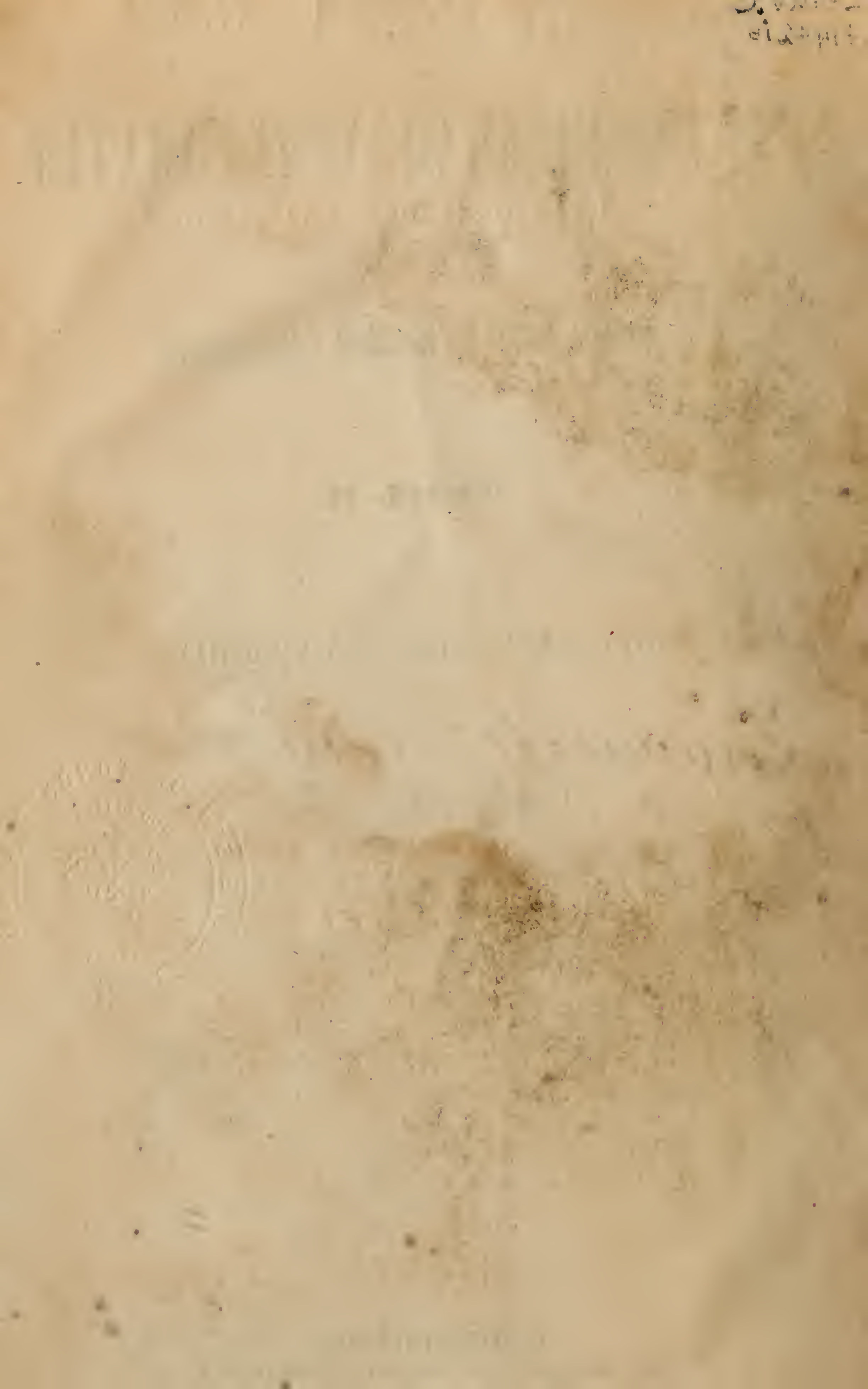
ТОМЪ II.

(ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА).

Составилъ А. Галаховъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, СЪ ПЕРЕМѢНАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. И. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ, № 8.
1877.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

I.

КАРАМЗИНЪ.

А. ИДИЛЛІЯ ГЕСНЕРА: ДЕРЕВЯННАЯ НОГА (1783). (¹).

На горѣ, съ коей текущій источникъ своими струями орошалъ близь лежащую долину, пасъ молодой пастухъ своихъ козъ. Эхо его свирѣли распространялось по всей лощинѣ и производило пріятный шумъ. Тутъ увидѣлъ онъ стараго и сѣдинами украшеннаго человѣка, всходящаго на поверхность горы, который, опираясь о свой посохъ, ибо одна его нога была деревянная, тихими шагами къ нему приближался и сѣлъ возлѣ его на одномъ камнѣ. Молодой пастухъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и устремилъ взоръ свой на его поддѣланную ногу. Юноша, сказалъ ему съ усмѣшкой старикъ, ты, конечно, думаешь, что я безразсудно поступаю, всходя на сію гору? Сіе путешествіе изъ долины дѣлаю я каждый годъ одинъ разъ. Нога, которую ты у меня видишь, приноситъ мнѣ болѣе чести, нежели иному двѣ цѣлыя; а почему? ты долженъ оное узнать. Пусть оно почтительно, старичекъ, сказалъ пастухъ; но я объ закладъ бьюсь, что одно другаго лучше. Но ты, думаю, усталъ. Если хочешь, то я пойду и принесу тебѣ свѣжей воды изъ сей стремнины текущаго ручья.

Старикъ его обнялъ. Слава Всевышнему! и такъ я могу восплатить Его благодѣяніе на тебѣ! пойдемъ, сынъ, пойдемъ въ мое жилище; пусть другой будетъ пасти сихъ козъ. Они сошли въ долину, гдѣ было его обитаніе. Старикъ имѣлъ съ излишествомъ земли и стада, и прекрасная дочь была его одна наслѣдница. Тотъ человѣкъ, сказалъ онъ своей дочери, который избавилъ меня отъ смерти, былъ отецъ сего юноши. Будешь ли мнѣ послушна и дашь ли ему свою руку? Пастухъ былъ прекрасенъ: русые волосы извивались кругъ его румянаго лица, и жаромъ наполненные черные глаза въ ономъ блистали. Не отступая она отъ дѣвической кротости, размышляла о ономъ три дня; и третій день показался уже

*

ей долгъ. Они сочетались бракомъ, и старикъ, плача отъ радости, сказалъ: да будетъ завсегда на васъ благословеніе Вышняго! въ сію минуту, въ сію минуту я наисчастливѣйшій человѣкъ!

Б. ПОЭМА ГАЛЛЕРА: О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗЛА (1786). (²).

Нѣжный зефиръ побудилъ меня нѣкогда остановиться между древами на уединенныхъ холмахъ. Изъ подошвы возвышеній сихъ истекаетъ тихая рѣка, коея воды составляетъ множество совокупившихся источниковъ. Внизу открывалася мнѣ пространная страна, ограниченная обширностію своею, которой око нигдѣ конца не обрѣтало, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Юрасъ (а) увѣнчаваетъ страну сію лазуревыми сѣнями. Пригорки покрываютъ зеленые лѣса, чрезъ кои съ плѣняющимъ блескомъ проницаетъ пламенный видъ полей. Тамъ извивается по разнымъ мѣстамъ блистающее сіяніе прозрачной Аары (б); здѣсь покоится глава Нихтланда въ мирѣ и безстрашіи на буграхъ своихъ, до коихъ высоты никто не достигалъ еще. Вездѣ, что токмо око объемлетъ, царствуетъ спокойствіе и изобиліе; подъ самымъ соломеннымъ кровомъ мхомъ обросшихъ хижинъ сельскихъ терпима здѣсь свобода, и трудъ всегда наслажденіемъ сопровождаемъ бываетъ. Земля покрыта тамъ множествомъ разновидныхъ овецъ: онѣ блѣятъ и щиплютъ мураву; тучные же волы, возлежа на мягкомъ злакѣ, вкушаютъ сладость цвѣтущаго трилиственника. Быстрый и рѣзвый конь, никакими заботами не отягощенный, носится тамо по полямъ, вновь зеленію покрывшимся, по коимъ онъ часто влачилъ орало. Колико увеселяетъ видъ лѣса сего! Въ багряномъ сіяніи являются тамо до половины обнаженныя буковыя древа, а здѣсь густая зелень соснъ осѣняетъ блѣдный мохъ. Въ мрачность зримыя сѣни, когда вѣяніе вѣтерка раздѣляетъ тѣсно соединенныя вѣтви древесъ, проницаетъ почасту лучъ солнца и распространяетъ по ней свѣтъ трепещущій; зеленая нощь разновидно совокупляется тутъ со златозарнымъ днемъ.

(а) Гора Юра.

(б) Ааръ—притокъ Рейна.

В. ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА: ЮЛІЙ ЦЕСАРЬ (1786). (³).

При изданіи сего Шекеспирова творенія почитаю почти за необходимость писать предисловіе. До сего времени еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего автора не было передано на языкъ нашъ (в); слѣдственно и ни одинъ изъ соотчичей моихъ, не читавшій Шекеспира на другихъ языкахъ, не могъ имѣть достаточнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма незнакомы

(в) Въ Спб. 1787 г. напечатана переведенная въ 1783 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ съ франц. трагедія Шекспира: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинскаго».

съ англійскою литературою. Говорить о причинѣ сего почитаю здѣсь не кстати. Доволенъ буду, если вниманіе читателей моихъ не отяготится и тѣмъ, что стану говорить собственно о Шекеспирѣ и его твореніяхъ.

Авторъ сей жилъ въ Англіи во времена королевы Елисаветы и былъ изъ тѣхъ великихъ духовъ (а), коими славятся вѣки. Сочиненія его суть сочиненія драматическія. Время, сей могущественный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящности и величія Шекеспировыхъ твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ, приписываемой мужу сему. Пусть спросятъ упражнявшагося въ чтеніи англичанина: каковъ Шекеспиръ? Безъ всякаго сомнѣнія, будетъ онъ отвѣтствовать: Шекеспиръ великъ! Шекеспиръ неподражаемъ! Всѣ лучшіе англійскіе писатели, послѣ Шекеспира жившіе, съ великимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ и прочіе прославившіеся творцы пользовалися многими его мыслями, различно ихъ украшая. Немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекеспиръ; немногіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей живописецъ. Всѣ великолѣпныя картины его непосредственно натурѣ подражаютъ; всѣ оттѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находитъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно и краски его блистательны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть его весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей: но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волненіе души.

Но и сей великій мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ своихъ. Знаменитый софистъ, Волтеръ, силился доказать, что Шекеспиръ былъ весьма средственный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: «Шекеспиръ писалъ безъ правилъ; творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ; непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шу-

(а) Геніевъ.

та достоинъ; они исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ бы и самъ Скарронъ (а) устыдился». Излишнимъ почитаю теперь опровергать пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы Шекеспировой въ предметѣ имѣвшія. Скажу только, что всѣ тѣ, которые старались унизить достоинства его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ много и превосходнаго. Человѣкъ самолюбивъ: онъ страшится хвалить другихъ людей, дабы, по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. Волтеръ лучшими мѣстами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ Шекеспиру; но, не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шутомъ и поставлялъ ниже Скаррона. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти Волтеровой слѣдствіе; но я удерживаюсь отъ сего, вспомня, что человѣка сего нѣтъ уже въ мірѣ нашемъ.

Что Шекеспиръ не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искуствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей.

Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходныхъ его твореній. Нѣкоторые недовольны тѣмъ, что Шекеспиръ, назвавъ трагедію сію Юліемъ Цесаремъ, послѣ смерти его продолжаетъ еще два дѣйствія; но неудовольствіе сіе окажется ложнымъ, если съ основательностію будетъ все разсмотрѣно. Цесарь умерщвленъ въ началѣ третьяго дѣйствія, но духъ его живъ еще: онъ одушевляетъ Октавія и Антонія, гонитъ убійцъ Цесаревыхъ и послѣ всѣхъ ихъ погубляетъ. Умерщвленіе Цесаря есть содержаніе трагедіи; на умерщвленіи семъ основаны всѣ дѣйствія.

Характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманіе читателей. Характеръ Брутовъ есть наилучшій. Французскіе пе-

---

(а) Авторъ «Комическаго романа» и другихъ произведеній въ шутливомъ родѣ.

реводчики Шекеспировыхъ твореній говорятъ объ ономъ такъ: «Брутъ есть самый рѣдкій, самый важный и самый занимательный моральный характеръ. Антоній сказалъ о Брутѣ: вотъ мужъ! а Шекеспиръ, изображавшій его намъ, сказать могъ: вотъ характеръ! ибо онъ есть дѣйствительно изящнѣйшій изъ всѣхъ характеровъ, когда либо въ драматическихъ сочиненіяхъ изображенныхъ».

Что касается до перевода моего, то я наиболѣе старался перевести вѣрно, стараясь притомъ избѣжать и противныхъ нашему языку выраженій. Впрочемъ пусть разсуждаютъ о семъ могущіе разсуждать о семъ справедливо. Мыслей автора моего нигдѣ не перемѣнялъ я, почитая сіе для переводчика непозволеннымъ.

Если чтеніе перевода доставитъ россійскимъ любителямъ литературы достаточное понятіе о Шекеспирѣ; если оно принесетъ имъ удовольствіе: то переводчикъ будетъ награжденъ за трудъ его. Впрочемъ онъ приготовился и къ противному. Но одно не будетъ ли ему пріятнѣе другаго? — Можетъ быть.—Октября 15, 1786.

Г. ТРАГЕДІЯ ЛЕССИНГА: ЭМИЛІЯ ГАЛОТТИ (1788). (4).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 2.

Конти, Принцъ.

Принцъ. Здравствуй, Конти! Какъ поживаешь? Что твое художество?

Конти. Художество мое, принцъ? Только что меня кормитъ.

Принцъ. Нѣтъ, этому быть не должно. Въ небольшой области моей, конечно, не будетъ того, чтобы художникъ работалъ для своего прокормленія; однакожъ ему должно любить работу.

Конти. Работу? Это его охота. Но должность работать много можетъ лишить его имени художника.

Принцъ. Не много, да много; я говорю, не много, да съ прилежностію. Ты, вѣрно, пришелъ не съ пустыми руками, Конти?

Конти. Я принесъ тотъ портретъ, который вы мнѣ написать приказывали, милостивый государь. Я принесъ еще и другой, о которомъ вы мнѣ не говорили; но, какъ онъ достоинъ того, чтобы посмотрѣть...

Принцъ. Какой же первый портретъ? Если могу вспомнить...

Конти. Портретъ графини Орсины.

Принцъ. Да! да! я уже очень давно заказалъ его.

Конти. Съ красавицъ нашихъ не всегда можно списывать портреты. Въ три мѣсяца графиня согласилась посидѣть только одинъ разъ.

Принцъ. Гдѣ же портреты?

Конти. Въ передней: я тотчасъ ихъ принесу.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Принцъ. Портретъ!.. пусть такъ!.. Пусть увижу портретъ ея, только бы не ее самое... Можетъ

быть, найду въ портретѣ опять то, чего уже въ ней не вижу... Но этого я не желаю. Досадный живописецъ! думаю, что она его подкупила. Какая же нужда? Если иной образъ, написанный другими красками, на другомъ грунтѣ, можетъ опять помѣстить ее въ моемъ сердцѣ, то, кажется, былъ бы я доволенъ. Когда ее любилъ, былъ всегда спокоенъ, веселъ, воленъ... Теперь я совершенно въ противномъ положеніи... Но нѣтъ, нѣтъ! Пріятнѣе или непріятнѣе, а мнѣ такъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Принцъ, Конти (входитъ съ картинами, изъ коихъ одну, оборотивъ, ставитъ къ стулу).

Конти (*устанавливая другую картину*). Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость вспомнить границы художества нашего. Художникъ не можетъ изобразить многаго такого, что составляетъ въ красотѣ самое привлекательное. Извольте подойти такъ.

Принцъ (*посмотря нѣсколько*). Хорошо, Конти, совершенно хорошо! Это дѣлаетъ честь твоему искусству, твоей кисти. Но много лести, очень много лести, Конти.

Конти. Однакожъ оригиналъ, казалось, былъ другаго мнѣнія. Да и въ самомъ дѣлѣ лести тутъ не болѣе того, сколько искусство необходимо польстить должно. Искусство должно писать такъ, какъ образующая природа—буде есть она—образъ себѣ представляла, не смотря на то, что необходимо теряется отъ грубости вещества, и на то повреждение, которое въ образѣ производитъ время.

Принцъ. Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ. Но оригиналъ, говоришь ты, не взирая на то, нашелъ...

Конти. Простите мнѣ, ваша свѣтлость. Оригиналъ есть такая особа, къ которой долженъ я имѣть почтеніе. Я не думалъ сказать для нея ничего оскорбительнаго.

Принцъ. Говори все, что тебѣ угодно. Что же сказалъ оригиналъ?

Конти. Хорошо, сказала графиня, если я не дурнѣе этого.

Принцъ. Не дурнѣе? Подлинный оригиналъ!

Конти. И сказала это съ такою миною, какой, конечно, совсѣмъ нѣтъ въ портретѣ, какой по портрету и подозрѣвать нельзя.

Принцъ. Тоже думалъ и я. Въ томъ-то нахожу я и безмѣрную лесть. О! я знаю эту гордую, эту насмѣшливую мину, которая обезобразила бы лице и самой Граціи. Не спорю, что прекрасный ротъ отъ нѣжной насмѣшки иногда вдвое прекраснѣе кажется; однако насмѣшка не должна походить на кривлянье, такъ какъ насмѣшки графинины. Надобно также, чтобы и глаза соотвѣтствовали насмѣшкѣ, — глаза, какихъ совсѣмъ нѣтъ у графини, какихъ даже нѣтъ и въ этомъ портретѣ.

Конти. Милостивый государь! я въ великомъ замѣшательствѣ...

Принцъ. Отъ чего? Все то, что искусство можетъ сдѣлать хороша-

го изъ большихъ, выпуклыхъ и неподвижныхъ Медузиныхъ глазъ графини нашей, все то сдѣлалъ ты, Конти, наилучшимъ образомъ... Наилучшимъ образомъ, говорю я? Нѣтъ, лучшебъ было, если бы ты не такъ хорошо написалъ портретъ. Ну, скажи самъ, Конти, можно ли по этому портрету сдѣлать справедливое заключеніе о свойствѣ самой особы? А этому бы такъ быть надлежало. Гордость превратилъ ты въ величественную осанку, насмѣшливость въ пріятную улыбку, готовность къ мрачному сумасбродству въ тихую задумчивость.

Конти (*съ нѣкоторою досадою*). Милостивый государь, мы, живописцы, надѣемся, что при написаніи портрета любовникъ будетъ имѣть такую же страсть, съ какою его заказывалъ. Мы пишемъ глазами любви, и только глазамъ любви надлежало бы и судить насъ.

Принцъ. Да, Конти, для чего не принесъ ты портретъ мѣсяцемъ прежде? Поставь его въ сторону. Какая же у тебя другая картина?

Конти (*взявъ картину и еще не оборачивая ее*). Также женскій портретъ.

Принцъ. Такъ лучше бъ и совсѣмъ не смотрѣть. Тому образцу, который у меня здѣсь (*указывая пальцемъ на лобъ*) или, лучше сказать, здѣсь (*указывая на сердце*), не можетъ онъ быть подобенъ. Я желалъ бы, Конти, искусству твоему удивляться въ иныхъ предметахъ.

Конти. Искусство можетъ быть удивительнѣе; но, вѣрно, нѣтъ ничего удивительнѣе этого предмета.

Принцъ. Такъ я ручаюсь, Конти, что это собственная твоя любовница (*живописецъ оборачиваетъ портретъ*). Что я вижу? это произведеніе твоей кисти? или произведеніе моего воображенія?... Эмилія Галотти!

Конти. Какъ! развѣ вы знаете этого ангела?

Принцъ (*стараясь придти въ себя, но не спуская глазъ съ картины*). Нѣсколько... только что могу узнать портретъ ея... За нѣсколько недѣль передъ симъ случилось мнѣ видѣть ее съ матерью въ одномъ собраніи... Послѣ я видалъ ее только въ церкви, гдѣ неприлично было смотрѣть на нее пристально. Я знаю и отца ея. Онъ болѣе всѣхъ противился требованіямъ моимъ на Сабіонетту. Старый драгунъ, гордый и суровый, а впрочемъ честный и добрый человѣкъ.

Конти. То отецъ, а это дочь его.

Принцъ. Я вижу ее здѣсь въ зеркалѣ! (*Все еще смотря на картину*). Ты, конечно, знаешь, Конти, что тогда только совершенно хвалятъ художника, когда, занимаяся его работою, самого его хвалить забываютъ.

Конти. Однакожъ этою работою я еще очень недоволенъ. Но въ этомъ случаѣ доволенъ я своимъ неудовольствіемъ. О еслибы непосредственно можно было писать глазами! Сколько теряется отъ глазъ до руки и отъ руки до

кисти! Но зная, говорю я, что̀ въ этомъ портретѣ потеряно, какъ потеряно и для чего должно быть потеряно, горжусь я такимъ знаніемъ столько же, да еще и болѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, чего я не потерялъ нимало. Это болѣе увѣряетъ меня, что я дѣйствительно великій живописецъ, но что рука моя только не всегда соотвѣтствуетъ моему искусству. Или вы думаете, ваша свѣтлость, что Рафаэль не былъ бы величайшимъ живописцемъ, если бы онъ, по несчастію, безъ рукъ родился? Неужели вы такъ думаете? (5).

Принцъ (*тогда только отводя глаза отъ картины*). Что ты говоришь, Конти? что ты спрашиваешь?

Конти. Ничего, ничего!... все пустое!... Кажется, что душа у васъ совсѣмъ въ глаза переселилась. Я люблю такія души и глаза.

Принцъ (*съ принужденною холодностію*). И такъ, Конти, ты дѣйствительно равняешь Эмилію Галотти съ лучшими красавицами въ городѣ нашемъ?

Конти. Какъ! равняю Эмилію съ лучшими красавицами въ городѣ нашемъ? Вы шутите надо мною, ваша свѣтлость. Или вы во все это время не только ничего не слышали, да еще ничего не видѣли.

Принцъ. Любезный Конти... (*опять оборачивая глаза на картину*) кто изъ насъ можетъ повѣрить глазамъ своимъ? Одинъ только живописецъ можетъ судить о красотѣ.

Конти. И такъ ощущеніе всякаго сердца должно ожидать рѣшенія отъ живописца?... Того въ монастырь заперетъ надобно, кто у насъ захочетъ узнать, что такое красота. Но, какъ живописецъ, скажу вамъ, что за величайшее благополучіе моей жизни почитаю то, что Эмилія Галотти позволила мнѣ списать съ себя. Эта голова, лице, лобъ, глаза, носъ, ротъ, подбородокъ, шея, грудь, ростъ, весь складъ будутъ отъ нынѣшняго времени для меня единственнымъ образцомъ красоты женской. Списокъ съ нея отосланъ къ ея отцу. А эта копія...

Принцъ (*съ торопливостію къ нему оборачиваясь*). Что? не ужели обѣщана кому?

Конти. Ваша, если вамъ она угодна.

Принцъ. Угодно? (*Улыбаясь*). Этотъ портретъ есть для тебя, Конти, образецъ женской красоты: не лучше ли всего будетъ, если сдѣлаю его образцомъ и для себя? А тотъ портретъ возьми съ собою; прикажи на него сдѣлать раму.

Конти. Очень хорошо.

Принцъ. Самую лучшую и дорогую, какую только рѣщикъ сдѣлать можетъ. Онъ будетъ поставленъ въ галлереѣ. А этотъ останется у меня. Образца такъ не украшаютъ; его не вѣшаютъ и на стѣну, а держатъ обыкновенно подлѣ себя. Благодарю тебя, Конти, очень благодарю. Художники, сказалъ я, не будутъ въ области моей трудиться для прокормленія своего, если я самъ нищимъ не буду. Пошли, Конти, къ казначею

моему и вели заплатить себѣ за оба портрета, сколько тебѣ угодно—сколько тебѣ угодно, Конти.

Конти. Не должно ли мнѣ подумать, что ваша свѣтлость скоро что нибудь и другое такъ же награждать будете, какъ художество?

Принцъ. О ревнивый художникъ, не бойся! Слышишь ли, Конти? Вели себѣ заплатить, сколько тебѣ угодно.

Д. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ (1785—89). (6).

Прогулка.

Никакое годовое время не бываетъ для меня такъ пріятно, какъ весна. Когда благотворное солнце, вступивъ въ знакъ Тельца, начинаетъ изливать на землю свѣтъ яснѣйшій; когда, мало по малу растопляя лучами своими снѣжныя громады, таинственнымъ магнитомъ извлекаетъ изъ земли нѣжную зелень: тогда во всемъ существѣ своемъ чувствую пріятную перемѣну, и тихая радость питаетъ сердце мое. Кажется, что лучи солнечные проницаютъ до самаго воображенія и разгорячаютъ его огнемъ своимъ; ибо въ сіе время бываетъ оно пламеннѣе, нежели въ другое. Я могу тогда лучше видѣть, слышать, чувствовать и мыслить.

Уже зеленые ковры украшали поверхность земли, уже многочисленныя стаи птицъ, возвратясь изъ отдаленныхъ странъ юга, давно воспѣвали хвалу прелестной веснѣ, какъ я, въ концѣ прекраснаго дня, взявъ въ руки своего Томсона, пошелъ за городъ прогуливаться. Я задумался, забылся, шелъ и не зналъ—куда. Между тѣмъ приближался вечеръ. Пришедши на берегъ рѣки и обративъ на нее глаза свои, увидѣлъ я въ чистыхъ водахъ ея образъ солнца. Вдругъ разсѣялись меланхолическія мысли мои, подобно какъ утренніе туманы разсѣеваются отъ перваго блеска яснаго дня. Облегченіе, свободность, веселіе вливались въ меня съ воздухомъ. Пріятности вечера вокругъ меня толпились. Величественное солнце, свершивъ кругъ дневнаго теченія своего, готовилось погрузиться въ бездны океана. Свѣтъ его не былъ уже ослѣпляющій свѣтъ, который въ часы полудня не позволяетъ оку человѣческому взирать на сего царя міра нашего: я безпрепятственно могъ его разсматривать. Укротивъ свое сіяніе, нимало не лишилось оно своего величества. Взирая на него нѣсколько времени, размышлялъ я: великолѣпное свѣтило! сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ нашъ! сколько тысящелѣтій питаешь его животворными своими вліяніями! коликое число мудрыхъ, вѣдавшихъ таинственныя твои дѣйствія, отъ начала міра воспѣвали силу твою въ гимнахъ торжественныхъ! Индія и Аравія издревле были исполнены почитателей твоихъ: гдѣ же теперь всѣ сіи мудрецы? Но ты, постоянное свѣтило, не ослабѣваешь въ своемъ теченіи; свѣтя всегда съ равнымъ блескомъ, во всякомъ вѣкѣ находишь новыхъ

почитателей, новыхъ воспѣвателей чудесныхъ силъ твоихъ. Бывъ свидѣтелемъ тысячи перемѣнъ на землѣ нашей, ты ни въ чемъ не перемѣнилося. Въ сей день, въ сей часъ, въ сію минуту, за пять или за шесть тысячъ лѣтъ предъ симъ, какой-нибудь мудрецъ, котораго память загладилась уже въ лѣтописяхъ нашихъ, павъ на колѣни, со благоговѣніемъ восклицалъ къ тебѣ: «солнце заходящее, величественный образъ величественнѣйшаго Творца своего! уже ты сокрываешься отъ насъ, кончивъ дневный путь свой; но завтра паки явишься на горизонтѣ возвѣщать славу Творца своего!» Тщетно ложные мудрецы стараются увѣрять, что ослабѣлъ жаръ твоего пламени! Неистощимъ источникъ, наполняющій тебя свѣтомъ: неистощимо и ты въ изліяніяхъ своихъ, и пребудешь дотолѣ неистощимо, доколѣ поставившій тебя на тверди не воззоветъ къ тебѣ: сокройся!

Я размышлялъ и чувствовалъ. Мысль сцѣплялась съ мыслію, чувство сливалось съ чувствомъ. Глаза мои не совращались съ солнца, которое опустилось весьма низко на горизонтѣ. Уже начинало оно скрываться. Половина круга его зашла за горизонтъ, отбрасывая еще лучи свои на тонкія облака, по западу разсѣянныя, и украшая ихъ различными цвѣтами. Потомъ скрылось все солнце; но лучи его освѣщали еще вершины горъ, въ отдаленіи представлявшихся взору моему. Скоро и сей слабый свѣтъ сокрылся, и тонкія тѣни мгновенно покрыли небо. Куда же сокрылось ты, пышное свѣтило? Ахъ! почто не всегда освѣщаешь насъ? Безразсудное, но весьма естественное желаніе! Нѣтъ, ты довольно живило насъ свѣтомъ своимъ. Теки, теки, куда влекутъ тебя вѣчные законы твоего движенія! Теперь нужно твое присутствіе на другомъ краю міра нашего, гдѣ дикіе народы встрѣтятъ тебя съ радостію и на разныхъ языкахъ благословятъ твое пришествіе.

Вдругъ замолкли всѣ птицы, которыя до сей минуты пѣли въ орѣховомъ лѣску и гармоніею пѣсней своихъ услаждали мое сердце; каждая пара искала себѣ покойнаго убѣжища на ночное время. Настала глубокая тишина, прерываемая однимъ журчаніемъ быстрой рѣки и ручьевъ, стремившихся по зеленому лугу. Тѣни вечера сгущались болѣе и болѣе. Наконецъ всѣ предметы сокрылись отъ глазъ моихъ; все для меня исчезло, все, кромѣ—меня самого. Священная тишина, ужасъ сердца порочнаго, стихія невинности, убѣжище мудрыхъ, святилище добродѣтели! да не трепещетъ сердце мое въ твоихъ объятіяхъ! или да будетъ трепетъ его высочайшимъ восторгомъ радости! Буди благословенна, тишина уединенія! и въ то время, какъ все видимое твореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ, и утишай въ немъ всякое волненіе,

производимое бурями общежитія. Да пробудятся всѣ духовныя силы мои, и да чувствую во глубинѣ души своей, что я существую!... И се растекается сіе животворное чувство по всей внутренности моей! Ощущаю живо, что я живу и есмь нѣчто отдѣленное отъ прочаго, есмь совершенное цѣлое. Чувство существованія, въ единомъ человѣкѣ на землѣ сей обитающее! колико ты для меня драгоцѣнно! сколь восхитительно для меня думать, что я вѣчно буду тобою наслаждаться!

Но только въ сіи же тихія, мрачныя, нощныя минуты могу представить себѣ и небытіе, хаосъ — то состояніе земли нашей, которое воспѣваетъ святый еврейскій бардъ въ началѣ историческихъ своихъ пѣсней: «земля была дика и пуста, и мракъ покрывалъ бездну». Все твореніе представляется мнѣ теперь мертвымъ тѣломъ: нѣтъ жизни, нѣтъ дыханія. Шумъ быстрыхъ водъ уподобляется шуму волнъ первобытнаго океана, поглощавшаго неустроенную землю—шумъ, утишенный гласомъ творческимъ:

Волны шумящи, молчите! бездна мятежна, спокойся!

Сія мрачность представляетъ мнѣ и будущее состояніе мое, когда меня, томящагося на одрѣ болѣзни, застигнетъ смертная ночь. Зайдетъ солнце жизни; издалека буду внимать шумящимъ волнамъ моря вѣчности.... Сердце бьется; ужасъ разливается по всѣмъ нервамъ. Но утѣшься! скоро гласъ Элогима воззоветъ къ солнцу вѣчной твоей жизни: явися! Взойдетъ оно, и свѣтъ его проникнетъ все существо твое.

Е. ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА (1789—1790)(7).

a) Тверь, 18 мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ: на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись, въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы

ночные, — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Птрв. ([8]) провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: «прости!» Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь! Ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, «выплакать сердце свое». Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезвычайно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

б) *Въ каретѣ дорогою* (*авг. 9*).

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю (а). Счастливые Швейцары! всякій-ли день, всякій-ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе, живучи въ объятіяхъ пре-

---

(а) «Тогда мнѣ было только 24 года», замѣчаетъ К—нъ въ 1-мъ изд. писемъ, гдѣ вм.: «готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю», стояло: «я въ восторгѣ цѣловалъ землю».

лестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу (а), не возмущаемую свирѣпыми страстями! Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы—чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей: и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда-нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

(а) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію вѣчноюнаго Аполлона, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности? *Кар.*

в) Парижъ, апрѣля.... 1790.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. «Утопія» (б) будетъ всегда мечтою добраго сердца или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть провидѣнію: оно, конечно, имѣетъ свой планъ;

(б) Или «царство счастія», сочиненіе Моруса. *К—нъ.*

въ его рукѣ сердца государей— и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ.... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: «мы лучше сдѣлаемъ!»

Новые республиканцы съ порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго республиканца Катона, что «безначаліе хуже всякой власти!»

г) О французской трагедіи. (а).

На такъ называемомъ Французскомъ театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры — простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество англичанамъ и нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ «mes feux», «ma foi», вездѣ греки и римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу; и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою (б).

(а) Сличи съ слѣдующимъ письмомъ о Шекспирѣ и съ предисловіемъ къ переводу Юлія Цезаря.

(б) Я прошу знатоковъ французскаго театра найти мнѣ въ Корнелѣ или Расинѣ что нибудь подобное—напримѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу, то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій, и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

д) О Шекспирѣ.

Въ драматической поэзіи англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить. Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ!

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ,

---

царство, свою корону, свое величіе, — скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

«Шумите, вѣтры! свирѣпствуй, буря! Сѣрные, быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ, лейте пламя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагодарнаго человѣка!... Не жалуюсь на вашу свирѣпость, разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми своими! И такъ, свирѣпствуйте по волѣ! Разите—се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, отверженный отъ человѣчества!»

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?

Прим. К—на.

гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

е) Кронштадтъ, 1790.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштадта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно—пусть для меня одного! Загляну и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... Почему знать? можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть, и другіе.... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижину, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

Ж. БѢДНАЯ ЛИЗА (1792). [9].

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли—куда глаза глядятъ—по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ или шумящая

подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени горевать вмѣстѣ съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили—печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклонившаго колѣни передъ распятіемъ и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ томнымъ взоромъ, смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ—и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества—печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые татары и литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ

монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣднѣли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ — день ото дня становилась слабѣе и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ, одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь: ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабобіющемуся сердцу, называла божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. «Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки». Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нея былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. «На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я, вѣрно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? на кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю».

3. ЦВѢТОКЪ НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА (1793). (10).

Нѣтъ Агатона!... Нѣтъ моего друга! Читатель! ты не зналъ его—онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ—онъ былъ человѣкъ, благородный по душѣ своей, украшенный одними достоинствами, не чинами, не блескомъ роскоши, —и сіи достоинства таились подъ завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, о чемъ проливаетъ слезы и вѣчно проливать будетъ!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почитаю сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ отечествѣ, гдѣ природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, отечества Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оставьте печальнаго! оставьте сіи безпорядочныя строки, орошаемыя моими слезами! Не для васъ изливаю горесть свою и не требую вашего одобренія. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огнь чувства угаснетъ въ груди моей; когда, забывъ святую истину, паду ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвятится вашему удовольствію; тогда удостоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горесть моя не можетъ васъ тронуть.

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества, котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ во мнѣ, не знаю: можетъ быть пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія — человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія, который могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается—и время нашего знакомства, нашего дружества будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе, нежели мнѣ, но мы любили книги и не думали о свѣтѣ; имѣли немного, немногимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе: ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались и нерѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ просиживали по-

ловину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыляхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я разставался съ Агатономъ и возвращался домой съ покойною душою, съ новыми знаніями или съ новыми идеями.

Если когда нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертать исторію моихъ мыслей, тогда опишу, можетъ быть, и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранитъ ихъ теперь въ груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣкоторое эстетическое чувство, нужное для любителей литературы. Вѣрный вкусъ друга моего (отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ) былъ для меня свѣтильникомъ въ искусствѣ и поэзіи. Восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовать нѣчто подобное онымъ и незрѣлыя свои мысли изливать на бумагу; онъ былъ первымъ моимъ судьею, и хотя замѣчалъ недостатки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ человѣкѣ, который занимается литературою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агатонъ испытывать дарованій своихъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Тихій кругъ читателей нравился ему лучше, нежели заботливое состояніе автора, котораго спокойствіе нерѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него передъ глазами. Надлежитъ или сравняться съ ними (думалъ онъ), или не выходить на сцену; первое казалось ему труднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказываютъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души. Агатонъ и я любили одно, но любили различнымъ образомъ. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ:- но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія. Я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество.

Разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна—и два человѣка совершенно одинакихъ свойствъ всего скорѣе наскучатъ другъ другу (11).

И. МЕЛОДОРЪ КЪ ФИЛАЛЕТУ (1794). (12).

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени! Сколько перемѣнъ въ свѣтѣ—и въ сердцахъ нашихъ!... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы вдругъ перелить ихъ въ твою душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно; хотѣлъ бы открыть тебѣ грудь мою, чтобы ты собственными глазами могъ читать въ ней сокровенную исторію друга твоего и видѣть—прости мнѣ смѣлое выраженіе — видѣть всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ которыми въ тихіе часы ночи сѣтуетъ нынѣ духъ мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, стовратныхъ Ѳивъ или великолѣпнаго греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и, проливая сладкія слезы, восклицали: «человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!» Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству. Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! Радость сіяла на лицахъ нашихъ—и свѣтлый ручеекъ, и зеленая травка, и алый цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества.

Кто болѣе насъ славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и проч., и проч.? Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ,—надежды: «все исчезнетъ, и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ, и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ приблизить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вложить рукою

любви въ сердце чувствительныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!»

Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и, подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система? Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ (а) мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ! Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ — фурій съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія? Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя: въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился къ ней духъ мой: но небесная красота исчезла—змѣя шипитъ на ея мѣстѣ! Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго: драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются — сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы (б) торжествуютъ. «Вотъ плоды вашего просвѣщенія!» говорятъ они: «вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?...

(а) То есть, другъ людей. *Прим. К—на.*

(б) Ненавистники наукъ. *Прим. К—на.*

Да погибнетъ же ваша философія!» И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: да погибнетъ! И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: да погибнетъ! А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ общее мнѣніе: вообрази же слѣдствія!

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно: я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ тишина сія? Если мертвая, хладная, мрачная?

I. ФИЛАЛЕТЪ КЪ МЕЛОДОРУ. (1794).

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое страдаетъ, милыя надежды твои исчезли; ты ищешь на театрѣ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили, и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ.

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякій даръ любви, и всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ, смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но неужели, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія, въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію, не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою

паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: «Ты благо и премудро; благо твореніе руки твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви божественной!»

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель—чуждое растеніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая, слѣпленіе атомовъ и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце и скажу атеисту: ты безумецъ!

Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть, единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческій? Можетъ быть, то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для ангеловъ; можетъ быть, то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе (а). Сіи мысли ведутъ меня ко святилищу божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; упадаю во прахъ своего ничтожества и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы нельзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, кто великолѣпно прославилъ себя въ натурѣ, великолѣпно прославитъ себя и въ человѣчествѣ. Не будемъ требовать отъ вѣчной премудрости отчета въ темныхъ путяхъ ея: не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокой-

(а) Ученіе оптимистовъ, изложенное К—мъ преимущественно въ «Разговорѣ о счастіи» (1797).

ствія! Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Питіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее (а). «Нѣтъ! я знаю моего друга: гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе». Мелодоръ! для чего къ провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ, конечно, обратитъ все къ цѣли общаго блага.

К. ИЗЪ СМѢСИ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 г. ([13]).

а) Юношество и мужество.

Человѣкъ въ 40 лѣтъ, подобно юношѣ, гоняется еще за весельемъ, но болѣе по привычкѣ, нежели по охотѣ, воспоминаетъ прошедшія удовольствія, сравниваетъ ихъ съ настоящими, чувствуетъ разницу и вздыхаетъ. Къ тому же въ самое сіе время раждаются заботы, слѣдствіе избраннаго нами состоянія въ гражданской жизни; мы болѣе узнаемъ людей, терпимъ болѣе отъ ихъ несправедливости, отъ ихъ злобы; боимся презрѣнія, боимся ненависти, и душа отъ великаго напряженія ослабѣваетъ. Когда же опыты научатъ насъ менѣе уважать людское мнѣніе и болѣе любить свое внутреннее спокойствіе; когда человѣкъ скажетъ самому себѣ: зло въ свѣтѣ неминуемо; когда сердце, натерпѣвшись горести, сдѣлается уже не такъ чувствительно къ боли, какъ прежде: тогда начинаемъ мы на все смотрѣть равнодушно и теряемъ охоту къ дѣятельности. Слава, божество великихъ душъ, слава, которая вдали представлялась намъ лучезарною цѣлію и до которой старались мы достигнуть разными блестящими дѣйствіями, кажется тогда ничтожнымъ привидѣніемъ. Лѣность заступаетъ мѣсто честолюбія, лѣность, ведущая за собою скуку, отъ которой и самая мудрость не можетъ избавить умнаго, мыслящаго человѣка.

б) Разсужденіе философа, историка и гражданина.

Философъ. Счастіе обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Земля не принадлежитъ мнѣ; но я имѣю способность мыслить и могу управлять моими склонностями. Когда желанія и потребности мои находятся въ счастливомъ согласіи, когда разумъ мой повелѣваетъ чувствами, тогда я существую нравственно. Гнушаясь сладострастіемъ, презирая суетное честолюбіе, живу въ спокойствіи духа и славословлю Всевышняго. Человѣкъ сотворенъ быть не ученымъ,

(а) Дамонъ и Питіасъ—славные друзья въ древности. *Прим. К—на.*

а благоразумнымъ. Умъ есть фаросъ жизни его; умъ, который велитъ мнѣ сносить терпѣливо несправедливость людей, запрещаетъ мстить, усмиряетъ всякое сердечное волненіе и приводитъ страсти мои въ то пріятное равновѣсіе, которое называется добродѣтелію. Однимъ словомъ, философъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ не забываетъ своей мудрости, а въ мудрости помнитъ о своемъ человѣчествѣ.

Историкъ. Гордые мудрецы! вы хотите въ самихъ себѣ найти путь къ истинѣ? Нѣтъ, нѣтъ! не тамъ его искать должно! Поднимите смѣлою рукою завѣсу временъ прошедшихъ: тамъ, среди гибельныхъ заблужденій человѣчества; тамъ, среди развалинъ и запустѣнія, увидите мало извѣстную стезю, ведущую къ великолѣпному храму истинной мудрости и счастливыхъ успѣховъ. Опытъ есть привратникъ его и немногими словами открываетъ важнѣйшія тайны тѣмъ героямъ, которые входятъ во внутренность храма. Философъ теряется въ системахъ; ораторъ излишне надѣется на суетный блескъ краснорѣчія. Историкъ напоминаетъ дѣянія... и умолкаетъ. Картины его полезны для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ, для всѣхъ состояній; злодѣй трепещетъ его пера и нерѣдко обращается на путь добродѣтели.

Гражданинъ. Служить отечеству любезному; быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ; хранить, пріумножать стараніемъ и трудами наслѣдіе родительское— есть священный долгъ моего сердца, есть слава моя и добродѣтель. Богу не угодно было даровать мнѣ разума проницательнаго, мудрости глубокомысленной; но Онъ даровалъ мнѣ способность наслаждаться и быть полезнымъ. Когда жестокая буря опустошаетъ мои нивы, я не ищу въ умѣ своемъ тайной причины зла естественнаго, но говорю самъ себѣ: благость всевышняя наградитъ меня за претерпѣніе! Работа, и въ самой нищетѣ, будетъ всегда моею надеждою, помощію, спасеніемъ.

Л. ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОЙ КНИЖКѢ АОНИДЪ (1797). (14).

Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе (не смотря даже на многія счастливыя фразы) похоже на странное существо, описанное Го-

раціемъ въ началѣ Эпистолы къ Пизонамъ ([15]). Молодому питомцу музъ лучше изображать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры (а) и прочее въ семъ родѣ. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выраженіемъ, показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей, находить непримѣтныя аналогіи, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (какъ сказалъ объ немъ мудрецъ Езопъ), иногда «малое дѣлать великимъ», иногда «великое дѣлать малымъ». Одинъ бомбастъ, одинъ громъ словъ только-что оглушаетъ насъ и никогда до сердца не доходитъ: напротивъ того, нѣжная мысль, тонкая черта воображенія или чувства непосредственно дѣйствуетъ на душу читателя; умный стихъ врѣзывается въ память, громкій стихъ забывается.

(а) Къ издателю прислано было сочиненіе, подъ титуломъ: «Конецъ міровъ»; оно показалось ему слишкомъ ужасно для «Аонидъ». *К—нъ.*

Не надобно также безпрестанно говорить о слезахъ, прибирая къ нимъ разные эпитеты, называя ихъ блестящими и брилліантовыми — сей способъ трогать очень ненадеженъ: надобно описать разительно причину ихъ; означить горесть не только общими чертами, которыя, будучи слишкомъ обыкновенны, не могутъ производить сильнаго дѣйствія въ сердцѣ читателя, но особенными, имѣющими отношеніе къ характеру и обстоятельствамъ поэта. Сіи-то черты, сіи подробности и сія, такъ сказать, личность увѣряютъ насъ въ истинѣ описаній — и часто обманываютъ; но такой обманъ есть торжество искусства.

M. О ВОСПИТАНІИ (1802). ([16]).

Можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце! Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ рѣшительнымъ образомъ мыслей не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ океаномъ; но счастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастія. Хорошо, если отецъ можетъ пору-

чить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность—дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и въ государствахъ. Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они,—не знаю, будетъ ли исключеніе—всѣ они, говорю, любятъ семейственныя удовольствія. Взглянемъ и на самые народы: Англія есть, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются столько пріятностями тихой домашней жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣнитъ удовольствія и выбираетъ лучшія: а могутъ ли ничтожныя свѣтскія забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который, давъ жизнь дѣтямъ, даетъ имъ и мысли и чувства, ежедневно видитъ развитіе души ихъ, веселится ими, какъ своею милою собственностію, и готовитъ свѣту украшенные нравственные образы самого себя? Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикій американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣтвяхъ; европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому — играть въ карты! Дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ жизнь: старость съ болѣзнію приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ поселиться дома. Новыя привычки тягостны наканунѣ смерти! Нѣжный отецъ семейства не знаетъ, по крайней мѣрѣ, сей тягости; живя всегда дома, не имѣетъ нужды привыкать въ старости къ кабинету и на что ни взглянетъ вокругъ себя, вездѣ находитъ утѣшительныя воспоминанія; всякій бездушный предметъ есть для него старый другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь неравное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ немъ заранѣе!... Я говорилъ только о счастіи заниматься воспитаніемъ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда и нѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его. Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ неморальнымъ; онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и, питая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы нерѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Ввечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! Хотятъ удивить иностранцевъ; хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи... Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти сюрпризовъ въ одинъ вечеръ, и даже отъ французскихъ куплетовъ; она требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкорыхъ отъ суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананасъ для десерта. «Но богатствомъ должно пользоваться». Безъ сомнѣнія. Во первыхъ, заплатите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, если можно, въ лучшее состояніе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что-нибудь долговременное и полезное: учредите школу, госпиталь; будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ. Пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!»

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѳемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога ис-

кусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и счастіе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны; слава государствъ бываетъ различная, счастіе ихъ есть сложное. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. Россіяне одарены отъ природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли—и, обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже ни одного европейскаго народа.

Не желаю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическія надежды быть мечтами?

Н. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНѢ II (1802). ([17]).

Екатерина-завоевательница стоитъ на ряду съ первыми героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ ея оружія, но Россія обожаетъ ея уставы и воинская слава героини затмѣвается въ ней славою образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастія; и, находя множество героевъ въ исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія и которое всѣми другими изъясняется: означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея— сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ: гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для

блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; мы не боимся, ибо мы любимъ тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, тайнаго судилища; но подъ ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами (а). Хотя Великая предоставила августѣйшему ея внуку безсмертную славу искоренить навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда счастіе монарха и подданныхъ составляютъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ: но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги ея, слѣдственно враги общаго благоденствія, страшились пустынь сибирскихъ; для однихъ извергов отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нея жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству, долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея.

Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла общаго уложенія, которое бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями: великіе хотятъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предпріятія, она хотѣла раздѣлить славу свою съ подданными и признала ихъ достойными быть совѣтниками трона. Повелѣвъ собраться государственнымъ чинамъ или депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства, Великая говоритъ: «Наше

(а) См. указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи въ 1762 году, октября 19. *Прим. К—на.*

первое желаніе есть видѣть народъ россійскій столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться. Симъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ Нашего чистосердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви, ожидая со стороны любезныхъ подданныхъ благодарности и послушанія» (а). Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки славянъ-побѣдителей, нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, лапландскіе ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе россійскихъ депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю монархини — и самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ (б)! Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ Екатерины, писанный ею для избранной коммисіи депутатовъ, переведенный на всѣ европейскіе языки, зерцало ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго счастія.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ: скажемъ, что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искусство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ генія. Сколько мудрости потребно законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стремленіе или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ—послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невиди-

(а) Манифестъ о собраніи депутатовъ. *Прим. К—на.*

(б) Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ. *Прим. К—на.*

мымъ Божествомъ сообщается— спуститься въ обыкновенную сферу людей и тончайшую метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ ея благотворныхъ намѣреніяхъ, она рѣшилась сама быть законодательницею Россіи.

O. О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ (1803). ([18]).

24 января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. Сей счастливый императоръ— ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство — торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу его. Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета—первый университетъ, Великая Екатерина—городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: «да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!» Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ,—не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе—хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма— не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и, однимъ словомъ, не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко счастію ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, единственное средство—

для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи его славныхъ и великихъ предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будутъ вѣчно сіять въ заглавіи исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ Александръ, который имѣетъ счастіе царствовать послѣ нихъ, и въ девятомъ-надесять вѣкѣ. Небо оставило ему славу и возможность увѣнчать ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ университеты, въ академіи, въ гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже много просвѣщенія, но еще не довольно; въ неизмѣримыхъ странахъ ея мы находили милліоны жителей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они еще не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ способовъ умножать свои идеи, научаться опытами, успѣвать въ искусствѣ жизни и благородныхъ наслажденій». Русскіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли—и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и счастливо—тѣмъ счастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе (а); мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселянина, награждаемыхъ за прилежность къ ученью; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными, подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Русскіе патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ—и добро-

---

(а) Можно поставить въ примѣръ швейцарскихъ, многихъ нѣмецкихъ (особливо голштинскихъ) и англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ библіотеки, сами работаютъ и богаты. *Прим. К-на.*

дѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію: скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха, который во всѣхъ своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, всѣхъ равно любитъ и всѣхъ считаетъ людьми.

Теперь дворянство россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ отечеству; доказать, что мы достойны такого монарха и нашихъ предковъ, и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патріотической ревности дворянъ: они, безъ сомнѣнія, изъявятъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ее названіемъ безкорыстной; но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду, какъ въ морали, такъ и въ политикѣ. Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага. Можемъ вспомнить нашу исторію: во времена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и поляки терзали ея внутренность, народъ изъявлялъ удивительную привязанность къ русскимъ боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами — отъ того, что бояре трогательнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣніемъ и жизнію, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасеніи Россіи. Нынѣ, благодаря провидѣнію, времена спокойны, и мы не въ печальной, но въ радостной одеждѣ можемъ служить отечеству или Александру (къ счастію, великія имена ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду монарха, котораго человѣколюбивая политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслію, тотъ, безъ сомнѣнія, живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его несчастіи; но о комъ изъ истинныхъ дворянъ русскихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратить въ истину злословіе многихъ чужестранныхъ писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ

своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя согласны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе морали простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской (а). Дерзну сказать, что сочиненіе нравственнаго катихизиса для приходскихъ училищъ достойно перваго генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни, наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія—и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ пастырей съ должностію сельскихъ учителей (б).

(а) См. 32 статью Устава. *Прим. К—на.*

(б) Статья 33. *Прим. К—на.*

II. О ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ РОССІИ (1811). ([19]).

(Рус. Архивъ, 1870).

Вообще царствованіе Романовыхъ: Михаила, Алексѣя, Ѳеодора способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ правахъ, отъ частныхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія; въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось

постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ, но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства; онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли, достигъ—и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ. Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному государю—и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую, исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ, завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни, завелъ мануфактуры, училища, академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержавцевъ: дарованіе — употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются: чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ сенатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя передъ глазами свою исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и—что не менѣе важно — учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое; князья московскіе приготовили оныя. И, славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки,

представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное и для монарха самодержавнаго. Народъ, въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопастность внѣ и внутри; наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни». Въ семъ отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ. Жизнь человѣческая кратка, а для учрежденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ отъ сохи до престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ; со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мущинъ, и европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя; имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ: не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что дѣйствительно по-

рочно; однакожъ должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу непобѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *Святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію—*невѣрнымъ* или *братьямъ?* т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ навѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи.

——

P. ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО (1803—1824).

а) Исторія вообще и исторія русская въ частности.

(Изъ Предисловія). (1815).

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она мирптъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости,

которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане— въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что̀ въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ! Никогда Римъ въ своемъ величіи не

могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земля, раздѣленная вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой-юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра—и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій и, за сонмомъ доблественныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественные горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

б) Осада и взятіе Кіева татарами.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ,—высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ моголовъ; видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣ-

шился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть: Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей китайскихъ, и Бастырь, завоеватель казанской Болгаріи и княженія суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались», мертвыхъ издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ; но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города! однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ моголы отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія

сказалъ воеводѣ россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія; послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ область галицкую и владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть не-

пріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный воевода россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время; по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясенія и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ». Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіею отъ временъ Θеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

в) *Обозрѣніе исторіи Новгорода.* ([20]).

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный

смѣлыми варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей и, будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной и, давъ бытіе, давъ государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ, еще въ XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири и, горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и вѣры христіанской; передавалъ Европѣ товары азіатскіе и византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла европейскаго, первыя открытія искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе князей суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля ливонскія, гдѣ орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: кто противъ Бога и Великаго Новагорода?» Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань ордынскую, но великимъ князьямъ, не зная баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискуственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: «ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ».

Здѣсь посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечъ въ сердце, и велитъ нести себя больнаго на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиненъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни. Тутъ достойный архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга. Въ битвахъ съ врагами иноплеменными посадники, тысячскіе умирали впереди за Святую Софію. Святители новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался владычнимъ; будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ и не боялись ни гнѣва митрополитовъ, ни мести государей московскихъ. Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: «новогородская честь», «новогородская душа», служило иногда вмѣсто клятвы. Республика держится добродѣтелію, и безъ нея упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свободный отъ ига моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые новогородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшитель-

ныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей, литовскаго или московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими нѣмцами, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ моголовъ: однакожъ исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, государь московскій поставилъ одну грань своего царства на берегу Наровы, въ угрозу нѣмцамъ и шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная древность воображала источники богатства и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею». Историкъ русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи».

г) *Митрополитъ Флиппъ.*

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ - отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ, ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата; сдѣлалъ воздухъ

благораствореннѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ, мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ, возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладіи малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: «Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: «развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единствен-

но о благѣ церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе—именно: Пименъ новогородскій, Филоѳей рязанскій—искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ провидѣнію, которое властвуетъ надъ царями и не дастъ имъ выступать за черту его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія, мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!»

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступать въ опричнину государеву и не оставлять митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричнины, былъ немедленно возведенъ на митрополію, къ общему удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу наставника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ

надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый владыко! се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства.... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ— а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе—и между тѣмъ что дѣлалъ?

Убѣгая митрополита, царь однакожъ видалъ его въ церкви. Въ день св. апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ. Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился

и съ негодованіемъ сказалъ о томъ государю; но опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ—и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ протоіереемъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки епископъ суздальскій Пафнутій, архимандритъ андрониковскій Өеодосій и князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы царскіе то ласкали, то ужасали монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ глава, игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а царю: «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ и страшитеся небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго». Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успѣнія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басма-

новъ велѣлъ читать бумагу; услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвырѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту; слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости — царь велѣлъ отвезти страдальца въ тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, Троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

д) Убіеніе Ляпунова.

Станъ московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые

раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы царскаго. Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу. 20 казаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близь Угрѣшской обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервененіе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Казаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того, убѣждали остаться съ ними. Онъ почевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ городскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ казаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища казаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи»; свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами, ибо любилъ отечество, не хотѣлъ пережить такого убійства и великодушно пріялъ смерть отъ изверговъ: жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь героя своего времени, главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищею врановъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, до-

стойнаго стратига и властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились нетолько въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые казаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый-городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными глазами оставались тушинскій лжебояринъ и злодѣй, сообщикъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

¹) «Деревянная нога, швейцарская идиллія гос. Геснера. Переведено съ нѣмецкаго Никол... Карамз... Спб. 1783». Содержаніе идилліи—разговоръ между молодымъ пастухомъ и старымъ воиномъ, который разсказываетъ, какъ онъ потерялъ ногу въ сраженіи, происходившемъ 1388 г. при Нефельсѣ (въ кантонѣ Гларусѣ) между швейцарцами и герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ. Изъ разговора открывается, что человѣкъ, спасшій воина отъ смерти въ пылу битвы, былъ отецъ пастуха. Инвалидъ въ радости обнимаетъ сына своего избавителя и женитъ его на своей дочери. И. И. Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ, говоритъ, что первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ «Разговоръ Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой»; но мы не могли найти его.

²) «О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1786». Посвящено старшему брату Карамзина, Василью Михайловичу, котораго онъ особенно любилъ и уважалъ и съ которымъ часто переписывался. Письма его, съ 1799 по 1826, нап. въ Атенеѣ, 1858, №№ 19—28. Поэма состоитъ изъ трехъ пѣсенъ: первая доказываетъ, что истинное достоинство человѣка пріобрѣтается добровольнымъ пребываніемъ его въ добродѣтельной жизни; вторая описываетъ блаженное состояніе первыхъ человѣковъ; третья—ихъ паденіе. Карамзинъ занимался переводомъ въ эпоху своего знакомства съ Новиковымъ, подъ вліяніемъ стремленій къ теолого-философскимъ изслѣдованіямъ. Выборъ дидактической поэмы, которую самъ авторъ признавалъ наилучшимъ трудомъ своимъ, указываетъ на тогдашнее настроеніе переводчика, «благочестиваго ученика мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка», какъ выражается И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ, и кромѣ того говоритъ о связи его работы съ журналами серьезнаго, мистическаго направленія, издававшимися Новиковымъ: «Утренній свѣтъ» (1777—1780), «Московское ежемѣсячное изданіе» (1781), «Вечерняя заря» (1782). «Покоящійся трудолю-

бецъ» (1784—1785). Вопросъ о происхожденіи зла долгое время занималъ богослововъ и философовъ. Каждый изъ нихъ старался рѣшить его согласно съ характеромъ теологической догматики или съ воззрѣніями философскихъ системъ. Рѣшеніе Галлера принадлежитъ къ первой категоріи. Любопытны нѣкоторыя примѣчанія Карамзина. Одно изъ нихъ признаетъ справедливость основной мысли поэмы, что человѣку даны разумъ и воля, для устройства его совершеннаго благополучія: «Свободная воля причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо можетъ и паки возставить падшаго; она есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, сообщенный Имъ тварямъ избраннымъ». При словахъ Галлера о важности истинныхъ, духовныхъ потребностей, Карамзинъ замѣчаетъ: «Истина неопровергаемая и каждымъ человѣкомъ ощущаемая! Будешь окруженъ возлюбленными, будешь знатенъ, будешь богатъ, но все еще не будешь спокоенъ. Для чего? для того, что ты лишенъ *истинныхъ потребностей*; всѣ сіи блага суть для тебя блага чуждыя». Стихи подлинника объ альпійскихъ пастухахъ, какъ счастливѣйшихъ изъ смертныхъ, внушаютъ переводчику идиллическое мечтаніе: «Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи въ восхищеніе приводило меня. Размышленіе о сихъ счастливцахъ часто побуждало меня восклицать: «о смертные! почто уклонилися вы отъ начальной невинности своей? почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ?» Тѣмъ же идиллическимъ взглядомъ, хотя нѣсколько охладѣвшимъ, проникнуты письма Карамзина изъ Швейцаріи.

[3]) «Юлій Цезарь, трагедія, сочиненіе Вилліама Шекеспира. Москва. 1787». Переведена 1786-го. Изъ англійскихъ писателей, Шекспиръ (или Шекеспаръ и Шекеспиръ: такъ прежде называли его русскіе переводчики) особенно возбуждалъ удивленіе Карамзина, который говоритъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ «Писемъ». По своимъ понятіямъ о драмѣ Карамзинъ былъ выше современныхъ ему критиковъ, не исключая Мерзлякова, хотя послѣдній читалъ въ подлинникѣ творенія Эсхила, Софокла и Эврипида. Мнѣніе его о существенныхъ принадлежностяхъ трагедіи не поколебалось ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому псевдо-классицизму. Восторженное сочувствіе къ англійскому трагику выражено въ стихотвореніи: «Поэзія», сочиненномъ въ 1787 г. и напечатанномъ, безъ имени автора, въ сентябрской книжкѣ Московск. Журн. на 1792 г. Оно, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Карамзину, который упоминаетъ здѣсь своихъ любимыхъ поэтовъ: Оссіана, Шекспира, Мильтона, Юнга, Томсона, Геснера, Клопштока:

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искусствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ къ великимъ тайнамъ рока,
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные жизни!
«Всѣ башни, коихъ верхъ скрывается отъ глазъ
«Въ туманѣ облаковъ, огромные чертоги
«И всякій гордый храмъ исчезнутъ какъ мечта—
Въ теченіи вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ»—
Но ты, великій мужъ, пребудешь незабвенъ.

«Юлій Цезарь» переведенъ съ французскаго. На это указываетъ самъ Карамзинъ, цитируя въ предисловіи Летурнеровъ переводъ Шекспира (1776—82); это обнаруживается и строеніемъ фразы. Предисловіе Карамзина

есть выборка изъ предисловій Летурнера, которому французы одолжены своимъ знакомствомъ со многими англійскими поэтами.

[4] и [5]) «Эмилія Галотти, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная г. Лессингомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1788». Сначала Карамзинъ перевелъ ее для театра «поспѣшно и неисправно»; потомъ переводъ, назначенный для печати, былъ исправленъ. Если созданія Шекспира показали Карамзину ложность псевдо-классической Мельпомены, то къ тому же должны были привести его и драмы Лессинга († 1781), явившіяся, какъ противодѣйствіе французскому вкусу, какъ примѣненіе критическихъ началъ, которымъ слѣдовалъ преобразователь нѣмецкой литературы, глубоко изучившій Шекспира. Лессингъ самъ видѣлъ, что онъ, не имѣя истинно-поэтическаго генія, обязанъ критикѣ всѣмъ, что есть хорошаго въ его драмахъ. «Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ», говоритъ Принцъ живописцу въ Эмиліи Галотти. Это размышленіе, внушенное классическими образцами, сообщило Карамзину «живое чувство истины» при сравненіи французскихъ трагедій съ трагедіями англичанъ и нѣмцевъ (Разборъ Эмиліи Галотти въ Москов. Журналѣ, 1791, январь). Здѣсь мы видимъ не начало мертваго подражанія природѣ, проповѣданное французской эстетикой, а вѣрное понятіе о творчествѣ, выраженное словами Конти: «искусство должно творить такъ, какъ образующая природа образъ себѣ представляла». Въ основаніе своей піесы, принадлежащей къ такъ называемымъ мѣщанскимъ трагедіямъ, Лессингъ сначала думалъ положить извѣстную исторію римлянки Виргиніи, но потомъ перенесъ событіе въ новое время. Подобно Виргинію (отцу Виргиніи), честный, сурово-добродѣтельный Одоардо закалываетъ дочь свою Эмилію; что въ Римской исторіи Аппій Клавдій, то здѣсь принцъ гвастальскій.

[6]) «Дѣтское чтеніе для сердца и разума, пер. съ нѣм. и франц. Николай Карамзинъ и А. П. (Александръ Петровъ). 20 частей. Москва. 1785—1789». Оно издавалось Новиковымъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ. Причина, цѣль и содержаніе изданія указаны въ посвященіи его «благородному россійскому юношеству». *Причина* заключалась въ томъ, что до того времени на рус. языкѣ не было ничего, что служило собственно для дѣтскаго чтенія: дѣти, учащіяся по французски и по нѣмецки, читали французскія и нѣмецкія книги, а не знавшія иностранныхъ языковъ или вовсе не читали, или читали что-нибудь несоразмѣрное ихъ понятіямъ. Патріоту прискорбно видѣть дѣтей, которыя вмѣсто того, чтобы съ материнымъ молокомъ всасывать любовь къ отечеству, всасываютъ, питаютъ и укореняютъ въ себѣ разныя предубѣжденія противъ всего отечественнаго: поэтому издатели возъимѣли *намѣреніе* доставить дѣтямъ чтеніе на природномъ языкѣ. *Содержаніе* журнала имѣло въ виду два предмета: во первыхъ—внушать дѣтямъ нравственность, наставлять ихъ въ обязанностяхъ къ Богу, государю, родителямъ, воспитателямъ, самимъ себѣ и всѣмъ людямъ вообще; во вторыхъ — обогащать дѣтскій умъ полезными и пріятными познаніями. Хотя Карамзинъ назвалъ свои переводы въ Дѣт. Чт. «ученическими», однакожъ они остались не безъ вліянія на послѣдующую за тѣмъ его литературную дѣятельность—и въ содержаніи, и въ выраженіи. Касательно выраженія, справедливо называютъ «Дѣтское Чтеніе» *дѣтскою школою* самого Карамзина (С. Шевыревъ, въ соч. своемъ: «А. А. Прокоповичъ-Антонскій»); относительно содержанія, сочиненія Карамзина представляютъ много мѣстъ, отразившихъ въ себѣ мысли и чувства, которыя онъ передавалъ читателямъ,

какъ переводчикъ статей для Дѣт. Чтенія. Участіе его въ этомъ изданіи начинается съ 9-й части (1787). Ему принадлежатъ:

а) Деревенскіе вечера (переводъ соч. г-жи Жанлисъ: «Les veillés du château»). Здѣсь имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстъ переименованы въ русскія. Замѣчателенъ разсказъ: «Исправленная лѣность», въ которомъ говорится о путешествіи Доралисы по Швейцаріи. Путешественница посѣтила Геснера въ Цюрихѣ. Что она, или, лучше, Жанлисъ, говоритъ о достоинствѣ его идиллій, то самое встрѣчаемъ въ сочиненіи Карамзина: «Что нужно автору?» Чувствительность почитается существеннымъ качествомъ писателя, такъ что дурной человѣкъ и хорошій авторъ—понятія несовмѣстимыя. Въ другомъ разсказѣ: «Пустынникъ», любопытно сходство мыслей у англійскаго путешественника и швейцарскаго пустынника съ одной стороны и у Карамзина съ другой.

б) Нѣсколько статей изъ Боннетова «Созерцанія природы» (Contemplation de la nature).

в) Аркадскій памятникъ, сельская драма въ одномъ дѣйствіи (изъ Вейсе).

г) Весна, Лѣто, Осень и Зима, изъ поэмы англійскаго поэта Томсона: «Времена года», и заключительный гимнъ къ этой поэмѣ.

д) Прогулка, сочиненіе.

е) Вѣроятно, имъ же написана «русская старинная повѣсть: Евгеній и Юлія».

[7]) «Сочиненія Карамзина, изд. 3-ье (1820), въ 9 ч.» Отдѣльное изданіе Писемъ нап. 1797—1801 г.г. въ 6 ч., подъ заглавіемъ: «Письма Русскаго Путешественника», съ эпиграфомъ:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Авторъ посвятилъ ихъ семейству друзей своихъ Плщвх. (Плещеевыхъ): «къ Вамъ писанное Вамъ же и посвящаю». Это семейство находилось въ числѣ короткихъ московскихъ знакомствъ Карамзина. Первая его супруга, Елизавета Ивановна Протасова, была сестра жены Плещеева. Предисловіе къ «Письмамъ» оправдываетъ внесеніе въ нихъ многихъ мелочей, пестроту и неровность слога:

«Я хотѣлъ при новомъ изданіи (а) многое перемѣнить въ сихъ письмахъ, и.... не перемѣнилъ ничего. Какъ они были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность въ слогѣ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодаго, неопытнаго русскаго путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ—и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось—дорогою, на лоскуткахъ, карандашемъ. Много неважнаго, мелочи—соглашаюсь; но если въ Ричардсоновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы, напримѣръ, что Грандисонъ всякій день пилъ два раза чай съ любезною миссъ Биронъ; что Томъ Джонесъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ, то для чего же и путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей? Человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого-нибудь придворнаго или профессора, сидящаго въ шпанскомъ парикѣ на большихъ, ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бюшингову Географію».

(а) Первымъ изданіемъ Писемъ Карамзинъ называетъ помѣщеніе ихъ въ Москов. Журн. 1791—92 г.г.

[8]) Петровъ, Александръ Андреевичъ, воспитанникъ моск. унив., другъ Карамзина, который изобразилъ его въ прозаической элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», и частію въ повѣсти: «Чувствительный и холодный», подъ именемъ Леонида. По свидѣтельству И. Дмитріева, Петровъ, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, былъ знакомъ съ древними и новыми языками, имѣлъ необыкновенный умъ и способность къ здравой критикѣ. Его эстетическому вкусу Карамзинъ былъ обязанъ развитіемъ своего чувства изящнаго. Вообще Карамзинъ смотрѣлъ на Петрова, какъ на руководителя при изученіи разныхъ предметовъ, какъ на старшаго себя по знаніямъ и благоразумію. Друзья долгое время жили въ Москвѣ вмѣстѣ, знимаясь переводами для журналовъ и другихъ изданій Новикова. Въ 1791 или 1792 г. Петровъ отправился на службу въ Петербургъ. Ум. въ 1793, и тогда-то явилась упомянутая элегія: «Цвѣтокъ на гробъ Агатона». Переводы Петрова печатались въ журналахъ: «Утренній Свѣтъ», 1780 г. «Дѣтское Чтеніе», «Москов. Журналъ». Другія переводы указаны И. Дмитріевымъ: «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть» (1783)—мистическое сочиненіе; «Багуатъ—Гета, санскритская поэма, съ англ. (1788)» и «Учитель», 2 т. (статьи этого перевода помѣщались, вѣроятно, въ Дѣт. Чтеніи, которое издавали Карамзинъ и Петровъ). Письма Петрова, любопытныя для характеристики его занятій съ Карамзинымъ въ обществѣ Н. Новикова, нап. въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ», альманахѣ, издан. Б. Ѳедоровымъ на 1827 г.; также въ Рус. Архивѣ 1866 г.

[9]) Соч. Карам. изд. 3. Въ 1-ый разъ нап. въ Москов. Журн. на 1792 г. Особое изданіе, съ картинкою представляющею Лизинъ прудъ, 1797 г. Повѣсть имѣла успѣхъ чрезвычайный. Симоновъ монастырь сдѣлался любимымъ мѣстомъ для прогулки сентиментальныхъ и мечтательныхъ душъ. Каменевъ, авторъ баллады Громвалъ (см. ниже), пріѣхавъ изъ Казани въ Москву, въ письмѣ, отъ 22 февраля 1799 г., къ своему пріятелю Москотильникову, переведшему въ прозѣ Освобожденный Іерусалимъ Тасса (1819), говоритъ слѣдующее: «третьяго дня день былъ ясный. Вздумалось мнѣ воспользоваться пріятною погодой и побывать въ томъ монастырѣ, въ окрестностяхъ коего жила нѣкогда бѣдная Лиза. Въ три часа за-полдня пріѣхалъ я къ нему. Монастырь построенъ на горѣ; видъ хорошъ, и окрестности расположены точно такъ, какъ г. Карамзинъ описываетъ. Съ правой стороны, верстахъ въ двухъ разстоянія, видна почти вся Москва. Шесть или семь древнихъ башенъ, покрытыхъ красноватою черепицею, возвышаются по угламъ его. Въ срединѣ двѣ пятиглавыя церкви, стариннаго вкуса, а подлѣ воротъ кельи въ два жилья, выкрашенныя желтою краскою. Высокія стѣны съ покрытыми переходами, мрачностію подобны раифскимъ (а). Съ полуденной стороны, подъ самыми стѣнами, растетъ густой кустарникъ, а саженяхъ въ 80-ти рощица. Видно, что та самая, близь коей Лиза жила съ матерью; только очень, очень не густа, и на перечетъ не болѣе пятидесяти деревъ, безъ порядка разсѣянныхъ. Посмотрѣвши внутренность монастыря, вышелъ я за ворота. Воздухъ былъ чистъ, видъ Москвы величественъ; солнце блистало ярко на позлащенныхъ главахъ церквей ея, а болѣе всего на главѣ высокой колокольни Новоспасскаго монастыря. Монахъ, опершись объ надолбы, глядѣлъ, отъ скуки, на городъ и дожидался вечерней молитвы. Било 4 часа. Зазвонили колокола московскіе; протяжный, заунывный звукъ

(а) Раифская пустынь, верстахъ въ 40 отъ Казани.

ихъ разлился по воздуху; монахъ перекрестился, пошелъ въ монастырь, и начался благовѣстъ къ вечернѣ»...

[10]) «Аглая». 2 книжки (М. 1794). 2-ое изд. 1796. Такъ какъ Аглая есть имя одной изъ трехъ Грацій, то первая книжка открывается стихотвореніемъ (не вошедшимъ въ собраніе сочиненій Карамзина): «Приношеніе Граціямъ»:

Богини милыя! благословите сей
Свободный плодъ моихъ часовъ уединенныхъ,
Природѣ, тишинѣ и музамъ посвященныхъ!
. . . .
Примите малый даръ—клянуся васъ любить,
Богини милыя, доколѣ буду жить!

Въ Аглаѣ одни русскія сочиненія говоритъ Карамзинъ; переводовъ нѣтъ. «Любезные читатели; любезныя читательницы! (такъ заключаются нѣсколько словъ «отъ сочинителя»): ваше удовольствіе, ваше одобреніе есть драгоцѣнный мой вѣнокъ—онъ снова расцвѣтетъ нѣкогда на могилѣ моей, орошенный слезами милаго сердца!» Посвященіе второй книжки «Другу моего сердца» (женѣ Плещеева) проникнуто еще большей меланхоліей и любопытно для характеристики сентиментализма:

«Тебѣ, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебѣ, единственному другу моего сердца!

Твоя нѣжная, великодушная, святая дружба составляетъ всю цѣну и счастіе моей жизни. Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ; но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣна и благодари Вездѣсущаго!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, гдѣ часто страдаетъ невинность, гдѣ часто гибнетъ добродѣтель; но человѣкъ имѣетъ утѣшеніе—любить!

Сладкое утѣшеніе! любить друга, любить добродѣтель!... любить, и чувствовать, что мы любимъ!

Исчезли призраки моей юности; угасли пламенныя желанія въ моемъ сердцѣ; спокойно мое воображеніе.

Ничто не прельщаетъ меня въ свѣтѣ. Чего искать? къ чему стремиться?... къ новымъ горестямъ? онѣ сами найдутъ меня—и я безъ ропота буду лить новыя слезы.

Тамъ лежитъ страннической посохъ мой, и тлѣетъ во прахѣ!

Любезная! сіи двѣ слезы, которыя выкатились теперь изъ глазъ моихъ, тебѣ же посвящаю!»

Кромѣ потери друга, Петрова (о чемъ говорится въ «Приношеніи Граціямъ»), Карамзинъ имѣлъ и другую, общую со многими современниками причину горести, выраженную словами: «мы живемъ въ печальномъ мірѣ», и яснѣе раскрытую въ переписке Мелодора съ Филалетомъ. Въ Аглаѣ, кромѣ «Цвѣтка на гробъ Агатона», помѣщены прозаическія статьи: «Что нужно автору?» «Нѣчто о наукахъ и искуствахъ», «Островъ Борнгольмъ», «Сіерра Морена», «Аѳинская жизнь», «Письма Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору», «Дремучій лѣсъ», два отрывка изъ Писемъ рус. путешественника, нѣсколько стихотвореній и сказка «Илья Муромецъ».

[11]) Сличи съ другимъ сочиненіемъ Карамзина: «Чувствительный и Холодный»: «Въ первомъ (Эрастѣ) съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность; второй (Леонидъ), казалось, родился благоразумнымъ... Ихъ взаимная дружба казалась чудною: столь были они несходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла прелесть удивительнаго. Чувствительность одного требовала сообщенія; равнодушіе и холодность другаго искали занятія», и пр.

[12]) Соч. Кар., изд. 3, т. 7. Впервые нап. во 2 кн. Аглаи. Переписка Ме-

лодора съ Филалетомъ сочинена во время самаго разгара французской революціи. Карамзинъ, почитавшій, какъ онъ говоритъ, «конецъ 18-го вѣка концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества», временемъ, когда «законы чистаго разума начнутъ исполняться во всей ихъ точности», былъ потрясенъ въ своемъ убѣжденіи кровавыми событіями 1793 г. «Утѣшительная система его рушилась въ своемъ основаніи». Всего больше онъ боится торжества ненавистниковъ наукъ, того общественнаго мнѣнія, которое вооружится противъ просвѣщенія, находя въ немъ главную вину французскаго государственнаго переворота. Въ этой боязни ясно сказывается весь авторъ, какъ своими природными качествами, такъ и образомъ мыслей. Вездѣ онъ стоитъ за просвѣщеніе и литературу и всегда требуетъ мирнаго, постепеннаго прогресса обществъ, главнымъ средствомъ котораго служитъ просвѣщеніе. Посланіе къ Д*** (И. И. Дмитріеву), во 2-й кн. Аглаи, выражаетъ туже нравственную боль, которою страдалъ Мелодоръ. «Я желалъ не безполезно жить для людей», говоритъ Карамзинъ, «но время и опытъ разрушили воздушный замокъ юности.

Теперь иной я вижу свѣтъ,—
И вижу ясно, что съ Платономъ
Намъ тьмы въ умахъ не озарить,
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно...

Пока не наполнится водою сосудъ Данаидъ, до тѣхъ поръ истина будетъ опасна.

Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать.
И часто ядъ тому заплата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья—
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

На Мелодора и Филалета надобно мотрѣть не какъ на двѣ разныя личности, а какъ на одного и тогоже человѣка въ двухъ послѣдовательныхъ состояніяхъ его духа: Мелодоръ—это Карамзинъ, потрясенный событіями французской революціи; Филалетъ — это Карамзинъ, успокоенный оптимизмомъ.

[13]) Перепечатана въ Москвитянинѣ 1854 г. (№№ 3, 4, 6, 7, 10, 11 и 12), съ предисловіемъ г. Шевырева. Оригинальный отрывокъ: «Юношество и мужество», сличи съ разсужденіемъ «О счастливѣйшемъ времени жизни» (Вѣстн. Европы, 1803, № 13), гдѣ Карамзинъ также отдаетъ предпочтеніе возмужалому возрасту, послѣдней степени физической зрѣлости. Карамзинъ въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ возвращается къ однѣмъ и тѣмъ же мыслямъ, которыя признавалъ онъ истинными и изъ которыхъ слагалась система его основныхъ понятій и убѣжденій.

[14]) «Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній. Москва. Три книжки: первая—1796, вторая—1797, третья—1798—1799». Аониды—другое имя Музъ. Сборникъ Карамзина есть то самое, что въ другихъ европейскихъ литературахъ называлось Календаремъ или Альманахомъ Музъ. Аониды наполнялись піесами почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время стихотворцевъ: самого Карамзина, И. Дмитріева, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, В. Пушкина, Капниста, кн. Д. Горчакова, В. Измайлова, Кострова, Хераскова и жены его (Елизаветы), кн. Г. Хованскаго и другихъ. Предисловіе ко 2-й книжкѣ Аонидъ вызвано было вопросами публики, доходившими до издателя: «для чего между многими хорошими стихами помѣщаются въ Аонидахъ и нѣкоторые очень несовершенные, слабые?»

Издатель даетъ такой отвѣтъ: «Отчасти для ободренія незрѣлыхъ талантовъ, которые могутъ созрѣть и произвести со временемъ нѣчто совершенное; отчасти для того, чтобы справедливая критика публики заставила насъ писать съ большимъ стараніемъ, чтобы читатели имѣли удовольствіе видѣть, какъ молодые стихотворцы годъ отъ году очищаютъ свой вкусъ и слогъ; наконецъ и для того, чтобы не очень хорошее тѣмъ болѣе возвышало цѣну хорошаго». За тѣмъ Карамзинъ разсматриваетъ два недостатка нашихъ юныхъ музъ: излишнюю высокопарность и притворную слезливость. Предисловіе, не вошедшее въ собраніе его сочиненій, замѣчательно по своимъ здравымъ эстетическимъ понятіямъ.

[15]) Если бы женскую голову къ шеѣ коня—живописецъ
Вздумалъ приставить и, разные члены собравши отвсюду
Перьями ихъ распестрилъ, чтобъ прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливой рыбой: смотря на такую
Выставку, други! могли ли бы вы удержаться отъ смѣха?
(Перев. М. Дмитріева).

[16]) Изъ статьи: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» (Вѣст. Евр., 1802, № 12). Въ ней различаются три части: первая изображаетъ современное состояніе Европы, въ которой водворенъ былъ порядокъ, необходимый для политическаго и нравственнаго благоденствія народовъ; вторая разсматриваетъ внѣшнее и внутренне состояніе Россіи: общее спокойствіе сердецъ, распространеніе просвѣщенія, видимое изъ того, что благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ, разумъ утверждаетъ права свои, духъ Россіянъ возвышается; третья заявляетъ желаніе въ будущемъ: полное собраніе законовъ, болѣе основательное воспитаніе, любовь къ семейной жизни и хозяйственнымъ занятіямъ, отсутствіе роскоши.

[17]) «Историческое похвальное слово Екатеринѣ Второй, сочиненное Николаемъ Карамзинымъ. М. 1802». Посвящено Александру I. Состоитъ изъ трехъ частей. Дѣленіе указано самимъ авторомъ, въ слѣдъ за приступомъ: «Сограждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями; взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ трехъ путяхъ славы».

[18]) «Вѣст. Евр. 1803, № 5». Статья важная по образу мыслей Карамзина и по отношенію его литературной дѣятельности къ современнымъ правительственнымъ постановленіямъ. Онъ является здѣсь и какъ неизмѣнный ревнитель просвѣщенія, которымъ человѣчество направляется къ совершенству, и какъ писатель царствованія Александра I. Замѣтка о просвѣщенныхъ земледѣльцахъ (по поводу заведенія сельскихъ школъ) полнѣе выговорена въ апологической статьѣ: «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» (Аглая, кн. 1). Въ заключеніе этой статьи Карамзинъ обращается къ главной, постоянно руководившей его мысли: «Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — просвѣщеніе!... Когда свѣтъ ученія озаритъ всю землю, тогда, можетъ быть, настанетъ златой вѣкъ поэтовъ, вѣкъ благонравія,— и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ». (Писано 1793 г.).

[19]) «О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». Съ эпиграфомъ: «Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ» (Псал. 138, ст. 4). Записка эта сочинена въ началѣ 1811 г. по настоятельному желанію в. к. Екатерины Павловны, и ею вручена государю въ томъ же году.

Главный предметъ ея—первое десятилѣтіе царствованія Александра I. Исторія Россіи до начала XIX вѣка изложена въ краткомъ, но рѣзкомъ очеркѣ, сколько было нужно для сужденія о главномъ предметѣ. «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго» (такъ приступаетъ авторъ къ своему изложенію): «чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется, и въ связи представляется мыслямъ яснѣе». Г. Корфъ, въ Біографіи Сперанскаго, опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ значеніе второй, главной части Записки: «Записка Карамзина имѣетъ для насъ, потомковъ, болѣе историческую цѣну, вовсе не по внутреннему ея достоинству и не по краснорѣчивому изложенію въ ней индивидуальныхъ его мыслей, но какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ, гораздо болѣе литераторъ, нежели человѣкъ государственный или вообще политическій, говорилъ здѣсь, разумѣется, не одно свое. Если современная ему публика нашла въ его Запискѣ свое собственное темное неудовольствіе, облеченное въ форму изящной рѣчи, то нѣтъ сомнѣнія, что, взаимно, и та среда, въ которой онъ жилъ, не могла остаться безъ широкаго на него вліянія. Въ этомъ смыслѣ «Записка» представляетъ собою общій, такъ сказать, итогъ тогдашней консервативной оппозиціи и тѣхъ массъ, которыя, обветшавъ, требовали обновленія». Мнѣніе Записки о Петрѣ не только отступаетъ отъ прежнихъ взглядовъ Карамзина на реформу Россіи, высказанныхъ въ Письмахъ рус. путеш. (Соч. Кар., изд. Смирдина, 1848, т. 2, стр. 512—516), но становится въ совершенную съ ними противоположность. Оно сходится съ понятіями Болтина, Екатерины II и кн. Дашковой. Въ разговорѣ съ Кауницемъ, Дашкова оспаривала мнѣніе этого австрійскаго министра, будто Россія обязана единственно Петру I своимъ политическимъ бытіемъ.

[20]) Въ Вѣст. Евр., 1803 г., №№ 1, 2, 3, помѣщена историческая повѣсть Карамзина: «Мароа Посадница или покореніе Новагорода». Взглядъ на событіе, выраженный въ предисловіи, любопытно сопоставить съ разсужденіями историка: «Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область новогородскую къ своей державѣ: хвала ему! Однакожъ сопротивленіе новогородцевъ не есть бунтъ какихъ-нибудь якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, напримѣръ Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы... Кажется, что старинный авторъ сей повѣсти (a) и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь новогородская явно играетъ въ немъ». Въ параллель съ этимъ мѣстомъ идутъ слова историка: «Хотя сердцу человѣческому свойственно», и пр. Сентенція: «Республика держится добродѣтелію и безъ нея упадаетъ», повторяетъ слова Монтескье изъ его Духа законовъ (кн. 3: Des principes des gouvernements).

(a) «Случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и сказокъ». *Прим. К—на.*

II.

И. И. ДМИТРІЕВЪ (1).

А. ПѢСНИ.

а) Стонетъ сизый голубочекъ... (1792).

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ.... на-вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но... увы, прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

б) Ахъ! когда бъ я прежде знала... (1792) (2).

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды:
Веселясь бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды!
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра (а)
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила...
Научите не любить.

в) Всѣхъ цвѣточковъ болѣ (1792).

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

(а) Эта пѣсня есть точное подражаніе старинной простонародной пѣснѣ.
Дмитріевъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла—
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ!...

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

Б. РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА (1795) (а).

Гремитъ!.... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми (б) съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И... исчезаю предъ Тобой!

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!

Ты дхнешь, и двигнешь океаны!
Речешь, и вспять они текутъ!
А мы... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари.

В. САТИРА: ЧУЖОЙ ТОЛКЪ (1795) (³).

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку (в), Рамлеру (г) и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ.... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь —

(а) Подражаніе стихотворенію Гете: «Границы человѣчества» (Die Grenze der Menschheit).

(б) Выраженіе, взятое изъ пророка Даніила (VII, 9).

(в) Горацій Флаккъ.

(г) Нѣмец. стихотворецъ († 1798), переводчикъ Гораціевыхъ одъ и самъ писавшій оды.

*

Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ (4)!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды (5),
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: «зари багряны персты»,
И «райскій кринъ», и «Фебъ», и «небеса отверсты»!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.»

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно.
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.

«На это», онъ сказалъ, «есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.

Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ — лейб-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ, — народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ;
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ—било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону (а),
А тутъ и ночь.... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На-завтра, лишь глаза откроетъ— ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю (б),

(а) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскерадовъ.
(б) Петербургскій портной.

Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!
Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не съ-высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю—и, право, не солгу—
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,

Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель (а),
И книжный магазинъ и лавочки (6) полны.
«Мы съ риѳмами на свѣтъ», онъ мыслилъ, «рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться—
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ поляковъ разгромилъ
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: «Ода!»
Потомъ въ одинъ присѣстъ: «такого дня и года!»
«Тутъ какъ?... «Пою»!... Иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше ль: «Даждь мнѣ, Фебъ»!... Иль такъ: «Не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!»
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ:
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
Неловко что-то все. Да просто напишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой, ты!» возглашу.
Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ (7)!
Скажу: «Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то»... А тамъ?... извѣстно: «многи лѣта!»
Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ (б)!

(а) Петербургскіе журналы.

(б) Подражаніе 1-ой сатирѣ Персія на плохихъ писателей. Латинскій сатирикъ также говоритъ о сочиненіяхъ, кото-

Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей и знай: онъ не поэтъ!»
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

Г. СКАЗКА: ПРИЧУДНИЦА (1795). (8).

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна—
Не знаю подлинно, при коемъ государѣ,
А только слышалъ я, что русскіе бояре

рымъ суждено служить оберткой рыбы-макрели.

Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Съ домашнимъ другомъ, иль одна,
И на качеляхъ быть въ день свѣтла воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрана процвѣтала.
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она—однакожъ меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,

То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь—вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы!—
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
«Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ ужасть (а) неразлученъ;
Сердечкинъ поетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива».
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ:
Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже;
Осталась наконецъ лишь съ гордостью одной;
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ Вѣтрана съ ней сначала ну зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью;—а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки.
О если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
Ты, бывшій столько лѣтъ въ малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню, какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи:
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!

(а) Слово, употребительное и нынѣ въ губерніяхъ. *Дмитріевъ.*

Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ,
Стоялъ какъ вкопаный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не вѣрилъ.
О если бы теперь ты, витязь мой, воскресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыханныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ маску....
Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной былъ;
Однако я клянусь моимъ пермескимъ богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ слогомъ.
И такъ дослушайте жъ. Однажды, вечеркомъ,
Сидитъ, облокотясь, Вѣтрана подъ окномъ
И, возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой ночи,
Груститъ и думаетъ: «Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ,
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ утѣхъ?
Ахъ, если бы она хоть глазки показала!»
И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей предстала.
Здорово, дитятко! Вѣтранѣ говоритъ:
Какъ поживаешь ты?... Но что твой кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И, бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты созрѣла?
Откройся...—«Матушка», отвѣтствуетъ она:
«Я жизнь мою во скукѣ трачу:
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу».
—Чего же, свѣтикъ мой? или ты нездорова?—
«О! нѣтъ, грѣшно сказать».—Иль домъ вашъ небогатъ?—
«Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ».—
Иль мужъ обычая лихаго?—
«Напротивъ, врядъ найти другаго.
Который бы жену столь горячо любилъ».—
Иль онъ не нравится?—«Нѣтъ, онъ довольно милъ».—
Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ неспокойна?—

«Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна».—
Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ?—
«Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой?
Желанье дерзко, безразсудно,
То правда, но его исполнить мнѣ нетрудно;
Зачѣмъ же дурочку отказомъ огорчить!...
Къ тому жъ, я тѣмъ могу ее и поучить.
Изрядно! наконецъ сказала:
Исполнится, какъ ты желала.—
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега,
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны, иль топазны.
Каковъ же феинъ былъ дворецъ—признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ),
Изъ коихъ феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ—лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ.
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты русски оды;
А садъ—повѣрите ль?—не только описать
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много-много что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Сарское село себѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить
И далѣ продолжать. Вѣтрана, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,

Со изумленьемъ всѣ предметы озирает
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которые бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпитъ Вѣтранинъ взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней или фарфоръ...
Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,
Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время—
Вѣдь у меня заботъ беремя —
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда—въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану.—
Тутъ коврикъ-самолетъ она подостлала,
Ступила, свистнула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная Вѣтрана,
Какъ новая Діана,
Осталась между нимфъ, исполненныхъ заразъ:
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты... мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ, она едва задумала вставать,
Вдругъ — дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычекъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;

Смычекъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтраною уснулъ.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взygралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: «проснись, проснись, счастливая Вѣтрана!»
Она проснулася—и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза расцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со эхомъ въ запуски твердятъ:
«Вѣтрана! насыщай свой взглядъ!»
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,
И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою жъ пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ Вѣтраной очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать
И пѣніе, какимъ гордился бъ Амфіонъ,
Тѣхъ нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
«По-чести, это рай! Ну, если бы теперь»,
Вѣтрана думаетъ, «подкрался въ эту дверь....»
И, слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула—
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстатѣ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день тожъ.—«Но что это за міръ?
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ.

«Все этакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь».
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная Вѣтрана,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ—
И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрежжетъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! И такъ она рѣшилась,
Не мѣшкая, идти; и такъ перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: «куку!»
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышится: «ау»; то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конскій топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы отдавалъ;
Не даромъ и Вѣтрана плачетъ!
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ!...
Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ.

Но, видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперекъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, исполненный отваги,
И, Клязьмы доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ!... и пробудилась.—
Представьте, какъ она, взглянувши, удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходскій попъ молился и читалъ,
Въ другомъ углу колдунъ досужій бормоталъ (а);
У шкафа жъ за столомъ, вощанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ нѣмчинъ,
Который по Москвѣ считался знаменитымъ,
За тѣмъ что былъ одинъ.
И все собраніе, Вѣтраны съ первымъ взоромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась!—и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!
А въ эту самую тревогу
Вошла Всевѣда въ дверь
И бросилась къ Вѣтранѣ.
«Ахъ, бабушка! зачѣмъ явилась ты не ранѣ?»
Вѣтрана говоритъ: «гдѣ это я была?
И что я видѣла?... страхъ... ужасъ!»—Ты спала,
А видѣла лишь бредъ, Всевѣда отвѣчаетъ:
Прости! развеселясь, старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты,
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ просьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива.—
Съ симъ словомъ бросилась Вѣтрана обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую Всевѣду;

(а) Въ старину ихъ называли досужими. См. Ядро рос. исторіи, кн. Хилкова. *Дмитріевъ.*

Потомъ всѣ сродники приглашены
къ обѣду:
Наѣхали, нашли и сѣли пировать.
Ужъ линецъ зашипѣлъ, все стало
веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь
на бокалъ:
«Что матушки Москвы и краше и
милѣе?»
На силу досказалъ.

Д. БАСНИ.

а) *Мышь, удалившаяся отъ свѣта.* (а).

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда
у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую
пещеру:
Въ голландскій сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая
вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами (б)
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ
запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь
трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче: на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ
дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ
держалъ.
«Всеобща бѣдность и невзгода»—
Посольство говоритъ—«причиною,
что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ: и для того
посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ».
Затворница на то, съ душевнымъ
состраданьемъ
И лапки положа на грудь свою
крестомъ:
Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала,
Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и
день и ночь
Молить Его за васъ готова.—
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе
ни слова.

(а) Изъ Лафонтена: Le Rat qui s'est retiré du monde.

(б) Этотъ стихъ съ предъидущимъ (*ногами*) составляетъ, по настоящему, одинъ ямбическій трехстопный стихъ.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на
эту Мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и ду-
мать!... Нѣтъ, дервишъ.

б) Лиса проповѣдница (а)

Разбитая параличемъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой,
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая
умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ
мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла
И проповѣдывать въ пустыню пе-
решла.
Тамъ кроткія свои бесѣды раство-
ряла
Хвалой воздержности, смиренью,
правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей су-
етѣ;
А братій и всего на проповѣдь
сбиралось
Пять-шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да
Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей,
безъ подпоръ:
Какой же ожидать отъ нихъ Ли-
сицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила пе-
руны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и
Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Что жъ? слушателей тьма сте-
клася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ по-
роды Львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною
скотиной
И въ благочестіе вдался подъ ста-
рость дней.
«Послушаемъ Лису!» Левъ мол-
вилъ: «что за диво?»
За словомъ въ слѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь ска-
зала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи
лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ
бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко
говорить!
Другъ на друга глядятъ, но го-
ворить не смѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ
похвалить.
Какъ новость, иногда и правда
намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ
честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣт-
ливо сказалъ:
«Тобой я истину позналъ
И болѣ прежняго гнушаться сталъ
пороковъ;

(а) Изъ Флоріановыхъ басенъ: Le Renard qui prêche.

Чего жъ ты требуешь во мзду
твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и
стыда:
Я твой должникъ». Лиса, глядь,
глядь, туда-сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя
улику:
Всещедрый царь-отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой
наконецъ:
Индѣекъ.... малую толику.

¹) Сочиненія и переводы Ивана Ивановича Дмитріева (1760 — 1837) имѣли шесть изданій. Первое, подъ названіемъ: «И мои бездѣлки» (а), съ эпиграфомъ изъ Лафонтена: «C'est là tout mon talent, je ne sais s'il suffit», нап. 1795 г. Второе: «Сочиненія и переводы И. Дмитріева», 3 ч., съ эпиграфомъ: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri», вышло 1803 — 1805 г. (б); третье, въ 3 ч., 1810; четвертое, въ 3 ч., 1814; пятое, исправленное и *умноженное*, въ 3 ч., 1818; шестое, исправленное и *уменьшенное*, въ 2 ч., 1823, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ «отъ автора» и «Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева», соч. кн. П. А. Вяземскаго (в). «Приступая на старости лѣтъ къ новому изданію стиховъ моихъ (говоритъ авторъ), я могъ думать, что оно будетъ послѣднимъ при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня перечитать все, мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ, потомъ многое исключить изъ новаго изданія, въ томъ числѣ и 19 басенъ. Изъ прочихъ же стиховъ старался нѣкоторые, сколько умѣлъ, исправить, и такимъ образомъ прежніе три тома приведены въ два томика». Съ исторической точки зрѣнія надобно пожалѣть о такомъ строгомъ пуризмѣ: полное собраніе сочиненій Дмитріева, бывшаго въ свое время «первымъ версификаторомъ», дало бы вѣрное понятіе о движеніи нашего стихотворства въ теченіе 20 лѣтъ (1790—1810). По немъ въ особенности было бы можно судить о характерѣ такъ называемой легкой поэзіи, заимствованной нами у французовъ, которые называютъ этотъ родъ стихотвореній—poésies fugitives. Дмитріевъ написалъ много подобныхъ піесъ.

²) Въ Моск. Жур. 1792, № 9, эта піеса названа: «Бабушкина пѣсня», а въ Бездѣлкахъ: «Старинная пѣсня». Дмитріевъ заблуждался, говоря что она есть точное подражаніе простонародной пѣснѣ. Слова: «ярый воскъ» не доказываютъ еще народности, у которой есть, кромѣ особеннаго способа выраженія, свой образъ мыслей и чувствъ, чего піеса Дмитріева вовсе не представляетъ. Впрочемъ, не смотря на отсутствіе народнаго содержанія, языка и тона, пѣсни Дмитріева имѣли въ свое время чрезвычайный успѣхъ.

³) Одна изъ лучшихъ сатиръ, направленная противъ торжественныхъ одъ, которыя расплодились въ нашей

(а) Въ подражаніе Карамзину, который издалъ «Мои бездѣлки» (1794) — сборникъ его стихотвореній, помѣщенныхъ въ Московскомъ Журналѣ.

(б) На выходномъ листѣ не означено изданія, но П. Макаровъ, въ разборѣ сочиненій Дмитріева, ясно говоритъ: нынѣ (1803 г.) таже книга (т. е. «И мои бездѣлки») напечатана съ прибавленіемъ новыхъ піесъ (Московъ. Меркурій, 1803 г.).

(в) Кн. Вяземскій ошибся, сказавъ, въ «Извѣстіи», что отъ 1795 до 1818 разошлось *шесть* изданій стихотвореній Дмитріева. Не шесть, а пять. Шестое вышло въ 1823 г.

литературѣ со времени Ломоносова и давно уже подвергались насмѣшкамъ. Авторъ назвалъ ее «Чужимъ толкомъ», т. е. такимъ сужденіемъ, которое произноситъ не онъ самъ, а старикъ и какой-то аристархъ.

[4]) Ложно-классическая піитика опредѣляла съ точностію, какъ сочинять оду: сколько въ ней должно быть частей, съ чего ее начинать, чѣмъ оканчивать. Одѣ вмѣнялось въ обязанность имѣть приступъ, предложеніе, уклоненія и отступленія, такъ называемый лирическій безпорядокъ, заключеніе.... Написанная по условнымъ правиламъ, она выходила искуственною и безжизненною, обращалась какъ бы въ разсужденіе или проповѣдь.

[5]) При этомъ стихѣ Дмитріевъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Строгій старикъ, конечно, имѣлъ въ виду не всѣ, а нѣкоторыя только оды; но читатели и безъ сего замѣчанія должны быть увѣрены, что произведенія Хераскова, Державина, Петрова не въ числѣ оныхъ». Впрочемъ, нѣкоторыя оды Петрова подходятъ подъ замѣчанія строгаго старика. Что Димитріевъ называетъ реляціей въ стихахъ, тому примѣры представляются сплошь и рядомъ. Такъ въ Одѣ Екатеринѣ II на заключеніе мира съ Швеціею 1790 г. исчислены различные образы смертей:

Иной, какъ бомба, къ верху вскинутъ
(Различны образы тамъ тратъ);
Другой съ вершины вихремъ сринутъ
На мель, на камень, въ водовратъ;
Одни, въ подобьи враныя стада,
Ища сквозь зѣвъ прорваться ада,
Падутъ въ лету ко тѣнямъ въ мракъ;
Другіе, близки мщенья жертвы,
Пловутъ въ ладьѣ, какъ въ гробѣ мертвы:
Отъ страха искаженъ ихъ зракъ.

Здѣсь же читатель встрѣчаетъ выраженіе обычнаго восторга: «я вижу небеса отверсты». «Творенія» Иринарха Завалишина, капитана сухопутнаго кадетскаго корпуса, а потомъ подполковника фанагорійскаго гренадерскаго полка: «Героида поэма (1795)» и «Суворонда» (1796) исполнены реляціонныхъ мѣстъ. Авторъ удерживаетъ даже военные термины, которые долженъ былъ объяснять въ примѣчаніяхъ; наприм.:

Владыки гордые, народы, всѣ внемлите.
Вы участь Прагскую, бой Бржестскій вспомяните.
. . . .
Противъ Суворова побѣдъ не ожидайте,
Оплоты, крѣпости, полки передъ нимъ всѣ тлѣнъ.
На твердость уповать брегитесь толстыхъ стѣнъ.
Ни рвы глубокіе, ни остры *палисады*,
Ниже усыпанны *штурмфалами* ограды,
Ни самый подъ землей *въ фугасахъ* скрытый ядъ
Не можетъ удержать полночныхъ грозныхъ чадъ.

[6]) Большая часть стихотвореній въ журналахъ: «Зритель,» И. Крылова (1792) и «С. п. бургскій Меркурій», И. Крылова и А. Клушина (1793), принадлежатъ Клушину, И. Мартынову и А. Бухарскому. Двое первыхъ писали не въ томъ родѣ, который осмѣиваетcя «Чужимъ толкомъ», и потому слова Дмитріева предположительно отношу къ послѣднему. Въ числѣ многихъ сочиненій Бухарскаго есть торжественныя оды, которыя не обходятся безъ «казенныхъ лирическихъ выраженій». Одна изъ нихъ, по случаю тезоименитства Екатерины II (24 ноября 1788), содержитъ въ себѣ слѣдующіе стихи:

Какимъ я жаромъ воспалился!
Отверзлись умны очеса:
Се вѣчности храмъ растворился,
Въ немъ міра вижду чудеса, и пр.

Другая «на взятіе Очакова» (1788) начинается такимъ образомъ:

Какій восторгъ мой духъ объемлетъ!
Какій ліется въ мысли свѣтъ!

Какіе громы слухъ мой внемлетъ?
Что музу къ подвигу влечетъ?

[7]) Какъ плодъ вдохновенія, ода не можетъ подчиняться строго-логическому порядку; движеніе чувства совершается по особеннымъ законамъ, имѣетъ свою собственную логику. Изъ непонятаго различія между развитіемъ мысли и движеніями сердца произошло ученіе о такъ называемомъ «лирическомъ безпорядкѣ», который состоялъ въ намѣренномъ разрывѣ цѣпи ощущеній, въ искуственныхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому, выражаемыхъ по преимуществу фигурами вопрошенія и восклицанія, на прим.: «но что я зрю!» «какое зрѣлище предстало?» и т. п. Фигуры эти обратились въ общія мѣста, равно какъ и поэтическіе образы греческой миѳологіи, посредствомъ которыхъ многоразличные предметы являлись въ одномъ и томъ же образѣ, конкретное становилось отвлеченностью, противоположною существу поэзіи.

[8]) «Предваряю читателя (замѣчаетъ здѣсь авторъ въ выноскѣ), что эта сказка родилась отъ Вольтеровой сказки: La Béguenle. Лучше признаться, пока не уличили». Дмитріевъ передѣлалъ ее на русскій ладъ, вставивъ въ свою передѣлку даже нѣсколько народныхъ словъ: ужасть, за тридевять земель, иль въ сказкѣ разсказать, коврикъ-самолетъ, видомъ не видано, досужій колдунъ. Замѣчательно, что эти слова напечатаны курсивомъ, какъ нѣчто особенное, или случайно зашедшее въ піесу, и что въ послѣднемъ изданіи сочиненій нѣкоторыя черты народности или сглажены, или совсѣмъ исключены. Описывая дворецъ, садъ и другія чудеса столицы волшебницы Всевѣды, Дмитріевъ подражалъ «Душенькѣ».

III.

КАМЕНЕВЪ ([1]).

А. ГРОМВАЛЪ, БАЛЛАДА (1802). ([2]).

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ,
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калены въ колчанѣ звучатъ;
Онъ по чистому полю несется какъ вихрь,
Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьемъ.

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ:
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ закату на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дуброва шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснетъ, то померкнетъ вдали огонекъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь пріѣзжаетъ на берегъ ручья,
И вдругъ — видитъ онъ замокъ вблизи предъ собой.

Синее пламя изъ замка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ и впередъ;
Завыванія, стоны въ немъ глухо ревутъ.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьемъ,
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь замка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
Завыванія, стоны утихли, молчатъ;
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твердость желѣзныхъ воротъ:
Отлетѣли запоры, скрипятъ вереи,
И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ замокъ идетъ.
Тишина распростерта и мрачность вездѣ,
Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свиститъ.

Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
«Хищный волшебникъ, коварный Зломаръ!
Ты Громвала принудилъ по свѣту бродить,
Ты похитилъ Рогнеду, подругу его!

Многія царства и земли прошелъ,
Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
Великановъ сразилъ я могучей рукой;
Но Рогнеды любезной еще не нашелъ!

Гдѣ обитаешь ты, лютый Зломаръ?
Въ дебряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ,
Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ ль морской
Укрываешь ее ты отъ взоровъ моихъ?

Если найду я жилище твое,
Злобный волшебникъ, лихой чародѣй,
Извлеку изъ неволи Рогнеду мою,

Вырву черное сердце изъ груди
твоей!»

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ
сонъ;
Одръ ему стелютъ усталость и ночь.
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ,
въ шишакѣ
Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ
онъ сномъ.

Тучи промчались и вихрь замолчалъ,
Звѣзды потухли, алѣетъ востокъ;
Пробудилась денница, Зимцерла
цвѣтетъ
Какъ румяная роза — Громвалъ
еще спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,
Блещетъ съ полудня каленымъ лучемъ,
И по соснамъ слезится смола сквозь
кору;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предтеча со смуглымъ челомъ
Смотритъ съ востока на лѣсъ, на
луга;
Окропляетъ изъ урны росой мураву;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь, съ кипариснымъ вѣнкомъ
на главѣ,
Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и
звѣздъ,
По ступенямъ, нахмурясь, на тронъ
свой идетъ;
А Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,
Мрачность густѣетъ, настала полночь:
Богатырь, воспрянувши отъ крѣпкаго сна,
Изумился, не видя румяной зари!

Вдругъ затрещало по замку какъ
громъ,
Стѣны трясутся, окошки звенятъ,
И, какъ молнія быстро блистаетъ
во тьмѣ,
Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

Громко всѣ двери стучатъ, отворясь:
Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами
въ рукахъ,
Появляются тѣни—за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили
гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ
него,
И волшебникъ Зломаръ—ужасающій видъ!—
Бездыханенъ лежалъ въ немъ, открывши глаза.

Полъ разступился, и адскій огонь
Съ вихремъ трескучимъ и съ громомъ летитъ,
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ
жаръ раскалилъ;
Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны Зломаръ.

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ
глазахъ
Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь:

Изо рта пѣна черная клубомъ кипитъ:
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, свистятъ;
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуясь, они
Пляшутъ адскую пляску вкругъ гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь:
Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
Исчезаютъ вмигъ духи, скелеты и гробъ.

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду покой!
Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
Удивляется чуду смущенный Громвалъ;
Изумившись, не вѣритъ себѣ самому.

Вдругъ раздалася волшебна свирѣль,
Арфы внезапный послышался звукъ,
Растворился сводъ залы, и розовый лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебесьѣ лебедь спокойно плыла,
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во очахъ.

Гласомъ пріятнымъ Добрада рекла:
«Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ!
Знай: Зломара не стало; судьба навсегда
Ужъ очистила свѣтъ отъ злодѣя сего.

Въ адскую пропасть низверженъ на-вѣкъ;
Челюсть геенны его пожрала;
Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ огня,
Вой и стонъ его бездна лишь будетъ внимать.

Смерть, преступивши природы законъ,
Чувствъ не лишила волшебниковъ трупъ:
Развращенныхъ имъ тѣни погибшихъ людей
Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзаютъ его.

Рыцарь! спѣши ты къ Рогнедѣ своей:
Къ югу за лѣсомъ, въ песчаныхъ степяхъ,

Тамъ Зломарова замка въ темницѣ стальной
Два крылатыхъ Зиланта ее стерегутъ.

Рогъ сей волшебный прими отъ меня,
Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуть;
Но внимай! ты не можешь Рогнеду спасти,
Не проливъ ея крови: судьбы такъ велятъ».

Струны волшебны вторично звучатъ,
Облако къ верху съ Добрадой летитъ.
Пораженный сей рѣчью, Громвалъ внѣ себя,
Истукану подобенъ, въ слѣдъ смотритъ за ней.

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
Съ горькой досадой вскричалъ богатырь:
«Вѣроломной волшебницы пагубный даръ!
Ты убійствомъ Рогнеды мнѣ счастье сулишь!

Нѣтъ! трепещу я отъ мысли одной, —
Сердце изъ груди ей въ жертву летитъ.
Но, Громвалъ, повинуйся глаголу судьбы,
Чародѣйство Зломара спѣши истребить.

Если не можешь Рогнеду спасти,
Замокъ разрушить, Зилантовъ сразить, —
Богатырскую кровь ты пролей за нее
И геройскою смертью любовь увѣнчай!»

Красное утро блестящимъ лучемъ
Сосенъ столѣтнихъ верхи золотитъ;
Обращая на полдень коня своего,
Оставляетъ нашъ витязь и замокъ и лѣсъ.

Дебри, утесы, стремнины, хребты
Стонутъ отъ тяжкихъ ударовъ копытъ;
Пыль густая какъ туча, крутяся столбомъ,
По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
Выѣхалъ рыцарь въ обширную степь:
Открывается взорамъ песка океанъ,
Вдали будто бы съ небомъ сливается онъ.

Вѣтръ не волнуетъ сыпучую зыбь,
Дышитъ тлетворнымъ дыханіемъ зной.
Ни кусты не шумятъ, не журчатъ ручейки,
Какъ въ полночь на кладбищѣ, все ноетъ, молчитъ.

Въ дикой пустынѣ, въ сихъ страшныхъ поляхъ,
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ,
Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
И на ней крѣпкій замокъ чернѣетъ въ дали.

Съ жаждой и зноемъ сражаясь три дня,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомленномъ, въ кровавомъ поту,
Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

Въ скользкихъ стремнинахъ нависнувшихъ скалъ,
Страшно грозящихъ низринуться въ долъ,
Обрываясь надъ бездной по узкой тропѣ,
Достигаетъ вершины и замка Громвалъ.

Силой геенны и адскихъ духовъ
Мрачный сей замокъ построилъ Зломаръ.
Взгроможденныя башни на черныхъ скалахъ
Предвѣщаютъ погибель и лютую смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный Громвалъ
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ вереи,
Въ замокъ страшный вступаетъ съ булатнымъ мечемъ.

Грозно идетъ онъ,—подъ крѣпкой пятой
Мертвыя кости, черепья хрустятъ;
Враны, птицы ночныя и нетопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ стѣнъ.

Облакомъ вьются надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ крикъ;
И Зиланты, послышавъ Громвалова приходъ,
Испускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ,

Челюсть разинувъ летятъ на него:
Копьями жала торчатъ изъ пастей;
Чешуею брянчатъ, извивая хвосты,
Выпускаютъ погибельны когти изъ лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубитъ богатырь,
Звукъ оглушилъ ихъ: какъ камни падутъ;
Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ зѣвъ,
Погрузившись въ сонъ смертный, горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
Но огромная дверь растворяется вдругъ,
И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

Грозные взгляды—кометы во тьмѣ;
Мѣдь на немъ — панцырь, свинецъ—булава,
Сѣрый мохъ по болоту—брада у него,
Черный лѣсъ послѣ бури—власы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ исполинъ,

Поражаетъ его по буйной головѣ;
Содрогается эхо, по замку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей,
Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблисталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ:
Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
Но скользитъ лезвее по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ реветъ великанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дрожитъ;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ задушитъ.

Смерть неизбѣжна, погибель близка,
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громвалъ, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь замокъ потрясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы;
Онъ упалъ и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громвалъ;
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Возревѣлъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Черная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его:
Разъяренный мученьемъ, со смертью борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Поднявшись облачкомъ, легкій паръ отъ нея
Образуетъ Рогнеды прекрасной черты:

Розы въ ланитахъ и прелесть въ очахъ,
Алыя губы манятъ поцѣлуй;
По плечамъ разстилаясь какъ бархатъ власы
Осѣняютъ ея лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громвалъ:
Призракъ ли видитъ, или существо?
Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнеду онъ къ персямъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполнясь, Громвалъ
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
«Долго, долго искалъ я, Рогнеда, тебя

И по бѣлому свѣту скитался, какъ тѣнь!»

Тяжко вздохнувши, сказала она:
«Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
Раздраженный презрѣнною страстью своей,
Въ чародѣйскій сей замокъ меня перенесъ.

Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
Памяти чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была».

За руку взявши Рогнеду, Громвалъ
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Замокъ объемлетъ глубокая тьма;
Громы во мракѣ свирѣпо ревутъ;
Бурны вихри завыли, сорвавшись съ цѣпей;
Затрещали кремнистыя ребра горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пасть;
Ниспроверглись Зиланты, темница гигантъ:
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

Б. ПИСЬМА.

1800, октября 10.

Въ прошедшемъ письмѣ я обѣщалъ сообщить подробности визита моего у г. Карамзина. Вотъ онѣ. Въ половинѣ 12-го часа, съ старшимъ сыномъ (а) г. Тургенева поѣхали мы на Никольскую улицу и вошли въ нижній этажъ зелененькаго домика, гдѣ г. Карамзинъ нанимаетъ квартиру. Мы застали его съ Дмитріевымъ, читающаго 5-ю и 6-ю части его Путешествія, которыя теперь въ петербургской цензурѣ и скоро, вмѣстѣ съ Московскимъ Журналомъ, будутъ напечатаны. Увидѣвши насъ, Карамзинъ всталъ изъ вольтеровскихъ креселъ, обитыхъ алымъ сафьяномъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и сказалъ, что Иванъ Владиміровичъ давно ему обо мнѣ говорилъ, что онъ любитъ знакомиться съ молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ, не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и напечатанъ ли онъ. Я отвѣчалъ и на то, и на другое какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ, и оба сочинителя спрашивали меня наперерывъ: какіе языки мнѣ извѣстны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ, что перевелъ оду изъ

(а) Андреемъ Ивановичемъ, другомъ Жуковскаго.

Клейста (а). Г. Дмитріевъ требовалъ настунательно, чтобы я нѣсколько строфъ прочелъ ему, утверждая, что онъ послѣднюю піесу, которую сочинялъ, всегда помнитъ наизусть. Но я имѣлъ на тотъ разъ такое отсутствіе духа, что не выговорилъ бы порядочно ни одного слова, и чѣмъ болѣе приступали, тѣмъ менѣе чувствовалъ въ себѣ способности ихъ удовольствовать (хотя всю оду наизусть помню), и наконецъ отказался слабостію памяти. Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли переписку Юнга съ Фонтенелемъ изъ Философіи природы, и начали говорить о сей книгѣ, которой сочинителя онъ не любитъ. Вотъ слова его: «Этотъ авторъ можетъ только нравиться тому, кто имѣетъ *темную* любовь къ литературѣ. Опровергая мнѣніе другихъ, самъ не говоритъ ничего сноснаго; ожидаешь много, приготовишься,—и выйдетъ вздоръ. Нѣтъ плавности въ стилѣ, нѣтъ *зернистыхъ* мыслей, многое слабо, иное *плоско*, и онъ ничѣмъ не *брильируетъ*». Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много: въ десяти русскихъ вѣрно есть одно французское. *Имажинація*, *сентименты*, *tourment*, *énergie*, *épithète*, *экспрессія*, *экселлировать*, и пр. повторяетъ очень часто. Стихи съ риѳмами называетъ *побѣжденною трудностію*; стихи бѣлые ему нравятся; но говоритъ, что если начнетъ писать, то заставитъ всѣхъ подражать себѣ. По его мнѣнію, русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи, а особливо съ риѳмами; что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессію. Перебирая людей, имѣющихъ въ Казани свои библіотеки, о васъ упомянулъ я и сказалъ, что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли? спросилъ Дмитріевъ. Я отвѣчалъ, что прозою, съ перевода Лебрюнова (б), — и Карамзинъ призналъ этотъ переводъ за самый лучшій. Дмитріевъ хвалилъ Фонъ-Визина, Богдановича, но Карамзинъ былъ противнаго мнѣнія, и когда первый читалъ нѣсколько стиховъ изъ Поэмы на разрушеніе Лиссабона, переведенныя, какъ онъ говоритъ, Богдановичемъ, то онъ критиковалъ стихи:

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья...,

называя ихъ слабыми и пр. Онъ росту болѣе, нежели средняго, черноглазъ, носъ довольно великъ, румянецъ неровный и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ, и перебираетъ всѣхъ строго. Сожалѣетъ, что не умѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненій и называетъ ихъ своею *деревенькою*. Дмитріевъ росту высокаго, волосовъ на головѣ мало, косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно и обращаются про-

(а) Вѣроятно «Желаніе спокойствія» въ 7-й ч. «Ипокрены» (1800).

(б) Lebrun († 1824), переведшій прозою Освобожденный Іерусалимъ и Иліаду.

сто, хотя одинъ поручикъ, а другой генералъ-поручикъ. Прощаясь со мной, просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ.

Того же года и мѣсяца.

Третьяго дня я сдѣлалъ второй визитъ г. Карамзину и принятъ имъ столь же хорошо, какъ и въ первый. Сѣвши въ вольтеровскія свои кресла, просилъ онъ меня, чтобы я сѣлъ на диванъ, возвышенный не болѣе шести вершковъ отъ полу, гдѣ, какъ карла передъ гигантомъ, въ уничижительнѣйшемъ положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ. Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабилье: бѣлый байковый сюртукъ, на-распашку, и медвѣжьи большіе сапоги составляли его одежду. Говоря о новыхъ французскихъ авторахъ (которыхъ я очень мало знаю), совѣтовалъ мнѣ читать новѣйшіе романы, утверждая, что ничѣмъ не можно столь себя усовершенствовать въ истинѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ оныхъ. Совѣтовалъ мнѣ сочинять что-нибудь въ нынѣшнемъ вкусѣ и признавался, что, до изданія Московскаго Журнала, много бумаги имъ перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно. Журналъ его скоро выйдетъ новымъ тисненіемъ. — Комнаты его очень хорошо убраны, и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и италіянскихъ писателей; между ними замѣтилъ я Тасса, Метастазія, Франклина, Буфлёра, Дю-Пати и другихъ беллетристовъ. Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ, но имѣетъ многихъ непріятелей, которые, изъ зависти, ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую глупую эпиграмму:

Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ,
Спесью сталъ выше, разумомъ ниже.

А на «Бездѣлки» его также кто-то сдѣлалъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ, изъ Русскихъ, надписалъ:
«Мои бездѣлки»,
А умъ, прочтя, сказалъ:
Немного дива,
Лишь надпись справедлива.

Г. Дмитріевъ, почитатель и другъ Карамзина, думая, что послѣдніе стихи сочинены Шатровымъ (а), отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ Шатрова,
Насъ, Боже, упаси отъ разума такова.

Того же года въ ноябрѣ.

На вопросъ мой г. Карамзину, гдѣ и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ россійскомъ языкѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Родившись въ деревнѣ, воспитывался я въ Симбирскѣ, ходилъ въ пансіонъ и читалъ много книгъ русскихъ. Пріѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена нѣмецкому и фран-

(а) Извѣстнымъ въ свое время перелагателемъ псалмовъ.

цузскому языкамъ. Началъ переводить, сочинять и, къ счастію, познакомился съ Петровымъ (молодымъ человѣкомъ, котораго подъ именемъ Агатона оплакивалъ). Онъ имѣлъ вкусъ моего свѣжѣе и чище; поправлялъ мои маранья, показывалъ красоты авторовъ и я началъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣрясь выдти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить стиль его *дикій*, *варварскій*, вовсе несвойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого незаимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Измайлова (а) замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно: онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ «Моихъ бездѣлокъ».

[1]) Каменевъ, Гаврила Петровичъ (1772—1803), сынъ купца, род. въ Казани, гдѣ получилъ образованіе въ частномъ пансіонѣ. Узнавъ основательно нѣмец. и франц. языки, посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ, хотя и служилъ нѣкоторое время по выборамъ купечества. По дѣламъ своимъ ѣздилъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Москву, гдѣ какъ писатель, познакомился съ И. П. Тургеневымъ и его сыновьями (Андреемъ и Александромъ), Карамзинымъ и И. Дмитріевымъ. «Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ)», пишетъ онъ отъ 25 сентября 1800 г. къ своему другу, С. А. Москотильникову, «рекомендовалъ меня г. Тургеневу, подъ именемъ казанскаго негосіянта и литератора. Я принятъ былъ очень благосклонно, и г. директоръ университета (Тургеневъ) сказалъ мнѣ, что онъ за удовольствіе поставляетъ знать меня лично, хотя уже я, какъ ему, такъ и дѣтямъ его, давно по переводамъ извѣстенъ. Потомъ спросилъ меня въ шуткахъ, былъ ли я у «старосты россійской литературы» (т. е. у Хераскова), и на отвѣтъ Ив. Вл., что онъ меня съ нимъ еще не познакомилъ, препоручилъ онъ старшему сыну своему съѣздить со мною и рекомендовать меня «десятнику литературы» г. Карамзину, который боленъ и никуда не выѣзжаетъ. Потомъ сѣли за столъ, въ продолженіе коего говорилъ я съ дѣтьми его о нѣмецкихъ авторахъ. Старшій (Андрей) любитъ страстно Гете, Коцебу, Шиллера и Шпиза; онъ много переводилъ изъ нихъ, а особенно изъ Коцебу».—Литературные труды Каменева ограничиваются нѣсколькими стихотвореніями, мелкими прозаическими статьями и переводами. Нѣкоторые изъ нихъ напеч. въ журналахъ: Пріятное и полезное препровожденіе времени (1794—1799), Муза (1796), Ипокрена, или утѣхи любословія (1799—1801), Новости русской литературы (1802—1805) и Періодическое изданіе Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ (1804). Изъ переводовъ Каменева напеч. отдѣльно: Софія, или

(а) Владиміра, автора «Путешествія въ полуденную Россію».

сумасшедшая отъ любви, повѣсть Шписа (1801). Гробница на холмѣ, повѣсть Коцебу (1802), Счастіе одного бываетъ несчастіемъ другому, повѣсть Коцебу (1805). (Г. П. Каменевъ, ст. Второва въ 1-ой кн. литературнаго сборника графа Соллогуба: «Вчера и сегодня». (1845).

²) Громвалъ помѣщенъ впервые въ «Періодическомъ изданіи Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (1804), основаннаго въ 1801 г. Каменевъ поступилъ въ его члены 1802 г. О двухъ піесахъ его: «Графъ Глейхенъ» (не напеч.) и «Громвалъ», въ отчетѣ общества замѣчено, что первая изъ нихъ переведена съ нѣм. русскимъ размѣромъ (т. е. хореями съ дактилическимъ окончаніемъ, въ подражаніе Ильѣ Муромцу, Карамзина), а вторая написана особымъ дактилическимъ размѣромъ (точнѣе: первые два стиха строфы дактили, послѣдніе два — анапесты), и что обѣ онѣ заслуживаютъ вниманіе по плавности слога. Но это только внѣшнее ихъ отличіе, которое въ то время имѣло свою цѣну: анапестъ, называвшійся въ шутку «пестомъ», по своему тяжелому ходу, почитался непріятнымъ метромъ, прежде чѣмъ стихотворенія Жуковскаго узаконили ему мѣсто въ русской версификаціи. Главное значеніе Громвала заключается въ элементѣ романтическомъ. Оно указано А. Пушкинымъ: «Каменевъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма; мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти». Кромѣ врожденной наклонности къ романтизму, Каменевъ знакомился съ нимъ изъ нѣмецкой литературы (См. критическую статью Н. Тихонравова: «Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева», Отеч. Зап. 1855, № 1).

IV.

ПОДШИВАЛОВЪ (¹).

А. КЪ СЕРДЦУ (1794). (²).

Тихія колебанія сердца! электризуйте перо мое, да прославитъ оно чистый, неизсякаемый источникъ вашъ, источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей!

О ты, противъ коего ополчаются хладныя и тусклыя души и сравниваютъ тебя въ чернотѣ съ арапомъ и въ пятнахъ съ рысью; о ты, въ которомъ таинственные лжеумники находятъ множество ущелинъ и вертеповъ и вовсе хотятъ заглушить тебя; о ты, вещь незнаемая и непонятная для людей обыкновенныхъ, доброе и благодѣтельное сердце! не пробуждайся въ нихъ, щади мнимое ихъ благополучіе, не наказывай ихъ упорства и незнанія, бейся только для своихъ любимцевъ!

Пусть твои гонители въ пространныхъ владѣніяхъ твоихъ находятъ одни пороки и пусть при-

писываютъ ихъ не себѣ, но Богу, коего изображаютъ они Богомъ проклятій: ты можешь безпрепятственно изливать свои щедроты на немногихъ, чувствующихъ цѣну твою, можешь и изъ камня извлекать для нихъ пищу, можешь и въ пустынѣ, въ нѣдрахъ натуры дѣлать ихъ счастливыми!

Чувствительное сердце! благословляю тебя. Благословляю твою волшебную силу, утѣшающую родъ человѣческій, возвышающую наши радости, услаждающую наши прискорбія. Гдѣ только дѣйствуешь ты, тамъ не слышенъ ропотъ на всещедраго Бога, тамъ цвѣтетъ величественная натура и упоеваетъ чувства нектаромъ простоты, непринужденности, легкой и сладостной жизни; тамъ и самыя горести превращаются въ источникъ утѣхъ. Несчастливъ братъ мой, сердце мое рвется: но, стремясь помочь ему, утѣшить его, ощущаетъ неизъяснимое веселіе. Несчастливъ я самъ, сердце мое вздымается противъ утѣснителей: но я невиненъ, я отношу ихъ притѣсненія на счетъ властолюбія или зависти, что они не могутъ наслаждаться тѣми жъ удовольствіями, которыми я наслаждаюсь, и сія мысль извлекаетъ болѣзненный вздохъ изъ груди моей; а на вздохъ мой нисходитъ любимая дщерь небеснаго Отца, кроткая надежда и, усыпляя мои мученія, манитъ возвратиться къ внутреннимъ радостямъ, которыхъ никто у меня похитить не можетъ. Я люблю — чувствительнымъ сердцамъ любить сродно—и пламенная любовь моя переселяетъ меня въ край благодѣтельныхъ фей, учитъ таинствамъ грацій, готовитъ среди самыхъ терзаній пріятныя для предбудущихъ временъ воспоминанія. Чувствительное сердце, о, сколь драгоцѣнно ты! Въ самое то время, когда мы, кажется, отъ тебя злополучны, ты устрояешь наше счастіе. Горе нечувствительнымъ! горе управляемымъ силою одного механизма!

Мягкое сердце! Ты еще менѣе находишь поборниковъ. Сколько считаютъ невыгодъ, отъ тебя происходящихъ! Но развѣ лучше, когда подобный намъ, не имѣя тебя, равнодушно смотритъ на злополучія, насъ обременяющія; когда сильный, не имѣя тебя, давитъ слабаго, со стономъ передъ нимъ извивающагося; когда тигръ-воинъ, не имѣя тебя, терзаетъ съ лютостью непріятеля, молящаго о пощадѣ? Развѣ лучше, когда безчеловѣчный судья мыслитъ токмо о своей корысти и умножаетъ строгость законовъ; когда лихоимецъ грабитъ ближняго, у него просить помощи принужденнаго? Развѣ лучше обманывать, нежели быть обмануту?—Горе жестокосердымъ!

Доброе сердце! руководствуй всегда мною. Ахъ! я чувствовалъ небесное наслажденіе, съ твоими изліяніями сопряженное; а чувствовавъ его, могу ли самовольно отказаться отъ твоихъ прелестей? Несчастливъ, кто ихъ не знаетъ, кто неспособенъ слѣдовать твоимъ внушеніямъ! Согласившись одинъ

только часъ быть добрымъ человѣкомъ, легко всякій увѣрится, что нѣтъ ничего пріятнѣе въ свѣтѣ, какъ быть всегда таковымъ. Доброе сердце! руководствуй моими мыслями и дѣлами. Пусть всѣ мои знакомые, всѣ приближенные будутъ довольны мною и, сколько можно, чрезъ меня счастливы.

Простосердечіе, чистосердечіе! надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена; но ты, любезный К**, иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!

Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человѣкъ будетъ безъ нихъ счастливъ?

Тихія колебанія сердца! вы электризовали перо мое, и похвала чистому, неизсякаемому источнику вашему, источнику драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей, понравится душамъ добрымъ.

Б. МОИМЪ ДѢТЯМЪ (1813). (3).

а) Наша фамилія.

Начало фамиліи нашей теряется во мракѣ временъ; думаю однакожъ, что и мы, подобно другимъ людямъ, произошли отъ Адама, а что дѣйствительно Русскіе, безъ всякой примѣси со стороны Кипчатской или Золотой орды, въ томъ свидѣтельствуютъ русые волосы, общіе всѣмъ однофамильцамъ нашимъ. Не углубляясь въ происхожденіе русскихъ отъ троянъ, скиѳовъ, даковъ, мидянъ и проч. и проч., что не принадлежитъ къ фамиліи нашей, довольно сказать, что былъ шутливый крестьянинъ (это мой дѣдушка), котораго сосѣди за остроту, можетъ быть съ излишествомъ иногда расточаемую, прозвали моимъ именемъ. Такъ по крайней мѣрѣ покойная мать мнѣ пересказывала; но я съ своей стороны имѣю причины думать, что фамилія наша гораздо древнѣе.... Я и самъ, проѣзжая чрезъ Клинъ, собственными глазами видѣлъ многихъ однофамильцевъ нашихъ, хотя родствомъ съ ними никакъ счесться не могъ; но пожертвованія, дѣланныя въ пользу милиціи въ послѣднюю войну съ французами, открыли въ Твери и Орлѣ еще болѣе зажиточныхъ однофамильныхъ съ нами купцовъ, изъ коихъ одинъ и головою въ Орлѣ. Наконецъ неподалеку отъ Петербурга есть цѣлая деревня нашего имени. И такъ вотъ сколько причинъ древности нашей фамиліи вѣрить и вамъ, дѣти мои, оною гордиться!

б) Деревня Романова.

Какъ я ее помню, бывъ тамъ въ младенчествѣ и потомъ для

сладкихъ воспоминаній въ юношескихъ лѣтахъ! Она принадлежитъ къ селу Турбичеву, верстахъ въ 60 отъ Москвы, и положеніе имѣетъ романтическое. Впереди кустарникъ, куда я ходилъ иногда за грибами, позади болото и верстахъ въ двухъ небольшой прудъ, изъ котораго довольствуются водою скотъ и люди.

У крестьянина Василья были три сына: Мартынъ, Илья и Сергѣй. Мартынъ, какъ старшій, наслѣдовалъ послѣ отца домоводство, прилежно пахалъ землю, разводилъ пчелъ, ѣдалъ ихъ соты и яблоки. У него также были три сына: Игнатій, Егоръ и Иванъ; но, по тогдашнему ихъ малолѣтству, въ домашнемъ быту больше всего помогалъ ему братъ Илья, человѣкъ равномѣрно женатый. Сергѣй, младшій изъ всѣхъ, занимался работою, которая была полегче; между тѣмъ онъ росъ и выросъ румянъ и пригожъ.

Крестьяне и крестьянки сосѣдней деревни Малышной — и ее помню я живо, какъ бывало, пекъ тамъ, на крутомъ берегу ручья, при подошвѣ стараго дуба, большую Дмитровскую рѣпу; какъ любовался на противоположномъ берегу деревнями Селивановымъ и Моговиловымъ, а позади Есминымъ, чуть виднымъ на высокой горѣ, съ которой поспѣвающій хлѣбъ волновался—и такъ крестьяне и крестьянки Малышескіе были прихожане къ Турбичевской же церкви. Марья, прекрасная молодая дѣвушка, дочь Ивана Забѣлина, увидѣла тамъ пригожаго Сергѣя, Сергѣй увидѣлъ прекрасную Марью, и оба воспылали другъ къ другу первою, неугасаемою любовію. Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались они воскресенья или праздника, чтобы опять увидѣться! Какъ выискивали случаи видѣться чаще на лугу, въ кустарникахъ, на сѣнокосѣ! Накопецъ (говоря высокимъ слогомъ) они объяснились, и какъ со стороны обѣихъ фамилій никакого препятствія не было, то и поклялись предъ алтаремъ Господнимъ вѣчно любить другъ друга.

О любовь! сколько горести твои мучительны, сколько удовольствія сладки! Сергѣй утопалъ въ морѣ блаженствъ, Марья отвѣтствовала его восторгамъ. Но когда счастіе человѣческое бываетъ продолжительно? Уже шумятъ издалека врановы крылья грозной тучи, уже приближается она, уже виситъ надъ головами счастливцевъ. Объявленъ рекрутскій наборъ. Старики ѣдутъ къ чудотворному образу Спаса Цѣлителя на Ведерницы молить Его объ отвращеніи громоваго удара отъ ихъ семействъ. Молодежь разсыпается. Одни себя увѣчатъ, другіе кроются по лѣсамъ. Сергѣй также скрылся. Первый жаръ любви, слезы, ласки и убѣжденія Марьи увлекли его. Кто не подверженъ слабости! Между тѣмъ изъ Борисо-Глѣбскаго монастыря, къ которому приписана была Турбичевская волость, пріѣзжаетъ для набора ужасный служка. Старшіе братья ищутъ Сергѣя, находятъ

его, кидаются предъ нимъ на колѣни. Мартынъ, котораго уважалъ онъ, какъ отца, и котораго горячо любилъ (Иванъ былъ тутъ же), всхлипывая, говоритъ ему: «братецъ, помилуй! жеребій палъ на нашу семью. Ты знаешь, какъ давно мы женаты и сколько у насъ дѣтей! не дай въ конецъ разориться!» Сергѣй взглядываетъ на Марью; Марья стоитъ, сложа руки, какъ окаменѣлая. Слезы прошибаютъ его. Онъ обращается къ братьямъ и любимцу Мартыну, долго молчитъ, блѣднѣетъ, наконецъ твердымъ голосомъ произноситъ: «иду!» — И вотъ Сергѣй рекрутъ.

в) Дальнѣйшія приключенія Сергѣя и Марьи.

Я для того такъ ими занимаюсь, что Сергѣй и Марья были въ послѣдствіи отецъ и мать мои. Съ какою, бывало, жадностію, дѣти, слушалъ я повѣствованіе вашей бабушки, неоднократно повторяемое! съ какою горестію мысленно странствовалъ съ нею, какъ съ матерью, по чужимъ сторонамъ, по краямъ незнаемымъ.

«Другъ ты мой, я отъ тебя не отстану!» сказала Марья Сергѣю, когда началъ сѣдѣть туманъ, ихъ окружавшій. Произнесла и сдержала слово. Они отправлены въ Москву, а оттуда въ новый корпусъ, который тогда—это было въ царствованіе блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны — противъ прусаковъ набирался. Фельдмаршалъ, графъ Ферморъ, командовалъ россійскимъ войскомъ; но онъ имѣлъ дѣло съ опытнымъ, искуснымъ полководцемъ—извѣстнымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ (а). Имѣя больше людей, графъ Ферморъ рѣшился окружить прусскую армію; а Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ это время, когда наши вытягивали полукругомъ, ударилъ на лѣвое наше крыло, гдѣ новый корпусъ находился, и давай колоть и рубить. Марья не упомнитъ мѣста, при которомъ происходило это побоище, да и я не намѣренъ справляться о немъ съ исторіею; ибо не военные подвиги графа Фермора описываю, а приключенія Сергѣя и Марьи.

Ну! новый корпусъ разбитъ, такъ что немного изъ него уцѣлѣло, хотя и говорятъ, что онъ изъ 10 тысячъ человѣкъ былъ составленъ. Остатки размѣщены по другимъ полкамъ, а тяжело раненые — разумѣется, когда не умирали, а выздоравливали—разосланы по гарнизонамъ. И Сергѣй, какъ раненый, отправленъ въ Казань. Марья съ нимъ.

Не стану разсказывать, какъ они плыли по Волгѣ, какъ бурлаки умышляли на жизнь Сергѣеву, дабы овладѣть прекрасною Марьей, и какъ ихъ, подъ самою Казанью, чуть было волной не захлеснуло. Словомъ: они прибыли въ Казань благополучно.

Служба гарнизонная извѣстна.

(а) Фридрихомъ Великимъ.

Сергѣй служилъ и—тужилъ, потому что дѣлать было нечего. Онъ задумалъ объ отставкѣ, но не смѣлъ открыться въ томъ командиру. Марья, участница всѣхъ его таинъ, была уже столько смѣтлива, чтобъ поднести лекарю кусокъ холстины и чрезъ то получить отъ него свидѣтельство о мнимо-неизлечимыхъ болѣзняхъ Сергѣя. И такъ, вотъ онъ—опять на свободѣ.

Изъ путешествія ихъ отъ Казани до Москвы слабая память моя удержала только то, что они ѣхали на одной лошадкѣ и много потерпѣли дорожнаго горя. Наконецъ они прибыли въ Москву бѣлокаменну съ золотыми маковками.

Здѣсь надлежало рѣшиться, какъ жить да быть, да добра наживать; ибо на родину ѣхать послѣ службы царской казалось имъ уже стыдно. Думать надобно, что у Сергѣя голова была романическая (я его помню: ростъ среднiй, станъ прямой и крѣпкiй, волосы русые, лобъ открытый, глаза сѣро-голубые, цвѣтъ свѣжiй), ибо первая мысль ему пришла извозничать. Сколько разныхъ сѣдоковъ, сколько разныхъ разсказовъ! сколько новыхъ домовъ, улицъ и лицъ! Признаюсь, что и я, во время пѣшеходства, нѣсколько лѣтъ занимался тѣмъ, чтобъ смотрѣть въ глаза прохожимъ и изъ тѣлодвиженiй ихъ угадывать, каковъ кто, куда спѣшитъ, чѣмъ занятъ. Но послѣ того, какъ онъ везъ опальное имѣнiе и съ нимъ попалъ въ полицiю, откуда его Марья выручила, пробудилась въ немъ прежняя любовь къ природѣ и ея произведенiямъ. Сергѣй снялъ огородъ. Продажа зелени и овощей съ избыткомъ наградила труды его.

г) Никола въ Новой слободѣ.

Тутъ я родился въ деревянномъ домѣ секретаря Ключарева, у котораго отецъ мой нанималъ вышеупомянутый огородъ; а это случилось 2-го марта 1765 года на солнечномъ восходѣ, какъ мнѣ послѣ мать пересказывала. У отца и матери было насъ осьмеро: четыре сына, Григорiй, Левъ, Имярекъ, я, и четыре дочери: Имярекъ именемъ (а), Елисавета и Аграфена. Я былъ предпослѣднiй, и одинъ остался на свѣтѣ; а безъ того не было бы исторiографа нашей славной фамилiи.

Есть люди, которые утверждаютъ, что со втораго или третьяго года жизни своей всѣхъ и все уже помнятъ. Я, къ стыду моему, признаться долженъ, что въ то время память моя спала еще глубокимъ сномъ, и того даже не упомнитъ, какъ глаза мои закрылись — отъ золотухи, или чего другаго, не знаю. Около полутора года слѣпотствовалъ я, какъ вдругъ сестра Елисавета радостно воскликнула: «маменька! Ясенька проглянулъ!» Съ тѣхъ поръ и гляжу я; а ежели бы навсегда слѣпымъ остался, то многаго не увидѣлъ бы на свѣтѣ!

(а) Это значитъ, что я имена ихъ запамятовалъ.

*

Съ шестаго года началъ помнить я себя, да и то болѣзненнымъ образомъ. Отецъ мой произведеніе огорода своего важивалъ для продажи на Моховую. Однажды вздумалось ему, по укладкѣ зелени, посадить и меня въ телѣжку, которую онъ самъ возилъ. У Тверскихъ воротъ пошелъ дождь; отецъ прикрылъ меня рогожкой. Но на Моховой дождь усилился, пробилъ насквозь рогожку и меня, соннаго, до костей, и я началъ плакать. «Экой братецъ ты какой!» напустили другіе огородники: «вѣдь убьешь малаго!» и батюшка, не продавши ничего, воротился домой, гдѣ еще ему отъ матушки досталось.

Что я былъ баловень у отца съ матерью, то можно заключить изъ моего наряда, въ какомъ я хаживалъ по праздникамъ и воскресеньямъ. На мнѣ бывалъ тогда китайчатый озямъ, бархатный камзолъ съ золотымъ позументомъ, на площади купленный, и на головѣ корабликъ съ шерстянымъ вязаннымъ околышемъ. Къ томужъ, какъ ни свято мои родители наблюдали посты, меня однако не строго къ нимъ придерживали, и я, даже до обѣдни, въ Рождество Христово могъ выпросить у матушки мяса.

Отецъ мой поразжился и вздумалъ купить свой домишка,—что и дѣйствительно исполнилъ. Домъ нашъ находился позади Вязковъ, на ямскихъ концахъ, предпослѣдній къ полю; и при немъ былъ постоялый дворъ съ большимъ огородомъ, который оканчивался длиннымъ прудомъ. Какъ мнѣ жаль было разставаться съ домомъ Ключарева, котораго сынъ Алексѣй, мой крестный батюшка, часто лакомилъ меня! А однажды объ масляницѣ, въ прощальное воскресенье, когда я и матушка принесли ему большой круглый пряникъ да кусокъ мыла, подарилъ мнѣ шелковый кошелечекъ, въ которомъ лежали два серебряные гривенника. Какое торжество, какая радость! У меня никогда еще въ рукахъ денегъ не бывало.

На новосельѣ познакомился я съ Жереховымъ, коего отецъ слылъ важнымъ человѣкомъ въ околодкѣ, ибо имѣлъ домъ, обитый тесомъ и выкрашенный зеленою краскою пополамъ съ бѣлой. При томъ же онъ былъ сержантъ и счетчикъ при монетномъ дворѣ. Его-то сынъ, который годами двумя былъ меня старше, преподалъ мнѣ первые уроки, какъ играть въ кляпы и бабки. Но кляпы скоро мнѣ надоѣли, ибо я всегда, почти даже и въ грязь осенью, долженъ былъ извѣстное разстояніе проскакать на одной ногѣ, при чемъ сзади многіе голоса кричали: «а, кисель, кисель! ноги подъѣлъ». Отъ того у меня нерѣдко бывали цыпки. Въ бабки онъ меня также обыгрывалъ, и я часто, чтобъ намѣнять бабокъ, тихонько бралъ у бабушки изъ залавки свѣжія яица... (Виноватъ! и позабылъ объ ней. Ее звали Степанидой, отечества не упомню; она была мать моей матери, любила меня безъ памяти

и жила болѣе осьмидесяти лѣтъ). Но въ бабки я со временемъ сдѣлался такой мастеръ играть, что когда идешь, бывало, по Арбату, то со всѣхъ сторонъ кричатъ: «лихой, лихой идетъ!»

Съ Жереховымъ странствовали мы по Ямскому полю (гдѣ теперь острогъ), чтобы рвать щавель, а особливо столбцы, также и дягель, кои, облупливая, съ удовольствіемъ ѣли. Съ тѣмъ же намѣреніемъ, перешедъ дорогу и пустясь въ противную сторону, мы дошли было разъ до Лазарева кладбища, какъ на берегу пруда увидѣли нагую женщину, которая расчесывала себѣ длинные черные волосы. Оба обмерли, оба вскричали: русалка! русалка! и безъ чувствъ пустились бѣжать къ М—ой (а) заставѣ.

Съ Жереховымъ же однажды забрались мы въ чужой садъ. Онъ успѣлъ набить яблоками карманы, а я только что два или три сорвалъ, какъ увидѣлъ насъ сторожъ. Жереховъ ушелъ. Я какъ куръ во щи. Безчеловѣчный сторожъ высѣкъ меня свѣжею крапивой. И теперь больно, какъ вспомнишь! Сколько на свѣтѣ грабителей и воровъ, которые и не яблоки крадутъ, а ихъ не сѣкутъ свѣжею крапивой!

Шесть лѣтъ минуло, и меня отвели къ Казанской въ Сущовѣ къ курносому дьячку учиться грамотѣ. Грамота мнѣ далась, и я ужъ бѣгло читалъ подъ титлами: азъ — ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, буки — Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ и проч., какъ наступила страшная эпоха.

(а) Міусской.

д) Моръ и бунтъ.

Ахъ! два вдругъ, и какіе жъ два ужасные бича для рода человѣческаго!... узы родства, узы крови сами по себѣ расторгнуты; съ другой стороны невольно течетъ кровь черными рѣками. Стонетъ въ домахъ и по стогнамъ умирающій; вопіетъ громогласно пьяно-неистовый; или привидѣнія, или страшилища; смерть ослабляется, видя вездѣ и во множествѣ жертвы, ей угодныя. Рушился порядокъ, хаосъ владычествуетъ. И блѣдныя, и рдяныя лица равно прахъ земной лобызаютъ. Небо безпрерывно плачетъ.

Я самъ видѣлъ—и волосы подымались дыбомъ—какъ фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ — воплощенные діаволы—длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оные прежде похоронялись и гдѣ уже запрещено было хоронить ихъ. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и, обезображенная, безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу.

Я самъ слышалъ—и кровь леденѣла въ жилахъ: — «батюшки, рѣжутъ!» Голосъ часъ отъ часу

слабѣлъ; на другой день въ самомъ дѣлѣ зарѣзаннаго находили. Слышалъ, какъ всюду били въ набатъ, и взволновавшаяся чернь за 30 верстъ отъ Москвы и кругомъ ея бѣжала съ яростію и въ ночное время била дубинами въ ставни, крича: «постойте за домъ Божій, постойте за Мать Пресвятую Богородицу!»

Это было начало мора и бунта, и въ это-то время меня отпустили, меня увезли въ деревню. Не помогало ношенье чесноку въ карманахъ, ни куренье можжевельникомъ и прыганье черезъ огонь. Моръ разлился, какъ быстрое пламя, гонимое вихремъ. Отецъ мой заразился — я это послѣ услышалъ—сначала показались на тѣлѣ прыщики съ острыми головками, позеленѣли, почернѣли: отецъ мой умеръ. У матушки открылась рана, гноилась долго, прорвалась и затянулась: матушка выздоровѣла. Напротивъ, бабушка и сестра Елисавета не устояли. Самая Аграфена зачахла; она черезъ годъ за ними послѣдовала. И вотъ— мы одни съ матерью!...

Причиной мора была шерсть, привезенная изъ Константинополя на суконную фабрику у Каменнаго моста...

[1]) Подшиваловъ, Василій Сергѣевичъ (1765--1813), сынъ отставнаго солдата жившаго въ Москвѣ, получилъ образованіе въ университетской гимназіи, откуда, въ 1782 году, вышелъ съ званіемъ студента и былъ назначенъ учителемъ «россійскаго стиля» и логики. Какъ ревностный членъ «Собранія университетскихъ питомцевъ», основаннаго въ 1781 году, онъ участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ Новикова, который любилъ окружать себя даровитыми молодыми людьми, кончившими курсъ въ университетѣ: статьи Подшивалова есть въ «Вечерней Зарѣ (1782 г.)» и въ «Покоящемся Трудолюбцѣ (1784—85)». Въ тоже время Подшиваловъ, занимая должность надзирателя въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, преподавалъ его воспитанникамъ стилистику. Для распространенія между ними вкуса къ русской словесности, онъ занималъ ихъ въ засѣданіяхъ «Собранія», открытаго по примѣру Собранія воспитанниковъ университета, практикой словеснаго искусства: разбиралъ ихъ собственные опыты и произведенія классическихъ писателей. Съ 1785 года Подшиваловъ оставилъ ученую службу и поступилъ въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сначала получилъ мѣсто актуаріуса, а потомъ переводчика. Но съ новою должностію не прекратились его литературные труды. Въ Москов. Журналѣ обоихъ годовъ (1791 и 1792) помѣщено нѣсколько его статей оригинальныхъ и переводныхъ: «Нравственное удовольствіе», «Мысли въ день моего рожденія», «Титъ», и др. Въ это же время, именно съ 1791 г., онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ московскаго университета, Сохацкимъ, становится издателемъ журналовъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», 12 ч. (1791—1793), «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 20 ч. (1794—1798), «Ипокрена, или утѣхи любословія», 11 ч. (1799 — 1801). Въ первомъ изъ нихъ напечатаны многіе его переводы изъ нѣмецкихъ авторовъ, особенно изъ Мейснера (Біанка Капелло и другія повѣсти), а равно переводъ Сенъ-Пьерова романа: «Павелъ и Виргинія», сдѣланный его первою супругою (другой переводъ

ея: «Индѣйская хижина», того же автора). Почти каждую часть втораго журнала Подшиваловъ открывалъ лирическою статьею въ прозѣ, напр.: «Къ сердцу», «Къ жизни», «Покой», «Суеты» и пр.; первая изъ нихъ взята въ Христоматію. Въ этомъ же изданіи нап. его «Письмо къ дѣвицѣ Ф. о россійскомъ стопосложеніи». Въ 1795 г. Подшиваловъ перешелъ изъ архива въ моск. восп. домъ на должность цензора и помощника главнаго надзирателя; вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ инспекторомъ классовъ въ коммерческомъ училищѣ. При переводѣ училища въ Петербургъ (1800), былъ назначенъ его директоромъ, а въ 1810 опредѣленъ предсѣдателемъ гражданской палаты во Владимірѣ, гдѣ и скончался.

Отдѣльно изданные переводы и сочиненія Подшивалова:

а) Книга премудрости и добродѣтеля, или состояніе челевѣческой жизни. Индѣйское правоученіе. Съ англійскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное В. П. 3 ч. (1786). Подшиваловъ два раза переводилъ ее, такъ какъ первый переводъ былъ похищенъ. Введеніе къ ней заключаетъ въ себѣ два письма изъ Пекина, гдѣ будто бы сочиненіе было обнародовано, въ Лондонѣ къ лорду Честерфильду. «Книга премудрости» имѣла нѣсколько русскихъ переводовъ: «Экономія жизни человѣческой» (1765), «Китайскій мудрецъ» (2-ое изд. 1777), «Нравственная энциклопедія» (1804), «Мысли индѣйскаго философа» (1810), «Мысли о таинствѣ натуры» (1811). Многое въ ней—по замѣчанію г. Ешевскаго—совершенно сходно съ содержаніемъ книги, изданной Н. Новиковымъ въ 1783 году: «Карманная книжка для В.. К.. (*т. е. Вольныхъ Каменьщиковъ, или франмасоновъ*) и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ, съ присовокупленіемъ: 1) изъ высочайшей философіи для размышленія и 2) поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три степени (См. «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ: Новиковъ и Шварцъ», въ 21 кн. Русскаго Вѣстника 1857). Сочиненіе это, нѣкогда знаменитое и часто переводившееся на иностранные языки, приписывали и Честерфильду и Боннету. Авторъ его — англичанинъ Додслей († 1764).

б) Двѣ книги Аполлодоровой библіотеки о богахъ (1787).

в) Краткая психологія, или ученіе о душѣ для дѣтей, Кампе, пер. съ нѣм. (1789).

г) Біанка Капелло, Мейснера, съ нѣм. (1803). (Сопиковъ указываетъ еще изданіе 1793).

д) Сокращенный курсъ россійскаго слога, изданный ученикомъ Подшивалова, Александромъ Скворцовымъ (1796).

е) Повѣсти и басни Мейснера, 10 ч. (1800—1807).

Кромѣ того, въ період. изданіяхъ: «Моимъ дѣтямъ» (начало автобіографіи). «Чтеніе и письмо, или азбука» (Труды Общ. люб. рос. слов. ч. V, 1816). Вмѣстѣ съ М. Снегиревымъ Подшиваловъ занимался редакціею сборника: «Распускающійся цвѣтокъ» (1787), содержащаго въ себѣ сочиненія и переводы воспитанниковъ благороднаго пансіона. (О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова, статья ученика его, В. Измайлова, въ 13 № Вѣст. Евр. 1814 г.; Слов. Евгенія, II).

[2]) «Пріят. и полез. препровожденіе времени», ч. 1. Одна изъ многихъ піесъ того времени, увлеченнаго сентиментализмомъ Карамзина, къ которому Подшиваловъ обращается («любезный К***», и пр.). Въ «Письмѣ къ издателямъ», при посылкѣ стиховъ (ч. 2-ая того же журнала) неизвѣстнаго автора, Карамзинъ называется «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ *нашимъ Стерномъ*». Вотъ и стихи въ похвалу

ему, названные эпиграммой (въ смыслѣ надписи):

Кто въ прозѣ и стихахъ пріятностью блистаетъ?
Какъ Мармонтель, какъ Стернъ, сердца и умъ плѣняетъ?
Кто ихъ чувствительность вмѣстилъ въ себя одинъ?
Нашъ путешественникъ россійскій Карамзинъ.

Что касается до Стерна, то онъ вызывалъ самые пламенные восторги. При отрывкахъ изъ Новаго Іорика, читается такая выноска: «Безподобный Стернъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что *тебѣ* подражали».

[8]) «Вѣст. Европы 1814, № 5». Въ примѣчаніи сказано: «Писано за нѣсколько недѣль до смерти въ самой жестокой болѣзни. Таже острота, которая всегда его отличала, видна и въ семъ отрывкѣ, къ сожалѣнію, неконченномъ».

V.

ШИШКОВЪ.

А. РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА. (1803). ([1]).

Всякъ, кто любитъ россійскую словесность и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ ([2]). Древній славенскій языкъ, отецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники ([3]). Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе, многими вѣками утвержденное, основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодоносной земли благоустроенный домъ свой переносить на безплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: «такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго словенскаго языка купно съ россійскимъ отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности

нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ». Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: «вкрадываются къ намъ нечувствительно»; но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняютъ языкъ нашъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: «раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ *славяно-русскихъ* господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, называемая французами *élégance*» (4). Я долго размышлялъ, вподлинну ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностію! совершенное безобразіе и порчу онаго—образованіемъ! Онъ именуетъ прежніе переводы славяно-русскими: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Не ужъ ли презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего, славенскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы и даже самыя сочиненія? безъ сомнѣнія, французско-русскими: и сіито переводы предпочитаетъ онъ славено-россійскимъ? Правда, ежели французскоо слово élégance перевесть по русски «чепуха», то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова (5)!

Отколѣ пришла намъ такая нелѣпая мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка французскаго? Поищемъ источниковъ сего крайняго ослѣпленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоин-

ствомъ, хвастаютъ и величаются?

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, который въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искусство и свѣдѣніе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя: изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи; пристойному употребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогѣ; различію сихъ слоговъ; правильному писанію; краснорѣчивому смѣшенію славенскаго величаваго слога съ простымъ россійскимъ; свойственнымъ языку нашему изгибамъ и оборотамъ рѣчей; складному или нескладному расположенію ихъ; краткости выраженій; ясности и важности смысла; плавности, быстротѣ и силѣ словотеченія. Между тѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или несогласнаго сліянія буквъ и, однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искусствомъ; отсюду рождается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумѣніе судить объ оныхъ. Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности. Но коль сей путь, толико трудный и требующій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно труднѣйшимъ для тѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили? Когда, можетъ быть, изъ превеликаго множества нынѣшнихъ, худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочитали они пять или шесть, а въ церковныя и старинныя славенскія и славено-россійскія книги, откелѣ почерпается истинное знаніе языка и красота слога, вовсе не заглядывали (6)? Они читаютъ французскіе романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормчаго, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе французскихъ книгъ, дабы чистоту нравовъ своихъ, въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ, не преткнуть о камень; но скажу токмо, разсуждая о словесности: какую пользу принесетъ имъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не читаютъ они своихъ? Вольтеры, Жанъ-Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры не научатъ насъ писать по-русски. Выуча всѣхъ ихъ

наизусть и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ совсѣмъ не имѣютъ той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ точно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человѣку подражаютъ попугаи, или, иначе сказать, мы будемъ подобны такому павлину, который, не зная или пренебрегая красоту своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать оныя отъ птицъ, несравненно меньше его прекрасныхъ, и столько ослѣпленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающій око разноцвѣтный хвостъ свой готовъ натыкать перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Отъ сего, можно сказать, безумнаго прилѣпленія нашего къ французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впадаемъ въ большее невѣжество и, забывая природный языкъ свой или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятіе свое къ ихъ выраженіямъ и слогу.

Прилежное чтеніе россійскихъ книгъ отниметъ у нынѣшнихъ писателей драгоцѣнное время читать французскія книги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли «трогательную» Заиру, «занимательнаго» Кандида, «милую» Орлеанскую дѣвку промѣнять на скучный прологъ, на непонятный Несторовъ Лѣтописецъ? Избѣгая сего труда, принимаются они за самый легкій способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ, напримѣръ, какъ: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіазмъ*, *катастрофа* и тому подобныхъ (7). Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать не русскія, какъ напримѣръ: вмѣсто будущее время говорятъ *будущность*; вмѣсто настоящее время *настоящность* и проч. (8). Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣми же чинами въ нашу службу, думая, что они въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: influence переводятъ *вліяніе* и, не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, *вливаетъ въ сердце ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка, съ предлогомъ на: faire l'influence sur les esprits, *дѣлать вліяніе на разумы* (9). Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*,

развитіе, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой нелѣпый слогъ рождается отъ сихъ русско-французскихъ словъ. Здѣсь же примѣтимъ токмо, что по сему новому правилу такъ легко съ иностранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы токмо списывать ихъ (10). Затрудненіе встрѣтится въ томъ единственно, что незнающій французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ россійскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но, благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаетъ нынѣ по французски? По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, не догадаться, что оное значитъ révolution, или по крайней мѣрѣ révolte. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: *развитіе*, développement; *утонченный*, raffiné; *сосредоточить*, concentrer; *трогательно*, touchant; *занимательно*, intéressant, и такъ далѣе. Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать* и тому подобныя, которыхъ они сроду не слыхивали, и потому о таковомъ писателѣ съ гордымъ презрѣніемъ говорятъ: «онъ педантъ, провонялъ славянщиною и не знаетъ французскаго въ стилѣ элегансу».

Главная причина, къ какой многіе нынѣшніе писатели относятъ необходимость рабственнаго подражанія ихъ французамъ, состоитъ въ томъ, что они, читая французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которымъ, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ (11). Чтожъ до того? Неужели безъ знанія французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ французы точно выразить не могутъ? *Милая*, *гнусный*, *погода*, *пожалуй*, *благоутробіе*, *чадолюбіе* и множество сему подобныхъ, коимъ на французскомъ языкѣ, конечно, нѣтъ равносильныхъ; но меньше ли чрезъ то писатели ихъ знамениты? Гоняются ли они за нашими словами и говорятъ ли: mon petit pigeon, для того что мы говоримъ: *голубчикъ мой*? Стараются ли они глаголъ *приголубить* выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени pigeon, ради того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубь*? Силу нашихъ рѣчей, таковыхъ напримѣръ, какъ: *мнѣ было говорить*, *писать было тебѣ къ твоему отцу*, *быть писать*, *быть посему* и проч., выразятъ ли они на своемъ языкѣ, когда переведутъ ихъ изъ слова въ слово: à moi été parler, écrire à toi été, être écrire, être comme

cela etc.? Странно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ, ни Буаловъ, еслибъ они такъ думали; но мы не то ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *подпирать мнѣніе свое*, *двигать духами*, *черта злословія* и проч.? Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire? Я думаю, скоро boire à longs traits станутъ переводить: *пить долгими чертами*; il a épousé ma colère, *онъ женился на моемъ гнѣвѣ*. Наконецъ меньше ли странны слѣдующія и симъ подобныя рѣчи: *Имена мелкія цѣны.—Принудился провождать скитающуюся жизнь. — Голова его образована для тайной связи съ невинностію.—Храбрость обоихъ оказывается самъ на самъ. — Законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы*, и проч.?

Между тѣмъ какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись. И такъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ-то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая французами élégance.

Многіе нынѣ, почитая невѣжество свое глубокимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ, презираютъ славенскій языкъ и думаютъ, что они весьма разумно разсуждаютъ, когда изо всей мочи кричатъ: неужли писать: *аще*, *точію*, *вскую*, *уне*, *понс*, *распудить* и проч.? Такихъ словъ, которыя обветшали уже, и мѣста ихъ заступили другія, толико же знаменательныя, конечно, нѣтъ никакой нужды употреблять; но дѣло въ томъ, что мы вмѣстѣ съ ними и отъ тѣхъ словъ и рѣчей отвыкаемъ, которыя составляютъ силу и красоту языка нашего. Какъ могутъ обветшать прекрасныя и многозначащія слова, таковыя напримѣръ, какъ: *дебелый*, *доблесть*, *присно*, и отъ нихъ происходящія: *одебелѣть*, *доблій*, *приснопамятный*, *приснотекущій* и тому подобныя? Должны ли слуху нашему быть дики прямыя и коренныя наши названія, таковыя, какъ: *любомудріе*, *умодѣліе*, *зодчество*, *багряница*, *вождельніе*, *велелѣпіе* и проч.? Чѣмъ меньше мы ихъ употреблять станемъ, тѣмъ бѣднѣе будетъ становиться языкъ нашъ и тѣмъ болѣе возрастать невѣжество наше; ибо вмѣсто природныхъ словъ своихъ и собственнаго слога мы будемъ объяснять-

ся чужими словами и чужимъ слогомъ. Отъ чего, напримѣръ, *благорастворенный воздухъ* есть выраженіе, всякому вразумительное, между тѣмъ какъ рѣчь: *царство, мудростію растворенное*, многимъ кажется непонятною? Отъ того, что они не знаютъ всей силы и знаменованія глагола *растворять*... Премножество богатыхъ и сильныхъ выраженій, которыя прилежнымъ упражненіемъ и трудолюбіемъ могли бы возрасти и умножиться, остаются въ зараженныхъ французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмена, ногами попранныя или на камень упавшія. Предосудительно, конечно, и нехорошо безобразить слогъ свой смѣшеніемъ высокихъ славенскихъ реченій съ простонародными и низкими выраженіями, но поставить знаменательное слово приличнымъ образомъ и кстати весьма похвально, хотя бы оно и не было обыкновенное.

Б. О ПРЕВОСХОДНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ НАШЕГО ЯЗЫКА. (1810). (12).

По истинѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и неразрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно какъ бы его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ псалтирь, Евангеліе, Іова, Премудрость Соломонову, Дѣянія апостоловъ, посланія, ирмосы, каноны, молитвы и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои, но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется, какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ, трескъ, вихрь*. Надлежало ли ставить нарѣчія: *далеко, близко, низко, глубоко, широко, высоко*, и проч., кажется, самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око* (то есть: простирай зрѣніе далѣе); *близь око* (не простирай оное вдаль); *низь око* (опускай внизъ); *глубь око* (углубляй); *ширь око* (расширяй); *высь око* (возвышай). Сличимъ оныя съ нарѣчіями другихъ языковъ. Говорятъ ли сіе французу слова его: loin, proche, bas, profond, large, haut? или нѣмцу слова его: weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch? Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ: *слухъ, зрѣніе, обоняніе* и проч., умъ искалъ въ

нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouie, франц.) помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreille, фр.). Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же свѣтъ означающими понятіями: *зареніе*, *заря*. Слово *обоняніе* (сокращенное изъ *обвоняніе*) составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ чувствованіе окрестнаго запаха. Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то, для составленія имени ея. выбиралъ и буквы, такой же образъ имѣющія: *око*. Потомъ отъ каждаго названія производилъ вѣтви такъ, чтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ: *громко*, *громогласно*, *громоздко*, *огромно*, *гремушка* и проч. Отъ *ока*: *около*, *околица*, *околичность*, *окно* и проч. Потомъ отъ сихъ вѣтвей пустилъ еще новыя отрасли: *коло*, или *колесо*, *коловратно*, *колесница*, *кольцо*, *колыхать*, *колыбель*, и такъ далѣе. Всѣ сіи вѣтви, подобно вѣтвямъ дерева, питаются отъ своего корня, то-есть сохраняютъ въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: потому *коловратность*, что изображаетъ *вращеніе кола*, или *колеса*; потому *колыхать*, что движеніе сіе совершается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *колу*, или *колесу*, и проч.

В. ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКІЙ И РУССКІЙ (1810). ([13]).

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что славенскій и русскій языкъ различны между собою? Ежели мы слово «языкъ» возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то, конечно, можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Четиминеи, Несторова лѣтопись, Өеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича и проч., суть книги, писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же славенскій или русскій. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви, отъ нихъ происшедшія. Когда оные въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣ жъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ: *ядоста*, *идоста*,

ногама, *рукама*; но говоримъ: *ѣдятъ*, *идутъ*, *руками*, *ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойствъ языка. Скажутъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ которыхъ одни русскія, а другія славенскія; напримѣръ, по русски: *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи*, а по славенски: *око*, *чело*, *ланиты*, *рамена*. Но чѣмъ докажутъ мнѣ, что *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи* суть русскія, а не славенскія названія? Сошлются ли на то, что ихъ нѣтъ въ священныхъ писаніяхъ? Это не доказательство: 1) потому, что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны; 2) что нѣкоторые изъ нихъ и въ священныхъ книгахъ попадаются, напримѣръ, индѣ сказано *рамена*, индѣ *плещи* или *плечи*; 3) священныя книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а потому, хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ славенскомъ языкѣ, ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы: *калякать*, *кобениться*, *задориться*, *пригорюниться*, *ошеломить*, *треснуть въ рожу* и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признать ихъ не славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возьмемъ Библію, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочиненій найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которымъ корни однакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ. Мы, конечно, не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоенія*, ни *добледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того, въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*, однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленія ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова: *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація* и проч.; но сіи столько же не славенскія, сколько и не русскія, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое русскій языкъ отдѣльно отъ славенскаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ-то слогѣ высоко или низко: таковое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ,

они о каждомъ словѣ особенно, не въ составѣ рѣчи, говорятъ: это славенское, а это русское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечтательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то̀ русское, а которое не употребляется, такъ то славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ славенскія слова надобно исключить изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это утонченною литературою или новою эпохою языка, и все то, что до нихъ или не по ихъ писано, отвергаютъ, яко старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствованіе.

Мы доказали, что славенскій и русскій языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы они разнствовали между собою, не могутъ называться одно славенскимъ, а другое русскимъ: въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно славенскимъ, а другое русскимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ русскаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на славенскія и русскія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ: *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, русскими словами, а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко*-славенскими; то за чѣмъ же говоримъ по-славенски: *нравъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*, а не по-русски: *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота̀* есть славенское, а *красота* русское слово; то къ какому же языку причислимъ слово *великолѣпіе?* Буде къ славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчіи употреблять его не должно; а буде къ русскому, то какимъ образомъ, не знавъ, что̀ *лѣпота*, будемъ мы знать, что̀ великолѣпіе? Ежели скажемъ, что глаголъ *дѣлаю* есть русскій, а *дѣю* славенскій; такъ за чѣмъ же говоримъ: *злодѣянія*, *злодѣй?* Таковыхъ затрудненій могъ бы я представить множество. Какимъ же образомъ въ составѣ языка разберемъ мы, что̀ славенское и что̀ русское? Обыкновенное противъ сего возраженіе людей, не читающихъ ничего твердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоитъ въ томъ, что когда они напишутъ десятка два бранныхъ противъ славенскаго языка стишковъ и въ простыя рѣчи некстати вставятъ нѣсколько высокихъ (называемыхъ славенскими) словъ, то и торжествуютъ, думая,

что они ясно доказали худость сего языка. Имъ до разбора свойствъ онаго, до первоначальныхъ оснований, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ нѣтъ никакой нужды. Они не изъ книгъ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хотятъ учиться оному, но изъ простонародныхъ разговоровъ. По ихъ мнѣнію, говорящій нынѣшнимъ нарѣчіемъ староста церковный гораздо краснорѣчивѣе преосвященнаго Ѳеофана, говорившаго славенскимъ нарѣчіемъ. У нихъ только и вопросовъ: неужели намъ говорить: «аще бы ты не скоро возвратился, я бы, не дождавшись тебя, абіе ушелъ домой?» Имъ довольно поставить некстати *аще* и *абіе*, дабы возненавидѣть весь славенскій языкъ, какъ будто онъ и виноватъ въ томъ, что они употреблять его не умѣютъ. Поэтому ежели я скажу: «несомый быстрыми конями рыцарь внезапу низвергся съ колесницы и расквасилъ себѣ рожу», такъ будетъ русскій языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нелѣпость? Нѣтъ, тутъ никакого языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умѣемъ прилично объясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый невѣжественный. И такъ не славенскій языкъ, отдѣляя отъ русскаго, презирать; не слова онаго на славенскія и русскія раздѣлять: но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ.

Г. ЗАМѢЧАНІЯ НА КРИТИКУ ДАШКОВА (1810). (14).

Что значитъ раздѣленіе языка нашего на славенскій и русскій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. И такъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На что жъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что, совлеченная единожды съ прямаго пути, она непремѣнно должна попасть въ оныя? Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюда, можетъ быть, происходитъ, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаетъ у насъ многимъ и вооружаетъ противъ себя писателей, старающихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ прямо,

какъ умѣютъ; другіе же лукавствуютъ и хотятъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію, но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая, можетъ быть, немногіе) находимъ подъ именемъ критикъ такія сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человѣками изъявлять надлежало бы стыдиться. Главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ стихами и прозою вопіять противъ славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло и въ чемъ состоитъ языкъ. Взявъ одно такое сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, отъ первой до послѣдней, показать неосновательность за неосновательностію, незнаніе за незнаніемъ, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ нелѣпицъ, называемыхъ критиками, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякій станетъ справляться, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами противъ себя возражаютъ); мы могли бы во многихъ подобныхъ сему ощутительныхъ неправдахъ ясно уличить, но такое подробное показаніе не стоитъ того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безъименные критики (столько еще остается въ нихъ стыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: «Россійскій языкъ происходитъ отъ славянскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго». (Неоспоримая правда! съ тою только разностію, что ни одинъ французъ, не обучась латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякій безграмотный мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ прологъ, четію-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ).— «Мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго». (Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать; ибо неужели онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліоѳика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, псалтырь, евангеліе и множество духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ задолго до Петра Великаго? Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій?). — «Языкъ, которымъ говорили мы (до Петра Великаго), давно уже отдѣлился отъ славянскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, со-

всѣмъ прежде неизвѣстныхъ». (Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ и защищаютъ! нѣсколько словъ, вошедшихъ въ простонародное нарѣчіе, пріемлется за основаніе новаго языка! гдѣ же покажутъ мнѣ сіе множество татарскихъ словъ и выраженій въ Библіи, въ Ѳеофанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ и проч.? Но положимъ, что чистота языка нашего и повредилась нѣсколько отъ принятія въ него иностранныхъ словъ; слѣдуетъ ли изъ того утверждать, что нечистый языкъ сталъ лучше чистаго?). — «Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? къ чему величаться названіемъ, намъ не принадлежащимъ?» (Вотъ какія умствованія! говорить, что мы люди, потомки нашихъ предковъ, и что имѣемъ свой языкъ, есть непринадлежащее намъ названіе! да чтожъ мы такое? и какое названіе намъ принадлежитъ?).— «Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми европейскими народами: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ славенскаго (выгода несравненная), съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Если жъ бы они оба составляли одно и тоже цѣлое, на что сіи предосторожности?» — (Что значатъ сіи слова: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ? какъ! нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? да что такое нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это славенское, а это русское? Ежели мы подъ славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, напримѣръ *вниду*, а подъ русскимъ простое, напримѣръ *войду*, то, конечно, о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ приличнo важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть славенское, а *войду* русское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *въ* различенъ отъ предлога *въ*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возьмемъ вышесказанную рѣчь: «нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе», и проч.; можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *русскій*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*, о нарѣчіи *гораздо*, о именахъ *богатѣе*, *великолѣпнѣе*, и такъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть русскія, а не

славенскія, или славенскія, а не русскія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?—«Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій (я говорю только о настоящемъ русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многія нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ?» (Въ подобныхъ сборищахъ словъ не должно искать мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ тѣмъ пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разумѣть, но только съ тѣмъ, чтобъ оное написано и прочтено было. Здѣсь говорится о варварской смѣси, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій не токмо не принадлежитъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ, а какъ и почему—этого прошу не спрашивать. Между тѣмъ варварская смѣсь, конечно, бываетъ, и еще двоякая, напримѣръ, ежели бы кто написалъ: «меня франировалъ колоритъ этой пьесы», рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ тремя чужими словами; или если бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: «мой малютка дѣлаетъ зубы» (вмѣсто: у моего малютки растутъ зубы), тотъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что русское выраженіе: «мой малютка», смѣшалъ бы съ выраженіемъ, взятымъ съ французскаго и которое въ нашемъ языкѣ не имѣетъ того значенія. И такъ варварская смѣсь состоитъ или въ принятіи многихъ чужихъ словъ, или въ буквальномъ переводѣ съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не то значатъ. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія не принадлежатъ къ славенскому языку и не отъ него происходятъ, такъ откудажъ они взялися? какія же они, какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіять противъ нихъ, называя варварскою смѣсью, и утверждать, что она-то и есть украшеніе нашего языка?). — «Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ, для подкрѣпленія живаго, не есть доказательство». (Что такое значитъ здѣсь слово *помощь?* не мудрено понять, когда скажутъ: человѣкъ помогаетъ человѣку; но какимъ образомъ представить себѣ, что языкъ помогаетъ языку? этого мало: мертвый помогаетъ живому! и этого мало: живой безъ мертваго существовать не можетъ! Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣютъ являться въ видѣ разсужденій? и предъ кѣмъ? предъ лицемъ свѣта? О!... но воздер-

жимся отъ удивленія. Здѣсь языкъ славенскій называется мертвымъ. Что такое мертвый языкъ? тотъ, которымъ никакой народъ не говоритъ болѣе. Латинскій языкъ есть мертвый, ибо существуетъ въ однѣхъ только книгахъ и между учеными всѣхъ земель людьми. Эллинскій или древній греческій можетъ также назваться мертвымъ, потому что число нынѣшнихъ грековъ весьма не велико, состоитъ подъ владѣніемъ турецкимъ, и притомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Въ томъ ли положеніи находится славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О!... но воздержимся отъ удивленія) (15). —«Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ однакожъ быть русскимъ». (Евклидъ говоритъ: ежели опущенъ на прямую черту отвѣсъ, дѣлающій по одну сторону уголъ прямой, то и по другую сторону будетъ уголъ прямой же. Такъ-то и здѣсь: ежели языкъ нашъ, наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ быть русскимъ, такъ по той же причинѣ наполненный простотою русскаго не престаетъ быть славенскимъ. Евклиду надобно вѣрить, онъ учитъ разсуждать. Впрочемъ хорошіе писатели, конечно, не смѣшиваютъ славенскаго языка съ русскимъ; но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ. Напримѣръ можно сказать: «препояши чресла твоя и возьми жезлъ въ руцѣ твои», и можно также сказать: «подпояшься и возьми дубину въ руки»; то и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть, но, начавъ словами: «препояши чресла твоя», кончить: «и возьми дубину въ руки», было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чтобъ кричать: *чресла*, *жезлъ*, *препояши*, *безлучный*, *огнезарный*, *безлестный*, *всезлобный*, *плотоядный*, *возсоздать*, *бдѣніе*, *стыдѣніе*, *водоенный* и проч... это славянскія — сохрани насъ Богъ отъ нихъ!—а *подпоясаться*, *дубина*, *горшокъ*, *лапша*, *кочерга*, *блины*, *помело*, *огурцы*, *квашня:* вотъ это наши русскія слова! Какъ можно такихъ писателей или судей называть хорошими? они языка не знаютъ; ничего путнаго и хорошаго не читали по-русски; не умѣютъ высокаго слога отличить отъ низкаго: какъ же имъ разсуждать о словесности?).—«При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть, по-просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора». (Прекрасное истолкованіе: «высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ языкѣ!»

да развѣ славенскій языкъ и высокій слогъ есть одно и тоже? Неужели всякая славенская рѣчь есть высокая? не ужъ ли: «хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу», есть такой же высокій языкъ, какъ: «трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася?» Ежели при Петрѣ Великомъ всякія книги безъ разбора писали высокимъ слогомъ, такъ поэтому всякая челобитная была поэма, всякій писарь Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ началѣ нашего просвѣщенія, нежели подобными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ показывать такіе худые успѣхи въ ономъ).—«А простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ точностію наблюдается по различію рода сочиненій». Потомъ, въ возраженіе на то, что многіе корни греческихъ и латинскихъ словъ примѣчаются въ славенскомъ языкѣ, сказано: «не зная по гречески, я не могу опровергнуть онаго; но можно ли подумать, чтобъ греки, народъ столь просвѣщенный, наслѣдовавшій самымъ богатымъ изъ всѣхъ языкомъ, захотѣли пользоваться славенскимъ, который въ сравненіи съ греческимъ былъ грубъ и бѣденъ?» (Сблизимъ теперь всѣ вышесказанныя мѣста и посмотримъ на кучу скомканныхъ въ нихъ противорѣчій, не имѣющихъ между собою ни соображенія, ни слѣдствія, ни связи: «Славенское и русское нарѣчіе суть два языка различные между собою!—Славенскій языкъ есть высокій слогъ!—Славенскій мертвый языкъ великолѣпенъ, и русскій живой безъ помощи его существовать не можетъ.—Славенскій языкъ въ сравненіи съ греческимъ (котораго сочинитель не знаетъ) грубъ и бѣденъ!—Славенскимъ языкомъ или высокимъ слогомъ до Петра Великаго писали всѣ книги безъ разбора, а русскимъ говорили!—Русскій языкъ давно отдѣлился отъ славенскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ!—Онъ есть испорченное изъ славенскаго нарѣчіе, смѣшанное съ третьимъ чуждымъ!—Онъ непосредственно происходитъ отъ славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выраженій его не принадлежитъ къ славенскому языку, и даже не отъ него происходитъ?»—Какъ? это называется критикою? разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основываются доказательства, что мы должны славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Неужъ ли есть люди, которые сему повѣрятъ?

Д. О ВОСПИТАНІИ И ЯЗЫКѢ. (1811). (16).

Воспитаніе должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но

не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня математикѣ, механикѣ, физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой; ибо онъ самъ сего не знаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуда иностранецъ возьметъ сіи чувствованія? Онъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ; воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ: а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любови не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоземцевъ; а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей, пристраститъ меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ, а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего. Каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградамъ; натвердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мелкимъ прелестямъ и къ самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложитъ въ меня все свое, истребитъ во мнѣ все мое и, сближа меня съ своими обычаями и нравами, удалитъ отъ моихъ. Я пойду за нимъ шагъ за шагомъ: и тогда, когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему отечеству, пріобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствія принадлежать ему, новый предлогъ гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ,— тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сіи священныя чувствованія умрутъ или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ нечувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращеніе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитаніе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ невиноватъ, что любитъ землю свою больше моей. Чтожъ, если

положимъ еще въ немъ худые нравы, наклонность къ безвѣрію, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы? Тогда, для образованія моей наружности, при малѣйшемъ поползновеніи моемъ въ порокамъ, вложитъ онъ въ меня такую душу, отъ которой Богъ, вѣра и добродѣтель отвращаютъ свое зрѣніе. Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ счастіе или несчастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ оные, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость. Для посѣянія чистыхъ сѣмянъ благонравія надлежитъ, чтобъ санъ воспитателя былъ важенъ и почтенъ, не наружными почестями украшенъ, не тѣлесною ловкостію пріятенъ, но добрымъ именемъ и славою долговременно извѣстенъ. Лучше простой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ и добрыми нравами, нежели ученый съ развращенными мыслями и худымъ сердцемъ; лучше грубоватъ и пасмуренъ лицемъ, нежели статенъ тѣломъ, блестящъ остроуміемъ, но мраченъ душою: ибо гораздо полезнѣе отечеству и всему роду человѣческому судія сострадательный, воинъ храбрый, земледѣлецъ трудолюбивый, нежели легкомысленный вертопрахъ или важный метафизикъ, разсуждающій о монадахъ и дѣлающій воспитанника своего монадою.

Языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія, неумолчный проповѣдникъ дѣлъ. Возвышается народъ, возвышается языкъ; благонравенъ народъ, благонравенъ языкъ. Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида: слава небесъ не открывается ползающему въ землѣ червю. Никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона: свѣтъ мудрости не озаряетъ утопающаго въ страстяхъ и порокахъ. Писанія зловредныхъ умовъ не проникнутъ никогда въ храмъ славы: даръ краснорѣчія не спасаетъ отъ презрѣнія глаголы злочестивыхъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ. Онъ не можетъ тамъ

цвѣсти, гдѣ умъ послушенъ сердцу, а сердце слѣпотѣ и заблужденію. Но гдѣ добродѣтель вкоренена въ душахъ людей, гдѣ всякому любезенъ языкъ правоты и чести, тамъ, не опасаясь стрѣлъ невѣжества и клеветы, растутъ и зрѣютъ только плоды наукъ и трудолюбія. Тогда раждаются и возникаютъ сіи отличные люди, которые силою расцвѣтающаго въ умахъ ихъ краснорѣчія приносятъ во всѣхъ родахъ познаній всеобщую пользу. Тогда воскриляются сіи великіе пѣснопѣвцы, которые въ твореніяхъ своихъ говорятъ языкомъ проевъ, языкомъ боговъ. Симъ восхищаютъ, воспламеняютъ они воображеніе своихъ читателей; сообщаютъ имъ огонь свой; раждаютъ въ нихъ новый свѣтъ: отсюду храбрая душа воина воспаляется новою любовію къ славѣ; отсюду зодчій почерпаетъ мысль о великолѣпіи храма; отсюду живописецъ учится изображать величество Юпитера и силу Геркулеса; отсюду ваятель и камнесѣчецъ безчувственнымъ истуканамъ своимъ даютъ жизнь и прелесть. Тогда растутъ науки, цвѣтутъ художества, зеленѣютъ искусства, и древо просвѣщенія, пуская корни свои глубоко, возносится вершиною къ небесамъ. Таковы суть пользы языка.

[1]) «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (1803). Изд. 2-ое, безъ всякихъ перемѣнъ противъ перваго—1818 (У Соп. и Смирд. показано также 2-ое изд. — 1813 г., такъ что изд. 1818 г. должно считаться третьимъ, хотя на заглавномъ листѣ его и выставлено *второе*. Четвертое во 2 т. Собранія сочиненій и переводовъ Шишкова). Въ 1804 г. Шишковъ написалъ «Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ рос. языка, или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя» (Собр. сочин., т. 2).

[2]) Со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ) не вижу я болѣе (или по крайней мѣрѣ гораздо меньше) тѣхъ странныхъ мыслей и выраженій, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ. Обыкновенная участь таковыхъ сочиненій есть скорое ихъ исчезаніе. Вообще слогъ съ того времени поправился. Мы не чувствуемъ болѣе «жажды созерцать неподражаемые оттѣнки рисующихся полей»; не слышимъ болѣе «печальной свиты галокъ, коп, каркая, сообщаютъ періодическій трауръ»; и, кажется, перестали «нѣжиться въ ароматическихъ испареніяхъ всевожделѣнныхъ близнецовъ». Все это, благодаря прехожденію заблужденій, кажется, стало становиться смѣшно и жалко. Однакожъ слѣдствія сихъ поврежденныхъ воображеній не скоро истребляются. Часто на мѣсто ихъ заступаютъ другія, едва ли лучшія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, но замѣтимъ мимоходомъ, что доколѣ станемъ мы языку своему учиться изъ книгъ чужеязычныхъ, до тѣхъ поръ не попадемъ на правый путь.—*Примѣчаніе Шишкова въ 4 изд. Разсужденія* (*Собр. соч., т. 2. Спб. 1824*).

[3]) Всякій языкъ обогащается другимъ, но не заимствованіемъ изъ него словъ, а тѣмъ, что, размножая наши понятія, открываетъ намъ путь и даетъ разуму силу и знаніе извлекать изъ корней собственнаго языка своего долотѣ неизвѣстныя и для раздробленія мыслей нашихъ нужныя вѣтви. *Прим. Шишкова въ 4 изд.* (*ib., стр. 2*).

[4]) Это—мнѣніе Карамзина, въ Панте-

онѣ россійскихъ авторовъ». (М. 1801), при характеристикѣ Кантемира. Въ нов. изд., слова: «называемая французами élégance», опущены.

[5]) Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и нынѣ есть писатели, достойно сочиненіями своими славящіеся; но ихъ такъ мало въ сравненіи съ другими, что умы младыхъ читателей гораздо меньше наставляются ихъ писаніями, нежели заражаются и портятся твореніями сихъ послѣднихъ.—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.*

Можетъ быть, любовь къ отечественному языку моему понудила меня здѣсь съ излишнимъ жаромъ ополчиться противу словъ, не заслуживающихъ толь строгаго осужденія. Я не извиняю сего излишества, но между тѣмъ не престаю и нынѣ думать, чтобъ подобныя мнѣнія не произвели въ умахъ неопытныхъ писателей тѣхъ слѣдствій, какія отъ презрѣнія къ *старому слогу* родились въ *новомъ*, довольно въ сей книгѣ показанномъ. Для справедливаго сужденія о вещахъ, надлежитъ разсматривать ихъ съ двухъ сторонъ; иначе, смотря на одну и не видя другой, часто можемъ обманываться. Если бы сей *élégance*, или, скажемъ по своему, *благоязычіе, чисторѣчіе, краснословіе*, почерпаемо было изъ источниковъ русскаго языка, такъ чтобы, не разрушая природныхъ свойствъ его и силы, придавало ему новый блескъ и чистоту, тогда могли бы мы гордиться успѣхами словесности. Симъ образомъ гордимся мы появленіемъ стиховъ Ломоносова предъ прежними, до него сочиняемыми стихами. Но когда сей *élégance* поставляется въ истребленіи старыхъ словъ, вводя на мѣсто оныхъ новопереводныя съ французскаго языка; когда русскимъ оборотамъ и словосочиненію предпочитаются словосочиненіе и обороты иностранные; когда силу языка своего думаютъ замѣнять силою чужихъ выраженій, ему несвойственныхъ; когда, по примѣру другихъ языковъ, не имѣющихъ толь великаго, какъ нашъ, изобилія и различія въ выборѣ словъ, хотятъ величавый языкъ поэмы или трагедіи сравнять съ простымъ языкомъ басни или оперы; когда, гоняясь за хитростями ума, удаляются отъ языка природы, и проч. и проч.,—тогда одинъ наборъ словъ для уха, не говорящій ничего разуму, часто противный здравому разсудку, есть для меня самый пустой *élégance*. Я люблю лучше старый, даже тяжелый и обветшалый слогъ, когда онъ ясенъ и силенъ, нежели новый, одною только легкостію и звучностію словъ щеголяющій. Въ языкѣ умъ велитъ иногда угождать уху, однако не велитъ разсуждать ушами. — *Прим. Ш—ва въ нов. изд.* (*Собр. соч. т. 2, стр. 4—6*).

[6]) Подъ именемъ славенскихъ, славено-россійскихъ и русскихъ книгъ можно разумѣть различныхъ временъ слоги, или языкъ въ смыслѣ слога, какъ то: слогъ Библіи, Патерика или Четіи-Миней, Слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ оныхъ слогъ или образъ объясненія различенъ; но чтобъ славенскій и русскій языкъ были два языка, то есть, чтобъ можно было сказать: это славенское, а это русское слово, сего различія въ нихъ не существуетъ. Между тѣмъ многіе, безъ всякаго основанія, почитаютъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ русскій языкъ подъ именемъ славенскаго презирать и тотъ же самый языкъ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамъ французскаго языка, называть русскимъ. Подъ симъ-то ни съ чѣмъ несообразнымъ раздѣленіемъ одного и того же языка на двѣ разныя части, изъ коихъ одна, важнѣйшая, познаваемая изъ чтенія книгъ не читаемыхъ, приводится въ забвеніе, а другая, простѣйшая, навыкомъ изъ общихъ разговоровъ съ малолѣт-

ства затверживаемая, обвиняется неопредѣленностію словъ, обыкновенностію воображеній, малою игривостію ума, и все сіе поправляется тѣми, которые, меньше всего вникая въ происхожденіе, силу и свойства языка своего, проповѣдываютъ введеніе въ него новыхъ понятій, новой легкости, новой чистоты, новаго вкуса. *Прим. Ш—ва въ нов. изд.* (*Ib.*, *стр. 8 и 9*).

[7]) Сіи суть самыя новомодныя слова, для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются они почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обветшалыя иностранныя слова, какъ напримѣръ: *авантажиться*, *манериться*, *компанію водить*, *куры строить*, *комедь играть* и проч. Сіи прогнаны уже изъ большаго свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ. *Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.* (*Ib.*, *ст. 25*). Подъ «Орлеанской дѣвкой» разумѣется сочиненіе Вольтера.

[8]) Сіи слова, нигдѣ прежде въ языкѣ нашемъ не существовавшія, произведены по подобію словъ: изящность, суетность, безопасность и проч. Нынѣ уже оныя пишутся и печатаются во многихъ книгахъ; а потому надѣяться должно, что словесность наша время отъ времени будетъ еще болѣе процвѣтать. Напримѣръ: вмѣсто прошедшее время станутъ писать *прошедшность*; вмѣсто человѣческое жилище, по подобію съ голубятнею, *человѣчатня*; вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ телятиною, *березятина*, *дубовятина*, и такъ далѣе. О, мы становимся великими изобрѣтателями словъ!—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.* (*Ib.*, *стр. 24*).

Подобныя слова, какъ *будущность*, хотя и скорѣе могутъ быть приняты, нежели рабственно переводимыя съ французскаго или инаго языка; однакожъ и они требуютъ основательнаго разбора. Изобрѣтая ихъ, то есть производя изъ корня съ симъ или инымъ окончаніемъ, надлежитъ строго разсматривать: 1-е) подлинно ли сіе превращеніе прилагательныхъ именъ въ существительныя нужно для лучшаго выраженія мыслей; 2-е) въ какомъ случаѣ не портитъ это языкъ. Напримѣръ, хорошо ли будетъ, когда мы вмѣсто: *перестанемъ толковать о будущемъ*, *станемъ говорить о настоящемъ времени*, скажемъ: *перестанемъ толковать о будущности*, *станемъ говорить о настоящности*? или, примѣчая, что языкъ позволяетъ изъ глаголовъ *ходить*, *гулять*, *стрѣлять* и проч., составлять имена: *ходьба*, *гульба*, *стрѣльба*, начнемъ по сему правилу, противосвойственно языку, тожъ самое дѣлать и съ другими глаголами, какъ то: отъ *пить*, *сидѣть*, *грустить* и проч. производить имена: *питьба*, *сидьба*, *грустьба* и тому подобное? Изобрѣтеніе новыхъ словъ и отверженіе старыхъ равный принесутъ вредъ словесности, когда пріемлемы или отвергаемы будутъ безъ всякаго знанія силы и свойствъ языка. — *Прим. Ш—ва въ нов. изд.* (*Ib.*, *стр. 24*).

[9]) Глаголъ *влить* есть не иное что, какъ глаголъ *лить*, соединенный съ предлогомъ *въ*, отъ котораго безгласная буква ъ отнята. Всѣ составленные подобнымъ образомъ глаголы соединяются съ тѣми жъ самыми предлогами, какъ напримѣръ: *набѣжать на камень*, *исторгнуться изъ напасти*, *отбиться отъ непріятеля*, *слетѣть съ дерева*, *войти въ церковь*, а когда надобно сказать: *на церковь*, тогда употребляется другой глаголъ *взойти*. По какому же правилу или примѣру говоримъ мы: *вліяніе на разумы?* по французскому? О, мы выбрали прекрасную дорогу для обогащенія языка своего! Въ священныхъ книгахъ находимъ мы: *Духъ Святый найдя на Тя*, и въ другомъ мѣстѣ: *Сохрани душу мою отъ наитствованія* страстей. Тако жъ и въ молитвѣ къ Богородицѣ: *Напастей ты прилоги отгоняеши и страстей находы*,

Дьво. Здѣсь *наитіе* или *наитствованіе* не иное что значитъ, какъ то самое понятіе, которое французы изображаютъ словомъ *influence*. Понятіе сіе и въ просторѣчіи введено; мы говоримъ: *на него дурь находитъ*, такъ какъ бы по внѣшнему сказать: *безуміе имѣетъ вліяніе на его разумъ*. Изъ сего видѣть можно, что если бы тотъ, кто первый слово *influence* перевелъ *вліяніемъ*, читалъ старинныя русскія книги, то бы онъ почерпалъ слова изъ нихъ, а не изъ французскихъ книгъ, и тогда не находили бы мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ таковыхъ нерусскихъ рѣчей, каковы суть слѣдующія: *Авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ. — Несходство въ характерѣ разума и авторства имѣетъ вліяніе на судъ о человѣкѣ. — Находиться подъ вліяніемъ исключительной торговли. — Сіе приключеніе имѣло вліяніе на ходъ политики*, и тому подобныя. Мнѣ случилось разговаривать съ однимъ изъ защитниковъ нынѣшнихъ писателей, и когда я сказалъ ему, что слово *influence* переведено *вліяніемъ* не потому, чтобъ въ языкѣ нашемъ не было соотвѣтствующаго ему названія, но потому, что переводчикъ не зналъ слова *наитствовать*, изображающаго тожъ самое понятіе; тогда отвѣчалъ онъ мнѣ: *Я лучше дамъ себя высѣчь, нежели когда нибудь соглашусь слово это употребить*. Сіе одно уже показываетъ, какъ много заражены мы любовію къ французскому и ненавистію къ своему языку. Какая же надежда ожидать намъ знающихъ языкъ свой писателей, и мудрено ли, что у насъ ихъ мало?—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.* (*Ib. стр. 25 и 26*).

[10]) Напримѣръ: un des hommes de France qui a le plus d'esprit, qui a rempli avec succès de grandes places, et qui a écrit sur divers objets avec autant d'intérêt que d'élégance, a dit, dans des Considérations sur l'état de la France: «одинъ изъ людей Франціи, который имѣлъ наиболѣе разума, который наполнялъ съ успѣхомъ великія мѣста, и который писалъ на разные предметы съ такою занимательностію, какъ элегансомъ, сказалъ, въ «Разсужденіяхъ на состояніе Франціи». Сей переводъ весьма похожъ на многіе нынѣшніе.— *Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.* (*Ib. стр. 26 и 27*).

[11]) Иныхъ, можетъ быть, нѣтъ, а другія и есть, но мы, не читая книгъ своихъ, не можемъ ихъ знать. Виноватъ ли бы былъ языкъ, если бы кто слово *préface* перевелъ *предличіе*, не знавъ, что оно давно уже употребительно и называется *предисловіемъ*? Мы выше сего видѣли подобный сему переводъ слова *influence*. — *Примѣч. Ш—ва къ 1-му изд.* (*Ib., стр. 44—45*).

[12]) «Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно», читанное въ годичное Россійской Академіи собраніе, 3 декабря 1810 (нап. 1811). Изд. 2-ое — 1825. Также въ IV т. Собр. сочиненій Шишкова. Сочиненіе это служитъ отвѣтомъ на двѣ задачи, предложенныя Академіею и выраженныя его заглавіемъ. Шишковъ соединилъ оба вопроса въ одинъ, находя между ними тѣсную и неразрывную связь.

[13]) «Разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія» Шишковъ упорно отстаивалъ тождество языковъ славянскаго и русскаго и часто обращался къ этому коренному началу своихъ мнѣній, стараясь разъяснить его всевозможными средствами. Тоже самое говорилъ онъ, черезъ 23 года, въ «Опытѣ словопроизводнаго словаря» (1833): «Необдуманное раздѣленіе языка на славенскій и русскій произошло отъ неопредѣленности слова *славенскій*. Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа, называвшагося *Славянами*, но не ужъ ли народъ сей до принятія

сего имени былъ нѣмой, безъязычный? не ужъ ли съ того времени сталъ имѣть языкъ, или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли, но знаемъ, что по раздѣленіи сего народа на Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ, Иллиріянъ и проч., и языкъ сей сталъ называться по ихъ именамъ: русскій, польскій, чешскій, иллирійскій и проч. При всѣхъ сихъ именахъ онъ былъ и есть одинъ и тотъ же общій всѣмъ. Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ больше или меньше измѣняется и получаетъ имя *нарѣчій*. Польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть нарѣчіе славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія», и т. д. (стр. 8—10).

[14]) «Присовокупленіе» къ Разс. о красн. Св. II.—Въ 1808 г. Шишковъ напечаталъ «Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ своими примѣчаніями: а) сравненіе франц. языка съ древними языками, б) о краснорѣчіи» (Собр. соч., III). Дашковъ написалъ на него критику въ журналѣ «Цвѣтникъ» (1810, №№ 11 и 12). «Присовокупленіе» служитъ отвѣтомъ Дашкову, который послѣ того издалъ книжку: «О легчайшемъ способѣ возражать на критики» (1811).

[15]) Приговорка Шишкова: «о... но воздержимся отъ удивленія!» дала поводъ А. Измайлову написать въ 1811 г. сказку: «Шутъ въ парикѣ» (Сочиненія А. Измайлова, изд. Смирдина, 1849, т. I, стр. 195—196):

Однажды въ маскерадѣ
Явился старый шутъ въ неслыханномъ нарядѣ:
Съ хрустальной запонкой и воротомъ косымъ
Изъ ткани пестрыя на немъ была срачица,
Да съ гульфикомъ большимъ
Атласна черна исподница.
Съ нагнутыхъ плечъ его висѣлъ
Запачканный тулупъ, но настоящій русскій;
На головѣ же онъ имѣлъ
Распудренный парикъ французскій.
За старымъ шутомъ въ слѣдъ шелъ молодой чудакъ,
Въ престранномъ тоже одѣяньѣ,
Въ какомъ-то шахматномъ, смѣшномъ полукафтаньѣ,
И съ колокольчикомъ торчалъ на немъ колпакъ.
Лишь въ залу чучелы вступили,
Всѣ бросилися къ нимъ, кругомъ ихъ обступили,
Никто не могъ свести съ нихъ глазъ.
Старикъ, пожавъ плечьми, воскликнулъ: «Вижу азъ,
Коликой степени достигли развращенья!
О!.. но воздержимся еще отъ удивленья!
О буйно скопище безумцевъ и невѣждъ!
И мужескъ полъ и женскъ совлекся тѣхъ одеждъ,
Которыя дѣдовъ и бабокъ украшали.
Почто французскія вы моды переняли?
Воззрите на меня, на юношу сего,
Такъ иноземнаго не найдешь ничего.
Все русское на насъ, изящно все и лѣпо;
Мы любимъ старое, и вы любите слѣпо...»
Тутъ нѣкто старика прервалъ
И вѣжливо ему сказалъ:
«За что всѣхъ, дѣдушка, поносишь?
Ты самъ парикъ французскій носишь».
О если бы кто видѣлъ тутъ,
Какъ разозлился старый шутъ!
Сначала у него языкъ прильпе гортани;
Потомъ ужъ кое-какъ собрался съ силой онъ,
И полился изъ устъ его источникъ брани.
Безбожникъ! закричалъ: измѣнникъ! франмасонъ!
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ!—
Что жъ это былъ за шутъ, никто не отгадаетъ.

Извѣстно, что Шишковъ вопросъ о языкѣ связывалъ съ вопросами о вѣ-

рѣ, нравственности и любви къ отечеству.

[16]) «Разсужденіе о любви къ отечеству». Читано въ «Бесѣдѣ любителей русск. слова» 1811 г., нап. въ 5 кн. «Чтеній въ Бесѣдѣ» и отдѣльно 1812 г. Въ письмѣ, отъ 27 декабря 1811 г., къ Якову Іевлевичу Бардовскому, переводчику сочиненій: Лагарпа—«Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII в., противъ христіанскаго благочестія» (1810), и Месона—«Разсужденіе о познаніи самого себя» (1820), Шишковъ пишетъ: «На сихъ дняхъ была у насъ «бесѣда», въ которой читалъ я «Разсужденіе о любви къ отечеству». Собраніе было многочисленное. Болѣе четырехъ сотъ посѣтителей едва вмѣстилось въ залу. Духовенство и знатнѣйшія особы обоего пола украшали оную. Признаюсь, что я приступилъ къ чтенію съ нѣкоторою робостію: казалось мнѣ, что не всѣ раздѣляютъ со мною мои чувствованія и, можетъ быть, многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми; однакожъ я обманулся. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе, и тутъ увидѣлъ я, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и нейдетъ путемъ ея, тотъ самый, при гласѣ ея, просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время». (Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала А. С. Шишкова. Спб. 1841). Патріотическія чувства, которыми проникнуто «Разсужденіе», доставили его автору мѣсто государственнаго секретаря: «Весною въ 1812 г. Государь призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: «Я читалъ разсужденіе твое о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, ты можешь ему быть полезенъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; Я бы желалъ, чтобы ты написалъ о томъ манифестъ». (Краткія записки адмирала А. Шишкова, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. 1831; изд. 2-ое—1832). «Собраніе манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ и разныхъ извѣщеній», написанныхъ Шишковымъ въ 1812 — 16 г.г., нап. 1816 г. (Смирд. № 1677).

Пушкинъ отдалъ дань патріотизму Шишкова такою поэтической похвалой:

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ
средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754—1841), адмиралъ, занимавшій должности президента Россійской Академіи (съ 1813 по 1840 г.) и министра народнаго просвѣщенія (съ 1824 по 1828), писалъ очень много. «Собраніе сочиненій и переводовъ» его, въ 17 т.т., изд. 1818—39 г.г. Исчислимъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ языку и словесности, оставляя въ сторонѣ сочиненія по морскому искусству:

а) Дѣтская библіотека, Кампе, 1788 (Соп. III, 5014).

б) Разсужденіе о стар. и нов. слогѣ, 1803.

в) Собраніе дѣтскихъ повѣстей, 2 ч., 1806—1807 (исправленная и дополненная Дѣтская библіотека). Обѣ части составили потомъ, въ нов. изд., одну, которая вошла въ I т. Собр. соч.

г) Прибавленіе къ «Разс. о слогѣ», 1804. Оно содержитъ въ себѣ отвѣты на критики журналовъ: Московскій Меркурій 1803 и Сѣверный Вѣстникъ, того же года, издававшійся И. Мартыновымъ.

д) Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, 1808.

е) Разсужденіе о краснорѣчіи Свящ. Писанія, 1810.

ж) Разговоры о словесности. 1811 (Собр. соч., III).

з) Разсужд. о любви къ отечеству, 1811.

и) Прибавленіе къ Разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на эту книгу, 1812 (Собр. соч., III). Здѣсь Шишковъ полемизируетъ съ Каченовскимъ, котораго критика нап. въ 12 и 13 №№ Вѣст. Евр. 1811.

і) Краткія записки, 1831. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 т. (Берлинъ, 1870).

к) Опытъ словопроизводнаго Словаря, содержащій въ себѣ дерево, стоящее на корнѣ *мр*. Съ означеніемъ 24 колѣнъ и 920 вѣтвей. 1833.

Изслѣдованія Шишкова о языкѣ и слогѣ печатались въ изданіяхъ Россійской Академіи: «Извѣстія Рос. Академіи, 12 ч. (1815—28)», «Повременное изданіе Академіи, 4 ч. (1829—32)», «Краткія записки, 3 кн. (1834—35)», «Труды Рос. Академіи, 5 ч. (1840—42)». Отсюда перепечатаны они въ Собраніи его сочиненій. Живая характеристика Шишкова, какъ человѣка и писателя, начертана С. Аксаковымъ въ «Воспоминаніи объ А. С. Шишковѣ» (Семейная Хроника и Воспоминанія).

VI.

МАКАРОВЪ [1].

КРИТИКА НА КНИГУ ШИШКОВА: РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА (1803). [2].

Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова; нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей; чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не перемѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосѳеновъ должны, какъ чужестранцы, учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на каѳедрѣ аѳинской. Русская Правда однимъ ли слогомъ писана съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича? Всякій ли французъ можетъ нынѣ понимать Монтаня или Рабеле? и должно ли винить писателей вѣка Людовика XIV за то, что они не подражали писателямъ временъ Франциска I или Генриха IV? Должно ли винить Ѳеофана, Кантемира и Ломоносова, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ сочинитель Разсужденія о слогѣ предлагаетъ намъ теперь въ образецъ? Языкъ слѣдуетъ всегда за науками,

за художествами, за просвѣщеніемъ, за правами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшній языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ, подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшеніе писателю остается, что умъ и чувствованія не теряютъ своихъ пріятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Бѣдной Лизы; но и въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ и оставилъ послѣ себя имя любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненія Карамзина, всегда скажетъ: «онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!»

Нынѣшніе писатели (мы говоримъ только о писателяхъ хорошихъ) приняли нѣсколько словъ чужестранныхъ, большею частію греческихъ и латинскихъ. Сочинитель жалуется на сію мнимую новость, и однакожъ говоритъ самъ, что языкъ славенскій «еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка». Почему же слова эллинскія, взятыя въ десятомъ или двѣнадцатомъ вѣкѣ, кажутся ему почтеннѣе взятыхъ изъ того же языка нынѣ? Мы изъяснимъ сію загадку: сочинитель Разсужденія о слогѣ почитаетъ греческія и латинскія (a) за французскія! Но почему и французскія не должны быть у насъ терпимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. Римляне приняли много словъ отъ грековъ и передали много своихъ другимъ народамъ; французы приняли слова греческія, латинскія и даже италіанскія, для того что италіанцы прежде ихъ упражнялись въ наукахъ и художествахъ; англичане образовали свой языкъ изъ разныхъ языковъ древнихъ и новыхъ. Почему намъ однимъ не занимать? мы ли первые начали? Мы застали русскій языкъ, наполненный словами греческими, латинскими, татарскими, нѣмецкими: всѣ народы, съ которыми наши предки имѣли войну или связи торговыя, сообщали имъ слова. Безобразитъ ли теперь нашъ языкъ нѣмецкое слово «кучеръ?» какой поселянинъ не разумѣетъ его? или, лучше сказать, какого поселянина увѣришь, что оно не коренное русское? Нѣкоторыя чужестранныя слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (французское, арабское, нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно: двадцать грамматическихъ ошибокъ не подвергнутъ такому осмѣянію, какъ одно слово чужестранное, неудачно взятое. Напротивъ того, потерять счастливую мысль или выразить ее слабо, для нѣкоторой лишней чистоты языка, будетъ непростительное педанство. Науки и

(a) Такія, какъ напримѣръ «фраза» и нѣсколько другихъ. *М—въ.*

художества требуютъ названій такихъ, въ которыхъ заключался бы смыслъ ясный и опредѣленный: переводомъ испортишь сіи названія. Сочинитель Разсужденія о слогѣ, запрещая чужестранныя слова, говоритъ самъ, что мы еще имѣемъ надобность въ нѣкоторыхъ техническихъ; самъ пишетъ: «единоцентренны», «метафорическій смыслъ», «прозаическія сочиненія», «текстъ». Чѣмъ же слово «проза», а особливо производное отъ него прилагательное, лучше слова «эпоха», которое онъ называетъ безобразіемъ языка? и если можно сказать «проза», то для чего не сказать: «періодъ», «тропъ»? для чего не писать: «гармонія», «монотонія»—техническихъ словъ музыки? Говорятъ, что никто не обязанъ разумѣть языковъ чужестранныхъ. Правда; однакожъ, гдѣ пишутъ «метафора» и «тропъ», такое сочиненіе, вѣроятно, назначается не для толпы безграмотной. Впрочемъ мы не хотимъ оправдывать дурныхъ писателей, которые, ссылаясь на хорошихъ, употребляющихъ иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ. Такихъ людей очень много: по счастію, никто не подражаетъ имъ.

Сочинитель Разсужденія о слогѣ не любитъ даже и настоящихъ русскихъ словъ, если нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ; не любитъ даже такихъ, которыя включены въ Словарь Академіи, приняты всѣми и употребительны равно въ слогѣ высокомъ и въ обыкновенномъ разговорѣ, напримѣръ: «трогательно», «утонченный». Слѣдующее замѣчаніе служитъ ему неоспоримымъ доказательствомъ: «если бы это свойственно было языку нашему, то давно бы уже оное введено было въ употребленіе». Вмѣсто «вліянія» онъ велитъ писать «наитствованіе», вмѣсто «развитія»—«прозябеніе» понятій. Не говоримъ уже, что писатель обязанъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ общему вкусу; но чѣмъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? Кто знаетъ, не ошибались ли тогда болѣе нынѣшняго? Какая старинная грамматика рѣшитъ сей вопросъ? Сочинитель Разсужденія о слогѣ, утверждая, что каждый народъ въ составленіи языка своего умствовалъ по собственнымъ своимъ понятіямъ, весьма различнымъ отъ другаго народа (а), подаетъ оружіе на себя: ибо, въ отношеніи къ обычаямъ и понятіямъ, мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки;

(а) «Мы, напримѣръ (говоритъ онъ), слово «сокровище» произвели отъ глагола «сокрывать», разсуждая, что чѣмъ драгоцѣннѣе какая вещь, тѣмъ рачительнѣе стараются сохранять или сокрывать оную. По сему понятію нашему всякое богатство или рѣдкую драгоцѣнную вещь называемъ мы сокровищемъ. Французы, напротивъ того, умствуя иначе, произвели названіе сіе отъ имени «or» (золото), сложа оное съ предлогомъ «très», соотвѣтствующимъ нашему предлогу «пре» или нарѣчію «весьма». И такъ по ихъ понятію «trésor,» то есть сокровище, есть вещь превосходнѣйшая или дражайшая золота». *М—въ*.

слѣдственно хотимъ сочинять фразы и производить слова по своимъ понятіямъ, нынѣшнимъ, умствуя какъ французы, какъ нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы. Неужели сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли: однакожъ что иное подумать, приводя всѣ его разсужденія въ систему? что подумать, читая: «народъ, который все перенимаетъ у другаго, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство?»

[1]) Макаровъ, Петръ Ивановичъ (р. около 1765, ум. 1804), сынъ казанскаго помѣщика, служилъ въ артиллеріи. Получивъ чинъ поручика, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ лишился большей части своего имѣнія, чему причиною былъ дурной выборъ знакомыхъ. По выходѣ въ отставку маіоромъ, воротился въ Казань, продалъ остальное имѣніе роднымъ и въ 1795 путешествовалъ по Англіи, откуда писалъ письма къ друзьямъ своимъ. Не зная англійскаго языка и не имѣя достаточныхъ средствъ, путешественникъ обратился въ Лондонѣ къ русскому священнику, который помѣстилъ его «въ пансіонъ», т. е. на хлѣбы къ содержателю школы. Хотя Макаровъ прожилъ въ Лондонѣ недолго, однакожъ надѣлалъ долговъ и рѣшился бѣжать. Изъ Петербурга онъ выслалъ занятыя имъ деньги. Одна чувствительная для сердца утрата заставила его, по возвращеніи изъ Англіи, предаться литературѣ. Онъ перевелъ съ франц. (другихъ языковъ онъ не зналъ): а) «Графъ де Сенъ-Меранъ, или новыя заблужденія сердца и ума, 8 ч. (М. 1799—1800)»; б) «Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи съ прибавленіемъ разныхъ извѣстій о Египтѣ. Греческая рукопись, найденная въ Геркуланѣ и переведенная на фран. языкъ г-мъ Лантье. 3 т. (М. 1801 — 1802)». Сочиненіе Лантье († 1826) служитъ какъ бы дополненіемъ къ знаменитой нѣкогда книгѣ аббата Бартелеми († 1795): «Путешестіе младшаго Анахарсиса по Греціи». — Въ 1803 г. Макаровъ издавалъ: «Московскій Меркурій», одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ, доставившій издателю почетное мѣсто въ ряду литераторовъ. Сочиненія и переводы Макарова имѣли два изданія: 1-ое, въ 2 т., 1805 г.; 2-ое, 2 т. или 4 ч., 1817, съ приложеніемъ статьи М. А. Дмитріева: «О Макаровѣ и его сочиненіяхъ».

[2]) «Москов. Меркурій, декабрьская книжка». Статья во многихъ отношеніяхъ дѣльная. Шишковъ отвѣчалъ на нее въ «Прибавл. къ Разсужд. о ст. и нов. слогѣ». Она доставила Макарову извѣстность знающаго и остроумнаго критика. Вообще современники признавали его талантливымъ литераторомъ, на пріятномъ и чистомъ слогѣ котораго очевидно вліяніе Карамзинской реформы. Статью свою о книгѣ Шишкова, обличавшаго неправильныя, часто дикія фразы бездарныхъ переводчиковъ и сочинителей, онъ заключилъ сознаніемъ своего авторскаго мастерства: «Должностію почитаемъ сказать своимъ читателямъ, что въ «Разсужденіи о ст. и нов. слогѣ рос. языка» мы не нашли ни одной фразы изъ нашего журнала».— Макаровъ извѣстенъ также своимъ уваженіемъ къ прекрасному полу, которое выражалось и сентиментальными чувствами, по духу того времени, и признаніемъ правъ женщины не только на занятія литературой, но и на высшее просвѣщеніе. Награда «ми-

лой» служила, по его мнѣнію, наилучшею оцѣнкой авторскихъ заслугъ мужчины: «Всякій ли можетъ посвятить тридцать лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на чтеніе старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ *ученыхъ*? Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію; но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Лавры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной всегда были почитаемы за драгоцѣннѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ» (*Критика на Разсужденіе Ш—ва*). Полнѣе, по этому предмету, высказался Макаровъ въ примѣчаніяхъ къ «Критикѣ сочиненія Сегюра о женщинахъ» (пер. съ фр.) и въ «Нѣкоторыхъ мысляхъ издателей Меркурія». Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ второй статьи:

«Удивительно, непонятно, по какому странному несчастію изъ всѣхъ французскихъ модъ не перенимаютъ здѣсь только той, которая одна полезна. Француженки девятаго-надесять вѣка посѣщаютъ лицеи, смотрятъ музеумы, слушаютъ профессоровъ, читаютъ, переводятъ и сами сочиняютъ. У насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни дружескихъ ученыхъ собраній; но все это было бы, если бы женщины захотѣли... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): я тебя умнѣе!.. И почему не быть женщинѣ столько же ученою, сколько и мужчинѣ? Способности ея превосходнѣе нашихъ и требуютъ только развитія... Женщины всегда были и будутъ первою (хотя иногда невидимою) пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего изящнаго и великаго». (Моск. Мерк., № 1).

См. указанную ст. М. Дмитріева и ст. Г. Геннади: «П. И. Макаровъ и его журналъ: Московскій Меркурій» (Соврем. 1854, № 10).

VII.

ДАШКОВЪ. (1).

А. О ПЕРЕВОДѢ ДВУХЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ЛАГАРПА (1810). (2).

Разсматривая сей переводъ почтеннаго сочинителя Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка, совсѣмъ не намѣренъ я опровергать сильныхъ доказательствъ его противъ злоупотребленія, столь обыкновеннаго нынѣ, вводить въ языкъ нашъ несвойственныя оному выраженія и обороты. За великую честь поставляю себѣ, что въ семъ случаѣ мысли его сходны съ моими. Мнѣ кажется только, что онъ слишкомъ распространилъ заключенія свои и что между множествомъ весьма справедливыхъ замѣчаній у него вырываются иногда парадоксы, несовмѣстные съ красотою и свойствомъ россійскаго языка. Впрочемъ я отнюдь не хочу критиковать его, но представляю здѣсь ученика, предлагающаго сомнѣнія свои учителю на разрѣшеніе.

Я не буду разбирать Лагарпо-

выхъ сужденій. Г. переводчикъ говоритъ самъ, что онъ «переводилъ объ статьи не съ начала оныхъ и не до конца, но съ тѣхъ мѣстъ, которыя ему наиболѣе для примѣчаній его нужны». Довольно ясно, что намѣреніе его было не примѣчанія дѣлать на Лагарповы слова, а самого Лагарпа перевести для своихъ примѣчаній, кои можно назвать дополненіемъ къ прежнимъ сочиненіямъ его о старомъ и новомъ слогѣ. Цѣль его вездѣ одинакова; благородное рвеніе возвратить языкъ нашъ къ первобытному его великолѣпію и чистотѣ вездѣ очевидно.

Въ предувѣдомленіи своемъ объясняетъ онъ причины, побудившія его къ сему переводу, и говоритъ между прочимъ, что «сличеніе, какое дѣлаетъ Лагарпъ между своимъ французскимъ и чужими, греческимъ и латинскимъ, языками, покажетъ намъ, къ которому изъ нихъ нашъ славенороссійскій языкъ свойствами своими подходитъ ближе». Для чего не просто «россійскій», также какъ г. переводчикъ назвалъ его въ своемъ Разсужденіи? Я не отвергаю, чтобъ языкъ нашъ не былъ весьма близокъ къ славенскому и чтобъ сей послѣдній не былъ главнымъ основаніемъ его; но не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же? Россійскій происходитъ отъ славенскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго, смѣшаннаго съ цельтскимъ, или вельхскимъ (3), съ тѣмъ только различіемъ, что французскій еще въ X вѣкѣ началъ отдѣляться отъ корня своего, а мы на нашемъ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго; но языкъ, которымъ говорили мы, давно уже отдѣлился отъ славенскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ. Г. переводчикъ, кажется, чувствовалъ силу сего возраженія и старался отклонить оное, говоря: «всѣ вещи, конечно, подвержены перемѣнамъ: нѣкоторыя слова и обороты ветшаютъ и выходятъ изъ обыкновенія; употребленіе даетъ силу словамъ и выраженіямъ; отъ новыхъ понятій раждаются новыя названія и новый образъ реченій; но все сіе тогда токмо вредитъ языку и потрясаетъ свойства онаго, когда не изъ собственныхъ его, но изъ чуждыхъ источниковъ почерпается». Но сіе можетъ ли служить достаточнымъ отвѣтомъ? Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? Къ чему величаться названіемъ, намъ не принадлежащимъ! Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми европейскими народами: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ славенскаго (выгода несравненная!), съ тѣмъ

однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Если жъ бы они оба составляли одно и тоже цѣлое, на что сіи предосторожности? Для чего не пишемъ мы такимъ же точно языкомъ, какимъ писана Библія? Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій (я говорю только о настоящемъ русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многія нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ?... Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго: но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго не есть доказательство и притомъ требуетъ большой осторожности. Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ однакожъ быть русскимъ.

Французы несравненно менѣе насъ имѣютъ права почерпать изъ главнаго, кореннаго языка своего, однакоже иногда онымъ пользуются. Вольтеръ первый употребилъ въ своей «Китайской сиротѣ» латинское, съ греческаго языка взятое прилагательное hyperboreus, сдѣлавъ изъ него слово hyperboré (la horde hyperborée); и Лагарпъ, сей строгій, даже иногда несправедливый критикъ, хвалитъ эту смѣлость какъ услугу, оказанную французской поэзіи. Многіе другіе, особливо Расинъ, образецъ драматическихъ стихотворцевъ, еще прежде Вольтера брали съ латинскаго выраженія и обороты и, перенося ихъ въ свой языкъ, обогащали оный. Лагарпъ представляетъ многіе тому примѣры. И такъ для чего французы не называютъ языка своего «латиновельхофранцузскимъ»? Они почерпаютъ, подобно намъ, хотя не такъ часто, изъ кореннаго языка своего, не преставая писать по-французски. Англичане еще болѣе имѣли бы права называть языкъ свой «французоанглійскимъ», ибо большая часть ихъ выраженій взята ими у сосѣдей своихъ.

Раздѣленіе г-мъ переводчикомъ мнимаго славенороссійскаго языка на три слога: высокій, средній и низкій, изъ коихъ къ первому относитъ онъ чистый славенскій языкъ, а къ послѣднему простонародный, противно имъ самимъ предполагаемому совокупленію сихъ двухъ языковъ, и тогда названіе «славенороссійскій» само собою уничтожается. При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора; а простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ

точностію наблюдается по различію рода сочиненій; но исключительное назначеніе получаемыхъ нами отъ славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу, не существуетъ, да и существовать не можетъ. Примѣры объяснятъ намъ сіе гораздо лучше:

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!

Вотъ высокій слогъ! подлинно высокій по предмету, мыслямъ и выраженіямъ. Славенскій языкъ доставилъ много пособій стихотворцу; но, не взирая на то, сіе не похоже на чистый славенскій языкъ, который здѣсь, такъ сказать, есть токмо вспомогательный. Стихотворецъ не употреблялъ ни славенскихъ оборотовъ, ни словосочиненія славенскаго. Возьмемъ теперь въ примѣръ басню, которой болѣе приличенъ простой слогъ:

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры и пр.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ слогъ былъ слишкомъ высокъ для басни; но между тѣмъ «вступить въ разговоры» не есть выраженіе, свойственное общенародному языку; въ просторѣчіи сказали бы: «сталъ говорить». Трость, просто тростникъ, есть также славенское слово.

Господинъ переводчикъ охуждаетъ тѣхъ, «кои вмѣсто: *грядый*, *созерцаяй*, *грядущій*, *созерцающій*, хотятъ въ важныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ писать: тотъ который идетъ, тотъ который поглядываетъ»; а потомъ отвергаетъ и окончанія на *щій*, какъ непріятныя для слуха. Признаюсь, что, не взирая на сію непріятность, я предпочитаю русское причастіе *созерцающій* славенскому *созерцаяй*, которое весьма рѣдко употребляется хорошими стихотворцами нашими, и то по необходимости, какъ на прим.:

Живый въ движеньи вещества.

Грядущій, *созерцающій*, конечно, болѣе приличны высокому слогу, нежели: тотъ, который идетъ, тотъ, который разсматриваетъ (ибо созерцать совсѣмъ не значитъ поглядывать); но за чѣмъ отнимать у стихотворца свободу употребить по произволу то или другое выраженіе, когда оба не противны свойству языка нашего? Если бы въ прекрасныхъ стихахъ:

Царямъ подвластенъ міръ, цари подвластны Богу,
Тому, кто съ облачныхъ высотъ
Гигантамъ въ адъ отверзъ дорогу;
Кто манiемъ бровей колеблетъ неба сводъ,

если бы здѣсь вмѣсто: «тому, кто отверзъ, кто колеблетъ», поэтъ непремѣнно долженъ былъ поставить: «отверзшему, колеблющему», то могли ли бы у него выдти стихи? Или:

Въ отвѣтъ на вздохъ мой — вѣтръ ревущій
И ключъ, въ гранитно дно біющій,
Шумятъ сквозь вѣтвія древесъ.

Въ этихъ стихахъ, конечно, *ревущій*, *біющій* гораздо лучше и удобнѣе для стихотворца, нежели: тотъ, который реветъ или бьетъ; но захотѣлъ ли бы онъ промѣнять сіи причастія на славенскія: *ревяй* и *біяй*, не смотря на непріятное окончаніе *щій*?

Сравненіе, дѣлаемое г-мъ переводчикомъ между красотами славенскаго языка, переносимыми въ словесность нашу, и введеніемъ въ оную французскихъ выраженій, съ дубовою рощею, которую хотятъ вырубить, дабы вмѣсто оной насадить молодыхъ ольхъ и осинъ, было бы очень кстати, если бъ онъ подъ французскими выраженіями разумѣлъ токмо тѣ, которыя противны свойству языка нашего. Я согласенъ съ нимъ, что лучше, когда бы всѣ даже учебныя выраженія, безъ коихъ мы теперь обойтиться не можемъ, были переведены настоящими русскими словами; довольно видно изъ всѣхъ трудовъ его, что онъ, поступая согласно съ правилами своими, переводитъ почти каждое иностранное учебное слово, по необходимости нами употребляемое. Но можно ли все вдругъ обдумать? Не лучше ли тамъ, гдѣ дубовъ совсѣмъ нѣтъ, насадить хотя ольхъ, дабы сколько нибудь имѣть тѣни? Я не защищаю тѣхъ, кои съ большимъ напряженіемъ силъ вырываютъ дубы, чтобъ на мѣсто ихъ насадить осинъ: самое дѣйствіе показываетъ безразсудность ихъ, и въ семъ смыслѣ сравненіе г. переводчика совершенно справедливо. Но тамъ, гдѣ нѣтъ дубовъ, нельзя никому поставить въ порокъ, что онъ сажаетъ осины, только бы сажалъ ихъ къ сторонѣ, и оныя не дѣлали бы никакой пестроты съ главною частію рощи.

Можно, безъ сомнѣнія, надѣяться, что со временемъ всѣ сіи иностранныя слова будутъ переведены равносильными русскими выраженіями: нашъ языкъ довольно для сего богатъ и гибокъ. Но хотѣть все вдругъ перемѣнить, хотѣть переводить всякое слово безъ разбора есть также погрѣшность: ибо вмѣсто извѣстнаго и значительнаго иностраннаго слова, вездѣ употребляемаго, мнѣ вбиваютъ въ голову другое славенорусское, или, лучше сказать, славеноварварское, совсѣмъ того смысла не выражающее. Когда мнѣ скажутъ «актеръ», я тотчасъ пойму значеніе сего слова и буду употреблять оное, пока писатели наши не сыщутъ другаго, которое бы заключало въ себѣ точно такой же смыслъ. Когда же слышу «лицедѣй», то хотя и вижу, что оно составлено изъ двухъ словъ, порознь извѣстныхъ мнѣ, но не понимаю сложнаго ихъ значенія. Злодѣемъ называемъ мы того, кто дѣлаетъ зло; посему лицедѣй долженъ быть тотъ, кто дѣлаетъ лице: что это значитъ? Видна ли въ семъ переводѣ мысль, заключающаяся въ словѣ «актеръ»? Совсѣмъ нѣтъ, и вмѣсто лучшаго объясненія мнѣ только затемняютъ понятіе, само по себѣ очень явственное.

Лагарпъ говоритъ о сложныхъ греческихъ словахъ какъ человѣкъ, живущій въ бѣдности и удивляющійся чужому богатству. Г. переводчикъ примѣняетъ слова Лагарповы къ нашему языку. «Мы такихъ многознаменательныхъ словъ не меньше греческаго найдемъ въ языкѣ нашемъ». Конечно, сложныя прилагательныя: *свѣтоносный*, *лучезарный*, *искрометный*, весьма полезны стихотворцамъ и риторамъ нашимъ. Но г. переводчикъ, не остановясь на этомъ, продолжаетъ: «Мы говоримъ: древо *благосѣннолиственное*. Пусть во французскомъ языкѣ найдутъ мнѣ слово, заключающее въ себѣ три разныхъ понятія»! Кто говоритъ «благосѣннолиственное древо»? Не только у насъ, но, кажется, и во всей Библіи нѣтъ сего слова. Хорошо ли сказать: *благая* сѣнь дерева, вмѣсто благотворная, или пріятная? Не лучше ли замѣнить предлинное сіе слово двумя или тремя, въ коихъ смыслъ будетъ правильнѣе выраженъ, наприм.: древо, дающее пріятную тѣнь? Тутъ даже будетъ меньше буквъ, нежели въ осьмисложномъ прилагательномъ г. переводчика. Развѣ трудно ковать такимъ образомъ новыя слова, соединяя въ одно три или четыре, имѣющія каждое особенный смыслъ? Развѣ трудно, переводя напримѣръ изъ Освобожденнаго Іерусалима прекрасную рѣчь сатаны и описывая его самого, сказать: *длинногустозакоптѣлая* брада по персямъ висѣла; или въ другомъ мѣстѣ: сія *Христогробопокланяемая* страна (4); но къ чему такая варварская смѣсь? Хорошіе писатели наши часто совокупляютъ два слова, изъ коихъ одно дополняетъ или поясняетъ смыслъ другаго. Г. Державинъ очень хорошо сказалъ въ своемъ Памятникѣ:

«Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ *быстротечный*».

И сіе соединеніе придастъ болѣе блеска его выраженію. Но въ предъидущемъ стихѣ:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный»,

для чего не сказалъ онъ: «чудесновѣчный»? Для того, что сіи двѣ мысли никакого не имѣютъ отношенія между собою и что, смѣшавъ ихъ, онъ не придалъ бы стиху своему никакой новой красоты.

Б. О ЛЕГЧАЙШЕМЪ СПОСОБѢ ОТВѢЧАТЬ НА КРИТИКИ (1811). (5).

Въ 11-мъ и 12-мъ нумерахъ Цвѣтника 1810 года напечаталъ я Разсмотрѣніе перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика. Я осмѣлился замѣтить нѣсколько важныхъ ошибокъ противъ языка и смысла, которыя выбралъ изъ множества другихъ въ семъ переводѣ; осмѣлился иногда противорѣчить г-ну переводчику въ его странныхъ и несвязныхъ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сходства россійскаго языка съ славенскимъ, но вездѣ сохранилъ должную учтивость и уваженіе къ его лѣтамъ. Мнѣнія свои вездѣ

предлагалъ я въ видѣ скромныхъ, почтительныхъ представленій, показывалъ даже нѣкоторое сомнѣніе тамъ, гдѣ имѣлъ полное право говорить утвердительно и явно укорять г-на переводчика въ отступленіи отъ правилъ здравой логики, въ несоблюденіи смысла, заключающагося въ подлинникѣ. Полагаясь на его точныя слова, я совсѣмъ не думалъ оскорбить его своими замѣчаніями; я ожидалъ, что онъ, отвѣчая мнѣ, постарается оправдать свои ошибки и получше объяснить слова свои, часто весьма темныя для читателей. Сочиненіе мое раздѣлено было на двѣ части: въ одной особенно разсматривалъ я парадоксы касательно мнимаго славенороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимоходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность онаго.

Но къ величайшему моему удивленію и, думаю, къ удивленію всѣхъ просвѣщенныхъ любителей словесности, г. переводчикъ двухъ статей изъ Лагарпа, издавая въ свѣтъ Разсужденіе свое о краснорѣчіи Св. Писанія, напечаталъ еще приономъ какое-то Присовокупленіе, въ которомъ, вмѣсто основательныхъ доказательствъ, отвѣчаетъ мнѣ однѣми личностями и бранью.

Отвѣчать бранью на учтивую, благонамѣренную критику значитъ признать себя торжественно не въ состояніи отвѣчать на оную доказательствами; но къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру, въ неукротимой запальчивости называть противниковъ своихъ имѣющими поврежденное сердце и укорять ихъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры, забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу всякаго гражданина — есть разительный примѣръ, сколь сильно дѣйствуетъ оскорбленное самолюбіе и желаніе властвовать въ республикѣ словесности. Вотъ послѣдствія страстей нашихъ! Человѣкъ, упражняющійся въ словесности, оставляетъ почтенное сіе занятіе, вступаетъ въ поприще ругательства, присвоиваетъ себѣ право обвинять своихъ сограждднъ—и все сіе, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противорѣчить, что смѣли показать его ошибки!

Оставимъ сіи прискорбныя для насъ размышленія: къ сожалѣнію нашему, во всѣ времена бывали примѣры подобной сему несправедливости. Кому неизвѣстны Буаловы стихи:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi.
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.
. . . .
Hé, mon Dieu, craignez tout d'un auteur en courroux.

Можно бы подумать, что Буало писалъ сіе въ наше время.

Я не буду подражать примѣру сочинителя Присовокупленія: я намѣренъ разобрать всѣ его сужденія и показать просвѣщеннымъ чита-

телямъ, такъ ли истолкованы слова мои и точно ли утверждено существованіе славенороссійскаго языка.

Но, скажутъ мнѣ, отрицать сіе варварское смѣшеніе, утверждать, что русскій языкъ есть языкъ отдѣльный, и не нарѣчіе или слогъ, но самъ корень многихъ мѣстныхъ нарѣчій: не значитъ ли сіе спорить единственно въ словахъ, и можетъ ли потерпѣть словесность наша отъ того, что русскій языкъ будутъ называть славенороссійскимъ, варягороссскимъ, или какъ бы то ни было?... Конечно нѣтъ, если бы г. переводчикъ Лагарпа и его послѣдователи довольствовались сими названіями и не выводили изъ оныхъ весьма пагубныхъ для языка послѣдствій. Отложимъ поверхностное о вещахъ сужденіе, посмотримъ со вниманіемъ, отъ чего у насъ многіе пишутъ такъ дурно послѣ образцовыхъ сочиненій Ломоносова, Хераскова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Карамзина и другихъ хорошихъ авторовъ нашихъ? отъ чего многіе молодые люди, впрочемъ не безъ дарованій, представляютъ намъ въ стихахъ своихъ живое подражаніе тяжелому и грубому слогу Тредіаковскаго? Отъ того, что они съ младенчества пріучились полагать истинную поэзію, достоинство слога въ нескладномъ сборищѣ славенскихъ выраженій, неупотребительныхъ въ русскомъ языкѣ и несвойственныхъ оному; привыкли думать, что ничему не должно учиться, кромѣ славенороссійскаго языка, и потому гнушаются чтеніемъ хорошихъ писателей, какъ своихъ, такъ и чужестранныхъ. Напротивъ того, другіе юноши, воспитанные въ правилахъ здраваго вкуса, просвѣтившіе умъ свой опытностію всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, видятъ, при вступленіи въ поприще словесности, расколъ сей столь усилившимся, что сами не смѣютъ даже свободно мыслить и часто зарываютъ талантъ свой въ землю, опасаясь вооружить противъ себя всѣхъ вкусоборцевъ. Вотъ къ чему ведетъ сіе ученіе, защищаемое нынѣ съ такимъ упорствомъ и основанное единственно на томъ, что большая часть русскихъ словъ происходитъ отъ славенскаго, какъ будто бы англичане не могли имѣть особеннаго языка потому только, что большая часть словъ ихъ заимствована ими отъ французовъ и нѣмцевъ!

Не трудно было бы опровергнуть толь слабое основаніе, если бы противники русскаго языка истинно хотѣли разсуждать о языкѣ и порядочно отвѣчали на всѣ возраженія; если бы, воздержавшись отъ личностей, они старались только убѣдить своихъ противниковъ, а не называли ихъ предателями отечества и вѣры за то, что они защищаютъ отечественный языкъ свой. Какое вліяніе споры о словесности могутъ имѣть на священную любовь къ отечеству, равно пылающую во всякой груди русской?... Я самъ весьма почитаю славенскій языкъ, на кото-

ромъ предки наши передали намъ святую свою вѣру и богослуженіе; я самъ всегда любилъ слѣдовать совѣту Ломоносова, «дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги» ([6]). «Но, утверждаясь на сихъ же словахъ Ломоносова и на здравомъ разсудкѣ, я всегда отвергалъ мнимое смѣшеніе славенскаго языка съ русскимъ, и мнѣ никогда не приходило въ голову называть сей послѣдній слогомъ. «Оставшійся въ книгахъ духовныхъ славенскій языкъ (говоритъ г. издатель Вѣстника Европы, 1811, № 12, стр. 293) отдѣленъ отъ нынѣшняго русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія, русскій языкъ есть отрасль славенскаго; но теперь онъ уже въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчіемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги: какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ можно называть его нарѣчіемъ, тогда какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ не существуетъ, ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились. Было бы очень странно, когда бъ увѣрять стали, что у италіянцевъ и французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ нарѣчіемъ или слогомъ» ([7]).

Что можно отвѣчать на толь справедливыя разсужденія? Но противники наши, непрестанно уклоняясь отъ отвѣта, прибѣгаютъ единственно къ брани или наполняютъ книги свои неумѣстнымъ наборомъ славенскихъ примѣровъ, которые совсѣмъ нейдутъ къ дѣлу и притомъ всякому давно знакомы. Въ ихъ книгахъ находимъ мы предлинныя разсужденія на многихъ страницахъ объ одномъ глаголѣ *доить*, хотя всякому извѣстны его значеніе и всѣ производныя отъ него слова, употребительныя и неупотребительныя ([8]). Такъ хотятъ увѣрить насъ, что мы непремѣнно должны употреблять славенское слово *доилица* и что мы совсѣмъ не знаемъ прилагательнаго *воздоенный*, между тѣмъ какъ всѣ говорятъ у насъ: «Юпитеръ, воздоенный на горѣ Идѣ», или въ стихахъ: «поэтъ, въ объятіяхъ фортуны воздоенный». Такимъ образомъ сіи господа, если только гдѣ нибудь прекращаютъ свои восклицанія, то стараются тотчасъ отклонить читателя отъ разсужденій безчисленными примѣрами изъ Библіи, которую всѣ не меньше ихъ читали и уважаютъ.

———

«Ни одинъ французъ (продолжаетъ онъ), не обучась латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякій безграмотный мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ Прологъ, Четію-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ». Въ этомъ г. сочинитель весьма ошибается: у насъ ни одинъ мужикъ, хотя бы и гра-

мотный, не пойметъ ничего изъ Пролога и Четіи-минеи, если не учился читать по Часослову и не затвердилъ начальныхъ правилъ славенскаго языка. Безграмотный мужикъ многаго не могъ бы даже понимать и въ обѣднѣ (не смотря на то, что въ оной ектеніи и большая часть молитвъ писаны самымъ простымъ слогомъ), если бы частое хожденіе въ церковь и всегдашнее толкованіе не замѣняли ему науки. Возьмемъ безграмотнаго мужика: что пойметъ онъ изъ приведенныхъ въ Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія примѣровъ: «Ланиты его аки фіалы ароматъ, прозябающыя благовоніе. Устнѣ его крины, каплющіи смирну полну. Лыста его столпи мармворовы, основани на степенехъ златыхъ. Гортань его сладость, и весь желаніе»; или: «посѣченіе его прежде часа растлѣетъ, и лѣторасль его не облиственѣетъ»?—«Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать (что мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго); ибо неужели онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, Псалтирь, Евангеліе и проч. Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ для того только, что не было журналовъ и комедій?»... Мое выраженіе: «на нашемъ языкѣ», и по грамматикѣ, и по логикѣ, очевидно, относится къ нынѣшнему русскому: и я все право имѣлъ сказать, что до Петра Великаго не было наономъ сочиненій, ибо почти до самаго того времени русскій языкъ существовалъ особо въ изустномъ токмо употребленіи, а книжный нашъ языкъ или совсѣмъ не существовалъ, или только что еще мало по малу отдѣлялся отъ славенскаго, ибо въ старину всякія книги духовныя и свѣтскія писали языкомъ славенскимъ, болѣе или менѣе испорченнымъ. Развѣ Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ (коихъ у насъ не знающіе по-славенски безъ перевода читать не могутъ, даже и знающіе очень часто не понимаютъ), развѣ всѣ сіи книги писаны по-русски? Можно ли называть русскими книгами Псалтырь и Евангеліе, хотя они въ новѣйшія времена переправлены? Пишетъ ли наконецъ самъ г. сочинитель такимъ же языкомъ, хотя впрочемъ и смѣшиваетъ неправо въ сужденіяхъ своихъ славенскій съ русскимъ?

Уклоняясь непрестанно отъ своего разсужденія, г. сочинитель старается доказать, что славенскій языкъ не мертвый, и сравниваетъ его съ древнимъ греческимъ: «число нынѣшнихъ грековъ весьма невелико и притомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго». Слова сіи заслуживаютъ особен-

ное вниманіе: они показываютъ намъ, сколь упоренъ г. сочинитель въ систематическихъ своихъ заблужденіяхъ. Онъ самъ говоритъ, что нынѣшніе греки новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошли отъ языка своихъ предковъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Если это правда (ибо г. сочинитель въ своемъ переводѣ XVI пѣсни Иліады признается, что греческаго языка вовсе не знаетъ), то какъ же не называть сихъ двухъ нарѣчій различными языками, когда одно съ другимъ столь несходно? Скоро будутъ увѣрять, что нашъ языкъ и турецкій суть два нарѣчія (или слога) одного и того же языка, потому что ни турки насъ, ни мы ихъ не понимаемъ.—«Въ такомъ ли положеніи находится славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О!... но воздержимся отъ удивленія!» Сколько словъ, столько ошибокъ. Откуда г. сочинитель взялъ, что пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ по-славенски? (первая ошибка противъ географіи). Если онъ здѣсь разумѣлъ Россію, то, кромѣ множества народовъ иноплеменныхъ, подвластныхъ россійскому скипетру и входящихъ въ составленіе сей обширной имперіи, природные даже Россіяне не говорятъ уже по-славенски, но по-русски, то есть языкомъ, имѣющимъ многія мѣстныя нарѣчія и отдаленнымъ отъ славенскаго. Откуда г. сочинитель взялъ, что главная колыбель сего послѣдняго въ Россіи? (вторая ошибка противъ исторіи). Намъ извѣстно, что главное мѣстопребываніе Славянъ было на Дунаѣ; въ Моравіи изобрѣтены буквы наши: слѣдственно тамъ и главная колыбель славенскаго языка. Далѣе: могутъ ли вѣра и законы быть основаны на языкѣ? Святая вѣра наша основана на откровеніи, а законы на правосудіи и милосердіи монарховъ нашихъ. Притомъ Евангеліе и всѣ священныя книги Новаго Завѣта писаны на греческомъ языкѣ: и такъ лучше бы уже сказать, что на немъ-то основана христіанская вѣра, если только она можетъ быть основана на языкѣ (третья сочинителева ошибка противъ логики). Наконецъ я сказалъ, что славенскій языкъ есть мертвый для насъ — и сіе послѣднее выраженіе нарочно было напечатано косыми буквами для показанія, что у насъ мѣсто славенскаго языка заступилъ уже русскій; но впрочемъ есть многіе соплеменные намъ народы, коихъ языкъ, хотя также отмѣнившійся отъ древняго славенскаго, гораздо ближе нашего къ оному. Г-ну сочинителю угодно было въ своей выпискѣ напечатать все одинакими буквами и тѣмъ, ослабивъ мысль мою, отвратить вниманіе читателя отъ выраженія: «для насъ» (ошибка противъ точности, съ какою должно приводить изъ книгъ тѣ мѣста, на которыя ссылаются). Не успѣвъ опровергнуть сихъ моихъ словъ,

г. сочинитель привязывается къ послѣдующимъ. «Хорошіе писатели», говоритъ онъ, «конечно, не смѣшиваютъ славенскаго языка съ русскимъ (признаніе невольное, но справедливое!); но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ». Съ такими толкованіями скоро дойдемъ до того, что другъ друга понимать не будемъ; посему нельзя сказать дурному и скучному писателю: «ты весьма худо знаешь русскій языкъ», но «русскій слогъ».

«При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора»; такъ выписываетъ г. сочинитель слова мои, и потомъ возражаетъ: «Прекрасное истолкованіе! да развѣ славенскій языкъ и высокій слогъ есть одно и тоже?» Конечно нѣтъ, и я никогда не говорилъ, чтобъ они были одно и тоже. Слова мои довольно ясно означаютъ, что на русскомъ языкѣ, въ изустномъ употребленіи, давно уже отдѣлившемся отъ славенскаго, до Петра Великаго не было еще книгъ, ибо до него всѣ писали по-славенски, хотя говорили по-русски, подобно какъ нынѣ проповѣдникъ говоритъ на каѳедрѣ совсѣмъ особымъ языкомъ, нежели дома. Слѣдовательно до Петра Великаго въ русскомъ языкѣ не было высокаго слога: всѣ книги были писаны на славенскомъ языкѣ, болѣе или менѣе испорченномъ, и въ нихъ находимъ мы не одни высокія славенскія выраженія, но и множество низкихъ, которыя однакожъ въ разговорахъ не были употребляемы. — Потомъ г. сочинитель вопрошаетъ: «неужли всякая славенская рѣчь есть высокая? неужли: *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, есть такой же высокій языкъ, какъ *трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася?*» Не всякая славенская рѣчь есть высокая, но высокій слогъ нашъ безъ славенскихъ словъ, съ осторожностію употребляемыхъ, существовать не можетъ. Славенскія рѣчи бываютъ высокія и низкія (кто въ этомъ сомнѣвается?), и приведенный г-мъ сочинителемъ примѣръ: «хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу», конечно, не есть такой же высокій языкъ, какъ: «и абіе воздамъ ти сторицею»; послѣднее выраженіе несравненно сильнѣе.—Далѣе: «ежели при Петрѣ Великомъ (до Петра Великаго) всякія книги безъ разбора писали высокимъ слогомъ, такъ поэтому всякая челобитная была поэма, всякій писарь Ломоносовъ?» Можно ли такъ смѣшивать понятія и такъ криво толковать слова самыя простыя? Я говорилъ не о челобитныхъ и писаряхъ, но о книгахъ; онѣ тогда писаны были духовными людьми, которые, привыкнувъ къ высокому слогу, во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ безъ разбора употребляли оный, а притомъ не всегда умѣли по свойству матеріи избѣгать низкихъ славенскихъ выраженій. Г. сочинитель Присовоку-

пленія, всячески стараясь затемнить мысль мою, нимало не доказалъ, чтобы отъ нашествія татаръ до начала просвѣщенія нашего всѣ книги не были писаны высокимъ славенскимъ языкомъ (повторю опять), болѣе или менѣе испорченнымъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ съ низкими выраженіями. Впрочемъ тотъ еще не есть Ломоносовъ, кто только пишетъ высокимъ слогомъ: мало ли мы видимъ такихъ изъ Гомера и Тасса переводовъ, которыхъ ни одинъ знающій человѣкъ не назоветъ хорошими, хотя слогъ въ нихъ самый высокій и преизобилуетъ славенскими словами и оборотами.

Разсматривая столь подробно сіе Присовокупленіе, я хотѣлъ удостовѣрить читателей въ неосновательности всѣхъ обвиненій и восклицаній г-на сочинителя; теперь, дабы показать, сколь заблуждается онъ въ своихъ системахъ, разберемъ со вниманіемъ начало его Разсужденія о краснорѣчіи Св. Писанія. Безпристрастные судіи вездѣ увидятъ однѣ догадки, и то чужія, не подкрѣпленныя никакими доказательствами, но защищаемыя съ отмѣннымъ упорствомъ. Сказавъ, что Императорская Россійская Академія предложила два *заданія*: «1-е—написать разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія; 2-е—показать, въ чемъ состоитъ богатство и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно»—г. сочинитель проситъ позволенія оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ, «ибо (говоритъ онъ) я полагаю толь тѣсную и неразрывную между оными связь, что, мнѣ кажется, предложенные совокупно, могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой (по русски ли это?), нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было порознь». Удовлетворяя симъ вопросамъ, приступаетъ онъ къ разсмотрѣнію превосходныхъ свойствъ нашего языка.

«По-истинѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и неразрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно какъ бы его не было». (Вѣроятно, въ такомъ же состояніи, какъ и языки вообще всѣхъ необразованныхъ народовъ).—«Ни одна книга не показываетъ намъ онаго». (Какъ же и быть книгамъ, когда славенскій букварь составленъ не прежде IX вѣка?). — «Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтырь, Евангеліе, Іова, и проч. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои, но мужемъ, поражающимъ силою слова. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его». (Всѣ книги, наименованныя г-мъ сочинителемъ, переведены съ греческаго: и такъ могутъ ли въ нихъ мысли сколько нибудь принадлежать къ превосходнымъ свойствамъ

нашего языка?).—«Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется, какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго». (Сравнимъ сію напыщенную похвалу славенскаго языка со свидѣтельствомъ святѣйшаго синода въ предисловіи къ Библіи: «Ктому же и искусство грамматическое въ языцѣ славенскомъ едва каковое изящество тогда имѣ, и потому древніе слоги рѣчей стропотни и реченія грубы»— и мы увидимъ, какъ мало г. сочинитель заботился объ исторической истинѣ въ своемъ Разсужденіи).—«Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ*, *трескъ*, *вихрь*». (Но лат. tonitru, фр. tonnerre, нѣм. Donner не лучше ли еще выражаютъ звукъ грома, а лат. strepitus, fragor и фр. tourbillon— трескъ и вихрь? Самые дикіе народы имѣютъ въ языкахъ своихъ еще болѣе нашего такихъ звукоподражательныхъ дѣйствіямъ природы словъ).—«Надлежало ли составить нарѣчія: *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко*— кажется, самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око*, т. е. простирай зрѣніе далѣе; *близъ око*, не простирай оное въ даль», и проч. (Въ сихъ словахъ окончанія: *еко*, *ко*, *око*, тоже самое означаютъ, что и въ словахъ: *жестоко*, *мягко*, *крѣпко*, *велико*, *елико*, *колико*, *толико*, *двояко*, и проч. Сіе *к*, приложенное въ извѣстныхъ случаяхъ къ корнямъ словъ, вообще качество вещей или сказуемое (praedicatum) означающихъ: *даль*, *близъ*, *ширь*, *глубь*, *вель*, *толь*, даетъ имъ опредѣленный видъ нарѣчія или прилагательнаго: перваго посредствомъ гласнаго окончанія *о*: *широко*, *низко*, *двояко*, а втораго посредствомъ окончаній: *ій*, *ая*, *ое* или *ъ*, *а*, *о*—*широкій*, *ая*, *ое*, *широкъ*, *а*, *о*, *низкій*, *низокъ*, и пр. Вставляемыя же между симъ значительнымъ *к* и кореннымъ слогомъ гласныя: *а*, *е*, *и*, *о*, никакой важности въ себѣ не заключаютъ и служатъ токмо для облегченія выговора; почему не во всѣхъ словахъ имѣютъ мѣсто и не во всѣхъ діалектахъ равно употребляются, на прим.: Русскій говоритъ *великій*, а Полякъ wielki, и такъ далѣе. Сходство сего окончанія со словомъ *око* есть совершенно случайное ([9]). Притомъ, говоря словами г-на издателя Вѣстника Европы, трудно согласиться, будто при составленіи языка славенинъ умѣлъ уже выразить понятія о глаголѣ *высить* и объ имени *око*, умѣлъ уже соединить оба сіи понятія, не знавши нарѣчія *высоко*!).—«Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ: *слухъ*, *зрѣніе*, *обоняніе*— умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ». (Признаюсь, что я рѣчь сію весьма худо понимаю; къ чему относятся мѣстоименія: *въ нихъ и*

оныхъ, и что значитъ: изобразить въ чувствахъ знаменованіе именъ или въ именахъ знаменованіе чувствъ?). — «Въ словѣ *слухъ*, l'ouie, помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо*, l'oreille». (Точно также и въ латинскомъ языкѣ: auris—ухо, audire—слышать, auditus—слухъ; а слѣдовательно также и во французскомъ: ouir, oreille, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣсто лат. двугласной au заступила буква о, какъ и во многихъ другихъ латинскихъ словахъ). — «Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же, свѣтъ означающими понятіями: *зареніе*, *заря*». (Но почему же слова: *день*, *солнце*, гораздо болѣе означающія понятіе свѣта, lux, нежели *заря*, и даже самое слово *свѣтъ*, ни мало не похожи на *зрѣніе*? и откуда г. сочинитель взялъ слово *зареніе*?).— «Слово *обоняніе*, сокращенное изъ *обвоняніе*, составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ чувствованіе окрестнаго запаха». (По лат. и по фр. точно также: запахъ, воня—odor, odeur; отъ сего odoratus, odorat. Чему тутъ дивиться, что въ каждомъ языкѣ слова, несомнѣнно одно отъ другаго происходящія и почти одинакое значеніе имѣющія, одно на другое похожи? и такими ли мелочами доказывать должно истинное превосходство русскаго языка предъ французскимъ?).—«Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы, такой же образъ имѣющія: *око*». (Прекрасно! поэтому буква *о* есть несомнѣнный признакъ круглости во всѣхъ словахъ, гдѣ только она находится: отъ чего же нѣтъ ея въ названіяхъ *круга* и *шара*, фигуръ самыхъ круглѣйшихъ? Неужели славенинъ, умѣвшій столь искусно разсуждать при составленіи языка своего, забылъ при названіи сихъ образцовъ (prototypes) круглости любимую свою систему?... Хвала славенскому языку, составленному не цѣлымъ вообще народомъ, какъ всѣ прочіе языки, но токмо глубокомысленными философами, оставившими намъ столь явственные слѣды своей мудрости!). — «Отъ *грома* произвелъ умъ: *громко*, *громогласно*, *громоздко*, *огромно*, *гремушка*.., отъ слова *лукъ* произошло *лука* и уменьш. *лучица*, заливецъ (и вложи отроча въ ковчежецъ, и положи его въ лучицѣ при рѣцѣ. Исх. 2. 3)». *Лучица* не значитъ заливецъ. Церковный Словарь П. Алексѣева, а за нимъ Словарь Рос. Академіи толкуютъ сіе слово *лучица* — поростъ въ водѣ. Лютеръ переводитъ оное Schilf—тростникъ: оно и въ славенскомъ, вѣроятно, означаетъ тростникъ, ибо по польски łacz, по краински *лочь*, *лочье* — тростникъ. Чтожъ касается до словъ: *огромно*, означающее величину, и *громоздко*, отъ глагола *громоздить*, класть груду на груду: то они,

конечно, никакого не имѣютъ отношенія къ *грому*, кромѣ случайнаго сходства въ немногихъ буквахъ. Такимъ-то образомъ страсть къ системамъ часто увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму, и наконецъ ввергаетъ въ очевидное заблужденіе!

[1]) Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ († 1839), воспитанникъ московскаго университетскаго благороднаго пансіона, въ послѣдствіи министръ юстиціи (съ 1830 по 1839 г.).

[2]) «Цвѣтникъ 1810 г., издававшійся А. Измайловымъ и П. Никольскимъ, №№ 11 и 12». Дашковъ самъ указалъ содержаніе своей статьи: «Сочиненіе раздѣлено на двѣ части: въ одной разсматривалъ я парадоксы (Шишкова) касательно мнимаго славенороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимоходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность». Изъ всѣхъ критикъ на славянофильство Шишкова, написанныхъ послѣдователями Карамзина, эта, равно какъ и слѣдующая за нею, были самыми замѣчательными. Послѣ мнѣній Дашкова и Каченовскаго, дѣло Шишкова не могло быть выиграннымъ.

[3]) Вольтеръ весьма справедливо доказываетъ, что слово Галлы есть испорченное Римлянами изъ Вальховъ, или Вельховъ. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи французскаго языка: «La langue française ne commença à prendre quelque forme que vers le dixième siècle; elle naquit des ruines du latin et du celte, mêlées de quelques mots tudesques. Ce langage était d'abord le romanum rusticum, le romain rustique, etc.» (Dict. Philos., art. Francais). *Прим. Дашкова.*

[4]) Могу увѣрить, что сіи слова точно я видѣлъ въ рукописномъ переводѣ Освобожденнаго Іерусалима г-на Б...ча, и не я одинъ видѣлъ ихъ. Не знаю, будетъ ли напечатанъ сей памятникъ безумія, въ какое худые переводчики наши впадаютъ часто, подражая однѣмъ ошибкамъ хорошихъ писателей, когда не могутъ подражать красотамъ ихъ. *Прим. Д—ва.*

[5]) «О легчайшемъ способѣ возражать на критики (Спб. 1811)».

[6]) Здѣсь Дашковъ выписываетъ изъ Разсужденія Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ, которое различаетъ языки русскій и церковнославянскій.

[7]) Я могъ бы еще подкрѣпить сіи доказательства мнѣніемъ многихъ извѣстныхъ въ словесности людей, и особенно мнѣніемъ достойныхъ гг. профессоровъ московскаго университета, коимъ ввѣрено попеченіе надъ учрежденнымъ при ономъ Благороднымъ пансіономъ, однимъ изъ лучшихъ въ Россіи заведеній для воспитанія юношества. Въ изданномъ на 1811 годъ объявленіи о семъ пансіонѣ на стр. 25-й между прочимъ сказано, что въ 2-мъ классѣ русскаго языка «будутъ переводить на русскій лучшія мѣста съ славянскаго и другихъ языковъ». Сіи точныя слова почтенныхъ гг. издателей, согласныя притомъ со свидѣтельствомъ Ломоносова и другихъ, могутъ и одни достаточно опровергнуть ложныя умствованія г-на сочинителя. *Прим. Д—ва.*

[8]) Въ разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія (Соч. Ш—ва, IV, 76—84).

[9]) Всѣ сіи этимологическія догадки о словахъ: *высоко, глубоко* и проч., также о круглости буквъ въ словѣ *око*, предложены были въ первый разъ А. П. Сумароковымъ въ Трудолюбивой Пчелѣ (мѣс. февраль, статья о коренныхъ словахъ русскаго языка). Г-нъ сочинитель Разсужденія, подражая Сумарокову въ его страсти къ словопроизводству, давно уже занимается онымъ, хотя многіе почтеннѣйшіе люди неоднократно доказывали ему неосновательность его догадокъ. Наприм: въ своемъ славенскомъ словарѣ (Разсужд. о стар. и нов. слогѣ, стр. 222) произвелъ онъ глаголъ *брашнать* отъ существительнаго имени *брашно*, и въ

подтвержденіе того сослался на пророка Іеремію, гл. 14: «онагри сташа на каменіяхъ, брашна въ себѣ вѣтръ яко зміеве». На сіе возразили ему, что весьма не надежно объяснять тексты Св. Писанія безъ справокъ съ древними языками; что въ греческой и латинской Библіяхъ выраженія, соотвѣтствующія тексту: *брашна въ себе вѣтръ*, однознаменательны славенскому: *браша*, или *вбираша въ себѣ вѣтръ*, и потому надлежитъ читать не *брашна*, а *браша*: буква же *н* вкралась здѣсь отъ ошибки, и ее не токмо въ другихъ изданіяхъ Библіи, но въ самомъ острожскомъ нѣтъ. Притомъ, когда бы слово *брашна* въ самомъ дѣлѣ происходило отъ глагола *брашнать* и означало здѣсь третье лице: то вмѣсто *брашна* слѣдовало бы сказать *брашнаша* или *брашнаху*, потому что глаголы, оканчивающіеся на *ать*, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа преходящаго и давнопрошедшаго времени всегда имѣютъ окончаніе на *аша* или *аху*, наприм: *вкушаху*, *зваша*, и проч. *Прим. Д—ва.*

VIII.

БЕНИТЦКІЙ (1).

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ, ИНДѢЙСКАЯ СКАЗКА (1809). (2).

Нарудъ, багарскій набабъ, воспитанный въ Бенаресѣ, въ святилищѣ брахмановъ, имѣлъ умъ, не зараженный предразсудками, познанія отличныя, но сердце отъ природы слишкомъ доброе, слѣдовательно и легковѣрное.

Ежели праздность справедливо почитается матерью всѣхъ пороковъ, то еще справедливѣе можно назвать легковѣріе матерью всѣхъ слабостей, а слабости государя— какъ говоритъ славный мудрецъ Беасъ-Муни, жившій за четыре тысячи лѣтъ до восшествія Наруда на престолъ — буде онъ ихъ не скроетъ отъ наблюдательнаго ока царедворцевъ, суть самое тяжелѣйшее иго для народа; ибо царедворцы не замедлятъ воспользоваться ими и назвать ихъ добродѣтелями.

Нарудъ зналъ это правило и крайне удивлялся, слыша ежечасно новыя похвалы своему добродушію. Разсматривая безпристрастно дѣла свои, находилъ онъ ихъ обыкновенными, отнюдь не такими, какими казались они придворнымъ и стихотворцамъ. Набабъ начиналъ догадываться, что ему говорили по меньшей мѣрѣ неправду; подозрѣвалъ, что если его еще не обманули, такъ вѣрно хотятъ обмануть: но отвратить зло, происходившее отъ излишней доброты его сердца, не умѣлъ, хотя и желалъ.

Прогуливаясь нѣкогда по улицамъ столицы своей Патны, ѣхалъ Нарудъ мимо пагода, стоящаго на берегу Ганга, и увидѣлъ вы-

ходящаго изъ него престарѣлаго саттриса (а) съ молодою, прекрасною дѣвушкою. Она такъ пріятно посмотрѣла на набаба и въ такую счастливую для любви минуту, что взоры ея остались неизгладимы въ душѣ Наруда. Онъ забылъ, куда ѣхалъ, остановился и, самъ не зная для чего, спрашивалъ у окружавшихъ его найровъ (б): «давно ли построенъ пагодъ? какого рода деревья, коими онъ обсаженъ? сколько въ немъ браминовъ?» — а между тѣмъ не сводилъ глазъ съ красавицы.

Саттрисъ и дѣвушка, будучи не столь любопытны, ушли въ первый домъ противъ пагода. Нарудъ замѣтилъ ихъ жилище и поѣхалъ прочь отъ пагода, совсѣмъ уже не слушая обстоятельныхъ описаній о его построеніи, браминахъ и деревьяхъ, коими онъ обсаженъ; но чиновники, составлявшіе свиту набабову, не переставали говорить и разсказывать до самаго дворца.

Весь день думалъ Нарудъ о саттрисѣ и молодой дѣвушкѣ, или, лучше сказать, объ одной дѣвушкѣ; всю ночь снилась она ему. Набабъ собралъ по утру придворныхъ и спрашивалъ у нихъ совѣта, какъ поступать въ такомъ случаѣ, ежели любовь вкрадется въ сердце набаба.

«Это не наше дѣло!» отвѣчали они ему, лобызая зеленые каблуки желтыхъ его туфлей: «если бы касалось что-нибудь до твоихъ сокровищъ, то бы мы умѣли присовѣтовать; но любовь.... любовь есть нѣчто для насъ вовсе почти незнакомое».

— Неужъли вы никого не любили и не любите?

«Напротивъ! мы любили, любимъ и клянемся многорукимъ, четыреглавымъ Брамою, что все потомство наше будетъ любить тебя, государь!»

— А кромѣ меня, никого?

«Чины, великолѣпіе, роскошь, праздники, доходы»....

— Но женщинъ, женщинъ?

«И женщинъ, буде онѣ имѣютъ значащія связи или богатое приданое».

— Кто же рѣшитъ вопросъ мой?

«Никто, исключая сѣдобородаго Санба, главноначальствующаго надъ священными сословіями благочестивыхъ браминовъ и юродствующихъ факировъ».

Нарудъ послалъ за Санбомъ, но Санбъ прежде вечера не могъ придти, ибо оселъ, взбѣжавъ нечаянно на дворъ пагода, опрокинулъ корыто, изъ котораго пили телята. Брамины, нуждаясь въ деньгахъ, почли сіе дурнымъ предзнаменованіемъ, и для того, вымаравъ лице грязью и посыпавъ лысыя чела пепломъ, провели цѣлый день въ молитвахъ передъ кумиромъ Брамы, не вкушая ничего, кромѣ малабарскаго пшена, посыпаннаго цейлонскою корицею, тонкинскихъ ананасовъ, максудабадскихъ въ сахарѣ вареныхъ тамариндовъ и кохинхинскихъ финиковъ, банановъ и фигъ: цѣлый

(а) Воинъ.

(б) Дворяне.

день томились они жаждою, ибо пили аракъ безпрестанно. Весь городъ взволновался, видя жрецовъ, наблюдающихъ толь строгій постъ; каждый житель Патны принесъ по малой, а многіе по большой монетѣ для умилостивленія раздраженнаго Злаго Начала, изъявившаго злобу свою къ людямъ чрезъ осла надъ телятами.

Около вечера наполнился сундукъ пагода ѳаннами, лерами, рупіями, томанами, вгизами и всякими другими золотыми и серебряными монетами: ибо мѣдныя Брама не жалуетъ; по крайности, такъ утверждаютъ факиры. Саибъ умылся розовою водою, замкнулъ монеты и, возвѣстя народу, что Доброе Начало превозмогло Злое, пошелъ ка Наруду.

Набабъ тотчасъ спросилъ его, что должно дѣлать въ такомъ случаѣ, когда набабу понравится красавица.

«Для разрѣшенія вопроса», отвѣтствовалъ Саибъ, устремя взоры свои къ верху: «потребно знать, чья она дочь».

— Кажется, что я этого самъ не знаю.

«Должно узнать; и если она дочь набаба же, или субаба, или по меньшей мѣрѣ знатнаго райя, то, повѣсивъ на шею истукана Брамы пару лучшихъ гидрабантскихъ алмазовъ и положа семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь золотыхъ, самаго крупнаго разбора монетъ въ сундукъ пагода, стоящаго на берегу Ганга...»

— Почему не въ сундукъ какого-нибудь другаго пагода? Развѣ не все равно?

«Великая и превеликая разница! въ какомъ-нибудь другомъ пагодѣ получаетъ Саибъ десятую часть вклада, а въ этомъ третью: причина, заслуживающая уваженіе всякаго благочестиваго брамина!»

— Не спорю: продолжай.

«Положа монеты, испросить позволеніе на бракъ у Бримга, Брамы и Бисгена (а) чрезъ главнаго брамина, то есть чрезъ меня; и когда они моими устами позволятъ, тогда насладись ея прелестями».

— Какое множество околичностей!

«Ихъ предписываетъ Брама».

— Вездѣ Брама! Саибъ! я думаю, что или ты, или онъ, или вы оба мѣшаетесь часто не въ свое дѣло и предписываете невозможное, наложивъ на мое сердце обязанность любить непремѣнно дочь набаба. Что же предписываетъ Брама, ежели дѣвушка дочь сатриса?

«Въ такомъ случаѣ велитъ Брама, и книга Веда, и книга Эзуръ-Веда (б), и я, и священныя сословія браминовъ—набабамъ не думать объ ней».

— Мудрено, что Брама, книги, ты и сословія браминовъ прика-

(а) Три главныя свойства Бога, почитаемыя Индами, т. е. собственно Богъ, Премудрость Божія и Провидѣніе.

(б) Ученіе браминовъ заключается въ книгѣ, именуемой Веда, а толкованіе на нее называется Эзуръ-Веда.

зываютъ не думать: ибо мысли не состоятъ въ нашей власти.

«Слова твои пагубны! ихъ нѣтъ ни въ которой изъ книгъ нашихъ; а все то, чего тамъ нѣтъ, предано сенассеями (а) проклятію».

— Такая жестокость не пристала смиренію сенассеевъ.

«Они жестоки къ простымъ беніанамъ: набабы свободны отъ ихъ проклятія».

— Слѣдовательно набабы имѣютъ свободу и мыслить какъ заблагоразсудится?

«Безъ всякаго сомнѣнія».

—А мои мысли заняты дѣвушкою?

«Старайся забыть ее».

— Это выше силъ моихъ!

«Стоитъ только единожды выкупаться предъ восхожденіемъ солнца въ Гангѣ, и она изгладится изъ твоихъ мыслей».

Нарудъ повѣрилъ, купался двѣнадцать разъ предъ восхожденіемъ и послѣ восхожденія солнца, и все думалъ о дѣвушкѣ.

Утомясь обливаться водою, призвалъ онъ къ себѣ Саиба и говорилъ, что дѣвушка не выходитъ изъ его мыслей. Саибъ клялся и увѣрялъ, что она давно уже вышла.

Набабъ повелѣлъ предстать передъ себя факиру, котораго почитали за вдохновеннаго самимъ Брамою, ибо онъ, отвѣчая на вопросы, ему предлагаемые, коверкался какъ лаоская обезьяна, ходилъ подпоясавшись желѣзными веригами, вколачивалъ въ пятки по девяти гвоздей, и кричалъ мимоходящимъ: «обожай корову!»

Нарудъ спросилъ у него, какъ надобно поступать, ежели набабу понравится красавица.

«Понравится? красавица? вскричалъ факиръ, бѣснуясь: «пренебреги ею! все, что принадлежитъ къ наслажденію, удовольствію, радостямъ, веселію — все должно быть чуждо истинному человѣку: однѣ печали, одна корова, или хвостъ ея, суть предметы, достойные занимать душу, разумъ и чувства смертнаго!»

За удовлетворительный отвѣтъ факира приказалъ Нарудъ построить большой хлѣвъ подлѣ дома сумасшедшихъ, собралъ всѣхъ факировъ, шатавшихся по Багару, посадилъ ихъ въ него и далъ каждому по коровьему хвосту.

Избѣгшіе отъ поимки сенассеи разломали ночью двери и, выпустивъ факировъ, разгласили поутру, что Брама освободилъ ихъ своими собственными руками.

О чудо! кричали сенассеи; о чудо! восклицали праздные люди; о чудо! повторяли старухи и суевѣры.

Набабъ велѣлъ факировъ переловить опять, опять посадилъ ихъ въ большой хлѣвъ подлѣ дома сумасшедшихъ и приставилъ къ нимъ двѣ сотни носящихъ мечи при бедрѣ своемъ и пищали за раменами: они, снявъ вериги съ

(а) Сенассеи, или просто называемые факиры, суть философы, провождающіе самую бѣдственную жизнь. Разныя жестокости, коими они себя произвольно мучатъ, снискиваютъ имъ уваженіе и довѣренность черни. Самое же слово факиръ значитъ бѣднякъ.

чреслъ факировъ, возложили имъ оныя на выи, руки и ноги.

Народъ ожидалъ чуда, толпами собирались смотрѣть его, ждали, глядѣли—но чуда на сей разъ не послѣдовало.

Нарудъ послалъ вопросъ свой въ бенарескій университетъ. Какъ скоро его тамъ получили, то одна половина пундитовъ науки о числахъ доказала посредствомъ алгебраическаго сложенія и вычитанія невозможность рѣшенія, а другая половина рѣшила ариѳметическимъ умноженіемъ и дѣленіемъ, что они солгали.

Пундиты любомудрія утвердили единогласно, что такъ какъ любовь не есть дружба, а дружба не любовь, то и надобно, чтобы она была чувство, ощущаемое мужчиною къ женщинѣ или обратно.

Пундиты словесности сочинили восемь похвальныхъ словъ и восемьдесятъ торжественныхъ одъ, каждую въ восемьсотъ стиховъ, на санскритскомъ нарѣчіи, по случаю Нарудовой любви.

Всѣ сочиненія пундитовъ отправлены были къ набабу, который, прочитавъ ихъ, увидѣлъ, что ученые пишутъ иногда и о томъ, чего они вовсе не понимаютъ.

Наконецъ тотъ же вопросъ предложилъ Нарудъ Раару, врачу, коего слава гремѣла на сорока трехъ кладбищахъ. Рааръ совѣтовалъ принять полкапли извѣстнаго ему состава. Набабъ выпилъ и едва было черезъ четверть часа не умеръ. Рааръ предписалъ порошки, которые не подѣйствовали.

Нарудъ негодовалъ на врача; врачъ сердился на крѣпкое сложеніе Наруда.

«О великій Бримгъ!» говорилъ набабъ: «всѣ увѣряютъ, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго, а я вижу, что для меня очень немногое возможно!

Размышляя такимъ образомъ, рѣшился онъ послѣдовать однимъ внушеніямъ сердца, вѣрить чувствамъ и совѣтоваться съ разсудкомъ, надѣлъ платье бенза (а) и пошелъ въ сумерки къ пагоду, стоящему на берегу Ганга.

Нарудъ сѣлъ подъ пальмовымъ деревомъ, устремилъ глаза на жилище красавицы, выдумывалъ способы увидѣть ее и объявить ей любовь свою, не взирая ни на запрещенія Брамы и Санба, ни на проклятія книги Веды и книги Эзуръ-Веды.

Вдругъ показалась дѣвушка въ концѣ просади, ведущей къ пагоду: та самая, которая овладѣла сердцемъ набаба, и—одна. Нечаянность сія обрадовала Наруда болѣе, нежели Скандербека (б) покореніе всего міра. Набабъ всталъ и дожидался ее подлѣ воротъ.

— Прекрасная! сказалъ Нарудъ при ея приближеніи: дозволь обнаружить тайну, тягостную для моего сердца, дозволь открыть чувства, кои ты возбудила твоею красотою, выслушай незнакомца...

(а) Купца.

(б) Александръ Великій.

«Незнакомца? могу ли я не знать моего государя, славнаго набаба Патны, повелителя Багара!»

— Ты ошибаешься, любезная дѣвица, ты видишь....

«Бенза? нѣтъ, я очень хорошо знаю Наруда: сія одежда не перемѣнила его лица».

— Случайное сходство....

«Если такъ, то сожалѣю и уйду».

— Остановись! ты узнала меня: я Нарудъ. Но да послужитъ тебѣ сей случай доказательствомъ моей горячности; я люблю тебя.

«Государь!»...

— Повергаю къ ногамъ твоимъ корону Багара, мои сокровища, власть мою! раздѣли со мною владычество царя, его славу и великолѣпіе! повелѣвай мною и люби только меня.

«Корона, сокровища, власть— на что они мнѣ? я счастлива и безъ нихъ: кто дерзнетъ ручаться, что буду счастливѣе съ ними? Государь, ты предлагаешь мнѣ все, чѣмъ судьба одарила тебя, и требуешь любви моей: но возмездіе любви есть любовь, а не титла и богатства; сердца, благороднаго сердца нельзя ни купить, ни покорить. Я не имѣю ничего, но вольности моей не продамъ за корону Багара; ты можешь мнѣ приказать быть твоею супругою— я могу не любить тебя».

— Увы! я въ отчаяніи.... ты любишь уже!

«Нѣтъ, сердце мое свободно, но свобода ему не наскучила. Оковы супружества—всегда оковы».

— Для тебя сплетутся онѣ изъ розъ весеннихъ.

«Этого не довольно; надобно, чтобы благоразуміе очистило съ розъ шипы, коими онѣ усыпаны».

— Красота твоя защититъ тебя отъ сего тернія.

«Красота прельщаетъ любовника: супругу нужно нѣчто болѣе; наслажденія любовника—минута, наслажденія супруга—вѣкъ; такъ говоритъ отецъ мой: опытность его заслуживаетъ довѣріе».

— Скажи мнѣ имя твое, прелестнѣйшая дщерь Индостана!

«Меня зовутъ Онидою».

— Онида, прекрасная Онида, что долженъ сдѣлать человѣкъ, который ищетъ любви твоей? что долженъ сдѣлать я, дабы снискать взаимную любовь Ониды?

«Подвергнуться испытанію».

— Я воскресаю! испытывай Наруда, и ты увидишь, можетъ быть, что онъ не недостоинъ нѣжности твоей.

«Испытаніе мое, государь, начну я на *другой день*.

Сказала—и быстрѣе бенгальской серны удалилась во внутренность пагода. Нарудъ горестно посмотрѣлъ въ слѣдъ за нею и пошелъ отъ воротъ, говоря съ глубокимъ вздохомъ: «Ахъ, какъ ничтожна власть набаба, и какъ велико могущество красоты! нѣтъ, теперь уже никто меня не увѣритъ, чтобы мнѣ все было возможно».

На другой день, въ то же самое время, пришелъ Нарудъ къ пагоду; вскорѣ послѣ него Онида.

О какъ я счастливъ! говорилъ онъ, ее встрѣчая: испытаніе мое начнется, и я поспѣшу доказать моей возлюбленной, сколь велика моя любовь къ ней! предписывай, повелѣвай,—Нарудъ горитъ нетерпѣніемъ исполнить все то, что повелитъ ему Онида.

«Онида проситъ Наруда придти *на другой день*: тогда она предложитъ свое испытаніе».

— На другой день! сказалъ Нарудъ печально.

«На другой день!» сказала Онида хладнокровно и ушла въ пагодъ.

Набабъ явился на другой день, равнымъ образомъ и Онида. Съ веселымъ видомъ подошелъ онъ къ ней и говорилъ: теперь я не оставлю тебя до тѣхъ поръ, пока ты однимъ своимъ словомъ не сдѣлаешь меня или навѣки счастливымъ, или навсегда несчастнымъ; теперь я непремѣнно хочу знать....

«И такъ Нарудъ, коего добродушіе прославляютъ брамины и найры, намѣренъ употребить насиліе?»

— Да поразитъ меня гнѣвъ Бримга, ежели я помышлялъ о насиліи! но ты хотѣла начать испытаніе.

«Начну его *на другой день*».

Въ третій разъ покинутый набабъ стоялъ въ недоумѣніи предъ воротами пагода. «На другой день! на другой день!» говорилъ онъ самъ себѣ съ нѣкоторою досадою: «на другой день! что это значитъ? ахъ! вѣрно, она меня не любитъ!— не любитъ?... истребись, ужасная мысль, исчезни! кто подозрѣваетъ, тотъ недостоинъ любви взаимной; одна безпредѣльная довѣренность имѣетъ право на нее, она одна есть вѣрнѣйшее средство снискать нѣжность женщины. Такъ, воля Ониды священна для меня! буду ей слѣпо повиноваться, и приду на другой день».

Нарудъ пришелъ и ушелъ, не видавъ Ониды. Настал ъ еще день, и еще день—въ четвертый показалась Онида.

— Онида! воскликнулъ набабъ: жестокосердая! чѣмъ заслужилъ я сіи мученія? почто воздаешь ты суровостію за любовь мою?

«Упреки твои, государь, столько же несправедливы, сколько лестны слова, коими ты ихъ выражаешь; но оправдаться передъ тобою не могу иначе, какъ *на другой день*».

— Еще на другой день? нѣтъ, Онида, нѣтъ....

Нарудъ, примѣтивъ ея намѣреніе бѣжать, хотѣлъ схватить за руку, но ему попалась голубая лента, которою было обвязано платье на груди Ониды: красавица вырвалась, оставя набабу свой поясъ.

Такъ восхищаются дѣти, видя разноцвѣтную радугу, какъ восхищался Нарудъ, смотря на голубую ленту Ониды.

— Счастливая ткань! говорилъ онъ: ты украшала прелестную, помрачающую всѣ украшенія! къ тебѣ прикасались иногда персты ея, тебя удостоивала она, можетъ быть, каждый день нѣсколькими взглядами.... впредь ты не будешь столь счастлива!—ахъ, ежели бы

ты имѣла глаза, то проливала бы горькія, вѣчныя слезы, разлучась съ Онидою! но ты не можешь плакать,—такъ я стану орошать тебя моими слезами, возвращу нѣкогда ей и скажу: вотъ повѣренная любви моей и горести, свидѣтельница тоски и сокрушенія! она покрыта поцѣлуями моими, она не осушалась отъ слезъ моихъ! Онида, Онида! кто исчислитъ слезы, кои проливалъ я, томясь надеждою? кто измѣритъ любовь мою къ тебѣ?

«Моя любовь!» сказала Онида, выступя изъ воротъ пагода: «довольно, Нарудъ; испытаніе твое скоро кончится. Приди сюда *на другой день*: я приведу съ собою отца моего; онъ исполнитъ, вмѣсто меня, мое обѣщаніе и, можетъ быть, позволитъ Онидѣ любить набаба Патны. Участь Наруда и Ониды рѣшена уже; *на другой день* рѣшится участь бѣдной подданной и владыки Багара».

— На другой день? жестокая! на что откладывать благополучіе мое до другаго дня, когда можно его совершить нынче? Никогда не раздѣлялъ я человѣка съ государемъ въ моей особѣ: Нарудъ и набабъ багарскій одно и то же; пойдемъ, сейчасъ пойдемъ къ отцу твоему: да будетъ онъ и моимъ отцемъ!

«Ахъ, государь! для тебя тягостно отложить свиданіе съ понравившеюся тебѣ дѣвушкою до другаго дня; суди же, какъ несносно должно казаться терпѣніе ожидающимъ правосудія, помысли, какъ мучительно откладывать и самую надежду до другаго дня, какъ горестно говорить самому себѣ: нынче ничего, а можетъ быть на другой день!»

— На другой день?

«Тысячи подвластныхъ тебѣ произносятъ это, обливаясь слезами: почему же и государю не извѣдать всей горечи непріятной отсрочки?»

— Я извѣдалъ все... знаю все...

«Тѣмъ лучше: слѣдовательно для тебя не новое проститься со мною до другаго дня».

— Нѣтъ, Онида, скорбь разлуки всегда будетъ новою язвою для моего сердца: можно ли привыкнуть къ печали? Взгляни: здѣсь, у ногъ твоихъ, прошу тебя не терзать разлученіемъ съ тобою души моей, умоляю тебя не упоминать болѣе ненавистнаго слова: *на другой день;* оно безконечно какъ вѣчность, мучительно какъ адъ; ахъ, или мало еще терпѣлъ я отъ него?

«Вѣрно менѣе, нежели я и несчастный отецъ мой!»

— Менѣе? несчастный? — ты плачешь? менѣе?

«Увы, мы много, слишкомъ много потерпѣли отъ сего ужаснаго слова!»

— Правосудный Бримгъ, что я слышу? объяснись, прекрасная; заклинаю тебя, объяснись!

«Буду откровенна передъ моимъ государемъ; не утаю ничего, ибо надѣюсь оказать услугу ему и всѣмъ его подданнымъ: надѣюсь, что, открывъ злоупотребленіе приближенныхъ его, закрою раны страждущаго человѣчества».

— О Нарудъ, Нарудъ! и такъ ты заблуждался, думая, что нѣтъ несчастныхъ въ твоемъ владѣніи!

«Отецъ мой служилъ въ войскахъ твоего родителя пятьдесятъ лѣтъ; старость и болѣзни принудили его покинуть знамена твои черезъ годъ по восшествіи твоемъ на престолъ. Заслуги позволяли ему надѣяться получить награду, опредѣленную законами, но исполнители законовъ предали забвенію долговременную его службу и славные подвиги: они извѣстны были одному покойному государю»....

— Имя отца твоего?

«Беккиръ».

— Знаменитый Беккиръ, коего мечъ усмирялъ дважды неспокойнаго сосѣда, набаба ногракутскаго, и которому Багаръ обязанъ выгоднымъ миромъ? Беккиръ, отразившій нападеніе европейцевъ при устьѣ Ганга, куда отправилъ его родитель мой на помощь государю бенгальскому... Онида, ты несправедлива: подвиги Беккировы и мнѣ извѣстны, но я никогда не видалъ его въ моихъ чертогахъ.

«Ибо доступъ подданному къ тебѣ труднѣе, нежели грѣшнику ко вратамъ рая».

— И я слышу объ этомъ въ первый разъ? и найры не стыдятся прославлять мое милосердіе?

«Отецъ мой прибѣгнулъ къ твоему намѣстнику».

— Къ моему другу, Онида, къ моему истинному другу.

«Твой другъ и намѣстникъ отказалъ ему.»

— Отказалъ!

«Но до отказа своего приказывалъ, просилъ приходить *на другой день* цѣлый годъ, межъ тѣмъ какъ мы часто не имѣли на другой день—пропитанія».

— Мой другъ это сдѣлалъ? намѣстникъ мой отказалъ заслуженному саттрису? обманывалъ Беккира, получая отъ меня каждый мѣсяцъ для раздачи вѣрнымъ сынамъ отечества по полубочкѣ золота!

«Изъ всѣхъ твоихъ бочекъ не удѣлилъ онъ отцу моему ни золотника».

— Понимаю теперь, для чего найры прославляютъ мое добродушіе! разумѣю, для чего они съ такимъ удовольствіемъ превозносятъ щедроту мою!

«Намъ сказали, что Саибъ находится въ большомъ у тебя уваженіи, и потому возобновилъ отецъ мой просьбу свою предъ главноначальствующимъ надъ священными сословіями брамиповъ»....

— Отъ котораго и получилъ желаемое? Ахъ, какъ я досадую, что намѣстникъ мой лишилъ себя сладостнаго удовольствія исполнить обязанность государеву, лишилъ себя моей благодарности: и какъ я радъ, что Саибъ заплатилъ Беккиру мой долгъ! что онъ симъ поступкомъ заставляетъ меня перемѣнить дурное мое объ немъ мнѣніе! о какъ я радъ, что могу наконецъ сказать: у меня есть человѣкъ, на котораго смѣло можно положиться! отнынѣ Саибъ будетъ моимъ совѣтникомъ, наставникомъ, другомъ.

«Полтора года приказывалъ Саибъ приходить къ себѣ *на другой день* то отцу моему, то мнѣ: наконецъ сегодня отказалъ совершенно».

— Саибъ? сѣдобородый Саибъ, читающій Веду и Эзуръ-Веду?

«Онъ самый. Теперь только я была у него, и онъ—увы, какъ тягостна бѣдность!—онъ дерзнулъ мнѣ, дочери добраго, честнаго воина, предложить за заслуженную награду отца моего мое.....»

— Какъ, неужели и это повелѣваетъ Брама? въ моей области такое преступленіе? въ столицѣ добродушнаго Наруда продаютъ награду заслугъ, оскорбляютъ невинность, угнетаютъ слабыхъ? О какъ жестоко меня обманывали! Однако же, Онида, почему ты или Беккиръ не просили меня, когда я прогуливаюсь?

«Или государь забылъ свое повелѣніе, обнародованное въ тотъ самый день, когда праздновала Патна третій годъ твоего царствованія?»

— Сей день незабвененъ въ моей памяти! я помню очень хорошо, что повелѣлъ уничтожить варварскій законъ, отчуждающій несчастныхъ Гаррисовъ (а) отъ общества, и возобновить древнюю терпимость всѣхъ вѣръ въ моей области.

«И только?»

— Только; я подписалъ два сіи повелѣнія и нѣсколько еще благодарственныхъ листовъ къ отличившимся гражданскими подвигами начальникамъ.

«Но въ самый тотъ день объявлено было твое же повелѣніе, чтобы никто не дерзалъ безпокоить тебя просьбами во время твоихъ выѣздовъ».

— Что слышу?—безпокоить государя просьбами!

«Ослушнику назначена смертная казнь».

— И это дѣлали мои любимцы! друзья мои, сѣдобородые брамины и благовоспитанные найры, восхвалявшіе добродушіе легковѣрнаго Наруда! Впредь будутъ прославлять правосудіе, а не добродушіе Нарудово; впредь станутъ лобызать зерцало истины, а не зеленые каблуки моихъ туфлей! Онида, благодарю тебя за открытіе моего заблужденія; если бы я не любилъ тебя, то сія услуга творитъ тебя достойною быть супругою повелителя Патны: пойдемъ къ отцу твоему. Не Саибово, но его благословеніе надобно мнѣ; онъ получитъ семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь золотыхъ монетъ крупнѣйшаго разбора, а не сундукъ пагода, стоящаго на берегу Ганга; не на истуканъ Брамы, а на шею милой Ониды повѣшу я всѣ, всѣ гидрабантскіе алмазы, какіе только есть въ моихъ сокровищахъ!

(а) Жители Индостана раздѣляются на нѣсколько поколѣній, изъ коихъ есть одно самое несчастнѣйшее, называемое Гаррисами, Паріями или Пуліатами. Они обязаны отправлять наиподлѣйшія работы, должны избѣгать встрѣчи со всякимъ Индіаниномъ, и каждый, принадлежащій не къ ихъ поколѣнію, имѣетъ право убить Гарриса до смерти за ничто.

Едва озлатило солнце верхи зданій Патны, какъ уже Нарудъ ѣхалъ въ сопровожденіи двухъ полковъ отборныхъ меченосцевъ къ пагоду, стоящему на берегу Ганга; вся свита окружала его.

Весело играли музыканты передъ полками; меченосцы шли, улыбаясь, за набабомъ; народъ толпился около Наруда, привѣтствующаго ихъ ласково и дружелюбно. Радость сіяла на лицѣ у каждаго.

Одни найры, составлявшіе свиту набабову, поглядывали горестно другъ на друга; трепеща, ѣхалъ подлѣ Наруда его намѣстникъ, ибо Нарудъ, противъ своего обыкновенія, не говорилъ ни съ кѣмъ изъ нихъ ни слова и не объявилъ никому, за чѣмъ ѣдетъ къ пагоду. Всѣ предчувствовали бѣду, особливо намѣстникъ набаба. Отъ сотворенія придворныхъ никогда еще не бывало, чтобы предчувствіе кого-нибудь изъ нихъ обмануло!

Равнымъ образомъ изумился Саибъ и брамины, увидя внезапу Наруда. Еще болѣе перепугалось благочестивое сословіе, усмотрѣвъ съ нимъ два полка меченосцевъ. Саибъ отсчитывалъ въ сіе время третью часть вчерашняго сбора, но сколько ни любилъ онъ монеты, побѣжалъ однако же на встрѣчу къ набабу, имѣя въ рукахъ книгу Веду, Эзуръ-Веду и кадильницу съ аравійскими благовоніями, — побѣжалъ, не замкнувъ монеты.

Страхъ и ужасъ овладѣлъ Саибомъ, браминами, намѣстникомъ и найрами, когда Нарудъ, взъѣхавъ на дворъ пагода, слѣзъ съ лошади и пошелъ не въ пагодъ, а къ возвышенію, сдѣланному посреди двора. Подобно ручьямъ сѣвера, останавливающимся отъ губительнаго дыханія хладныхъ вѣтровъ въ мѣсяцы Козерога, замерзла кровь въ ихъ жилахъ, когда набабъ, взошедъ на возвышеніе, обратился къ народу и началъ говорить слѣдующее:

«Дѣти мои! три года управляю я вами послѣ смерти моего родителя; три года коварные льстецы угнетали васъ моимъ именемъ; приближься, кто имѣетъ жалобу на намѣстника или на судей, поставленныхъ надъ вами!»

Всѣ пали на колѣни: тысячи вопіяли. Нарудъ далъ знакъ къ молчанію и продолжалъ говорить:

«Обѣщаю воздать должное каждому; обѣщаю разобрать всѣ жалобы, и удовлетворю справедливую. Отнынѣ васъ никто не разлучитъ со мною; дѣти могутъ видѣть отца своего во всякое время, когда имъ надобно. Нуждающійся и несчастливый, гонимый и беззащитный, сирый и вдовица не должны разбирать дней и часовъ, дабы обрѣсти себѣ отраду у престола государева, ибо владѣніе мое не обширно. Богъ пріемлетъ молитвы наши днемъ и нощію: днемъ и нощію да будутъ отверсты народу мои чертоги!» (*Оборачивается къ намѣстнику*). А ты, дерзнувшій употребить во зло довѣріе твоего владыки, будь съ

женою твоею и чадами твоими, ибо и они участвовали въ твоихъ преступленіяхъ, будь рабъ Беккира! пресмыкайся въ неволѣ у того, кто не получилъ отъ тебя заслуженной награды, кому ты цѣлый годъ обѣщалъ исполнить просьбу его *на другой день* и кому ты наконецъ отказалъ съ свирѣпостію, сродною жестокосердному корыстолюбцу!»—(*Къ Саибу*). Здѣсь, предъ полками защитниковъ вѣры и отечества, предъ лицемъ дѣтей моихъ, скажи, какъ должно поступать въ такомъ случаѣ, когда набабу понравится красавица?»

— Какъ ему угодно! отвѣчалъ Саибъ, уронивъ обѣ книги и кадильницу съ аравійскими благовоніями.

«Вѣроломный жрецъ!» говорилъ Нарудъ: «сей отвѣтъ не спасетъ тебя, не примиритъ съ раздраженнымъ правосудіемъ; я презираю его и вмѣсто онаго требую, чтобы ты раскрылъ Веду и удовлетворилъ вопросу моему; хочу изобличить развратнаго мздоимца, прикрывающагося личиною смиренія. Повинуйся!»

Саибъ дрожащими руками раскрылъ Веду и читалъ:

«Не взирайте на сокровища, титла и красоту, когда желаете, чтобы дѣвица, избираемая вами въ супругу, любила васъ до конца жизни, когда желаете быть счастливы! красота увянетъ, титла можетъ отнять сильнѣйшій, сокровища подвержены тому же жребію. Одна истинная любовь, основанная на взаимномъ уваженіи, пребудетъ неизмѣнною вовѣки!» Саибъ умолкъ; Нарудъ продолжалъ:

«Ни слова о вкладахъ въ сундукъ пагода? ни слова о парѣ гидрабантскихъ алмазовъ? И такъ Саибъ оклеветалъ книгу Веду, обманулъ Бога, государя, народъ! Обманщикъ и клеветникъ недостоинъ жреческаго сана, котораго я тебя и лишаю».

—Главноначальствующаго надъ священными сословіями браминовъ (сказалъ Саибъ прерывающимся голосомъ, простершись предъ Нарудомъ) никто, кромѣ браминовъ, не можетъ лишить сана: сіе написано въ Эзуръ-Ведѣ, въ шестой главѣ, на страницѣ пятнадцатой.

«Саттрисы!» воскликнулъ набабъ: «станьте вокругъ браминовъ; пусть они напишутъ сейчасъ въ Эзуръ-Ведѣ, въ первой главѣ, на первой страницѣ, что набабъ властенъ сжечь Эзуръ-Веду, ежели написанное въ ней будетъ противно истинѣ и здравому разсудку. Брамины написали книгу: брамины могутъ и переписать ее».

Бубны загремѣли, саттрисы въ ладъ вынули мечи свои и ровнымъ шагомъ, весьма красиво построились около браминовъ. Книгу Эзуръ-Веду разогнули и повелѣніе Наруда вписали. Набабъ продолжалъ говорить:

«Клятвопреступника Саиба лишаю сана! да будетъ онъ со всѣми неправедно пріобрѣтенными богатствами рабъ Ониды, которую оскорбилъ вчера и отцу которой

обѣщалъ онъ помочь на другой день полтора года. (*Оборачивается къ найрамъ*). Возбраняю вамъ лобызать каблуки туфлей моихъ, а и того болѣе прославлять какое-либо дѣяніе набаба. Кто сдѣлалъ добро, тому собственное его сердце, сладостный голосъ совѣсти пріятнѣе похвалъ вашихъ и увѣрительнѣе всѣхъ санскритскихъ стиховъ. Народу запрещено становиться на колѣни предо мною; ибо если такимъ образомъ будутъ воздавать почтеніе набабамъ, то что уже останется Богу? Колѣнопреклоненіе есть почесть, принадлежащая Ему одному».

Рукоплесканія и крикъ Патнійцевъ заглушили слова Наруда. Когда восторгъ народный утихъ, тогда онъ началъ опять говорить:

«Отнынѣ, буде Брама благоволитъ учинить какое-либо откровеніе браминамъ, то да увѣдомятъ они о томъ напередъ меня, а я уже сообщу его моему народу».

Брамины посмотрѣли изъ подлобья на меченосцевъ и низко, низко поклонились набабу въ знакъ непринужденнаго согласія.

«Теперь, дѣти мои!» продолжалъ набабъ говорить къ народу: «представлю я вамъ того, кто показалъ мнѣ коварство намѣстника моего и Саиба; кто открылъ ихъ злодѣйства и козни, и кто возвратилъ меня вамъ. Смотрите, вотъ моя и ваша благотворительница!»

Народъ и саттрисы раздались; Онида шла къ Наруду подлѣ отца своего, между рядовъ восклицающихъ Патнійцевъ. Набабъ взялъ ее за руку и, возведя на возвышеніе, съ котораго говорилъ, сказалъ:

«Вотъ показавшая мнѣ путь къ достиженію до существеннаго благоденствія Багара; она, кому я обязанъ спасительнымъ урокомъ самопознанія; словомъ, тотъ добрый духъ, который помогъ мнѣ положить начало къ устроенію вашего счастія! Народъ, чѣмъ заплатишь ты ей? чѣмъ заплачу я?»

Нѣкоторые изъ народа. Отдай половину твоихъ сокровищъ!

Другіе. Отдай всѣ: мы возвратимъ ихъ!

Другіе. Отдай всѣ!

Другіе. Награди ее, чѣмъ хочешь!

Нарудъ. Сокровища мои вамъ принадлежатъ: отдавъ ихъ, заплатилъ бы я только вашъ долгъ, не свой; но у меня есть моя собственность—сердце.

Нѣкоторые изъ народа. Да будетъ твоею супругою!

Другіе. И нашею матерью!

Всѣ. Да будетъ!

Нарудъ. Да будетъ! На другой день (въ послѣдній разъ произношу сіе слово) совершится мое бракосочетаніе, и дѣти мои пусть придутъ участвовать въ общей радости; проклятое же слово *на другой день* да искоренится навѣки изъ языка индостанскаго!

Доколѣ царствовалъ Нарудъ, то никогда не было употребляемо слово *на другой день*, потому что всѣ просьбы доходили къ набабу или судіямъ испытанной честности и безкорыстія, и потому что всѣ

просьбы рѣшились въ тотъ же день.

Долго продолжалось благоденствіе Багарянъ, долго управлялъ ими Нарудъ, но онъ умеръ: съ нимъ умерло и счастіе его народа.

Хотя изъ уваженія къ памяти Нарудовой потомки его и гнушались виною многихъ золъ, словомъ *на другой день*, но они выпустили сперва факировъ, потомъ дозволили цѣловать каблуки у своихъ туфлей, а напослѣдокъ сняли запрещеніе и съ откровеній Брамы.

Брама, начавъ по прежнему бесѣдовать съ браминами, благоволилъ учинить нѣсколько чудесъ, между коими находилась буковая доска, приплывшая ночью вверхъ по рѣкѣ Гангу и остановившаяся прямо противъ пагода, гдѣ нѣкогда жилъ Саибъ. На доскѣ сей было начертаніе: *Завтра*. Никто не понималъ смысла сего таинственнаго слова, но Брама растолковалъ его браминамъ, которые извѣстили наировъ, что оно значитъ точь въ точь тоже, что и *на другой день*.

Первые приняли сіе слово брамины, потомъ внесено оно было съ великимъ торжествомъ въ словарь блюстителей правосудія, потомъ воспользовались имъ ростовщики, а наконецъ сдѣлалось оно столь употребительнымъ, что разнеслось по всему Багару, Индостану и востоку.

Дорого однако же стоило сіе чудо преемникамъ Наруда, ибо когда непріятели напали на предѣлы Багара, и набабъ, желая отразить ихъ, просилъ помощи у сосѣднихъ государей, то всѣ они обѣщали ему прислать ее—*завтра*.

Теперь Багаръ стенаетъ подъ ярмомъ своихъ непріятелей и, не взирая на продолжающіяся чудеса и толки браминовъ, вноситъ ежегодно въ сундукѣ завоевателей изрядныя кучки золота и кучи серебра, для того что и враги ихъ, подобно Саибу, имѣютъ непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ другимъ металламъ, которые неспособны вмѣщать въ немногомъ количествѣ многое.

И факиры, встрѣчаясь съ мимоходящими, вмѣсто прежняго привѣтствія: «обожай корову!» говорятъ: «о горе, горе намъ! когда возвратитъ Патна свою свободу?»

Завтра!...

[1]) Александръ Петровичъ Бенитцкій (1781—1809), или Бенитцки, какъ онъ самъ подписывалъ свою фамилію подъ нѣкоторыми статьями, воспитывался въ пансіонѣ профессора московскаго университета Шадена. Здѣсь онъ основательно выучился языкамъ французскому и нѣмецкому: послѣдній доставилъ ему возможность познакомиться съ поэзіей Клопштока и Шиллера, и чрезъ то избѣгнуть односторонности французскаго классицизма какъ въ сужденіяхъ объ искусствѣ, такъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ. На смерть Шиллера написалъ онъ элегію; изъ него же переведены имъ: «Мысли объ употребленіи въ искусствѣ обыкновеннаго и низкаго», повѣсть: «Преступникъ отъ безславія» и нѣсколько стихотвореній. По выходѣ изъ пансіона, Бенитцкій служилъ въ арміи съ небольшимъ четыре года, а потомъ находился при Коммиссіи составленія за-

коновъ (въ Петербургѣ). Не смотря на свою молодость, онъ выказалъ замѣчательный литературный талантъ и славился въ свое время, какъ повѣствователь и рецензентъ. Повѣсти его (хотя онѣ вѣроятно переводныя или передѣлки иностранныхъ повѣстей) заслуживаютъ и теперь вниманіе по основной идеѣ, занимательному содержанію, живому, остроумному разсказу и чистому, пріятному языку. Начальные опыты его авторства явились въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, И. Мартынова (1804—1805) и въ Журналѣ Рос. Словесности, Н. Брусилова (1805). Въ первомъ изданіи напечатана «Комала, драматическая пѣснь Оссіана»—подражаніе нѣмецкому образцу; во второмъ помѣщены стихотворенія: «Гробница друга», «Къ Амуру», «Весна», «Развалины», «Вдова» (сказка), упомянутая элегія на кончину Шиллера, «Сентябрь» (идиллическій разговоръ) и нѣсколько басенъ. Въ 1807 г. Бенитцкій издалъ «Талію, или собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, кн. I». Въ сборникѣ участвовали Батюшковъ и Гнѣдичъ. Самому издателю принадлежатъ двѣ повѣсти: «Ибрагимъ, или великодушный», и «Бедуинъ», и «Параллели» (женщина и дама, умный и дуракъ), 13 басенъ и нѣсколько другихъ стихотвореній. Вторая книжка Таліи, обѣщанная въ томъ же 1807 г. и уже отпечатанная, по какимъ-то обстоятельствамъ не вышла въ свѣтъ. Въ 1809 г. Бенитцкій вмѣстѣ съ А. Измайловымъ издавалъ журналъ Цвѣтникъ, который ему особенно обязанъ былъ своимъ интересомъ. Второй и послѣдній годъ Цвѣтника (1810), выходившаго подъ редакціей А. Измайлова и П. Никольскаго, не представляетъ прежняго разнообразія и живости. Къ важнѣйшимъ статьямъ Бенитцаго въ обоихъ годахъ Цвѣтника относятся: повѣсть «На другой день», «Восточныя сказанія», «Похвальное слово чижику Пипинькѣ», разборы нѣкоторыхъ книгъ, басни. Есть также его переводы изъ Вилламова, Клопштока и Шиллера. Какъ въ стихотворныхъ піесахъ Бенитцкаго большею частію выражается меланхолія—слѣдствіе душевныхъ страданій, ускорившихъ его смерть, такъ въ его повѣстяхъ, басняхъ и критическихъ разборахъ много здравыхъ понятій, остроумія и сатирическихъ замѣтокъ. Кромѣ того, остались послѣ Бенитцкаго въ рукописяхъ: «Неронъ», трагедія въ стихахъ (неконченная), и нѣсколько другихъ піесъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Краткій некрологъ Бенитцкаго см. въ ноябрской книжкѣ Цвѣтника на 1809 г.

[2]) «Цвѣтникъ, 1809 г., № 1».

IX.

В. В. ИЗМАЙЛОВЪ. ([1]).

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ (1799). ([2]).

Сарепта, или Сарпинская колонія.

Торжество человѣческихъ обществъ есть, конечно, общество евангелическое, котораго братья поселились у насъ на берегахъ Сарпы.

Гуляю въ убѣжищѣ новыхъ евангелистовъ, собираю пріятныя впечатлѣнія и радуюсь на гражданскій и нравственный порядокъ

колоніи, которая присвоила себѣ, съ наукою добродѣтелей, художества нашего философическаго вѣка.

Вообразите себѣ посреди дикихъ пустынь веселый городокъ, украшенный не великолѣпными, но пріятными зданіями, съ малымъ числомъ людей, живущихъ безъ излишности изобилія, но безъ недостатковъ роскоши; счастливыхъ не блескомъ просвѣщенія, но простотою нравовъ; занятыхъ не важными науками, но полезными ремеслами. Вообразите себѣ уединенное убѣжище, гдѣ укрываются добродѣтели, изгнанныя въ мірѣ, гдѣ художества блестятъ на тронѣ, гдѣ семейство людей есть семейство братій: такова Сарепта!

Но вображеніе не представитъ себѣ никогда того, что глаза видятъ здѣсь. Не довольно читать самое вѣрное описаніе Сарепты: надобно видѣть ее. Колонія выстроена очень хорошо; домики въ два этажа, осѣненные цвѣтущими раинами (а), занимаютъ площадь, къ которой примыкаютъ улицы, украшенныя также рядами пріятныхъ зданій. Здѣсь домъ директорскій, не превышая другихъ кровлею, величается одною смиренностью; тамъ прикасаются къ облакамъ одни тѣ дома, гдѣ воспитывается юношество и покоится вдовство (б); далѣе, согласно съ бѣдностью жертвъ, приносимыхъ землею небу, стоитъ скромный храмъ молитвы; частныя жилища, фабрики, мастерскія улыбаются пріятно передъ глазами зрителя. Посреди площади, которая можетъ назваться средоточіемъ колоніи, вырытъ колодезь, изъ котораго вода проведена во всѣ кухни домовъ, чтобы быть всегда подъ рукою хозяина.

Подите по улицамъ, и вы встрѣтите на каждомъ шагѣ хозяйство трудолюбія и любовь къ порядку и тишинѣ. Спокойствіе въ домахъ, чистота даже на улицахъ, простота и опрятность въ одеждѣ каждаго человѣка, выраженіе сердца на всѣхъ лицахъ. Такимъ, какъ идетъ здѣсь каждый колонистъ въ темномъ фракѣ, съ кроткимъ видомъ и смѣлымъ шагомъ, надобно воображать себѣ истинно счастливаго человѣка, который, по мнѣнію Руссо, тихо наслаждается во глубинѣ своего сердца мирнымъ положеніемъ жизни. Такою, какъ видишь здѣсь каждую сестру за рукодѣльемъ, въ легкомъ корсетѣ, съ однимъ простымъ чепчикомъ на головѣ, подвязаннымъ ленточкою подъ шею, и съ ангельскимъ взглядомъ невинности, воображалъ я всегда ту женщину, съ которою хотѣлъ бы раздѣлить мое сердце, жизнь и уединеніе.

Вы можете въ нѣсколько минутъ замѣтить всѣ главныя черты ихъ гражданскаго учрежденія.

Первый изъ начальниковъ встрѣчается на улицѣ съ послѣднимъ изъ ремесленниковъ (в), и вы тро-

(а) Peupliers. *И—въ.*

(б) Домъ вдовій и домъ братскій — одни изъ лучшихъ, изъ огромнѣйшихъ въ колоніи. *И—въ.*

(в) Я говорю по нашему; по нѣтъ

гаетесь до слезъ, видя ихъ братскую привѣтливость, ихъ взаимныя ласки, ихъ кроткое смиренiе, которое удаляетъ всякое первенство сана.

Вы видите въ окно огонь, пылающiй на очагѣ. Войдите изъ любопытства. Сарептянка въ фартукѣ бѣломъ, подобно снѣгу, съ руками столь же бѣлыми, отправляетъ кухню такъ чисто, такъ хорошо, что сама Софiя, столь гордая въ семъ случаѣ, полюбила бы кухню (а). Но ктожъ стряпаетъ? напятая женщина, кухарка, служанка? Нѣтъ: сама хозяйка дома, мать многочисленнаго семейства и не послѣдняя въ обществѣ.

Остановитесь передъ окошкомъ чистаго домика, который манитъ васъ къ себѣ. Вамъ открывается прекрасная комната; нигдѣ не видно пылинки, все чисто и свѣтло; столы краснаго дерева; по стѣнамъ шкафы, и за стеклами лежатъ.... что бы вы думали?... хлѣбы. Это калашня.

Но вотъ мельница. Мельникъ отработалъ и зоветъ васъ къ себѣ въ гости. Комната его убрана со вкусомъ; на столѣ лежатъ двѣ или три книжки; въ углу стоятъ клавикорды, и хозяинъ тотъ, который за минуту передъ тѣмъ ссыпалъ муку на мельницѣ, прикасается легкими пальцами къ тушамъ инструмента и играетъ передъ вами симфонiи. Вы удивляетесь; но спросите всѣхъ тѣхъ, которые были въ Сарептѣ.

Настанъ часъ утра: братья и сестры въ молчанiи и въ смиренiи приближаются къ дому молитвы, котораго величество состоитъ въ простотѣ и все украшенiе въ одномъ образѣ Законодателя христiанъ. Мужчины садятся внизу, женщины вверху, въ особливомъ отдѣленiи, и одинъ изъ нихъ начинаетъ читать нравоучительныя главы изъ Библiи.

Съ первымъ словомъ, съ первымъ именемъ Бога, произнесеннымъ языкомъ проповѣдника, глубокое чувство воцаряется во всѣхъ сердцахъ, тишина въ храмѣ, благоговѣнiе на лицахъ. Кажется, что Божество исходитъ къ смертнымъ.

Стою во храмѣ, внимаю великимъ истинамъ, возвѣщаемымъ именемъ Бога, и самъ преклоняю колѣна. Между тѣмъ чтенiе пресѣкается; хоръ мужчинъ, вмѣстѣ съ нѣжными женскими голосами, поетъ небесные гимны, и ангельская грамонiя переселяетъ, кажется, человѣка на небо.

Молитва кончится—и всѣ возвращаются въ дома свои къ рукодѣлью, работамъ и должностямъ. Надзиратель идетъ пещись объ общемъ порядкѣ, мать семейства приправлятъ чадолюбивою рукою обѣденное кушанье, ремесленникъ работать для удовольствiя и для потребности: каждый платитъ долгъ

нужды сказывать, что въ Сарептѣ всѣ ремесла равны и всѣ одинаково уважаются. *И—въ.*

(а) Руссо говоритъ въ своемъ Эмилѣ, что Софiя чувствовала всегда отвращенiе заниматься кухнею. *И—въ.*

свой общежитію — трудиться и покупать пропитаніе трудами рукъ своихъ.

Послѣ обѣда снова занимаются, снова работаютъ. Въ сіи часы дня весь городокъ есть одна мастерская. Пятьсотъ рукъ (а) находятся въ движеніи. Дѣятельность есть душа міра. Кажется, что Сарепта тогда еще счастливѣе и веселѣе.

Ввечеру дружеская искренность соединяетъ людей, иногда однихъ родныхъ, иногда и чужихъ. Они живутъ для тихихъ удовольствій и тѣмъ наполняютъ разговоры; тихо наслаждаются и тихо бесѣдуютъ. Вечерняя молитва, подобно утренней, при новомъ соединеніи братій и сестеръ, и встрѣча безмятежнаго сна, въ покоѣ ночи и совѣсти, заключаютъ кругъ ихъ мирнаго дня.

Такъ гернгутеры проводятъ день свой; такъ они проводятъ и всю жизнь свою. Такъ хотѣлъ бы провести хоть нѣсколько минутъ живущій на театрѣ шумнаго свѣта и незнакомый никогда съ тѣми тихими движеніями, которыя посѣщаютъ сердца сихъ людей.

[1]) Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1773 — 1830), род. въ Москвѣ, гдѣ и получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ. Онъ зналъ языки латин., франц., нѣм. и англійскій. Чувствуя наклонность къ умственному труду, онъ недолго оставался въ военной службѣ: вышедъ въ отставку, воротился на родину, гдѣ познакомился съ Карамзинымъ и И. Дмитріевымъ. Чтобы свободнѣе предаться литературѣ, Измайловъ поселился въ деревнѣ своей, недалеко отъ Москвы. Подражая Карамзину, онъ въ 1799 г. отправился путешествовать по южной Россіи. Описаніе этого путешествія издано имъ особою книгой, подъ названіемъ: «Путешествіе въ полуденную Россію». Въ 1804 г. онъ издавалъ журналъ для воспитанія: «Патріотъ» (4 ч. или 12 книжекъ). Передовая статья самого издателя, № 1, излагаетъ и настоятельную потребность педагогическаго журнала, и выбранныя имъ руководства:

«Никогда польза умственнаго образованія не могла быть такъ чувствительна, какъ нынѣ, когда свѣжи еще въ памяти бѣдствія полупросвѣщенія. Невѣдѣніе истинныхъ благъ было источникомъ золъ революціонныхъ. Монтескье замѣчаетъ, что обитатели новаго міра претерпѣли порабощеніе отъ того, что они не имѣли понятія о нѣкоторыхъ свойствахъ физики. Можно сказать, что Франція страдала безпримѣрнымъ образомъ отъ недостатка философіи. Сей великій примѣръ, вопреки врагамъ восьмагонадесять вѣка, оправдываетъ писателей-философовъ, которые хотѣли просвѣтить умы для великихъ должностей, прежде нежели даровать имъ великія права».

Главнымъ авторитетомъ для Измайлова служилъ Руссо, который, какъ сказано Измайловымъ въ послѣдствіи, «одинъ опередилъ своихъ современниковъ въ открытіи истинъ, относящихся къ тайнѣ воспитанія, первый задалъ высокую мысль творить въ гражданинѣ человѣка, способнаго ко всѣмъ состояніямъ общества, ко всѣмъ превратностямъ жизни и судьбы». Измайловъ во всѣ періоды своей жизни сохранилъ страстное почтеніе къ Руссо, котораго называлъ *своимъ любезнымъ Женевцемъ* потому, что ему

(а) Колонія состоитъ изъ 500 членовъ. *И—въ.*

былъ обязанъ первой обработкой вкуса, слога, и ума.

Не довольствуясь теоріей воспитанія, Измайловъ задумалъ приложить ее къ своему дѣлу, и съ этой цѣлью завелъ пансіонъ, который впрочемъ существовалъ недолго. Императоръ Александръ I въ уваженіе того, что Измайловъ, первый изъ природныхъ дворянъ, посвятилъ себя воспитанію юношества, наградилъ его за это орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Мысль о важности воспитанія не оставляла Измайлова въ теченіе цѣлой жизни. Небрежность родителей, въ этомъ случаѣ, возбуждала въ немъ прискорбное недовольство. Статья Литературнаго Музеума (1827): «Русскій наблюдатель въ XIX вѣкѣ», исчисливъ важнѣйшіе педагогическіе труды, такъ отзывается о современномъ состояніи русскаго воспитанія:

«Нынѣ, когда видишь отцевъ и матерей, приведенныхъ небомъ и собственнымъ ихъ сердцемъ къ священной обязанности руководить дѣтей къ цѣли, указанной просвѣщеніемъ, предполагаешь въ родителяхъ свѣдѣнія, необходимыя для сего великаго дѣла. Когда видишь, съ другой стороны, младенцевъ, сихъ подрастающихъ сыновъ Россіи, кажется, будто ихъ взоръ и улыбка говорятъ: мы оправдаемъ высокія надежды отечества! Такъ думается; но что же въ самомъ дѣлѣ? Дѣти, какъ и прежде, ввѣряются наемнымъ и невѣжественнымъ рукамъ, неспособнымъ трудиться для вѣковъ; у родителей нѣтъ заботы о томъ, чтобы слѣдовать за развитіемъ юныхъ умовъ, заглядывать въ книги и почерпать въ нихъ способы воспитанія, согласнѣйшіе съ новыми потребностями человѣческаго духа и съ новыми измѣненіями человѣческихъ вещей».

[2]) «Путешествіе въ Полуденную Россію, въ письмахъ, изданныхъ Владиміромъ Измайловымъ» (Москва, 1800—1802). Первая часть — 1800 г.; третья и четвертая—1802 г. «Новое изданіе, вновь обработанное авторомъ» (т. е. второе), вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Полуденную Россію Владиміра Измайлова» (Москва, 1805 года, 4 части). Оно значительно сокращено; многія письма исключены вовсе; нѣкоторыя иностранныя слова (параллель, канева романа) замѣнены русскими (сравненіе, основаніе романа); изліянія сентиментализма ослаблены. Несмотря на эти перемѣны, путешествіе осталось «чувствительнымъ».

X.

В. Л. ПУШКИНЪ. ([1]).

А. ЭПИГРАММА (1793 — 99). (а).

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнассъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ *розожелтый* облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ,
«Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ
И оды громкія давно ли сочиняетъ?

(а) Подражаніе француз. эпиграммѣ.

—Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ—
«Пятнадцать только лѣтъ?»—Не болѣе того!—
«Такъ розгами его!»

Б. ПОСЛАНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ (1810).

Licuit semperque licebit
Signatum praesente nota producere nomen.
Ut silvae foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et, juvenum ritu, florent modo nata, vigentque.
Horat. Ars poët. (2).

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
Что часто я тружусь день цѣлый надъ стихомъ?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логикѣ учусь и яснымъ быть желаю?
Какая слава мнѣ за тяжкіе труды?
Лишь только всякій часъ себѣ я жду бѣды:
Стихомарателей здѣсь скопище упрямо.
Не ставлю я нигдѣ ни *сѣмо*, ни *овамо*;
Я признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ
И на Парнасъ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ (3).

Вотъ мнѣніе мое. Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь:
Они противъ враговъ мнѣ твердый будутъ щитъ,
Разсудокъ слѣдовать примѣрамъ ихъ велитъ.
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье;
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ (а) нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю,
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ.

(а) Синопсисъ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ, Иннокентія Гизіеля (1674). Степенная книга—изложеніе событій по степенямъ рода великихъ князей.

Я вижу весь соборъ безграмотныхъ славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно!
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ (а) велегласно:
«О братіе мои, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него, и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе! злодѣя истребить».

Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Не бойся: мракъ исчезъ. Насталъ намъ вѣкъ блаженный!
Великій Петръ, потомъ Великая Жена,
Которой именемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Гомеръ, Софоклъ и Еврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллустій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ;
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ.
Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ.
Хвала Великому! хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ:
Безумцу вопреки, поэтъ всегда поэтъ.
Итакъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
Что нужды? толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ (б), а пагуба одна.
Въ славенскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.

(а) Намекъ на Шишкова.

(б) Тоже: Шишковъ перевелъ двѣ статьи изъ сочиненій Лагарпа.

Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

В. ПОСЛАНІЕ КЪ ДАШКОВУ (1811) (4).

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?
Boileau, sat. IX.

Что слышу я, Дашковъ? какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ—
Не любитъ Русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ—сіяетъ свѣтъ наукъ!
Неужель отъ того моя пострадаетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости нимало:
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ:
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти и предразсудковъ злыхъ.
Квириты храбрые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ Греки обучали.
Науки перешли въ Римъ гордый изъ Аѳинъ,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосѳену,
Виргилія училъ поэзіи Гомеръ,
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ!

Такъ, сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ

И въ старинѣ для насъ не видитъ
дней благихъ.
Хвалу я воздаю счастливѣйшей
судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже *абіе* и *аще* не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со
мною;
Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены
на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ
стихахъ (а).
Не улицы однѣ, не площади и
домы,
Сен-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ
были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ
чужой
Гордился Русскимъ быть и Русскій
былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья—
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья:
Они то видѣли, что съ юныхъ
дней моихъ
Познаній я искалъ не въ именахъ
однихъ;
Что съ восхищеніемъ читалъ я
Ѳукидида,
Тацита, Плинія — и, признаюсь,
Кандида.
Но благочестію ученость невредитъ.
За Бога, вѣру, честь мнѣ сердце
говоритъ.

(а) Во время пребыванія въ Парижѣ.

Родителей моихъ я помню наставленья;
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья,
Спасительный законъ ниспосланъ
намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастія
и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба.
Въ сужденьяхъ таковыхъ не
вижу я вины:
За чтожъ мы на костеръ съ тобой
осуждены?
За то, что мы, любя словесность
и науки,
Не вѣкъ надъ букваремъ твердили *азъ* и *буки*;
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
И въ слогѣ варварскомъ ошибки
находить;
За то, что мы съ тобой Лагарпа
понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по
славенски знаемъ.
Что дѣлать? вотъ нашъ грѣхъ.
Я каяться готовъ.
Я, напримѣръ, твержу, что скученъ Старословъ (б),
Что длинныя его, сухія поученья—
Морфея даръ благій для смертныхъ усыпленья;
И если вздоръ читать пришла
моя чреда,
Не ужели заснуть надъ книгою
бѣда?

(б) Шишковъ.

Я каюсь, что въ рѣчахъ иныхъ (а) не вижу плана,
Что томовъ не пишу на древняго Бояна (б),
Что музъ и Феба я съ Парнаса не гоню,
Писателей дурныхъ, а не людей браню.
Нашествіе Татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы;
Мы правду говоримъ — и слѣдственно неправы.

¹) Пушкинъ, Василій Львовичъ (1770 — 1830), родной дядя А. С. Пушкина, род. въ Москвѣ, воспитывался въ родительскомъ домѣ, служилъ гвардіи въ измайловскомъ полку. Главнымъ предметомъ его воспитанія былъ франц. языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ; нѣмецкій, по его собственнымъ словамъ, зналъ плохо; англійскому выучился во время путешествія своего по Англіи. Пушкинъ поселился въ Москвѣ и предался своимъ любимымъ занятіямъ: писалъ посланія, элегіи, басни, мадригалы, эпиграммы. Въ 1803 г. отправился за границу, и путешествіе свое описывалъ въ письмахъ къ друзьямъ. Въ Парижѣ Пушкинъ свелъ короткое знакомство съ современными литераторами: Дюси, Сикаромъ, Делилемъ, Сенъ-Пьеромъ, Легуве, Мишо и др. Чтобы познакомить ихъ съ нашею древнею поэзіею, онъ перевелъ на фр. яз. нѣсколько народныхъ русскихъ пѣсенъ и переводъ свой помѣстилъ въ журналѣ гр. Сегюра: «Archives littéraires» (в). Живучи въ Лондонѣ, занимался англійскимъ языкомъ и перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ Томсоновой поэмы: «Четыре времени года». Сборы Пушкина за границу дали поводъ И. Дмитріеву сочинить шуточное стихотвореніе, подъ названіемъ: «Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дни до путешествія, въ 3-хъ ч.» (М. 1808); перепечатано въ Библіографическихъ Запискахъ М. Лонгинова (Современникъ 1856, № 8). Путешествіе указываетъ добродушный характеръ Пушкина и нѣкоторыя слабыя его стороны, напр. страсть къ щегольству и чтенію стиховъ:

Я самъ готовъ, когда хотите
Признаться въ слабостяхъ моихъ:
Я, напримѣръ, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять;
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ,
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добръ! и всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ.

По возвращеніи въ отечество Пушкинъ писалъ для журналовъ, издававшихся его пріятелями: В. Измайловымъ, кн. Шаликовымъ. Пушкинъ принималъ живое участіе въ спорѣ защитниковъ стараго слога съ Карамзинистами, что видно изъ его посланій къ Жуковскому и Дашкову, направленныхъ противъ Шишкова. Война 1811 г. заставила его удалиться въ Нижній Новгородъ. Здѣсь онъ приготовлялъ изданіе своихъ стихотвореній, которое однакожъ вышло гораздо позднѣе (1822). Изъ Нижняго Новгорода, по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ 1815 или 1816 г. переѣхалъ въ Москву, гдѣ и провелъ остальные свои годы. Пушкинъ написалъ три главы стихотворной повѣсти: «Капитанъ Храбровъ», изъ которыхъ двѣ напечатаны.

(а) Намекъ на разсужденіе Шишкова о краснорѣчіи Св. Писанія.

(б) Разумѣется Слово о полку Игоревѣ, переложенное Шишковымъ на русскій языкъ.

(в) По другому указанію, въ Mercure de France.

В. Л. Пушкинъ принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитріевымъ. При несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ, дарованіи, онъ отличался вкусомъ и любилъ признавать его главнымъ достоинствомъ своихъ сочиненій: «вкусъ варварскій гоню и ненавижу», «прямая цѣль наша — очищеніе вкуса», говоритъ онъ въ Посланіяхъ къ Жуковскому и Дашкову. Слогъ Пушкина пріятенъ, свободенъ и близокъ къ простотѣ разговорной рѣчи. Онъ обязанъ этими качествами сколько роду сочиненій (посланіямъ, сатирамъ, баснямъ, сказкамъ, эпиграммамъ), столько послѣдованію реформѣ, произведенной въ русскомъ стихосложеніи Дмитріевымъ, къ которому онъ, по характеру своего дарованія, стоялъ ближе, чѣмъ къ Карамзину. Въ піесахъ Пушкина больше остроумія, нежели сентиментализма. Не чувствуя никакой наклонности къ торжественной лирикѣ, онъ избѣгнулъ упрековъ въ риторикѣ, которая такъ часто заступала мѣсто поэтическаго выраженія чувствъ. Такъ называемая легкая поэзія: стихи на заданныя рифмы, мадригалы, шарады — вотъ что было главнымъ предметомъ стихотворства Пушкина. Замѣтимъ, что талантъ его — какой бы онъ ни былъ — стѣснялся требованіями условной піитики. Однажды онъ освободился отъ нихъ и написалъ шутливое, прославившее его стихотвореніе: «Опасный Сосѣдъ», въ которомъ главное лице—Буяновъ, почему А. Пушкинъ и назвалъ своего дядю «замысловатымъ пѣвцомъ Буянова». Самъ авторъ признал «Опаснаго Сосѣда» лучшимъ, удачнѣйшимъ своимъ произведеніемъ. Оно отличается веселымъ, простодушно-шутливымъ тономъ, легкимъ и живымъ стихомъ, натуральнымъ изображеніемъ выбраннаго предмета. Въ немъ также затронуты славянофилы.

[2]) «Всегда дозволялось, всегда будетъ дозволено вводить слова, носящія на себѣ печать современной эпохи. Съ теченіемъ годовъ лѣсъ мѣняетъ свои листья: изъ нихъ сначала падаютъ тѣ, которые прежде выросли. Такъ и слова обветшалыя приходятъ въ забвеніе; на ихъ мѣсто являются новыя и цвѣтутъ во всемъ блескѣ юности». Этимъ эпиграфомъ ясно показана мысль Посланія: оно смотритъ на языкъ, какъ на существо живое, подлежащее перемѣнамъ и обновленіямъ въ организмѣ.

[3]) Вѣроятно, намекъ на поэму: «Петръ Великій» (1810), кн. Сергѣя Шихматова, любившаго многосложныя слова, въ которыхъ онъ, подобно Шишкову, видѣлъ особенное преимущество рус. языка. Цвѣтникъ (1810, декабрь) выписалъ изъ этой поэмы многія выраженія, напр.: зложадная грудь, многосластная жизнь, достомужный образъ, присолнечные холмы, звиздающія эхидны, тартара отродъ, исподнѣйшія дрожди, безпищныя скалы, разбойство, Этна чревоболя пожарами, тріобоюдное остріе, удержавить землю, водостланная равнина, солнцелучный полдень, піяный множествомъ кровей, и пр.

[4]) «Два Посланія» В. Пушкина (1811). Имъ предшествуетъ слѣдующее: «Предувѣдомленіе»:

«Первое изъ сихъ Посланій (къ В. А. Жуковскому) напечатано въ 12 № Цвѣтника 1810 г. и было причиною происшествія, весьма страннаго въ нашей словесности. Всѣмъ извѣстна польза, проистекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ, или, переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямой путь къ словесности молодыхъ, неопытныхъ авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достойно уважаема: кто бы подумалъ, что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія оныимъ

называть *модными посланіями* и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ *Присовокупленіи*, читанномъ, какъ увѣряютъ, въ Академіи (въ чемъ, однакожъ, я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее: «Сіи судьи и стихотворцы «въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ «Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, «Еврипидамъ, Гораціямъ, Ювена«ламъ, Саллустіямъ, Ѳукидидамъ, за«твердя одни только имена ихъ и, «что всего удивительнѣе, научась «благочестію въ Кандидѣ и благо«нравію и знанію въ парижскихъ пе«реулкахъ, съ поврежденнымъ серд«цемъ и помраченнымъ умомъ во«піютъ противъ невѣжества и, обра«щаясь къ тѣнямъ великихъ людей, «толкуютъ о наукахъ и просвѣще«ніи!» Risum teneatis, amici! И я, вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца; но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя и, кажется, исполнилъ сіе во второмъ Посланіи—къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ.

Намъ уже извѣстно «Присовокупленіе», о которомъ говоритъ Пушкинъ. Приведенная изъ него тирада находится въ выноскѣ къ словамъ: *бдѣніе, стыдѣніе, воздоенный и пр.* Шишковъ говоритъ: «Читатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе: нѣтъ, мы найдемъ въ журналахъ вопіяніе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокій языкъ священныхъ книгъ преисполненъ; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чѣмъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятъ единосвойственные нашимъ греческій и латинскій языки (а именно: подобнымъ нашему словосочиненіемъ, таковою же удобностію къ составленію словъ и свободою извращенія ихъ въ рѣчахъ), все то, говорю, сіи судьи и стихотворцы отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ своихъ», и т. д. — Шишковъ перечислилъ именно тѣхъ древнихъ писателей, которые приведены въ Посланіи Пушкина къ Жуковскому. Намекъ на парижскіе переулки относится къ пребыванію Пушкина въ Парижѣ, почему «Предувѣдомленіе» и называетъ слова выноски «непозволительными личностями».

Шишковъ назвалъ посланія «моднымъ» родомъ стихотворства. Дѣйствительно, и во Франціи и позднѣе у насъ (съ начала XIX в.), они стали замѣнять оду, наскучившую читателямъ и потерпѣвшую сильные удары отъ «Чужаго толка» и другихъ сатиръ. «Разсужденіе объ одѣ», Даламбера (переведено въ майской книжкѣ С.-Петербургскаго Меркурія, 1793), показываетъ причины, почему посланіе болѣе отвѣтствовало духу времени и цѣлямъ поэтовъ. Главнѣйшая изъ нихъ—господство философіи, которая волею и неволею всюду вторгается: посланіе удобнѣе выражаетъ философическія мысли, допуская болѣе свободный планъ и болѣе свободные переходы изъ однихъ тоновъ въ другіе; притомъ оно скромнѣе по своей внѣшней отдѣлкѣ, не имѣя притязаній на столь пышное убранство, какое привыкли видѣть въ одѣ и какое противорѣчило вкусу публики, устремленной философами XVIII в. къ простотѣ и естественности; наконецъ, оно доступнѣе дарованіямъ всякаго размѣра, тогда какъ ода требуетъ сильнаго поэтическаго таланта. Вотъ почему стихотворное письмо сдѣлалось модною формою для нашихъ писателей, начиная съ Карамзина: они передавали въ немъ свои нравственныя и преимущественно литературныя понятія, свой взглядъ на интересы общества, свои личныя впечатлѣнія и мысли.

XI.

КНЯЗЬ ШАЛИКОВЪ. (1).

А. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МАЛОРОССІЮ (1803). (2).

а) *Сладкія воспоминанія.*

«Здравствуй, любезная!» твердилъ я съ восхищеніемъ любовника, увидѣвъ *Малороссію.* Глаза мои не могли налюбоватья выбѣленными избами, опрятною одеждою обитателей ихъ, ласковымъ, милымъ взглядомъ прекрасныхъ здѣшнихъ женщинъ и проч.

Какъ пріятны сердцу нашему тѣ предметы, которые напоминаютъ намъ юность нашу; какъ любезны, сладки мыслямъ тѣ впечатлѣнія, которыя принимала душа наша при первыхъ развитіяхъ способностей своихъ! Растроганное мое воображеніе сбирало каждое обстоятельство, по чему-нибудь милое воспоминанію; каждое чувство, оставшееся въ сердцѣ; каждую идею, оставшуюся въ душѣ; сбирало, составляло—что? назвать не умѣю, но что душѣ и сердцу было пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Милая, безцѣнная Малороссія! подъ твоимъ кроткимъ, яснымъ небомъ питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; съ твоимъ благодѣтельнымъ воздухомъ вливалась въ грудь мою чувствительность и страсти, страсти, которымъ человѣкъ обязанъ всѣмъ величіемъ своимъ, безъ которыхъ нѣтъ ни счастія, ни добродѣтели; твоя прекрасная природа воспламенила воображеніе мое, научила любить природу, научила быть съ самимъ собою, научила плѣняться прелестями ума, прелестями грацій, научила счастію!

Привѣтствую тебя, любезная! и сіи слезы, ліющіяся по лицу моему, есть дань благодарнаго сердца моего твоимъ благодѣяніямъ.

б) *Фортепіано.*

Въ тихія, нѣжныя минуты вечера, въ уединенной комнатѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, томные звуки фортепіано, производимые женщиною—въ слезахъ... ничего не знаю трогательнѣе этого! Ахъ! какія магическія чувства овладѣютъ душею и сердцемъ вашимъ! Образъ счастія и горести, надежды и отчаянія въ сліянныхъ чертахъ предстанетъ вашему воображенію. Напрасно будете стараться отдѣлить одно отъ другаго: нѣтъ возможности! Союзъ улыбки и слезы — доля человѣческая!—въ сіи минуты болѣе, нежели когда нибудь, покажется вамъ неразрывнымъ. Ежели вы любили; ежели узнали сію главную, необходимую бурю жизни: то вы еще чувствительнѣе, то вы еще болѣе находите себя въ очарованіи. О сердце! о лю-

бовь! благо ли вы, или мука? Кто можетъ сказать *да* или *нѣтъ* — сказать и не ошибиться! Гдѣ же блаженство наше? неужели *блаженство* пустое слово? Ахъ, нѣтъ! сердце и любовь... но роза *не могла* быть безъ тернія! Вздыхаю и простираю руки къ блаженству; лью слезы и объемлю его!..

Одной изъ дамъ моихъ обязанъ я сладостью теперешнихъ моихъ чувствъ и мыслей. Ея фортепіано и слезы—слезы женщины за фортепіаномъ—вообразите еще разъ! имѣли несказанную прелесть для души и сердца моего. Ахъ, можетъ быть собственная душа и сердце ея въ сіи минуты были счастливѣе, нежели въ другія!

Б. ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ (1806).

Сегодня свершилось тридцать лѣтъ физическаго существованія моего и десять, по крайней мѣрѣ, моральной моей жизни!

Мечты, надежды, воздушные замки! гдѣ вы? Быстрый потокъ времени умчалъ васъ подобно какъ Зефиръ уноситъ легкое перышко, легкую соломенку, которыя не оставляютъ и признака тамъ, гдѣ лежали!

Какъ много льстилось сердце мое достиженіемъ тридцатилѣтняго возраста! «Я буду въ состояніи исполнить священнѣйшія мои обязанности: возвращу попеченія и заботы тѣмъ, которыя пеклись и заботились обо мнѣ въ дѣтствѣ моемъ; старость ихъ будетъ подобна спокойной и счастливой моей юности; рука моя усыплетъ розами западъ ихъ жизни. Нѣжная, умная подруга, которую буду имѣть, и милыя малютки распространятъ тихія удовольствія ихъ!» говорилъ я самому себѣ въ пріятныхъ, восхитительныхъ мечтахъ моихъ, и слезы радости катились по лицу моему при воображеніи этой картины.

Увы! я не могу болѣе воображать ее въ такой полнотѣ прелестей! Черныя тѣни покрыли ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навѣки!

Для чего я жилъ до сихъ поръ? для чего буду жить впередь? Какая польза въ томъ, что я занимаю мѣсто въ системѣ *эфемернаго* бытія? Зачѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? Зачѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня? Грущу, тоскую, лью слезы о себѣ, о ближнемъ—и болѣе ничего! Думаю о человѣчествѣ, о странной судьбѣ его, о величіи и ничтожности, о суетности и заблужденіяхъ, о счастіи и горестяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ страстей, разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, вымѣриваю и.... беру посохъ свой, иду въ поле, съ тѣмъ чтобы облегчить голову и ни о чемъ не думать!

Къ чему же служатъ мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія? Выигралъ ли я въ самомъ дѣлѣ что-нибудь стараніемъ пріобрѣсть нѣкоторыя сердечныя достоинства, украсить разумъ нѣкоторыми познаніями? Составляютъ ли что-нибудь слабыя мои дарова-

нія, на которыхъ основываю все мое честолюбіе? Ахъ! не видалъ ли я тысячу разъ, какъ несмысленному Крезу или дерзкому пансофу (а) отдаютъ преимущество передъ скромными достоинствами? Наконецъ могу ли я ласкать себя какимъ-нибудь счастіемъ въ свѣтѣ, ежели ты, сынъ и другъ природы, нѣжный, добрый Руссо, испыталъ всю жестокость людей за небесныя свои дарованія? ежели ты, о Сократъ, слава и украшеніе рода человѣческаго, долженъ былъ прекратить поучительную жизнь свою страшнымъ ядомъ?

Ахъ! не смотря на отдаленность времени, въ которое жилъ мудрецъ Греціи; не смотря на новые успѣхи нравственнаго просвѣщенія, съ тѣхъ поръ какъ женевскій философъ закрылъ утомленные глаза свои навѣки,—люди такъ еще опасны для Сократовъ и Руссо! Корысть людей въ основаніи своемъ всегда одинакова; нѣкоторые только оттѣнки составляютъ все различіе.

И такъ — что прибыли въ существованіи моемъ? Дары своенравной фортуны не мой лотъ (б); дары матери-природы ничто для свѣта.... за чѣмъ же скитаюсь въ немъ? За чѣмъ взошла еще для меня Аврора? Для чего вмѣстѣ съ закатомъ вчерашняго солнца не закатилось и солнце моей жизни?

(а) Всезнающій. «Лучшебъ было, еслибъ онъ ничего не зналъ», говоритъ Виландъ. *Изд. Москов. Зрителя.*

(б) Жребій.

Тридцатый годъ бытія моего! ты ознаменовался печальнѣйшею эпохою для моего сердца!

Я лишился одной изъ двухъ нѣжнѣйшихъ въ свѣтѣ матерей моихъ (в)! Увы! руки мои опустили въ хладную могилу ту, которая взяла меня въ пеленахъ еще на свои руки! Я видѣлъ, какъ хладѣло то сердце, которое пылало ко мнѣ любовію; и видѣлъ, какъ смыкались навѣки тѣ уста, которыя учили меня добродѣтели!

Всемогущій! ежели дѣла слабыхъ смертныхъ значатъ что-нибудь передъ величіемъ Твоимъ; ежели Ты удостоиваешь ихъ своего вниманія: то благодѣтельница моя предпочтется, конечно, у трона Твоего многимъ изъ тѣхъ, которые разсыпаютъ щедрою рукою дары счастія, ими обладаемаго!

Тихая лира моя составляетъ нынѣ все мое утѣшеніе. Часто звуки ея бываютъ томны и унылы; часто жаркія слезы окропляютъ ее, не смотря на холодныя сатиры противъ чувствительности и меланхоліи!

[1]) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768 — 1852), происхожденіемъ Грузинъ, служилъ въ гусарахъ. Черезъ восемь лѣтъ службы вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и предался литературнымъ занятіямъ, къ которымъ сохранилъ искреннюю любовь въ теченіи всей своей долголѣтней жизни. Карамзинъ и Дмитріевъ служили ему образцами. Уже по пер-

(в) Одной изъ тетокъ, принявшихъ на себя воспитаніе автора, когда онъ лишился матери.

вымъ опытамъ Шаликова можно было видѣть, до какой крайности доведетъ онъ поклоненіе тогдашнему сентиментализму. Самыя заглавія его книгъ и статей, посвященія ихъ, эпиграфы, къ нимъ прибранные, характеристичны въ этомъ отношеніи. Восхищенный повѣстью Карамзина, онъ пишетъ: «Къ праху Бѣдной Лизы». Сборникъ піесъ, которыя онъ написалъ до 1798 г., изданъ подъ названіемъ: «Плодъ свободныхъ *чувствованій*» (3 ч., 1798—1801). Первая часть вышла съ эпиграфомъ изъ Руссо: «La franchise et *la sensibilité* sont les sources de bonheur»; вторая съ эпиграфомъ изъ Грессе: «L'esprit n'est jamais las d'écrire, lorsque *le coeur* est de moitié; третья посвящена «праху моей милой». За первымъ сборникомъ послѣдовалъ другой, какъ его продолженіе: «Цвѣты грацій» (1802), посвященный «милымъ, искреннимъ друзьямъ». Письма Рус. Путешественника и Путешествіе въ Полуденную Россію заставили Шаликова вздыхать по «одномъ изъ живѣйшихъ, лучшихъ удовольствій жизни», котораго онъ еще не испыталъ. Вскорѣ исполнилось его душевное желаніе: онъ два раза ѣздилъ въ Малороссію—сначала безъ всякой дѣловой цѣли (Путешествіе въ Малороссію, 2 ч., 1803), а потомъ для полученія наслѣдства (Другое Путешествіе въ Малороссію, 1804). Описаніе третьей поѣздки его въ Кронштадтъ (1805) помѣщено въ Моск. Зрителѣ, который онъ издавалъ въ 1806 г. Послѣ Зрителя, Шаликовъ издавалъ Аглаю (1808—1812) и Дамскій журналъ (1823 — 1833). Кромѣ того онъ въ теченіе 25 лѣтъ былъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей. При нашествіи Наполеона на Россію, онъ оставался въ Москвѣ и написалъ «Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ 1812 г.» (нап. 1813). Перо кн. Шаликова не знало усталости; одна книжка выходила въ слѣдъ за другою, и каждый почти годъ дарилъ онъ публику то сочиненіемъ, то какимъ-либо переводомъ.

Исторія русской литературы не можетъ обойти кн. Шаликова, какъ такого писателя, въ сочиненіяхъ котораго сентиментализмъ доведенъ до комическаго преувеличенія. Достаточно прочесть одну страницу, вышедшую изъ-подъ его пера, чтобы видѣть приторность, аффектацію чувствъ, получившую у французовъ особое названіе — sensiblerie. Иные предметы, обращавшіе на себя его вниманіе, были такъ мелки, что не стоили сердечныхъ движеній; а иные, не смотря на свою важность, возбуждали въ немъ мелкія впечатлѣнія. Отсюда бѣдность содержанія, иногда полное его отсутствіе, вялость изложенія, не одушевляемаго никакимъ порывомъ ума или чувства, и однообразная постройка. Въ любой піесѣ кн. Шаликова читатель находитъ междометія горести; съ первыхъ строкъ являются слезы, безъ видимаго къ нимъ повода; пустая мечтательность сопровождаетъ каждое описаніе и каждый разсказъ. Ни одинъ литераторъ не подвергался такимъ насмѣшкамъ отъ своихъ товарищей по ремеслу, какъ Шаликовъ: тотъ называлъ его сладенькимъ и розовымъ, другой—Эрастомъ Чертополоховымъ, третій (Кн. Вяземскій)—Вздыхаловымъ, въ особой эпиграммѣ: «Отъѣздъ Вздыхалова», направленной противъ его чувствительныхъ путешествій:

Съ собачкой, съ посошкомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть съ звенящимъ кошелькомъ,
По свѣту бѣлому Вздыхаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ.
«Прости, жестокая Аглая!»
Онъ говоритъ въ послѣдній разъ;
И вздохъ за вздохомъ, грудь стѣсняя,

Его перерываетъ гласъ...
«Прости, Макаровъ, Фебомъ чтимый,
И ты, о Бланкъ (а) неистощимый,
Единственный читатель мой!
Вотъ вамъ мое благословенье:
Кроплю васъ тихою слезой». —
А прочной дружбы въ увѣренье,
Кольнувъ булавкой палецъ свой,
Онъ на бумажкѣ пишетъ кровью:
«Дышу до гроба къ вамъ любовью!
«До гроба, или я не Стернъ,
«Или по крайности не Вернъ (б).»
Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,
Еще вздохнулъ, еще.... и скрылся.

Другая на него эпиграмма нап. въ журналѣ А. Измайлова: «Благонамѣренный» (1823, № 11):

Дитя пастушеской натуры,
Писатель *Нуликовъ* такъ сладостно поетъ,
Что ужъ пора бъ ему назваться безъ хлопотъ
Кондитеромъ литературы.

Слѣдующіе стихи И. Дмитріева вѣрно передаютъ любовь Шаликова къ пасторальному идиллизму:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три Граціи въ картинѣ,
Вотъ все его добро, и счастливъ: онъ поэтъ!

Но, замѣчая смѣшныя стороны сентиментальнаго увлеченія, необходимо отдавать справедливость похвальнымъ чертамъ той литературной школы, къ которой принадлежалъ кн. Шаликовъ и которая считаетъ его въ числѣ своихъ неизмѣнныхъ послѣдователей. Карамзинъ служилъ ему образцомъ. «Сколько я обязанъ Аглаѣ!» (в) говоритъ онъ въ письмѣ къ Н. С. П. (Москов. Зритель, кн. 3); «она образовала вкусъ мой, развила чувства души моей, открыла въ ней способность и силу изливать сіи чувства въ нѣкоторой гармоніи, съ нѣкоторымъ искусствомъ». Дѣйствительно, прозаическія сочиненія кн. Шаликова написаны чистымъ, гладкимъ языкомъ; въ постройкѣ фразъ, между которыми попадаются галлицизмы, есть своего рода благозвучіе, хотя и монотонное. Какъ литераторъ, онъ не простиралъ своихъ претензій далеко. И современники его, смѣясь, говорили, что «издатель Дамскаго Журнала посвятилъ нравственное существо свое *легкому и пріятному*»; и онъ самъ, безъ ироніи надъ самимъ собой, а серьезно, отвѣчалъ С. Глинкѣ, издававшему Русскій Вѣстникъ: «Такъ, я служу граціямъ, ибо надобно и имъ служить; посвящаю труды мои одной *пріятности*, ибо въ этомъ состоитъ вся моя способность» (Аглая, 1808, августъ). Его преданность литературѣ, уваженіе къ мысли и чувству могли бы служить во всякое время примѣромъ для подражанія. Наконецъ за смѣшными формами сентиментализма стоитъ очень почтенное дѣло — гуманность, подъ вліяніемъ которой писатель не позволяетъ ни себѣ оскорблять въ ближнихъ человѣческаго достоинства, ни другимъ наступать себѣ на ногу. Таковъ и былъ кн. Шаликовъ. Сентиментальность противодѣйствовала грубости нравовъ. Какъ ни забавны и ни скучны мечтанія, вздохи и слезы чувствительнаго пастушка, но все же они спопнѣе похвальныхъ пѣсней татарской силѣ и безцеремонному обхожденію въ семьѣ и въ обществѣ.

(а) М. Н. Макаровъ и Бланкъ участвовали съ кн. Шаликовымъ въ изданіи Аглаи.

(б) Авторъ чувствительнаго путешествія во Франціи.

(в) Альманахъ Карамзина.

[2]) «Путешествіе въ Малороссію, изданное Кн. П. Шаликовымъ». Эпиграфъ изъ Карамзина: «Кто еще не запертъ въ клѣтку; кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ

можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть счастливъ, и долженъ быть счастливъ». Посвященіе: «Любезнымъ сердцу моему — Андрскму, Бину, Тшву» (т. е. Андреевскому, Бунину, Таушеву). «Путешествіе мое», говоритъ здѣсь кн. Шаликовъ, «не напомнитъ вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова—большое разстояніе!—но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами; можетъ быть, съ вами и другіе что-нибудь найдутъ въ немъ. Сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятностію и на часъ забываютъ о талантѣ». Нѣсколько словъ «отъ издателя» даютъ знать о содержаніи книги: «Въ семъ путешествіи нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ описаній: одни впечатлѣнія путешественника описаны въ немъ.... не блестящею кистію—нѣтъ! но скромнымъ карандашемъ. «На чтожъ издавать его?» Отвѣтъ на это почти уже есть: «сердца, образованныя для чувствительности», и проч.

XII.

ОЗЕРОВЪ. (1).

А. ТРАГЕДІЯ: ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ (1804). (2).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ. Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.
Антигона. Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!
Эдипъ (*сѣвши на камень*). Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.
Антигона. Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.
Эдипъ. Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!
Антигона. Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!
Эдипъ. Ахъ, я Эдипъ!
Антигона. Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!
Эдипъ. Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,

Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отвсюду я гонимъ!

Антигона. Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ. Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона. Почто возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ. Я ихъ любилъ...

Антигона. Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!

Эдипъ. Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ....
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ!

Антигона. Ужели предъ тобой и я виновна?

Эдипъ. Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона. Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь.
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Эдипъ. Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ....
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!

Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!... приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!
Антигона. Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.
Эдипъ. Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь.
Гдѣ мы?
Антигона. Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Эвмениды.
Эдипъ. Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.
Антигона. Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!
Эдипъ. Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель!
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?
Антигона (*упадая на колѣни*). Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!
Эдипъ. О сколько, фуріи, терзать меня вы строги!
Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали:
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о фуріи! смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите! (*Упадаетъ на камень*).
Антигона. Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!
Эдипъ (*не вставая и отталкивая ее*). Оставь, о Полиникъ! Меня отрекся ты;

Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

Антигона. Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (*пришедъ въ себя*). Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представилась мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ;
Пойдемъ (*встаетъ*), поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари — прибѣжище несчастнымъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 4.

Эдипъ, Антигона и Полиникъ.

Полиникъ. И такъ я осужденъ на вѣчныя мученья?
И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостоинъ я, чтобъ ты когда простилъ:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть,—
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротитъ?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ! (*бросается къ ногамъ Эдипа*).
Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ:
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ. (*По нѣкоторомъ молчаніи*).
Но ты молчишь.... но ты чело свое скрываешь....
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (*упадая къ ногамъ Эдипа*). Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.

Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (*поднимая Антигону*).

Ты просишь за кого, любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что. безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа моя не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила. (*Къ Полинику*):
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

Полиникъ. Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ;
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесь страждуще, растерзано оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласись идти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы вооружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Ѳивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть,
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,

И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ.
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоитъ въ ночь
И такъ любить тебя, какъ любитъ Антигона.
Повѣрь, иного мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвенье у тебя привесть мое злодѣйство.
Э д и п ъ. Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцемъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело:
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностію трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ страны своей,
Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.
П о л и н и к ъ. Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ ѳивскій пріобрѣсть.
Э д и п ъ. Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ,
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись, изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;

Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла всѣ злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь, сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И псы подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь— семья и утѣшенье.

Б. ТРАГЕДІЯ: ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ (1807). ([3]).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Димитрій и прочіе россійскіе князья, бояре, военачальники (сидящіе и составляющіе совѣтъ).

Димитрій. Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близь двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близь двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,

Лежала въ цѣлости на русскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ россійская страна
До разслабленія была доведена,
Прешли въ сію орду. Возникши новы ханы
Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивой,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя россихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твердыми пребывъ въ намѣреньѣ геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый Россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ татаръ?
Тверской. Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію орды.
Великій Россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но древностію лѣтъ не въ силахъ выдти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ
Или за вѣру пасть и лечь за русску землю.
Когда наградою я Ксенію пріемлю,
Коль града Нижняго прелестная княжна
Отцемъ ея мнѣ быть супругой суждена:

На всѣ опасности отважиться я смѣю.
Я ждалъ ее во станъ; но съединюся съ нею,
Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойти
И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага нести.
Всѣ русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной:
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь татаръ быть искренней могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!
Бѣлозерскій. О сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверстый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна. (*Къ Димитрію*):
Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани;
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль, лучше, имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однакожъ мой: принять татаръ посольство,
И если можемъ мы возстановить спокойство,

Платя Мамаю дань... (*Всѣ князья изъявляютъ негодованіе*).
Димитрій. О Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?
Бѣлозерскій. Чтобы щадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;
Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый,
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ.
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали;
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ;
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ.
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной.
Димитрій. Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О ты, который намъ, священною рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ россійскія сердца
Искать свободы здѣсь иль райскаго вѣнца!

Такъ лучше жить престать иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И ввесть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Содрогся бъ и принесъ во станъ къ Мамаю страхъ.
Смоленскій. Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.
Димитрій. Посланникъ близъ шатра рѣшенья ожидаетъ;
Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ къ намъ татаръ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Русскія Князья (сидящіе), Посолъ Мамаевъ (сопровождаемый нѣсколькими татарами).

Посолъ. Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благости простерть:
Остановляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны татары;
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ князей,
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечъ ужаснѣе великой рати воевъ.
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю.
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.
Димитрій. О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости татаръ!
Но жить еще кому — иль намъ, или Мамаю—
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ

Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя приимъ Непрядву перейдетъ!

Посолъ. Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!

Димитрій. Какою алчностью вы къ гибели ведомы!

Посолъ. По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество — стяжаніе татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.

Димитрій. Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ. Иль не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій. Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ. Страшитесь раздражить Мамая непокорствомъ!

Димитрій (*встаетъ; за нимъ всѣ князья*). Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ:
Но, чтя въ лицѣ посла народныя права,
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному.

Посолъ. Иду отсель. Но знай, о князь высокомѣрный,
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не даетъ:
Для русскихъ всѣхъ князей на милость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится,
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренскій (*берется за мечъ*). Ордынецъ дерзостный!...

Димитрій (*останавливая Бренскаго*). Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично буйство.
(*Къ послу*). Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой.
(*Подаетъ знакъ, чтобъ татаръ вывели*).

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 2.

Димитрій и Московскіе Бояре.

Димитрій. Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ князей, лучи ихъ прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто справедливой!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль, мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль, ни на шагъ предъ ней не отступая,
Съ отважностью идти во срѣтенье Мамая?
Бояринъ. Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости татаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.
Димитрій. Какую жъ тайну вамъ Ордынецъ сей открылъ?
Бояринъ. Что ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что, русской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекращать съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколѣ сей главы не сокрушитъ въ конецъ,
И оной въ ярости, для трепета вселенной,
Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленной.
Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И, гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклялся словами алкорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?
Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружьемъ умереть!
Димитрій. Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похваляться ею!
И, Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падетъ сей новый Голіаѳъ!
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ,
И вашъ Ордынцамъ мечъ то доказать возмогъ,

Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ то же:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ кровавый путь.
Бояринъ. Побѣды, государь, для насъ надежда тщетна.
Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставленны большою войска частью,
Не устрашаемся грозящей намъ напастью;
На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя, народъ
Въ владыкахъ зритъ любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцовъ священны правы,
И подданные тамъ не такъ, какъ ихъ рабы,
Которы, отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
О жизни молятъ лишь и не стыдятся плѣна;
Но такъ, какъ дѣти ихъ, Ордынцевъ презря мечъ,
За честь своихъ князей костьми готовы лечь:
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.
Димитрій. Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не переживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ!
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и, въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались,
И праху мыслію потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитой,
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его паденьѣ погребсти;
Но память пусть живетъ: въ примѣръ ее почтите!
Бояре мудрые! вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды, и, какъ наступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій трубный гласъ!

[1]) Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770 — 1816), род. въ тверской губ., воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ

поручикомъ (1787) и состоялъ адъютантомъ при директорѣ корпуса, графѣ Ангальтѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ военной службы, Озеровъ получилъ чинъ генералъ-маіора, перешелъ въ статскую и былъ членомъ лѣснаго департамента. По выходѣ въ отставку (1808), онъ страдалъ долговременною болѣзнію, съ которой соединено было разстройство умственныхъ силъ (Опытъ краткой исторіи литературы, Греча; Основаніе рус. театра, Н. Карабанова; О жизни и сочиненіяхъ Озерова, кн. Вяземскаго).

Сочиненія Озерова были издаваемы нѣсколько разъ: 1816, 1817 — 1819, 1824, 1827, 1828, 1846 и 1847, 1856.

Въ собраніи сочиненій Озерова (изд. Смирдина) помѣщены: Элоиза къ Абеларду, ироида, вольный переводъ изъ Колардо (первый опытъ Озерова въ стихахъ, какъ сказано имъ самимъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію ироиды, 1794 г.); трагедіи: Ярополкъ и Олегъ (1798), Эдипъ въ Аѳинахъ (1804), Фингалъ (1805), Димитрій Донской (1807), Поликсена (1809), и лирическія піесы (оды, басни и другія стихотворенія). Къ нѣкоторымъ изданіямъ Озерова приложены: Краткое разсужденіе объ Озеровѣ и краткое извѣстіе о его жизни, Греча; надгробіе Озерову, А. Измайлова; О жизни и сочиненіяхъ Озерова, кн. Вяземскаго; стихотворенія Державина, Капниста и Батюшкова въ честь Озерова, и выписка изъ письма, писаннаго Озеровымъ въ 1809 г. къ книгопродавцу Заикину.

[2]) Эдипъ въ Аѳинахъ, трагедія въ 5 д., въ стихахъ. Представлена въ 1-ый разъ 1804. Озеровъ посвятилъ свою трагедію Державину, который отвѣчалъ на посвященіе слабыми стихами: «Витія, кому Мельпомена», и пр.

«Эдипъ въ Аѳинахъ» есть подражаніе оперѣ Саккини: «Oedipe à Colon», и трагедіямъ французскаго трагика Дюси († 1816): «Oedipe chez Admète» и «Oedipe à Colon», заимствованной, съ передѣлками, изъ Эдипа Колонскаго, Софокла. Больше всего Озеровъ перевелъ изъ 2-ой трагедіи Дюси: такъ переведены всѣ сцены, въ которыхъ является Антигона; первое явленіе II-го акта (помѣщенное въ Христ.)—лучшее мѣсто нашей трагедіи—есть не что иное, какъ лучшее мѣсто французскаго образца, близкое и хорошее его переложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ сцены, до конца піесы, взяты у Дюси, съ тою разницей, что у Озерова умираетъ Креонъ, пораженный громомъ за свои злодѣянія, и оставленъ въ живыхъ Эдипъ, тогда какъ въ подлинникѣ умираетъ Эдипъ, а Креона нѣтъ вовсе. Любопытно сличить трагедіи французскую и русскую съ первымъ, греческимъ образцемъ ихъ, чтобы видѣть, какъ ихъ авторы, подъ вліяніемъ псевдоклассицизма, невыгодно уклонились отъ Софокла. Мерзляковъ далъ основательный отчетъ объ Эдипѣ въ Аѳинахъ, въ 8 и 9 №№ Вѣст. Евр. 1817.

[3]) Представлена въ 1-й разъ 1807 г. Нап. того же года. Посвящена императору Александру I. Посвященіе объясняетъ цѣль, которую имѣлъ Озеровъ, сочиняя эту трагедію: «Димитрій, поразивъ высокомѣрнаго Мамая на задонскихъ поляхъ, положилъ начало освобожденію Россіи отъ ига татарскаго. Ваше императорское величество возбудили мужество Россіянъ на защищеніе европейскихъ державъ. Будущіе вѣки благословятъ твердость и великодушіе монарха, принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига честолюбиваго завоевателя». Димитрій Донской представленъ былъ за нѣсколько дней до прейсишъ-эйлаускаго сраженія. Публика приняла его съ чрезвычайнымъ восторгомъ. Главная причина успѣха заключалась въ чувствѣ патріотизма, которымъ проникнута піеса, и въ примѣненіяхъ ея къ современнымъ обстоятельствамъ. Димитрій служилъ образомъ Александра,

какъ Мамай образомъ Наполеона. «Дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана» представлялъ высокомѣріе французскихъ посланниковъ. Короче: трагедія Озерова для зрителей имѣла такое же значеніе, какое «Мысли въ слухъ» Растопчина имѣли для читателей. Она принадлежала къ явленіямъ «патріотической» литературы, которой голосъ сильно раздавался въ современныхъ журналахъ, стихотвореніяхъ и отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ. Кромѣ того, благородныя чувства патріотизма выражены прекраснымъ, по тому времени, стихомъ. Наконецъ успѣху піесы много содѣйствовала игра Семеновой, которая, по словамъ Пушкина, «дѣлила вмѣстѣ съ авторомъ невольную дань народныхъ слезъ и рукоплесканій».

XIII.

ГРАФЪ РАСТОПЧИНЪ. (1).

А. МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ НА КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ (1807). (2).

Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ георгіевскій и владимірскій, отправился изъ села Зажитова, по случаю милиціи, въ Тулу для закупки ружей, и, узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими происшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать въ слухъ тако:

Господи, помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: сгинь ты, дьявольское наважденіе! ступай въ адъ или въ свояси, все равно, — только не будь на Руси.

Прости Господи! ужъ ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ? Ее жъ бранятъ всѣ не на животъ, а на смерть. Пріѣдетъ французъ съ висѣлицы: всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ. А онъ, собака-холопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ-то плохо знаетъ.

Боже мой! да какъ же предки

наши жили безъ французскаго языка, а служили вѣрой и правдою государю и отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и царство небесное.

Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь—*Bon jour*; отецъ—*Monsieur*; старуха мать—*Maman*; холопъ—*Mon ami*; Москва—*Ridicule*; Россія—*Fi donc*. Сущія дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

Господи помилуй! только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по-французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ за мужъ за французовъ и гнушаются Русскими. Одѣты какъ мать наша Ева въ раю, сущія вывѣски торговой бани либо мяснаго ряду. Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а эти нѣмцами. Охъ, тяжело! дай, Боже, сто лѣтъ здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшный.

Прости Господи! все по-французски, все на ихъ манеръ; пора уняться. Чего лучше быть Русскимъ? не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ въ верхъ, есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ. Вѣдь что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери: ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по-французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, если бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій; чтобъ псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ

*

лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

Владыко мой! да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть или быть можетъ. Государь милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Воины: Шуйскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества—Пожарскій и Мининъ, Москвы—Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ, Прокоповичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ—Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединскій, Дмитріевъ и Богдановичъ. Всѣ они знали и знаютъ французскій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше русскаго.

Царь небесный! мало этого, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите — шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники?—русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ каменной Москвой; милліоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледянаго моря до Чернаго, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти французы! копѣйки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху; ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись — либо философъ, либо римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; труслнвъ какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію; а то бы увидѣла, что въ французской всякой головѣ вѣтряная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: «все хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать». Хоть немного по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили: законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя!—отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали— то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта

разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть: опрокинулись къ сосѣдямъ и почали грабить и душить нѣмцевъ и венгерцевъ, италіянцевъ и гишпанцевъ, голландцевъ и швейцарцевъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ, республика! давай Бонапарта короновать, а ему то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и кряхтѣть; а онъ, какъ угорѣлая кошка, и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцевъ обдулъ, прусаковъ до нога раздѣлъ и разулъ, а все—мало! весь міръ захотѣлъ покорить: что за Александръ Македонскій! Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ, — а онъ таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу, и стали бубноваго короля катать: подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой, и свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

Слава тебѣ, россійское побѣдоносное христіанское воинство! Честь государю нашему и матушкѣ-Россіи! Слава вамъ, герои россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Докторовъ, Волконскій, Долгорукій! Вѣчная память, юноша храбрый Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики воздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцемъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся, царство русское! Всемірный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришелъ, какъ свирѣпый левъ, хотѣлъ все пожрать; теперь бѣжитъ, какъ голодный волкъ, только озирается и зубами пощелкиваетъ. Не щади звѣря лютаго: тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, Русскіе! вы одни молодцы. Побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами.

———

За симъ Сила Андреичъ взвелъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатились изъ нихъ на землю

и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали, пролитыми въ теченіе двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами отечества; потомъ онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спасскія ворота домой.—Миръ съ тобой, Сила Андреичъ! многія тебѣ лѣта здравствовать!

Б. АФИШИ (1812). (3).

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, что бъ злодѣя побить,—и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство. А чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, а они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти—предъ вами; а отдыхать—за вами. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ. А берегитесь одного—пьяницъ да дураковъ: они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово! А я вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православной христіанинъ. Вотъ моя и молитва: «Господи, Царю небесный! продли дни благочестиваго земнаго царя нашего! продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша».

———

Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими вой-

сками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дня у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска русскія, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, не хорошо, и побранить есть за что. Два нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны; а для этого допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату, Русскому; и что за диковина ста человѣкамъ прибить костянаго француза, или въ парикѣ окурнаго нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ,—ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!

———

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву; но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвый ляжетъ! горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!

[1]) Графъ Растопчинъ, Өедоръ Васильевичъ (1763—1826), до пятнадцатилѣтняго возраста жилъ при родителѣ, подъ надзоромъ иностранныхъ гувернеровъ, которые въ совершенствѣ выучили его французскому и нѣмецкому языкамъ. Онъ самъ говоритъ, что у него было «десятка съ три заморскихъ учителей, но (прибавляетъ онъ), помня поученія священника Петра и мамы Герасимовны, я остался Русскимъ». Подъ вліяніемъ этой мамы и другихъ окружавшихъ людей, онъ усвоилъ языкъ русскій, даже во всей чистотѣ его народнаго говора. Въ 1775 г. Растопчинъ былъ принятъ въ пажи, и даромъ замѣ-

чать и представлять смѣшное обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины II, которая удостоивала его чести участвовать въ своемъ избранномъ обществѣ. Изъ пажей перешелъ въ гвардію, гдѣ оставался до 1784 г., а въ этотъ годъ отправился въ чужіе краи и прожилъ тамъ почти четыре года. Записки его о путешествіи по Пруссіи нап. въ Москвитянинѣ 1849 г. Воротясь въ отечество, отправился съ гр. Безбородко въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, по окончаніи которыхъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ (1792). Въ этомъ званіи, Растопчина часто назначали къ наслѣднику престола, который приблизилъ его къ себѣ въ послѣдствіи. Въ 1796 г. (ноября 15) онъ написалъ записку о кончинѣ Императрицы, подъ названіемъ: «Послѣдній день жизни Екатерины II и первый день царствованія Павла I»; она нап. въ 3-ей кн. Чтеній на 1860 г. Императоръ произвелъ его, при вступленіи своемъ на престолъ, въ генералъ-маіоры и пожаловалъ ему другія важныя награды. Послѣ временнаго увольненія отъ службы въ 1798 г., Растопчинъ того же года снова былъ въ нее принятъ генералъ-лейтенантомъ, вскорѣ назначенъ третьимъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а по смерти канцлера Безбородки (1799) первоприсутствующимъ. Къ этому времени относится его переписка съ Суворовымъ, предводителемъ русско-австрійской арміи, котораго онъ узналъ еще въ Турціи и къ которому питалъ великое уваженіе. Въ 1801 г. гр. Растопчинъ принужденъ былъ выдти въ отставку и отправился въ Москву; отсюда начинается новая его жизнь, спокойная и однообразная. Проживая попеременно то въ Москвѣ, то въ селѣ своемъ Вороновѣ, онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Г. Тихонравовъ (Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, Отеч. Зап. 1854, № 7) приписываетъ ему брошюру: «Плугъ и Соха» (1806), авторомъ которой другіе почитали кн. Е. Р. Дашкову. Цѣль брошюры—доказать превосходство сохи, или прежняго способа хлѣбопашества, предъ новымъ, англійскимъ, усвоеннымъ нѣкоторыми тогдашними агрономами. Со времени войны съ Наполеономъ (1806—1807), являются въ нашей литературѣ произведенія, выражающія чувство любви къ отечеству и ненависти къ французамъ. Первымъ изъ такихъ произведеній была брошюра гр. Растопчина: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, 1807 г.». За тѣмъ слѣдовали нѣкоторыя его же статьи въ Рус. Вѣстникѣ, который началъ издавать С. Глинка съ 1808 г. (Письмо къ издателямъ Устина Вѣникова, О Суворовѣ); Вѣсти, или убитый живой, ком. въ 1 д. (1807); Письмо Устина Ульяновича Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андреевича Богатырева къ Устину Ульяновичу Вѣникову (1808). До 1812 г. Растопчинымъ написаны еще: а) Замѣчаніе на книгу гр. Валеріана Стройновскаго: «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», переведенную въ 1809 г. съ польскаго на русскій Анастасевичемъ (оно нап. во 2 кн. Чтеній 1860) и б) повѣсть: «Охъ, Французы» (Отеч. Зап., 1842 г., № 10). Цѣль ея таже, что и «Мыслей въ слухъ»: возбудить патріотизмъ, чувство собственнаго достоинства въ Русскихъ, отчужденныхъ иностраннымъ воспитаніемъ отъ отечества и зараженныхъ галломаніей. Въ 1810 г. гр. Растопчинъ получилъ званіе оберъ-камергера, но жилъ по прежнему въ Москвѣ. Въ 1812 г. онъ былъ переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Съ этого времени его имя становится историческимъ. Гр. Растопчину предстояло, въ трудную годину для Россіи, когда непріятель близился къ древней столицѣ, ободрять и успокоивать ея гражданъ, удов-

летворять всеобщему любопытству извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ и сдерживать раздраженіе народа противъ иностранцевъ. Этой цѣли онъ достигалъ своими знаменитыми афишами, получившими названіе «растопчинскихъ». Ему приписывали сожженіе Москвы и смотрѣли на этотъ подвигъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. По крайней мѣрѣ онъ имѣлъ это намѣреніе. Въ запискахъ Вильсона (Рус. Вѣст. 1862, № 1) прямо говорится, что Растопчинъ горько жаловался на Кутузова за то, что онъ оставилъ Москву, не давъ ему условленнаго предувѣдомленія и тѣмъ лишивъ возможности начальство столицы явить «болѣе чѣмъ римскую—русскую доблесть» правильнымъ сожженіемъ столицы, прежде чѣмъ она была осквернена присутствіемъ хищника. Но если онъ не могъ обратить въ пепелъ столицу, то сдѣлалъ это съ своимъ домомъ въ имѣніи Вороновѣ, когда стали подходить къ нему французы. Въ 1814 г. служебное поприще Растопчина кончилось: онъ получилъ увольненіе отъ должности и выѣхалъ изъ Россіи. Побывавъ въ Германіи, въ Англіи, гдѣ принимали его съ особеннымъ восторгомъ, онъ съ 1816 г. поселился въ Парижѣ, гдѣ въ 1823 г. издалъ книжку: La verité sur l'incendie de Moscou, переведенную того же года на русскій языкъ Волковымъ: «Правда о пожарѣ Москвы». Это сочиненіе изумило всѣхъ не въ одной Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, такъ какъ авторъ его отрекся отъ чести быть виновникомъ московскаго пожара, послѣ десятилѣтняго молчанія объ этомъ событіи. Друзья графа, дорожившіе его славою болѣе, чѣмъ онъ самъ, огорчились появленіемъ книжки, противорѣчившей давно составленному общему мнѣнію, письмамъ Растопчина къ Александру I и кн. Багратіону, разсказамъ историковъ о войнѣ 1812 г. и Слѣдственному дѣлу, приведенному въ статьѣ: «Историческія извѣстія о пожарѣ московскомъ 1812», которая нап. въ 27 № Московск. Телеграфа за 1829 г. Въ тоже время Растопчинъ написалъ: «Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes», напечатанные уже въ 1835 г. въ газетѣ «Le Temps» и отдѣльно. Русскій переводъ ихъ, подъ названіемъ: «Жизнь Растопчина, списанная съ натуры въ десять минутъ», не даетъ полнаго понятія ни объ остроуміи подлинника, ни объ его мастерскомъ языкѣ. Возвратясь въ отечество (1823), Растопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія оберъ-камергера. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Москвѣ (Словарь достопамятныхъ людей, Бантышъ-Каменскаго; Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, Тихонравова; критика его сочиненій въ 8 № Отеч. Зап. 1853; Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г., А. А. Бестужева-Рюмина, во 2 кн. Чтеній 1859; Разсказъ Варнгагена фонъ-Энзе, въ Моск. Вѣд. 1852, № 234; О графѣ Ѳ. В. Растопчинѣ и о событіяхъ 1812 г. въ Москвѣ—въ 4 кн. Чтеній 1861). Новыя свѣдѣнія о дѣятельности гр. Растопчина и взглядъ на оную смотри въ статьяхъ А. Н. Попова: Москва въ 1812 г. (Рус. Арх. 1876) и Французы въ Москвѣ въ 1812 г. (ib. 1877). Смирдинское изд. сочиненій Растопчина (1853) неполно.

²) «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ. Съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ (Москва, 1807)». Цѣль сочиненія указана самимъ авторомъ: оно имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ французовъ живвшихъ въ Россіи, которые старались пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона (La verité sur l'incendie de Moscou). Г. Тихонравовъ говоритъ о Мысляхъ слѣдующее: «Богатыревъ — идеалъ, въ которомъ для Растопчина сосредоточились всѣ

лучшія качества русскаго человѣка,— сѣтуетъ на слѣпое пристрастіе Русскихъ къ французамъ, на вредное нравственное вліяніе, производимое послѣдними. Авторъ обличаетъ воспитаніе, довѣряемое заѣзжимъ французамъ, моды, ими заносимыя къ намъ. Понятіямъ, которыя французы вкореняютъ молодому поколѣнію, ничтожнымъ ихъ достоинствамъ Растопчинъ противопоставляетъ великихъ людей родины, какъ примѣръ для подражанія». Брошюра быстро разошлась въ 7000 экз.

[3]) Первое собраніе афишъ приложено къ сочиненію И. И. Снегирева: «Очерки жизни московскаго архіепископа Августина». Отсюда онѣ перешли въ Смирдинское изданіе сочиненій Растопчина. Нѣкоторыя, бывшія неизвѣстными г. Снегиреву, помѣщены въ 2 № Библ. Зап. 1859 г. Послѣдняя, отъ 20 сентября 1812 г., относилась не къ жителямъ Москвы, а къ крестьянамъ, похищавшимъ, что ни попадалось на пепелищѣ, и грабившимъ домы помѣщиковъ по деревнямъ. Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ 1812 г., издававшійся профессоромъ М. Гавриловымъ, называетъ афиши бесѣдами градоначальника съ Москвичами, дружескими посланіями главнокомандующаго къ жителямъ. Дѣйствіе ихъ простиралось на всѣ концы государства: вездѣ, съ каждой почтой, ожидали ихъ, читали съ довѣріемъ и жадностью, затверживали наизусть; по всѣмъ рукамъ ходили съ нихъ списки. Цѣлью ихъ было—ободрить робкіе и успокоить взволнованные умы, удовлетворять общему любопытству извѣстіями о военныхъ событіяхъ и обуздывать самоуправство толпы, при ея столкновеніяхъ съ иностранцами. Нужно было осторожно ладить съ народомъ, чтобъ онъ не освирѣпѣлъ на торопливо покидавшихъ городъ купцовъ, чиновниковъ, съ женами и дѣтьми. Здѣсь приказъ и сила не имѣли бы такого значенія, какое имѣлъ убѣдительный голосъ градоначальника, возбуждавшій чувство вѣры, патріотизма и покорности, въ духѣ народныхъ понятій и складомъ народной рѣчи. И афиши достигли своей цѣли: народъ, готовый идти на смерть за Москву, оставался покоенъ и сдержанъ до той поры, пока не разнеслась вѣсть о скорой сдачѣ Москвы Наполеону (См.: О гр. Ѳ. В. Растопчинѣ, въ 4 кн. Чтеній 1861).

XIV.

С. Н. ГЛИНКА. ([1]).

ЗАПИСКИ О 1812 Г. ([2]).

Іюля 11-го, 3 часа утра.

Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ, близь Драгомиловскаго моста. 11 іюля на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: «мы пропали!» и подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6-го іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: «Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!»

Іюля 11-го, 5 часовъ утра.

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, поступившему вмѣсто графа Гудовича на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глубокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ: откуда онъ грянулъ? Слышимъ новые удары и теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ:

Кто дышитъ, не дремли!

Это теперь излилось изъ души моей. А тогда спѣшилъ я съ одною мыслію: съ мыслію — отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашнего губернскаго предводителя Василія Дмитріевича Арсеньева и Аркадія Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадію Павловичу, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ. «Нельзя», отвѣчалъ онъ: «графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ» (а).—«Позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ оставить запи-

(а) Тогдашнимъ начальникомъ кремлевской экспедиціи.

ску». Привѣтливо Аркадій Павловичъ подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: «Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья, хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій; но гдѣ кого застала опасность отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь очечества возлагаю на триста рублей серебра».

Такимъ образомъ 1812-го года іюля 11-го мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ уничижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго.

Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 года. Въ Сокольникахъ блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазурномъ небосклонѣ. «Какъ очаровательна природа и злобны люди!» говорилъ Жанъ Жакъ Руссо. И я въ юности моей, вспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы загараются битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей:

Иль кровь амврозія для васъ?

Мирите человѣчество съ человѣчествомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды къ крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто бы забылъ, что въ то самое мгновеніе гремѣли битвы и за Днѣпромъ и у Днѣпра, и на Двинѣ и за Двиною.

Іюля 11-го, 9 часовъ утра, въ Москвѣ.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались идти и спѣшить на встрѣчу государя.

Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: «мы закидаемъ шапками; мы постоимъ за себя!» Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалося изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви. Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: «пойдемъ въ храмы Господни: помолимся за царя-государя, а оттуда за заставу». Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: «куда идешь?» И общій отвѣтъ: «на встрѣчу государя, за заставу!»

Іюля 11-го, 3 часа пополудни.

Народъ за Драгомиловскою заставою.

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсняться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ Русскій Вѣстникъ.

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности, народъ русскій подростаетъ душою и крѣпчаетъ мышцею отважною.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы исчезала подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь изчезаетъ

личность и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изреченіямъ духа русскаго.

Порывъ духа народнаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто бы смолвясь душами и мыслію, воскликнули: «не уступимъ! мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ». Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: «а вы, ваше благородіе, ведите насъ!» Я провозгласилъ: ура! впередъ! И тысячи голосовъ повторили: ура! впередъ! Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (а) возвращался изъ Подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: Сергѣй Николаевичъ! куда идешь? —«Веду къ государю народъ», отвѣчалъ я. 1812 года іюля 11-го, порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура! не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: скоро ли будетъ государь? Наконецъ около десяти часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Растопчинъ.

Повѣстка моя въ московскую полицію.

Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ, по собственному порыву душъ своихъ, двинулся на встрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь одобрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать. Но это не обезпокоило меня. Не отставая усердіемъ отъ общаго дѣла, я не забѣгалъ впередъ и не заботился о слухахъ. Идите на ряду съ необычайными обстоятельствами: они сами укажутъ вамъ мѣсто. Мелкіе происки и увертливыя искательства истощаютъ духъ. Берегите его для тѣхъ случаевъ, когда онъ можетъ дѣйствовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосомъ времени и правительствомъ.

(а) Бывшій въ послѣдствіи директоромъ московскаго театра, авторъ и переводчикъ многихъ театральныхъ піесъ.

Полночь на 12-ое іюля.

Первая встрѣча государю.

Все дремало и въ домахъ, и на улицахъ, и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государя, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхушково, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, перешедшаго въ родъ Нарышкиныхъ отъ царицы Натальи Кирилловны, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ ночь безлунную и беззвѣздную. Поровнявшись съ причетомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ пасхи возглашалъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его!

12 іюля. Красная площадь.

Побѣда первая — побѣда надъ сердцами.

Іюля двѣнадцатаго, съ первымъ мельканіемъ зари утренней, народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли; матери съ грудными младенцами—все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ девять часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый: явился, какъ ангелъ Божій подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: ура! да здравствуетъ царь-государь! веди насъ, куда хочешь! веди насъ, нашъ отецъ! умремъ или побѣдимъ! такъ восклицало душевное ополченіе русскаго народа, и Александръ Первый однимъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни тысячъ подъ знамена ратныя. Въ сердцѣ царства русскаго, въ стѣнахъ Москвы, іюля двѣнадцатаго, императоръ Александръ убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи; онъ видѣлъ, что, и подъ полетомъ вѣсти объ общей опасности, духъ русскій воскипѣлъ двухвѣковою жизнію завѣтныхъ временъ гражданина Минина и князя Пожарскаго. Въ день іюля двѣнадцатаго не утварью царскою, не блескомъ вѣнца, — Александръ украшался любовью народною, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ именинный день Александра Перваго. На алтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной, народъ и отечество радостно возлагали и достояніе и жизнь свою. И такъ приносимая тогда дань,

говоря словами В. А. Жуковскаго, была:

«Не власти, не вѣнцу, а человѣку дань!»

Благовѣстъ продолжался. Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Двинулось и общее усердіе. На каждой ступени, со всѣхъ сторонъ, сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Одни кричали: отецъ! отецъ нашъ! Дай намъ на себя наглядѣться! Другіе восклицали: отецъ нашъ! ангелъ нашъ! А съ площади, отъ воротъ Спасскихъ до соборовъ, отъ прибрежнаго Кремлевскаго возвышенія до воротъ Троицкихъ, съ кровли арсенала, съ кровлей домовъ, отовсюду, откуда, казалось, что услышится голосъ душевный, неслись, летѣли клики: ура! да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь!

На ступеняхъ крыльца государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: «не троньте! не троньте ихъ! Я пройду!» И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!

Въ день іюля двѣнадцатаго, торжество любви народной сочеталось съ благодарнымъ молебствіемъ по случаю заключенія мира съ Турціей.

Звонъ колокольный продолжался, и когда государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Богъ!...

Въ дивный 1812 годъ миръ и война шли рядомъ.

13 и 14 іюля.

13 и 14 іюля быстрымъ пролетѣли мгновеніемъ. Казалось (повторяю еще), что народъ русскій подросъ душою, ополчившеюся за край родной, и усилился мышцею, торопившеюся къ оружію.

На Красномъ крыльцѣ, во время государева обѣда, происходилъ непрерывный приливъ и отливъ народа. Государь обращалъ взоры къ зрителямъ и дарилъ ихъ улыбкою привѣтливою. Іюля 13 Петръ Степановичъ Валуевъ, находясь въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду и привыкнувъ говорить съ государемъ голосомъ сердечнымъ, сказалъ: «Государь! смотря на васъ и на народъ, взирающій на васъ, скажешь, что общій отецъ великаго семейства народа русскаго вкушаетъ хлѣбъ-соль среди радостной, родной своей семьи».

Съ 14 на 15 повѣщено было въ бывшемъ Слободскомъ дворцѣ, сперва принадлежавшемъ графу канцлеру Безбородкѣ, собраніе дворянству и купечеству. Записавшись въ ратники по волѣ и охотѣ, я думалъ: «за чѣмъ пойду въ

дворянское собраніе? да и въ правѣ ли я говорить о пожертвованіи и собственности, вовсе не имѣя никакой собственности?» Такіе упреки и прежде слышалъ я въ Смоленскѣ, при вступленіи моемъ въ земское войско; тоже откликнулось и въ Москвѣ 1812 года.

Но, обозрѣвая положеніе мое съ другой стороны и зная, что подпалъ подъ присмотръ, я рѣшился, для отстраненія предположеній и пересудовъ, явиться въ собраніе съ одною неотъемлемою собственностію: съ чистою совѣстію и съ самоотреченіемъ отъ жизни. Не было у меня ни милиціоннаго, ни губернскаго мундира. Послѣдній выпросилъ я у г. Васильева, роднаго брата хозяйки нанимаемаго мною дома. Невольно улыбнулся я, взглянувъ въ зеркало и увидя себя въ необычайномъ нарядѣ. Улыбки знакомыхъ встрѣтили меня и при входѣ въ собраніе. Но—тутъ было не до смѣха.

15 іюля. Собраніе дворянское и купеческое.

Совѣщаніе въ дворянскомъ собраніи.

Между тѣмъ, когда часъ отъ часу болѣе наполнялись залы дворянскаго и купеческаго собранія, въ комнатѣ передъ залою дворянскою завязался жаркій разговоръ. Одинъ изъ чиновныхъ бояръ сказалъ: «мы должны спросить у государя: сколько у насъ войска и гдѣ наше войско?» Степанъ Степановичъ Апраксинъ возразилъ: «еслибъ мы и въ правѣ были спросить объ этомъ у государя, то государь не могъ бы намъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Войска наши движутся сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ: такому же измѣненію подлежитъ и число войскъ». Вслѣдъ за этимъ, мужчина, лѣтъ въ сорокъ, высокій ростомъ, плечистый, статный, благовидный, рѣчистый въ русскомъ словѣ, и въ мундирѣ безъ эполетовъ (слѣдственно отставной)—о имени его некогда было спросить — возвыся голосъ, сказалъ: «Теперь не время разсуждать: надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная: война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу; а эта борьба требуетъ и небывалой досслѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ; вооружимся, чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля; составимъ дружины конныя; будемъ вездѣ тревожить Наполеона; отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ Европѣ, что Россія возстаетъ за Россію!»

Въ пылу рвенія душевнаго раздался и мой голосъ; я воскликнулъ: «Адъ должно отражать адомъ. Я видѣлъ однажды младенца, который улыбался при блескѣ молніи и при раскатахъ грома; но то былъ младенецъ. Мы не младенцы: мы видимъ, мы понимаемъ опасность; мы должны

противоборствовать опасности». Среди общаго безмолвія пламенѣла моя рѣчь. И меня часъ отъ часу болѣе вдвигали въ залу собранія, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стола, накрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло болѣе семидесяти чиновныхъ вельможъ въ лентахъ. Сжатый отовсюду, я принужденъ былъ остановиться за стульями къ стѣнѣ посреди задняго ряда. Не прерывая словъ моихъ или, лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагалъ различныя мѣры ко внутренней безопасности и къ оборонѣ отечества. Наконецъ сказалъ: «мы не должны ужасаться, Москва будетъ сдана». Едва вырвалось изъ устъ моихъ это роковое слово, нѣкоторые изъ вельможъ и превосходительныхъ привстали. Одни кричали: кто вамъ это сказалъ? Другіе спрашивали: почему вы это знаете? Не смущаясь духомъ, я продолжалъ: «Милостивые государи! во-первыхъ: отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искуственной обороны, достаточной къ остановленію сильнаго непріятеля. Во-вторыхъ: изъ всѣхъ отечественныхъ лѣтописей нашихъ явствуетъ, что Москва привыкла страдать за Россію. Въ-третьихъ (и дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова): сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы».

Рѣчь мою, продолжавшуюся около часа съ различными поясненіями, требуемыми различными лицами, прервалъ входъ графа Растопчина. Всѣ оборотились къ нему. Высвободясь изъ осады, я поспѣшилъ къ московскому градоначальнику. Указывая на залу купеческаго собранія, графъ сказалъ: «оттуда польются къ намъ милліоны; а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя».

Послѣ мгновеннаго совѣщанія, положено было выставить въ ратники десятаго.

Совѣщаніе въ залѣ купеческаго собранія.

Между тѣмъ въ залѣ купеческой, по отпѣтіи молебствія, готовились къ пожертвованіямъ. Государь началъ рѣчь и съ первымъ словомъ слезы брызнули изъ очей его. Жалостію сердечной закипѣли души русскаго купечества. Казалось, что въ каждомъ гражданинѣ воскресъ духъ Минина. Гремѣлъ общій голосъ: «Государь! возьми все—и имущество и жизнь нашу!» Вслѣдъ за удалявшимся государемъ летѣли тѣ же клики и души ревностныхъ гражданъ.

Входъ Государя въ залу дворянскаго собранія.

Слезы блистали еще на глазахъ государя, когда онъ вошелъ въ залу дворянскаго собранія. А лице его сіяло умиленіемъ довѣренности къ духу самоотреченія сыновъ Россіи. Мнѣ удалось помѣститься за графомъ, стоявшимъ подлѣ императора. Вотъ слова государя: «Никогда не сомнѣвался я въ усердіи русскаго дворянства; но въ этотъ день оно превзошло мое ожиданіе. Благодарю васъ отъ

лица отечества. Господа! будемъ дѣйствовать: время всего дороже».

При выходѣ государя, Петръ Степановичъ Валуевъ схватилъ меня за руки и сказалъ: «Пойдемъ, Сергѣй Николаевичъ! я представлю васъ Государю». «Ваше высокопревосходительство!» отвѣчалъ я: «теперь не до меня». И съ этимъ словомъ, вырвавъ руку, я опрометью бросился съ крыльца. Предчувствуя, что до моего пріѣзда долетятъ разсказы стоустной молвы въ семейство мое, я поспѣшилъ домой. Сбылось мое предчувствіе. Застаю бѣдную жену мою въ страданіи и въ горькихъ слезахъ. Нѣкоторые изъ услужливыхъ моихъ знакомыхъ настращали ее, что мнѣ за отважные мои возгласы въ собраніи не миновать бѣды. «Молись Богу, мой другъ!» сказалъ я плачущей женѣ моей: «знаю, что меня позовутъ; а потому на всякій случай заготовь бѣлый жилетъ и бѣлую косынку. Когда потребуютъ, то поѣду во фракѣ. Чужой губернскій мундиръ насмѣшилъ и меня и знакомыхъ моихъ». Неизъяснима была душевная пытка жены моей. Куда ни бросалась она для какой-нибудь отрадной вѣсти, вездѣ убѣждали ее ждать участи своей и укрѣпляться вѣрою: такъ напугалъ голосъ мой, раздавшійся въ собраніи дворянскомъ по одному порыву душевному.

Іюля 19. Москва по отбытіи Государя.

Восторги и порывы жителей московскихъ откликались только въ присутствіи Александра Перваго. Съ отбытіемъ его на берега Невы, въ ночь 19 іюля, полетъ душъ осѣкся: Москва смолкла въ Москвѣ. Вѣсть объ опасности отечества вызвала мгновенный порывъ самоотреченія. Казалось, что все это было и не было. Начали около себя оглядываться, думать, обдумывать: личность заполонила самоотреченіе. Не было страха, не было трепета; но была суетливость жизни и о жизни.

Не смущаясь духомъ, но томясь думою о жребіи отечества, для разсѣянія мыслей взялъ я съ собою въ утреннюю мою прогулку Ѳеофаново слово на битву полтавскую. Обходя тѣнистыя тропинки Преснинскаго пруда, я оживлялъ въ настоящемъ прошедшее. «Полтава», думалъ я, «отразила Карла; въ стѣнахъ Москвы затеряется нашествіе Наполеона». Отъ чего и въ глубокой думѣ о бѣдѣ отчизны таится такая сладость, какой не промѣняешь ни на какой вихрь утѣхъ? Не объясняю; но я тогда вполнѣ чувствовалъ эту сладость скорби.

Іюля 19. Первое свиданіе съ гр. Растопчинымъ.

Между тѣмъ часу въ одиннадцатомъ возвращаюсь съ прогулки. Жена моя почти безъ памяти сидѣла на софѣ. Увидя меня, она вскричала: «отъ графа Растопчина пріѣхалъ ординарецъ!» «Я ожидалъ этого; а ты молись Богу и вели подать мнѣ косынку и бѣ-

лый жилетъ». Переодѣвшись, поспѣшилъ я къ графу, находившемуся тогда въ Москвѣ, а не на дачѣ. Съ графомъ былъ только адъютантъ его Обрѣсковъ. Подбѣжавъ ко мнѣ, графъ сказалъ: «забудемъ прошедшее; теперь дѣло идетъ о судьбѣ отечества» (а).

Возложеніе особенныхъ препорученій на сочинителя Записокъ.

Взявъ со стола бумагу и орденъ, графъ продолжалъ: «государь жалуетъ васъ кавалеромъ четвертой степени Владиміра за любовь вашу къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими. Такъ изображено въ рескриптѣ за собственноручною подписью государя императора. Вотъ рескриптъ и орденъ».—Адъютантъ бросился улаживать въ петлицѣ орденъ, а графъ прибавилъ: «поздравляю васъ кавалеромъ». Съ этимъ словомъ поцѣловалъ онъ меня и продолжалъ: «священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною».

«Благодарю государя», отвѣчалъ я, «но позвольте мнѣ поспѣшить къ женѣ моей. У нея трое сутокъ отзывается въ ушахъ звонъ сибирскаго колокольчика».

Не стану описывать восторга жены моей. Минуло болѣе двадцати лѣтъ, но мигъ нашего свиданія все еще въ полной свѣжести живетъ въ душахъ нашихъ. Ожидая меня, она сидѣла у открытаго окна. Поровнявшись съ домомъ, я взмахнулъ длинною лентою ордена и сказалъ: «вотъ крестъ, а не бѣда!»

Особенныя порученія.

Немедленно приступилъ я къ тѣмъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко и въ Москвѣ и внѣ стѣнъ ея сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня послѣднимъ условіемъ. Я былъ счастливъ и подъ грозною тучею, быстро устремлявшеюся къ Москвѣ. Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило со мною взоры, мысли и сердца московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тысячамъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только, по запискѣ моей, препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину Никифору,

(а) Съ декабря 1809 до этого времени мы были въ личной размолвкѣ съ графомъ. *Прим. Глинки.*

благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ. Деньги хороши какъ средство къ оборотамъ потребностей быта общественнаго; но бѣда, гдѣ онѣ заполонятъ общество человѣческое, бѣда, гдѣ, говоря словами нашего девятнадцатаго столѣтія, онѣ дѣлаются представителями всѣхъ наслажденій и приманкою страстей! При возстаніи душъ дѣйствуйте на нихъ силою нравственною, уравнивающею духъ народный съ величіемъ необычайныхъ обстоятельствъ.

¹) Глинка, Сергѣй Николаевичъ (1776—1847), на седьмомъ году поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, куда былъ записанъ самою императрицею Екатериною II, которая, во время путешествія въ Бѣлоруссію (1781), удостоила посѣщеніемъ его родителей, имѣвшихъ помѣстье въ Смоленской губ. Духовщинскаго уѣзда. Вышедъ изъ корпуса съ чиномъ поручика (1795), онъ поступилъ адъютантомъ къ кн. Ю. В. Долгорукому, въ Москву. По кончинѣ отца, вышелъ въ отставку маіоромъ (1800), отказался, въ пользу сестры, отъ своей части наслѣдства и отправился въ Украйну, гдѣ пробылъ три года учителемъ. Потомъ снова поселился въ Москвѣ, получивъ при театрѣ мѣсто сочинителя и переводчика. Для сцены перевелъ онъ нѣсколько оперъ: «Тайна (1800)», «Странная предпріимчивость (1800)» и др. и сочинилъ: «Наталья, боярская дочь, героическая драма въ 4 д. (1806)» (Тоже лице послужило ему предметомъ стихотворной повѣсти, въ 10 пѣсняхъ: «Царица Наталья Кириловна, 1809) и «Сумбека, или паденіе казанскаго царства, трагедія въ 5 д. (1806)». Въ 1803 г. Глинка издалъ переводъ въ стихахъ 4-хъ Юнговыхъ ночей, или вѣрнѣе подражаніе имъ, потому что не зналъ англ. языка (всѣ 12 пѣсенъ нап. 1806 года). Въ 1806 г. поступилъ въ смоленское ополченіе. Послѣ Тильзитскаго мира основавшись въ Москвѣ, приступилъ, съ 1808 г., къ изданію Русскаго Вѣстника, но не забылъ и театра, для котораго были имъ написаны: «Михаилъ кн. черниговскій, траг. въ 5 д. (1808)»; «Ольга прекрасная, героич. опера въ 2 д. (1808)»; «Боянъ, прологъ на открытіе новаго Петровскаго театра въ Москвѣ (1808)»; «Мининъ, отечественная драма въ 3 д. (1809)». Кромѣ того сочинилъ: «Пожарскій и Мининъ, или пожертвованія Россіянъ, поэма въ стихахъ (1807)» и «Зеркало новаго Парижа, отъ 1789 до 1809 г. (1809)». Срочная работа по журналу не мѣшала ему, отъ времени до времени, являться съ переводами или сочиненіями. Съ 1812 издатель Русскаго Вѣстника становится общественнымъ дѣятелемъ: онъ первый записался ратникомъ въ московское ополченіе, получилъ отъ императора Александра орденъ св. Владиміра 4-й степени, «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіми и дѣяніями», и 300,000 руб. эктраординарной суммы, которою могъ распряжаться по усмотрѣнію. Государь возложилъ на него особыя порученія, по которымъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ московскимъ главнокомандующимъ, гр. Растопчинымъ. Эти порученія состояли въ томъ, чтобы успокоивать умы московскихъ жителей, внушать имъ единомысліе и осторожность, предостерегать отъ смятенія и робости. Образъ дѣйствій Глинки описанъ имъ въ «Запискахъ о 1812 г. (1836)», изъ которыхъ любопытные отрывки приведены выше, и въ «Запискахъ о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 г. до половины 1815 г. (1837)». Для характиристики ихъ автора достаточно сказать, что триста тысячь руб. остались въ казнѣ сполна: Глин-

ка не прикасался до ввѣренной ему суммы, убѣдясь, что для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души. Единственная трата, которую онъ позволилъ себѣ сдѣлать, была покупка шапки и кушака одному крестьянину, который привелъ въ ополченіе троихъ сыновей. Примѣрно безкорыстный, онъ старался помогать изъ собственныхъ средствъ: такъ, заложивъ драгоцѣнныя вещи жены своей, онъ снарядилъ до 20 человѣкъ ополченцевъ; между ними находилось нѣсколько студентовъ, и въ томъ числѣ К. Ѳ. Калайдовичъ, извѣстный трудами по русской исторіи. Въ 1825 г. Глинка прекратилъ изданіе своего журнала. Въ 1827 г. помѣщенъ цензоромъ въ московскій цензурный комитетъ и при увольненіи получилъ пенсію. Послѣ этого времени онъ продолжалъ также издавать разныя сочиненія, такъ что литературная его дѣятельность продолжалась болѣе полустолѣтія (Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки, въ XVI т. Маяка, 1844, № 5).

Глинка принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ писателей. Труды его составляютъ болѣе ста книгъ, а съ присоединеніемъ Русскаго Вѣстника—болѣе 150. Собраніе его сочиненій, написанныхъ до 1820 г., издано въ 12 ч. (1817—1820).

[2]) «Записки о 1812 г. Сергѣя Глинки, перваго ратника московскаго ополченія (Спб. 1836)». Другія записки: «о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 г. (1837)»; «Добро отъ слова: ты, и бѣда отъ денегъ и отъ порученій» (Воспоминанія изъ моихъ частныхъ и историческихъ Записокъ въ Рус. Вѣст. 1841, т. 3); «Екатерина II на родинѣ моихъ отцевъ» (ib., № 8); «Корпусныя воспоминанія» (Литер. прибавленія къ Журналу Мин. Нар. Просв. 1843); Воспоминаніе (изъ Записокъ издателя Рус. Чтенія. Спб. 1846).

XV.

КРЫЛОВЪ. ([1]).

А. ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ (1792). ([2]).

Любезные слушатели!

Въ сей день проходитъ точно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другаго; а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалить? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу,

оба вели равную жизнь и наконецъ умерли одинаково славною смертью.

Совсѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его, ибо хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что, послѣ нея, покойникъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, какъ память дворянина, который служитъ примѣромъ всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ его дарованій. Кромѣ сего, имѣлъ онъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на всякаго изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы,—но, какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что̀ еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпные свои пиры. Но я не примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядку, который я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто столь чело-

вѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели: если это правда, то это не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата дворянина; это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! и если бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи,—тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужли же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять ея недостатки и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству—вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простаго народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а симъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы: ибо болѣе трехъ сотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ столь много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго времени пробавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконецъ появился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь, его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что онъ благородной крови. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ

герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя и много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отъ чего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звениголовъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, совсѣмъ тѣмъ боялся отвѣдать сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой!» сказалъ безпримѣрный его родитель, «развѣ мало вкругъ тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не разѣвая рта, какъ разумную тварь».

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодаго героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, къ коимъ подавало оно ему поводъ: изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и сдѣлать ихъ столь же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, искалъ причинъ, отъ чего первыя имѣютъ дерзости болѣе огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивый отецъ, примѣтя, что дитя его начинаетъ думать, заключилъ, что время начать его воспитаніе и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ въ-запуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому-то

послѣднею страницею букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. «Этой грамоты для тебя полно», говорилъ онъ ему: «стыдись знать болѣе; ты у меня будешь бариномъ знатный, такъ непристойно тебѣ читать книги».

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги любить какъ моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ: вотъ одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и его не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. «Прочти только это», говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: «прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ моей гнѣдой лошади. О, Руссо—великій человѣкъ!», продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненіи: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю Новой Элоизы.

Время наконецъ наступило записывать его въ службу, и рѣдкій родитель его, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе: «Помни, любезный сынъ», говорилъ онъ ему, «что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ; и такъ береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службѣ тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжалованu, а о достальномъ не пекись. Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то есть: не выходи изъ передней знатныхъ; болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ», и послѣ сего наградилъ онъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни послѣ его отъѣзду, кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользоваться наставленіями, совсѣмъ тѣмъ благородная его душа неохотно приняла сіи послѣднія, или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ онъ служить, но не хотѣлъ также состарѣться въ переднихъ; эти два правила поссорили его съ двумя его дядюшками и со службою и сдѣлали философомъ. Суеты

большаго свѣта скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда онъ ни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность,—сіи два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзда его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы въѣзду въ первые домы; но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто, подъ вечерокъ, изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ: терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы, честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяю я, былъ соблазненъ примѣрами большаго свѣта и увлеченъ его суетами, но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что такой-то его сверстникъ пожалованъ, что тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не тронута была великая его душа, и онъ, зѣвая, стоически слушалъ такія новости. «Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется», говаривалъ онъ; «полно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. Все суета суетъ!» такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

Посему можете вы заключить, милостивые государи, что общества его были хотя не пышныя, но весьма веселыя. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество, но это не было скучное дружество, заведенное лѣтъ на пять; нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе домы, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта: ему довольно было и того, что имя его знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и ко-

фейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума; нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полунагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической философіи.

Всякій бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, всякій бы пришелъ въ отчаяніе; но онъ не поколебался нимало и, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію. «Что будетъ, то будетъ!» говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила его къ ней довѣренность. Тогда какъ, казалось, что онъ оставленъ отъ всего свѣта; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ сіи несчастія собрались вокругъ него: тогда родной его дядя—славный своею экономіею, которую храня, 20 лѣтъ онъ уже не ужиналъ, вздумалъ наконецъ и не обѣдать — оставя въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало его надменнымъ; нимало: въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ, кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одного своего заимодавца. Можетъ быть, по скромности его, нравился ему также французскій обычай уходить не простясь; ибо

свидѣтельствуютъ достовѣрнѣйшіе маркеры, что, когда только могъ, уходилъ онъ по-французски изъ трактировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пеняли.

Наконецъ удалился онъ отъ городскаго шума и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ и набралъ многочисленную армію псовъ; наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ онъ истребить весь заячій родъ — и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядливую шайку охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ: но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь сихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ римлянамъ. А чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ! Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. «Скажи», спрашивалъ у него нѣкто, «не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшонъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него тараканов?»—Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой: я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять и зайцы позабудутъ мои земли: они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи, а тутъ-то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечемъ чрезъ многія государства, побилъ и разорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ эти намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ. Но судьба, за-

видующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули со умиленіемъ; почтенныя головы ихъ лежатъ какъ прекрасныя бухарскія дыни вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный мой другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, съ половину окунутымъ въ ендову носомъ. Увернись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ подпола на твоихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти; и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлона привилегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

Б. УРОКЪ ДОЧКАМЪ, КОМЕДІЯ (1807). (3).

ЯВЛЕНІЕ 1.

Даша, Семенъ и потомъ Лиза.

Семенъ. Ну, думалъ ли я, скакавъ по почтѣ, какъ угорѣлый, за 700 верстъ отъ Москвы наѣхать дорогую мою Дашу?

Даша. Ну, чаяла ли я увидѣться такъ скоро съ любезнымъ моимъ Семеномъ?

Семенъ. Да какъ тебя занесло въ такую глушь?

Даша. Да тебя куда это нелегкая мчитъ?

Семенъ. Какъ ты здѣсь?

Даша. Что ты здѣсь?

Семенъ. Вѣдь ты оставалась въ Москвѣ?

Даша. Вѣдь ты поѣхалъ-было въ Петербургъ?...

Семенъ. Гдѣ жъ ты послѣ была?

Даша. Что съ тобою сдѣлалось?

Семенъ. Постой, постой, Даша, постой: мы этакъ ничего не узнаемъ до-завтра; надобно, чтобъ сперва изъ насъ одинъ, а тамъ другой разсказалъ свое похожденіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ разочли, что намъ, не смотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а нечѣмъ жениться, и пустились каждый въ свою сторону добывать денегъ,—мы увидимъ, кто изъ насъ былъ проворнѣе, а потомъ посмотримъ, тянутъ ли наши кошельки столько, чтобъ намъ возможно было вступить въ почтенное супружеское состояніе. И такъ, если хочешь, я начну.

Даша. Пожалуй, хоть я сперва тебѣ разскажу. Я въ Москвѣ...

Семенъ. Ты чудеса услышишь—я изъ Москвы...

Даша. То-то ты удивишься—я въ Москвѣ...

Семенъ. Постой же, ужъ я кончу. Выѣхавши изъ Москвы...

Даша. Да выслушай меня. Оставшись въ Москвѣ...

Семенъ. Мнѣ очень хочется подробно...

Даша. Ну вотъ такъ и горю, какъ на огнѣ, разсказать тебѣ...

Семенъ. Тфу пропасть! Даша, у тебя во рту не языкъ, а маятникъ, не дашь слова выговорить. Ну, разсказывай, коли ужъ тебѣ не терпится.

Даша. Вотъ еще какой! да пожалуй, болтай себѣ, коли охота пришла...

Семенъ. Охъ! зачинай, пожалуй-ста, я слушаю.

Даша. Самъ начинай... видишь, какой!

Семенъ. Ну, ну! полно гнѣваться, мой ангелъ, неужели тебѣ это слаще, нежели говорить?

Даша. Я не гнѣваюсь. Говори.

Семенъ. Ладно; такъ слушай же обоими ушами. Ты ахнешь, какъ поразскажу я тебѣ всѣ чудеса...

Лиза (*выглядывая изъ другой комнаты*). Даша! Даша! господа идутъ съ гулянья.

Даша. Ну вотъ дѣльно! Много мы съ тобой узнали!

Семенъ. Кто жъ виноватъ?

Даша. Послушай, по этой лѣстницѣ...

Лиза (*показываясь*). Даша, господа поворотили на птичій дворъ.

Даша. Не прогляди жъ, какъ они воротятся.

Лиза. Не бойся, развѣ это въ первой?... (*Уходитъ*).

Семенъ (*почесывая лобъ*). Такъ это не въ первой у тебя отводные-то караулы разставлены! Даша, что это значитъ?

Даша. То, что ты глупъ. Мы опять потеряемъ время попустому: они тотчасъ воротятся. Ну, разсказывай свое похожденіе.

Семенъ. Ты знаешь, что я, нанявшись въ Москвѣ къ Честону, поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Тамъ любовь и карты выцѣдили кошелекъ его до дна, и мы, благодаря имъ, теперь на самомъ легкомъ ходу ѣдемъ въ армію бить басурмановъ. Здѣсь остановились-было перемѣнить лошадей, но баринъ съ дороги нѣсколько занемогъ и едва ль не останется до-завтра. Онъ легъ заснуть, а я, ходя по деревнѣ, увидѣлъ тебя подъ окномъ и бросился сюда — вотъ и все тутъ!

Даша. Только всего и чудесъ?

Семенъ. А развѣ это не чудо, Дашенька, что меня на всемъ скаку соннаго сбрасывало съ облучка разъ десять и я еще ни руки, ни ноги себѣ не вывихнулъ? Ну-тка, что ты лучше разскажешь?

Даша. Послѣ твоего отъѣзда, принялась я къ теперешнимъ своимъ господамъ Велькаровымъ, и мы поѣхали въ эту деревню — вотъ и все тутъ!

Семенъ. Даша! коли тебя съ облучка не сбрасывало, такъ у тебя чудесъ-то еще меньше моего. Да обрадуй меня хоть однимъ чудомъ. Есть ли у тебя деньги?

Даша. А у тебя?

Семенъ. Въ моихъ карма-

нахъ хоть выспись — такой просторъ.

Даша. Ну, Семенушка, и мнѣ не болѣе твоего посчастливилось, —такъ свадьба наша опять затянулась. Горе да и все тутъ; сколько золотыхъ дней потеряно!

Семенъ. Эхъ, Дашенька, дни-то бы ничего, да и ты неизворотлива; вѣдь люди богатѣютъ же какъ-нибудь.

Даша. Да неужели таки твой баринъ...

Семенъ. Мой баринъ? его теперь хоть въ жомъ, такъ рубля изъ него не выдавишь. А твои господа?

Даша. О! въ городѣ мои барышни были бы кладъ; онѣ съ утра до вечера разъѣзжаютъ по моднымъ лавкамъ; то закупаютъ, другое заказываютъ; что день, то новая шляпка; что балъ, то новое платье; а какъ меня часто за уборами посылаютъ, то мнѣ бы отъ нихъ и отъ мадамовъ что-нибудь перепало...

Семенъ. Что-нибудь? шутишь ты, Даша! да такія барышни для расторопной горничной подлинно кладъ. Дождись только зимы, и коли будешь умна, такъ мы будущею же весною домкомъ заживемъ.

Даша. Охъ, Семенушка, то-то и бѣды, что чуть ли намъ здѣсь не зимовать!

Семенъ. Какъ?

Даша. Да такъ! Видишь ли что? барышни мои были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній манеръ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ наконецъ въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ, чтобъ до замужества ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Баринъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ не-Русей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши наконецъ изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе — и отгадай, какъ вздумалъ наказать ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?

Семенъ. Ахти! никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?

Даша. Хуже.

Семенъ. Чтожъ? посадилъ за книги да за пяльцы?

Даша. Хуже.

Семенъ. Тьфу пропасть! неужели вздумалъ изнурять ихъ модную плоть хлѣбомъ да водою?

Даша. И того хуже.

Семенъ. Ахъ онъ варваръ! неужели?... (*Дѣлаетъ знакъ, будто хочетъ дать пощечину*).

Даша. И это бы легче; а то гораздо хуже.

Семенъ. Чортъ же знаетъ, Даша, я ужъ хуже побой ничего не придумаю.

Даша. Онъ запретилъ имъ говорить по-французски. (*Семенъ хохочетъ*). Смѣйся, смѣйся, а бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ. Да этого мало: немилосердый старикъ сдѣлалъ въ своемъ домѣ законъ, чтобъ здѣсь никто, даже и гости, иначе не говорили, какъ по-русски; а такъ какъ онъ въ уѣздѣ всѣхъ богаче и старѣ, то и не мудрено ему поставить на своемъ.

Семенъ. Бѣдныя барышни! то-то, чай, натерпѣлись онѣ русскаго-то языка!...

Даша. Это еще не конецъ. Чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то приставилъ къ нимъ старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ-было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса доложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними; что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ-что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю.

Семенъ. Да неужели въ нихъ такая страсть къ иностранному?

Даша. А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза.

Семенъ. Да щедры ли твои барышни? скажитка; вотъ, какъ бы тебя спросить: легко ли ихъ разжалобить?

Даша. Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы пропасть денегъ выманиваютъ.

Семенъ (*въ задумчивости*). Деньги — палки, палки — деньги: какъ-будто вижу и то и другое. Чортъ знаетъ, какъ быть: и надежда манитъ и страхъ беретъ.

Даша. Семенъ, что ты за горячку несешь?

Семенъ. Славно! божественно! прекрасно! Даша, жизнь моя!...

Даша. Семенъ! Семенъ! съ ума ты сошелъ?

Семенъ. Послушай, какъ скоро барышни воротятся...

Лиза (*показываясь*). Даша! Даша! господа идутъ, ужъ на крыльцѣ... (*Уходитъ*).

Даша. Сбѣги по этой лѣстницѣ.

Семенъ. Прости, сокровище! прости, жизненокъ! прости, ангелъ! ты будешь моя! Жди меня черезъ пять минутъ. (*Убѣгаетъ*).

Даша. Ну, право, онъ въ умѣ помѣшался. (*Садится за шитье*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ѳекла, Лукерья, Даша и няня Василиса, которая становитъ стулъ и, на немъ сидя, вяжетъ чулокъ, вслушиваясь въ разговоры барышень.

Ѳекла. Да отвяжешься ли ты отъ насъ, няня Василиса?

Лукерья. Няня Василиса, да провались ты сквозь землю!

Василиса. Съ нами Богъ! матушки. Вѣдь я господскую волю исполняю. Да и вы, красавицы мои, барышни, что вамъ за прибыль батюшку гнѣвить? Неужли у васъ язычекъ болитъ говорить по-русски?

Лукерья. Это несносно! сестрица, я выхожу изъ терпѣнія.

Ѳекла. Мучительно! убійственно! Оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завести въ деревню, въ пустыню...

Лукерья. Будто мы на то воспитаны, чтобъ знать, какъ хлѣбъ сѣютъ.

Даша (*особо*). Не бось для того, чтобъ знать, какъ его ѣдятъ.

Лукерья. Что ты бормочешь, Даша?

Даша. Не угодно ль вамъ взглянуть на платье?

Ѳекла (*подходя*). Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будетъ очень хорошо?

Лукерья. И, мой ангелъ! будто оно можетъ быть сносно!... Мы ужъ три мѣсяца какъ изъ Москвы, а тамъ еще при насъ понемножку стали грудь и спину открывать.

Ѳекла. Ахъ, это правда! Ну вотъ, есть ли способъ намъ здѣсь по-людски одѣться? Въ три мѣсяца, Богъ знаетъ, какъ низко выкройка спустилась. Нѣтъ, нѣтъ, Даша, поди, кинь это платье. Я до Москвы ничего дѣлать себѣ не намѣрена.

Даша (*уходя, особо*). Я приберу его для себя въ приданое.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Ѳекла, Лукерья и няня Василиса.

Лукерья. Eh bien, ma soeur...

Василиса. Матушка Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гнѣваться будетъ.

Лукерья. Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса!

Ѳекла. Я думаю, право, если бъ мы попались въ полонъ къ туркамъ, и тѣ съ нами бъ поступали вѣжливѣе батюшки, и они бы не стали столько принуждать насъ русскому языку.

Лукерья. Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ! Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ—какая райская жизнь! Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учители: танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ; ну, словомъ: ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ; и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ: тамъ встрѣтишься

со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ, что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой—и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь. равнодушіемъ; для забавы, давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока, а онѣ-то морщатся, онѣ-то ворчатъ... ну, умереть надо со смѣху! (*Хохочетъ*). Танцуешь какъ полоумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ; словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты, полумертвая, ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши... ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что... ah! si jamais je suis...

Василиса. Матушка Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

Лукерья. Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья?

Ѳекла. Не убійственно ли это, миленькая сестрица? не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слышать человѣческаго голоса, кромѣ русскаго?... Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, еслибъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. Милый попенька! какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякій разъ: Vous êtes une sotte. А няня Василиса тутъ, какъ тутъ, такъ-что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ, если бы ты чувствовала всю мою печаль! Ah! ma chère amie!

Василиса. Матушка Ѳекла Ивановна, извольте печалиться по-русски; ну, право, батюшка гнѣваться будетъ.

Ѳекла. Надоѣла, няня Василиса!

Василиса. Ахъ, мои золотыя! ахъ, мои жемчужныя! злодѣйка ли я? У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть?—воля барская! Вѣдь вы знаете, каково прогнѣвить батюшку. Да неужели, мои красавицы,по-французскому-то говорить слаще? Кабы я не боялась барина, такъ послушала бы васъ, чтой-то за нарѣчье.

Ѳекла. Ты не повѣришь, няня Василиса, какъ говорится все на немъ чувствительно, ловко и умно.

Василиса. Кабы да не страхъ обуялъ, право бы послушала, какъ имъ говорятъ.

Ѳекла. Ну да вѣдь ты слышала, какъ говоритъ нашъ попугай Жако?

Василиса. Охъ вы, мои затѣйщицы! А ужъ какъ онъ, окаянный, рѣчисто выговариваетъ— только я ничего-то не понимаю.

Ѳ е к л а. Вообрази жъ, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно такъ, какъ Жако.

В а с и л и с а. Такое дѣло, мои красавицы! Ученье свѣтъ, а неученье тма. Да вотъ погодите, дождетесь своей вольки, какъ выйдете за-мужъ.

Л у к е р ь я. За кого? за здѣшнихъ жениховъ? сохрани Богъ! мы ужъ ихъ дюжины отбоярили добрымъ порядкомъ; да и съ Хопровымъ и съ Танинымъ, которыхъ теперь намъ батюшка прочитъ, не лучше поступимъ. Куда онъ забавенъ, если думаетъ, что здѣсь кто-нибудь можетъ быть на нашъ вкусъ.

В. БАСНИ. (4).

а) Дубъ и Трость (1806). (5).

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— «По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,
Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ-тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою я твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой, —
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
— «Ты очень жалостливъ», сказала Трость въ отвѣтъ;
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ.
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но—подождемъ конца!»
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится, — къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ

Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

б) *Разборчивая Невѣста* (*1806*).

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха—
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ — кто можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль—карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
«Какіе простаки!»
Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ-будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили:

Ее какъ-будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ-будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ;
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться;
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

—

в) Лягушка и Волъ (1808). (6).

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться—
Она завистлива была—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
—«Смотри-ка, квакушка, что̀, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»—
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко....
Ну, каково?
Пополнилась ли я?»—«Почти-что ничего».
— «Ну, какъ теперь?» — «Все тожъ». Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

г) Слонъ и Моська (1808).

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на-показъ—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться.
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—«Эхъ, эхъ»! ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

д) Квартетъ (1811). (7).

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прямо сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ Оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ.
А все таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
«Пожалуй, говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть.
И ноты есть у насъ, и инструменты есть:
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»—
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
А вы, друзья, какъ ни садитесь,

Все въ музыканты не годитесь.»

е) Листы и Корни (1811). ([8]).

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что̀ бъ было въ немъ безъ насъ? Ну право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами.»
—«Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали:
— «Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.»

ж) Ворона и Курица (1812). ([9]).

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
—«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу Курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.»
—«Мнѣ что до этого̀ за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ;

А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался какъ ворона въ супъ!

з) *Любопытный* (1814). ([10]).

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»
—«Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа тароввата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки»
— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
— «Да развѣ тамъ онъ?» — «Тамъ».—
«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

и) *Лжецъ* (1815). ([11]).

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ-быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ,» говоритъ: «что̀ я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо,
Не знаешь вѣкъ: что есть ночная тѣнь,

И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами, вотъ, теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ —
Провалится, и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ».
—«А какова у васъ рѣка?»
—«Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
— «Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.»
—«Повѣрить трудно!
Однако жъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ:
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»
—«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы:
Что тамъ за домы!
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!»
—«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римскій твой и чуденъ огурецъ...»
—«Послушай-ка, тутъ перервалъ мой Лжецъ:

«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.»—

i) *Кукушка и Горлинка* (1816). (12).

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала:
«Или о томъ, что миновала
У насъ весна,
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?»
—«Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать?»
Кукушка говоритъ, «будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать.
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!
И, не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты:
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость, не знаю».
—«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ;
Скажи жъ—такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить?
Я этого и не видала:
Ты все порхала, да летала».
— «Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла:
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала».
— «Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ.
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

к) *Ворона* (1825).

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ:
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Утыкавши себѣ павлинымъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ Павами пошла гулять спесиво
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что Павамъ всѣмъ она сестра
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что Павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она-было назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ Воронъ она отстала,
А къ Павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась,
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

л) Пушки и Паруса (1828). ([13]).

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь-только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво грудь,
Какъ-будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану,
И только чванятся; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами:
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»

Борей послушался—летитъ, дохнулъ и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса,
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса,
Не стало ихъ, утихла непогода,
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой, недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ —врагамъ она грозна,
А паруса —гражданскія въ ней власти.

м) Бритвы (1828).

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю?—Пріятель мой въ тревогѣ.
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю—пріятель сталъ не тотъ:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый!... Я надѣюсь,
Не боленъ ты».—«Охъ, ничего: я брѣюсь».
«Какъ! только?» тутъ я всталъ—гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ-будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что дива?» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы, косари;
Не бриться—мучиться ты только съ ними станешь».
— «Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы,
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.»
«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй;
Умѣй владѣть лишь ею».

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:

Не такъ ли многіе, хоть стыдно
имъ признаться,
Съ умомъ людей--боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй ду-
раковъ.

н) Вельможа (1835). ([1]).

Какой-то, въ древности, Вель-
можа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ цар-
ствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе: умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось, въ
аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «Чѣмъ былъ
ты? гдѣ родился?»
«Родился въ Персіи, а чиномъ
былъ сатрапъ;
Но такъ-какъ, живучи, я былъ
здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оста-
вилъ».
—«Что жъ дѣлалъ ты?»—«Пилъ,
ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни
подавалъ».
— «Скорѣй же въ рай его!»—
«Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забыв-
ши всю учтивость.
— «Эхъ, братецъ! » отвѣчалъ
Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ
—былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несча-
стью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты бъ тамъ слезъ не обо-
брался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ
тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть
ему въ раю.

[1]) Сочиненія Крылова, Ивана Андреевича (1768—1844):

Кофейница, опера (сочинена на 15-мъ году, слѣд. въ 1783, и нигдѣ не напечатана).

Клеопатра, траг. (1784 г.), также не напечатанная.

Филомела, траг. въ 5 д. въ стихахъ (1786). Нап. въ Рос. Ѳеатрѣ и въ Полн. собр. соч.

Бѣшеная семья, ком. оп. въ 3 д. (1793). Ib.

Проказники, ком. въ 5 д. (1793). Ib.

Сочинитель въ прихожей, ком. въ 3 д. (1794). Ib.

Трумфъ, траг. въ 2 д., въ стихахъ, шутка—каррикатура (соч. 1801 или 1802 г., нап. въ Берлинѣ 1859).

Модная лавка, ком. въ 3 д. (1807; 2-ое изд.—1816).

Урокъ дочкамъ, ком. въ 1 д. (1807; 2-ое изд.—1816).

Илья богатырь, волшебная оп. въ 4 д. (1807).

Басни.

Полное собраніе сочиненій Крылова имѣло два изданія, каждое въ 3 ч: первое — 1847, второе—1859. Содержаніе 1-й ч.: Жизнь и сочиненія И. А. Крылова (ст. П. А. Плетнева); статьи извлеченныя изъ журналовъ: Почта духовъ (1789), Зритель (1792) и Спб. Меркурій (1793). Во 2-й ч. помѣщены стихотворенія, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ при жизни автора; стихотворенія, найденныя по кончинѣ автора въ рукописи и нигдѣ не напечатанныя; басни, по из-

данію 1843 г. Третья часть содержитъ въ себѣ драматическія сочиненія.

[2]) «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ въ присутствіи его пріятелей за чашею пуншу». Напеч. въ сентябрской книжкѣ журнала: «Зритель, ежемѣсячное изданіе 1792 г. (Спб.)», издававшагося Крыловымъ и Клушинымъ. Въ Полн. собр. сочиненій Крылова, неизвѣстно почему, много отмѣнъ противъ Зрителя, хоть въ выноскѣ и сказано, что рѣчь перепечатана изъ этого журнала.

[3]) «Урокъ дочкамъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи И. Крылова. Спб. 1807». Главныя дѣйствующія лица: дворянинъ Велькаровъ, дочери его: Ѳекла и Лукерья, ихъ горничная Даша и няня Василиса, Семенъ (слуга Честона). Піеса осмѣиваетъ слѣпое пристрастіе Русскихъ къ французамъ, и въ особенности къ ихъ языку. Дочери Велькарова были воспитаны ихъ теткой на иностранный манеръ. Воротясь со службы въ Москву, онъ взялъ ихъ себѣ, но модныя дѣвицы поставили домъ вверхъ дномъ: родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками, и завели новыя знакомства, все съ иностранцами. Старикъ-отецъ вышелъ изъ терпенія: увезъ дочерей въ деревню, запретилъ имъ говорить по-французски и приставилъ къ нимъ няню, которая должна была строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ его приказа. Всѣ эти обстоятельства узнаетъ отъ горничной Семенъ, остановившійся съ своимъ бариномъ въ имѣніи Велькарова для перемѣны лошадей, проѣздомъ изъ Петербурга въ армію. И у Честона, и у слуги его карманы пусты. Надобно было во чтобы ни стало добыть денегъ. Ловкій слуга, узнавъ слабую сторону барышенъ, помѣшанныхъ на всемъ французскомъ, прикинулся заѣзжимъ французомъ, будто бы ограбленнымъ ворами на дорогѣ, назвался маркизомъ Глаголемъ (взявъ это имя изъ перевода Елагина: «Приключенія Маркиза Г...) и проситъ у Велькарова гостепріимства и помощи. Велькаровъ обѣщаетъ ему и то и другое, только съ условіемъ, чтобы онъ ни слова не говорилъ съ дочерьми по французски. Лжемаркизъ согласился, такъ какъ онъ, по его словамъ, довольно долго жилъ въ Россіи и могъ объясняться по-русски. Лукерья и Ѳекла осаждаютъ Семена любезностями. Наконецъ продѣлка обнаруживается. Ѳекла, пристыженная тѣмъ, что принимала слугу за знатнаго парижанина, восклицаетъ: «Ah! quelle leçon!»

[4]) Отдѣльныя изданія басенъ Крылова: первое въ одной книжкѣ, 1809 (всего 23 басни); второе 1811 (тѣ же басни, «вновь исправленныя»); Новыя басни, 1811 (числомъ 21); въ 5 ч., 1815—16 (первыя 3 части посвящены императору Александру I-му; 4 и 5-ая содержатъ новыя басни); въ 6 ч. (1819); въ 7 книгахъ, новое, исправленное и пополненное изданіе съ портретомъ автора и картинами (1825); въ 8 кн., или двухъ частяхъ съ картинами (1834); въ 9 кн., третье полное изд., съ краткой біографіей автора и характеристикой его произведеній, подъ заглавіемъ: И. А. Крыловъ, 1848 (издатели: Юнгмейстеръ и Веймарнъ); тоже, пятое полное изданіе, съ біографіей Крылова, написанной П. А. Плетневымъ (1852); тоже, шестое полное изданіе (1854 и 1856); тоже, седьмое полное изданіе (1860); тоже, восьмое полное изданіе, безъ біографіи Крылова (1861). Въ основу басенъ, выбранныхъ для Христоматіи, положено изданіе 1843—послѣднее изъ напечатанныхъ самимъ авторомъ и вошедшее въ Полн. собр. его сочиненій.

[5]) Г. Плетневъ свидѣтельствуетъ, что стихи въ басняхъ не легко доставались Крылову и что особенно пришлось ему помучиться надъ баснею

«Дубъ и Трость», главною причиною чего былъ превосходный образецъ Дмитріева (Жизнь и сочиненія Крылова). Дѣйствительно, сличеніе обоихъ переводовъ показываетъ, что Крыловъ старался избѣгать тѣхъ словъ и выраженій, которыя были употреблены его предшественникомъ. Помѣщаемъ сполна всю басню, какъ она впервые вышла изъ подъ пера Крылова: это дастъ возможность судить о перемѣнахъ, которымъ подвергались сочиненія нашего баснописца въ позднѣйшей ихъ отдѣлкѣ.

Тростникѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь
С ней разговоръ завесть.
«Куда тебя обидѣла природа!»
Онъ началъ: «вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мелкой рябью ужъ погода
Подерпетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!...
Не такъ, какъ я!... Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь;
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны....
Какъ розно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Моею тѣнію покрытой:
Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой!
Но васъ природа разнесла
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья:
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья!»—
Ты очень жалостливъ, сказала Трость въ отвѣтъ;
Однакожъ не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ,
Не за себя я вихрей опасаюсь...
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны,
Но подождемъ конца.—
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій аквилонъ:
Уперся Дубъ, — къ землѣ Тростиночка припала;
Бунтуетъ вѣтръ,—удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

[6]) Послѣдніе четыре стиха, заключающіе въ себѣ такъ называемое нравоученіе, прибавлены послѣ: ихъ не было ни въ Драмат. Вѣстникѣ, ни въ первыхъ изданіяхъ басенъ (1809 и 1811). У Лафонтена говорится о мѣщанахъ, которые тянутся за вельможами (tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs); Крыловъ примѣнилъ свой переводъ къ нашимъ мѣщанамъ и мелкопомѣстнымъ дворянамъ.

[7]) Остроумною баснью «Квартетъ», говоритъ баронъ Корфъ въ «Жизни гр. Сперанскаго», мы обязаны продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ разсадить предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, учрежденнаго въ 1809 г., и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ.

[8]) Подъ листами разумѣются высшіе классы народа, подъ корнями —простонародье. Въ этой баснѣ, говоритъ Плетневъ, опредѣляются законныя отношенія между сословіями (Жизнь и сочиненія Крылова).

[9]) Нап. въ Сынѣ отечества, 1812, № 8, подъ заглавіемъ «Ворона», а во

2-мъ изд. того же журнала подъ заглавіемъ; «Вороній супъ». Эта басня, вмѣстѣ съ двумя другими: «Волкъ на псарнѣ» (С. О., 1812, № 2) и «Обозъ» (ib., № 7) написаны по поводу событій въ нашествіе Наполеона. Впрочемъ, мораль басни: «Ворона и Курица» имѣетъ общее значеніе, хотя и извлечена изъ случая, бывшаго въ извѣстное время.

[10]) С. О., 1814, № 40. Крыловъ осмѣялъ въ этой баснѣ легкомысленность и пустоту тѣхъ людей, которые за мелочами не видятъ важнаго, за несущественнымъ существеннаго.

[11]) Басни Крылова, изд. Оленина (1815—16). Въ изданіяхъ басенъ Крылова, переводныя или подражательныя басни означены звѣздочкой. Такой звѣздочки нѣтъ при баснѣ Лжецъ ни въ одномъ изданіи, а между тѣмъ она—подраженіе Геллерту, который самъ подражалъ старинному баснописцу Вальдису, въ его баснѣ: «Лгунъ-юноша», и нашелъ себѣ подражателя во французскомъ писателѣ Эмберѣ (Imbert).

[12]) Предметъ этой басни — вредъ иноземнаго воспитанія, представленный также въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя».

[13]) Въ объясненіе происхожденія этой и слѣдующей басни приводимъ слова Гоголя изъ ст.: «Въ чемъ существо русской поэзіи» (Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями): «Когда нѣкоторые черезъ-чуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники статскіе начали въ свою очередь подтрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія,— Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ законныя границы. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но не дальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то умны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Бритвы».

[14]) Крыловъ читалъ ее Государю и Государынѣ въ маскарадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ онъ былъ одѣтъ кравчимъ, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою» (Жизнь и соч. Крылова).

Содержаніе Трумфа подробно изложено въ статьѣ М. Лобанова: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова» (Сынъ Отечества, 1847, кн. 1). Привожу нѣсколько мѣстъ изъ этой піесы по берлинскому изданію. Дѣйствіе открывается разговоромъ Подщипы (дочери царя Вакулы) съ ея дѣвкой Чернявкой:

Чернявка. Престанете-ль, княжня, крушиться столько вы
И молодость губить?
Подщипа. Увы! увы! увы!
Чернявка. Ахъ! сжальтесь надъ собой! Итакъ ужъ вы какъ спичка,
И съ горя въ неглиже одѣты какъ чумичка,
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни ѣсть.
Склонитесь наконецъ, княжна, меня послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать
Подщипа. Чернявка милая! петиту нѣтъ совсѣмъ.
Ну что за прибыль ѣсть, коль я безъ вкуса ѣмъ!
Сегодня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.

Ахъ, въ горести моей до пищи-ль
мнѣ теперь!
Ломаетъ грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

Въ 3-мъ явленіи 1-го акта является Трумфъ, нѣмецкій принцъ, который предложилъ руку свою Подщипѣ, но, получивъ отказъ, пошелъ войною на ея отца и овладѣлъ его городомъ.

Трумфъ. Старофа, анкель мой!
прелестный мой княшонъ!
Для бля полушна шасъ, когда мой будешь шонъ,
Мой ноши всѣ не спи и серсе польно пьётся;
Прелестна твой фигуръ на мой душа шивется.
Куритъ ли трупка мой — изъ трупка твой пихтитъ,
Или мой кофе пиль—твой въ шашечка сидитъ.
Вездѣ мой видитъ твой — на полѣ и на пушка...

Подщипа. Конечно, государь,
мнѣ много было-бъ славы;
Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
Противны слизни вамъ — а я ихъ смерть люблю.
Привыкъ ты на войнѣ сносить и жаръ, и холодъ,
И къ пищѣ всякій тамъ тебя приводитъ голодъ,
А я лишь выборный вездѣ люблю кусокъ:
Пѣтушьи гребешки, у курочки пупокъ;
Ты радъ дрянь всяку ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки взросла лишь на ватрушкахъ;
Ты храбръ, но съ нѣжностью и вкусомъ незнакомъ,
И за версту, о князь! ты пахнешь табакомъ.
Помысли-жъ: каково твоею быть женою!
Подумай, государь, и сжалься надо мною.

Трумфъ. Фуй! што тутъ шалиться!
намъ будетъ шить утѣшна!
Когда на свѣтѣ насъ любовь сопряшетъ вѣшна,
Изъ крушечка одна ми будемъ пиво пить,
Изъ трубошка одна табакъ съ тобой курить;
Не будетъ мало твой ни садикъ, ни палатка,
Ни платьиса богатъ, ни сани, ни лошатка.
Все это будеть твой! Не тушь, мой трукъ, не тушь!
Шесной пароль тебѣ: мой будетъ добра мушъ.

Раздраженный отказомъ царевны и узнавъ ея любовь къ князю Слюняю (трусу и картавому), Трумфъ уходитъ съ гнѣвомъ и угрозами. Въ-слѣдъ за нимъ является Слюняй.

Слюняй. Князьна! усой-и онъ?
Ну, бьятъ, какой сейдитый!
Онъ съядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеіомъ Никитой.
Пьеестная! какъ я бояйся за тебя!
Усь такъ за двейю тамъ езёмъ и зай себя.
Ну, такъ и думаю, убьетъ ее до смейти!
На сию пóбьяи его отсюда цейти!

Подщипа. Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй. Ну, такъ бы и завый!
Безъ миенькой князьны куда бъ я годенъ бый!

Подщипа. Ужели симъ мечемъ
ты-бъ не сразилъ злодѣя!
Скажи, любезный князь: утѣшь меня скорѣе!

Слюняй. Да, да, подсунься-ка къ
его ты паясу;
Вѣдь деевянную я спагу-то носу.

Чернявка. Возможно-ль, государь?

Слюняй. А какъ бы ты хотѣя?
Мнѣ матуска носить зеѣзной не веѣя.

Чернявка. Но если, князь, на
васъ напасть дерзнулъ бы кто?

Подщипа. Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?
Слюняй. А ноги-то на сто?
Не бось, какъ дамъ стьецка, такъ поминай какъ звали!
Подщипа. Увы, безцѣнный князь! съ тобою мы пропали.
Слюняй. Ой! какъ мнѣ быть, какъ ты съдьюгимъ пойдесь къ вѣнцу!
Я такъ тебя юбью... ну пусце іеденцу.
Ты знаесь, мняя, моей венкость стьясти;
Подумай, какъ бы намъ спастися отъ напасти.
Кой выйдесь за него — не быть во мнѣ добью!
Отъ мазинацін одной лисъ я умью!

XVI.

А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ. (1).

I. БАСНИ И СКАЗКИ.

а) Пьяница (1817). (2).

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
«Мое почтеніе!»—А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Еще обѣденъ нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!—
«Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь *съ горя* мой отецъ!»—Такъ съ горя-то и пить?—
«Да какъ-же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего, всѣ дѣти босикомъ,
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ;
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся.»
—Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—
«Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукою!...»—Ну, полно, не божися,
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—
«Отецъ!... дай ручку!...» — Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ, смотри, впередъ не пей.—
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги.

Летитъ... домой?—О нѣтъ!—Неужели въ кабакъ?—
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что—и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
—Что? вѣрно съ *горя* ты, бѣднякъ, опять напился?—
«За здравіе твое отъ *радости* я пилъ!»
У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть,
Закается лишь только пить—
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

б) Приказные синонимы (1822).

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; и такъ, взявъ денегъ, смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
«Вчерашняго числа въ приказъ
Я подалъ, батюшка, прошенье.»
— Читалъ его, ты правъ! все знаю!— «А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? осмѣлюся спросить.»
—Да стоитъ только *доложить*...
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться.—
«Счастливо жъ оставаться!»
Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
«Чтожъ, батюшка, указъ
По дѣлу моему? когдабъ сегодня можно...»
—Вѣдь я сказалъ тебѣ, что *доложить* мнѣ должно.—
Проситель припужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ прожить
И слышалъ тожъ, да то: *лишь только доложить*.—
Не зналъ что дѣлать челобитчикъ;

Но сжалился надъ нимъ повытчикъ:
«Ну полно, не тужи»,
Шепнулъ онъ такъ ему: «всю правду мнѣ скажи,
Что далъ секретарю?»—Да двадцать пять цѣлковыхъ.—
«Ну такъ десяточекъ еще ты доложи,
Да мнѣ пять рубликовъ. Учи васъ, безтолковыхъ!
Не смыслите, что *доложить*
Все тоже, что и *приложить*.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!»—
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день, какъ разъ,
Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье
И выдали ему указъ.

в) Смѣтливый экономъ (1823).

Хемницеръ говоритъ: *гдѣ сборы,*
Тутъ и воры!
А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда тому бываетъ,
Кто деньги выдаетъ, или что закупаетъ.—
Былъ у меня одинъ пріятель экономъ,
Который въ пять-шесть лѣтъ себѣ построилъ домъ
По крайней мѣрѣ тысячъ во сто;
А жалованья бралъ въ годъ триста девяносто
И шесть рублей—за вычетомъ на госпиталь.
Покойникъ умеръ. Очень жаль!
Мы часто въ шашки съ нимъ играли
И пуншъ пивали,
На свадьбѣ дочери его попировали
И славно подгуляли—
Шампанскимъ заноилъ!
«А что, Климъ Сидорычъ, я у него спросилъ,
Воруешъ ты? Скажи всю правду—матку;
Скажи пожалуй-ста.»— На что тебѣ? Ха, ха!
Самъ знаешь, кто же безъ грѣха?—
«А много ль въ годъ?»—Ну тысячъ до десятку,
А можетъ быть и слишкомъ два.—
«Вотъ ты купилъ теперь дрова...
По чемъ?»—По десяти, и то едва, едва
Знакомый уступилъ; за то дрова какія!
Здоровыя, сухія,
Осины нѣтъ, все березнякъ!—
«Какую жъ цѣну въ счетъ поставишь ты? двѣнадцать?»
—Избави Господи! да что я за дуракъ!—
«Неужели тринадцать?»
—Смѣшонъ ты право мнѣ!—«Четырнадцать? пятнадцать?»
—Да, какъ тебѣ не такъ!
По десяти купилъ, по десяти поставлю;
Знай, никогда въ цѣнѣ полушки не прибавлю,
Но сажень сотъ пятокъ я у себя оставлю.

г) Лгунъ (1824). ([3]).

Павлушка *мѣдный лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.

Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ, его лукавый побери!...
Однажды этотъ лгунъ бездушный
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушный.
«Представьте — говорилъ — какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало!
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ,
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь—
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ*—хотите? — покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртоузы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою—
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ—
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ,—
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napoléon!
Bravo, monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все— и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да, опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ,
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичекъ *Куликъ*?
—Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ,
Сказалъ одинъ старикъ:
Ну, Павелъ, исполать! какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?—
«Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты.»
—Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный-лобъ*! Ни крошки нѣтъ стыда!—

«Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда.*»

д) Канарейка и Соловей. (1830).

Въ красивой клѣткѣ у окна
Въ саду висѣла Канарейка,
И пѣла цѣлый день она;
Вдали жъ, гдѣ изъ березъ однѣхъ была аллейка,
Къ смородиннымъ, малиновымъ кустамъ,
Въ уединеньи тамъ
Пѣлъ Соловей всю ночь и рано по утрамъ.
И человѣкъ, и звѣрь, и птица,
И все, что ни имѣетъ кровь,
Весною чувствуетъ всесильную любовь.
Вотъ познакомилась съ пѣвцомъ пѣвица.
Для Соловья забытъ бездѣльникъ попугай
Въ зеленомъ щегольскомъ мундирѣ;
Всѣхъ птицъ милѣе, лучше въ мірѣ
Пѣвицѣ Соловей: какъ запоетъ, такъ рай!
И Соловей, любимецъ розы,
Нерѣдко ночью покидалъ
Свои душистыя березы,
У дома подъ окномъ по цвѣтнику порхалъ
И въ чаяньи награды
Въ сиреневыхъ кустахъ давалъ ей серенады.
Онъ Канареечку всѣмъ сердцемъ полюбилъ.
Сначала, какъ артистъ, неловокъ, робокъ былъ,
Но наконецъ рѣшился
И въ страсти пламенной, вздыхая, объяснился.
Чувствительная жъ дщерь Канарскихъ островов,
Желтѣй соломы и лимона,
Зажмуряся, въ полтона
Пропѣла, что и ей милъ лучшій изъ пѣвцовъ.
Любовники уговорились
Въ лѣсъ дальній улетѣть
(Забыли клѣтку запереть);
Женихъ съ невѣстою пустились,
При покровительствѣ небесъ,
Въ желанный лѣсъ.
Летѣли долго—прилетѣли
Ужъ къ вечеру, въ густой кустъ сѣли,
Поцѣловались и запѣли....
А съ самаго утра не ѣли.
Вотъ новобрачная супругу говоритъ:
«Какъ весело тебя мнѣ слушать!.....
Однако же нельзя ль чего нибудь покушать?»
— Сейчасъ, о ангелъ мой!—И Соловей летитъ,
Какъ-бы отъ ястреба пустился,
Черезъ минуту воротился:
— О другъ моей души!
Вотъ мураши,
И очень хороши!
Вотъ муравьиныя яички.....—
«Не для воспитанной, сударь, въ столицѣ птички.
Бисквитовъ принеси, конфетъ!»
— Увы, въ лѣсу ихъ нѣтъ!—
«Нѣтъ? Что же, съ голоду мнѣ умереть здѣсь должно?»
— Пожалуй, сѣмячекъ найти на полѣ можно.—
«Да! стану сѣмя я клевать!»

И ну тутъ милаго ругать,
Ужасно разсердилась
И къ попугаю въ садъ опять
переселилась.

Неопытные женихи!
Когда плѣнитеся *воспитанной* дѣвицей,
Не разлучавшейся съ роскошною столицей,—
Прочтите вмѣстѣ съ ней мои стихи:
Коль кушать согласится
Изъ *незабудокъ супъ*— совѣтую жениться.

[1]) Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779—1831), воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса наукъ (1797), ему слѣдовало явиться въ преображенскій полкъ, куда онъ былъ записанъ еще съ малолѣтства, по тогдашнему обычаю; но, чувствуя себя неспособнымъ къ военному званію, онъ получилъ отъ него увольненіе и опредѣлился къ статскимъ дѣламъ по министерству финансовъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, онъ не перемѣнялъ рода своей службы и почти все ея время провелъ въ Петербургѣ. Только два раза оставлялъ онъ столицу, и то на короткое время: въ 1826 г. онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, откуда въ 1828 г. переведенъ, также вице-губернаторомъ, въ Архангельскъ, гдѣ оставался около года. Служба не мѣшала Измайлову постоянно заниматься словесностью, которую онъ любилъ искренно и горячо. Первое его стихотвореніе: «Смерть» (переводъ изъ Малерба) напечатано въ мартовской книжкѣ «С.п.бургскаго журнала» (1798), а первое сочиненіе въ прозѣ: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», вышло въ 1799 г. (а). Его стараніемъ и подъ его руководствомъ, вмѣстѣ съ Попугаевымъ, Востоковымъ и Борномъ, образовалось «Общество любителей словесности, наукъ и художествъ» (1801). Съ цѣлію дать обществу постоянный органъ для заявленія своей дѣятельности, Измайловъ, бывшій его предсѣдателемъ, основалъ журналъ «Благонамѣренный», существованіе котораго продолжалось десять лѣтъ (съ 1818 по 1827). Еще прежде этого, онъ два года занимался редакціею журнала «Цвѣтникъ»: въ 1809 г. вмѣстѣ съ Бенитцкимъ, а по смерти Бенитцкаго съ Павломъ Никольскимъ (1810). Первое изданіе его басенъ и сказокъ явилось 1814 г. Въ 1817 г., онъ временно завѣдывалъ редакціею «Сына Отечества», издатель котораго, г. Гречъ, уѣзжалъ за границу. Кромѣ того имъ изданы двѣ книжки альманаха: «Календарь Музъ» на 1826 и 1827 г.г. Въ концѣ 1830 г., Измайловъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ службы. Въ отставкѣ онъ короткое время преподавалъ русскую словесность воспитанникамъ пажескаго корпуса.

Скудныя библіографическія извѣстія, собранныя по смерти Измайлова, дополняются его собственными указаніями въ сочиненіяхъ и журналѣ «Благонамѣренный». По нимъ легко видѣть не только литературныя, но даже служебныя и семейныя его обстоятельства. Различныя черты его портрета, набросанныя имъ самимъ, даютъ возможность представить личность нашего баснописца—внѣшнюю и внутреннюю,—личность по преимуществу добрую, откровенную, простодушную, правдивую. Измайловъ

а) Измайловъ написалъ эту повѣсть вскорѣ по выходѣ изъ корпуса, какъ видно изъ его собственныхъ словъ:

Осьмнадцати, не больше лѣтъ,
Урода этого я произвелъ на свѣтъ.

былъ честный человѣкъ и благонамѣренный литераторъ, который никому не враждовалъ и котораго любилъ каждый, кто зналъ его хорошо. На «Благонамѣреннаго» сердиться невозможно, говаривалъ издатель «Дамскаго журнала» (кн. Шаликовъ). Эти слова, сказанныя въ чувствѣ литературной досады, могли говорить не только знакомые Измайлова, но даже подписчики на его журналъ, неисправно издававшійся. Въ кругу современныхъ ему писателей онъ оставилъ по себѣ доброе воспоминаніе (Сѣверная Пчела, 1849 г., ст. Булгарина о Смирд. изд. Сочиненій Измайлова; Библіографическій очеркъ Измайлова въ Иллюстраціи 1846 г., т. 2; Письма Измайлова къ Грамматину, въ 13 и 14 №№ Библ. Зап. 1859 г.; см. также мои критическія статьи о сочиненіяхъ Измайлова въ Современникѣ 1849 г., № 12, и 1850, №№ 10 и 11).

Смирдинское изданіе сочиненій Измайлова (1849) состоитъ изъ 2-хъ томовъ (въ 1-мъ проза, во 2-мъ стихотворенія).

«Благонамѣренный» издавался сначала ежемѣсячно, потомъ два раза въ мѣсяцъ и наконецъ каждую недѣлю, почему Измайловъ въ шутку называлъ его *недѣльнымъ*. Книжки выходили неисправно, въ чемъ издатель комически оправдывался; такъ въ 1820 г., по случаю запоздалаго появленія нумера на масляницѣ, онъ сознался въ винѣ своей передъ читателями:

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

За нѣкоторые годы книжки не додавались подписчикамъ.

[2]) «Новыя басни и сказки А. Измайлова (3-ье изд., 1817). Это одна изъ лучшихъ басенъ, наиболѣе характеризующихъ свойство его таланта. Нѣкоторые стихи сдѣлались какъ бы классическими. Особенно нравилось читателямъ изображеніе будочниковъ:

Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.

Послѣдніе два стиха въ нравоученіи очень мѣтки.

[3]) Въ этой баснѣ, восхищавшей современныхъ читателей, осмѣяна слабая сторона одного изъ литераторовъ — *Павла* Петровича Свиньина, редактора Отечеств. Записокъ (съ 1820 по 1828) и автора «Опыта живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» (1815) и «Ежедневныхъ Записокъ въ Лондонѣ» (1817). О немъ говорили, что онъ дѣйствительно *сочиняетъ* путешествія. Пріятели, шутя надъ его слабостью, совѣтовали ему вести «исходящую», т. е. для избѣжанія противорѣчій самому себѣ, записывать въ особой книгѣ все, что имъ ни говорится. Имя «Куликъ» указываетъ на сочиненіе Свиньина: «Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія (1819).

XVII.

НЕЛЕДИНСКІЙ-МЕЛЕЦКІЙ. ([1])

1. *Пѣсня*: «*Выду я на рѣченьку*». ([2])

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

Нѣтъ, унесть съ собой не можешь
Лютой горести моей;

Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслью такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая:
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпитъ что̀ душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ;
Взглядъ его—мой весь законъ;
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

Лучше вѣкъ въ тоскѣ пребуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ же стану, кѣмъ же жить?

Каждое души движенье —
Жертва другу моему;
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мышлю, кѣмъ дышу!

Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдетъ мой стонъ къ тебѣ.
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

Если жъ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь;
Словомъ ласковымъ, хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

2. *Пѣсня: «У кого душевны силы.*

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

Ты, кѣмъ жизнь во мнѣ хранится!
Казнь—и благо дней моихъ!
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу что во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божествомъ.
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою
Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить,

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей.
Еслижъ будешь хоть случайно
Близь гробницы ты моей:
Самый прахъ мой содрогнется,
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ,
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

3. Стихи на заданныя риѳмы. ([3]).

Бывалъ я молодецъ: сталъ мокрая *тряпица*;
Что прежде было медъ, теперь мнѣ то *горчица*.
Бывало, поясомъ свой сдѣлавши *платокъ*,
Пуститься въ плясуны и въ зубы взять *свистокъ*
Довольно, чтобъ забыть большое *огорченье*;
А нынѣ! грусть пришла... и тщетно все *раченье*.
Ко счастью человѣкъ ползетъ какъ будто *ракъ*:
Ему бы все впередъ—онъ пятится *дуракъ*!
Играетъ съ молоду, какъ въ чистой рѣчкѣ *щука*,
А съ лѣтами придутъ заботы, грусть и *скука*.

[1]) Нелединскій - Мелецкій, Юрій Александровичъ (р. 1751, у. 1829), обучался дома, а потомъ въ Страсбургскомъ университетѣ. По окончаніи наукъ поступилъ въ военную службу. Послѣ турецкой войны при Екатеринѣ II, кончившейся Кайнарджійскимъ миромъ (1774 года), состоялъ кавалеромъ посольства въ Константинополѣ при князѣ Репнинѣ. За тѣмъ поступилъ въ корпусъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи, и въ 1786 г. вышелъ въ отставку. Вновь поступилъ на службу при Павлѣ I (1796), статсъ-секретаремъ при принятіи прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя. Въ 1800 г. пожалованъ въ сенаторы. Кромѣ того Нелединскій былъ почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта. Нелединскій особенно славился пѣснями и романсами, заслужившими ему названіе «русскаго Шолье». (См. стихотвореніе «Погребъ» въ Вѣст. Евр. 1816, №№ 17 и 18, стр. 11). Стихотворенія его изданы вмѣстѣ съ сочиненіями Дельвига (1850). Новое, пополненное и исправленное, изданіе въ 1876 г.

[2]) Эта пѣсня пользовалась долгое время общею извѣстностью, на ряду съ пѣснями: «Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ» (Богдановича), «Стонетъ сизый голубочекъ» (И. Дмитріева), «Вечеркомъ въ румяну зорю» (Николева), «Кто могъ любить такъ страстно» (Карамзина). Другія пѣсни и романсы Нелединскаго: «У кого душевны силы», «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ», имѣли, для своего времени, такое же значеніе, какое въ послѣдствіи пріобрѣли пѣсни Мерзлякова и Дельвига. (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева).

[3]) Буриме (bouts-rimés) — стихотворная игрушка, бывшая въ большой модѣ во Франціи (XVII и XVIII в.), а оттуда пришедшая и къ намъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы данныя слова помѣстить на концахъ стиховъ. Чѣмъ меньше соотношенія между данными словами, тѣмъ, конечно, труднѣе пристроить ихъ такъ, чтобъ въ піесѣ была выражена извѣстная мысль.

XVIII.

КНЯЗЬ И. М. ДОЛГОРУКІЙ. (1).

1. Каминъ въ Пензѣ (1794). (2).

Каминъ, товарищъ мой любезный,
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ
Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ давитъ.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлый свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко—
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ(а):
Дубовыми топлю дровами,
Своими попросту руками
И самъ расклалъ, и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотря на быстрый бѣгъ дымовъ,—
Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ, изсыхая, влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ — мигомъ жжетъ,

Одинъ въ потьмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю понемножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ,
Царей даю смятеннымъ градамъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу, въ мечтаніи моемъ,
Судей, корыстью обольщенныхъ,
Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить;

(а) Раздувальные мѣхи.

Злыхъ ябедъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлавъ пропасть славныхъ дѣлъ,
Опять къ любезному предмету
Несу убогій свой удѣлъ:
Каминъ полѣньями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

«Чего ты хочешь, горделивый?»
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
«Ко счастью мужъ несправедливый,
Чего не достаетъ тебѣ?
Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,
Жену прекрасную лобзаешь,
Дѣтей любезныхъ тормошишь;
Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

«Ты всуе молишь провидѣнье,
Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
Сребро и злато—обольщенье:
Бѣднякъ покойнѣе стократъ.
Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
Тотъ сколько золото ни сплавитъ,
Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
Кто, по прибаскѣ русской, ножки
Тянуть умѣетъ по одежкѣ,
И мѣдный грошъ цѣнитъ рублемъ.

«Напрасно и о томъ скучаешь,
Что не живешь въ иномъ краю:
Не ужъ ли ты воображаешь,
Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
Вездѣ тѣжъ были человѣки;
Богъ міру далъ все пополамъ;
Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства,
Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства;
Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ».

Такъ думу думалъ я, вздыхая,
Воображалъ нашъ краткій вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
«Не прахъ ли», мнилъ я, «человѣкъ?
Постигнетъ и его кончина
Такъ точно, какъ среди камина
Теперь огонь щепы палитъ.
Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
Въ лѣсу ни съ кѣмъ онъ не былъ равенъ:
Сегодня срубленъ—и горитъ.

«Колико мы ни нарохтимся
Одинъ другаго выше стать,
Напрасно, право суетимся:
Хоть титло въ листъ, а умирать!
Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ,
Нельзя противиться намъ силѣ
Законовъ вѣчныхъ естества;
Конца достигнетъ вся вселенна,
И скотъ и тварь одушевленна
Въ свой часъ лишатся существа».

И такъ-то, бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,

Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ:
То рубль одинъ мильономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ прожилъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Каминъ, къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великій другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь,
Со всякимъ вздоромъ вмигъ поспѣешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Не рѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
Съ лучиной вмѣстѣ зажигалъ;
Огонь физическій съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

О сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны:
Вамъ царство радостей дано.
Стократъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждый день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда?... въ небѣ обитаетъ;
Въ низу—ея лишь только тѣнь.

Учитесь, смертные, учитесь
Во всемъ средину познавать,
И, буи міра, умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ Тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣюсь:
Каминъ мой дворъ, при немъ я царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенный пожаръ:
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ.
Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ—погасъ каминъ.

2. Авось (1798). (3).

Хочу стихи писать отъ скуки—
Отъ скуки, точно для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей, ей, не знаю.
Предметовъ много я встрѣчаю,

Но было писано про все:
За мысль чужую ухватиться—
По мнѣ такъ это не годится:
Нѣтъ! лучше выдумать свое.

———

Съ чего жъ начать свою мнѣ оду,
Покамѣсть жаръ мой не простылъ,
Чтобы попасться ею въ моду,
Чтобъ всѣ кричали: какъ онъ милъ!
Съ чего?—Или кто милъ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! что лучше сей обновки?
Твои я стану пѣть уловки;
Какъ браво, кстати ты пришлось!

О слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхвалю!
Словцо ты русское, прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь:
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда-же ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Исчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, Авось!
Скажу—и это, чай, не ложно,—
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, потѣй, слагая темы,
Исчерпай естества системы,—
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за Авось возьмется,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь-ли поспорить,
Высокомудрый философъ?
Напрасно станешь умъ задорить:
На правду-матку мало словъ.
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны они лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ царю свою ладью придвинуть—
Такъ тутъ у всѣхъ Авось въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ:
Пойдешь Авось—вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ—все буеракъ.
Удача—матушка ты наша;
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевать.
Наперекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло:
Коль тутъ Авось—все тишь, да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древнихъ книгъ беремя;
Давно сей сякнетъ ключъ дрянной.
Взгляните вы на римлянъ, грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ:
Откуда что у нихъ взялось?
Что былъ бы Ромулъ, витязь бравый,
Сей римлянъ царь превеличавый,
Что былъ бы, еслибъ не Авось?

Коснусь ли здѣсь я, для примѣра,
Вина непьющихъ мусульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Алтарь низвергша христіанъ.

Что Магометъ богохулитель,
Востока вредный обольститель?
Что Александръ, вѣсь свѣтъ плѣня?
Чтобъ были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ Авось? Точь-въ-точь,
что я!

Колико нѣжныхъ сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и сребромъ,
Дающихъ дань толпѣ піитовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать
добромъ!
Когда бѣднякъ потъ крови точитъ,
Слезами каждый грошъ промо-
читъ—
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ;
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ:
И гдѣ не сѣялъ—пожинаетъ,
Что восхотѣлъ—то и творитъ.

——

Вѣщайте, мудрецы, вѣщайте,
Дѣля на классы школьный бредъ!
Птенцамъ его преподавайте;
А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ твердитъ иное;
Хотя и мнится, что пустое,
Да вѣдь его не стать учить.
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалитъ,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая:
Авось она не разглядитъ;
Растетъ—тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,
Что съ рукъ Авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

——

Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячитъ;
Приказный крадетъ, что есть силъ;
А всякій самъ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ,
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любитъ суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ немощи свобод-
ной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатенъ буду
И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслитъ управлять?
Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не мо-
жетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его Авось вѣдь удается:
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути.

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой—правда, Богъ— мой
щитъ!

И такъ, тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего,
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной неравномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подъ часъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся:
Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,
Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть;
Но, средствъ на то честныхъ не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станетъ гнуть меня въ дугу:
Ты съ нимъ, пожалуй, не якшайся,
Въ оврагъ спихнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу.

О часъ досуга вожделѣнна!
Прошелъ и въ вѣчность канулъ ты!
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Изчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось;
Согрѣй ты тамъ возлѣ камина! (a)
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль съ нимъ?.... Авось!

(a) Піеса: Каминъ въ Пензѣ.

3. *Изъ стихотворенія: Нѣчто для весельчаковъ* (*1815*). (4).

Скажи, пожалуй, мнѣ, любезный мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модъ образователь,
Кто выдумалъ законъ, который всѣ такъ чтутъ
И пышнымъ титломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ правахъ у римлянъ, ни въ книгахъ баснословныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другими свободою своей.
Охотно дань платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всѣхъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ
И часто старику мальчишкой быть велятъ.

Любить велѣлъ намъ Богъ отъ чиста сердца ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,

И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душею чтить родства священны узы,
На чести основать житейскіе союзы,
Чужаго ничего себѣ не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать
И, словомъ, такъ собой управить осторожно,
Чтобъ счастья въ тишинѣ достигнуть было можно.
Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я читалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ нянюшки слыхалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю;
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю:
Но что съ обрядомъ въ ней есть общаго, скажи,
Коль можешь, растолкуй, —коль мастеръ, докажи?

Я знаю тьму людей воспитанныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленыхъ всѣми гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ наперечетъ;
Иные же совсѣмъ обычаевъ не знають,
Различныхъ сихъ причудъ оковы низлагаютъ
И, чистое добро за правило принявъ,
По немъ кроятъ и мысль и образуютъ нравъ.
Приличіе въ глазахъ моихъ не что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ всѣ они хотятъ,—
Не принято, бѣда—тотчасъ и закричатъ.
Не принято! да кѣмъ? Господь ихъ право знаетъ,—
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ.
Будь честенъ, добръ, уменъ; но ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ,—прощай, навѣки сталъ чудакъ!
Какъ-будто, чтобъ имѣть отраду насажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья.
Не смѣй надѣть кафтанъ, такимъ покроемъ сшитъ,
Который въ декабрѣ отъ стужи защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ, издрогни на диванѣ
И вѣтеръ пропусти сквозь десять дыръ въ кафтанѣ;
Не смѣй купить сукна, коль любишь яркій цвѣтъ;
Чтобъ теменъ былъ твой фракъ, еще темнѣй жилетъ;
Чтобъ воротъ былъ похожъ на выкройку такого,
И будь одѣтъ на вкусъ совсѣмъ не свой—другаго.
На балъ ли позовутъ,—не ѣзди въ семь часовъ:
Какая старина! нашъ вѣкъ ужъ не таковъ!
Старайся трафить такъ, чтобъ, около полночи

Пріѣхавши, торчать до бѣла дня
сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой и спи хоть
цѣлый годъ;
Хворай, лежи, умри,—знакомства
не бывало,
Пріѣхать навѣстить не вздумаютъ
ни мало.
Общественный законъ ни въ чемъ
не изрони!
Обѣдать въ два часа — Владыко
сохрани!
А голодъ коль проймется — ему
вѣдь нѣтъ уставу—
Съ бифштексомъ заказавъ хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ
прихотей
Пожуй минутъ пятокъ, да водочкой запей;
Потомъ, какъ позовутъ къ вечернямъ преподобныхъ (а),
Въ карету—и качай искать обѣдовъ сдобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да
только не молчи,
Сентенціями плюй и въ горло хохочи.
Такъ въ свѣтѣ жить большомъ
уставщикъ превосходной
По конституціи приказываетъ модной;
И Боже упаси, опомнясь какъ-нибудь,
Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.
Да только ли нарядъ, иль суточное время

(а) Православныхъ.

Такое выносить обязываютъ бремя?
Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по-своему вертѣть
И дома не дадутъ спокойно усидѣть.
Ты какъ бы поскромнѣй подъ
крышку запереться—
Двѣ трети года снѣгъ, вѣдь надобно погрѣться—
А наши молодцы одно свое несутъ:
Не принято! не такъ! и весь догматъ ихъ тутъ;
Руби вѣнцы насквозь, тяни во
всю палату
Гостиныхъ цѣлый рядъ—что нужды
до климату?
Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ топоры,
Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,
Чтобъ вѣтеръ въ ноябрѣ взывалъ
какъ на паромѣ,
А баринъ бы не зналъ, куда
дѣваться въ домѣ:
Въ Италіи-де такъ вѣками введено!
Злодѣи! тамъ печетъ, тамъ можетъ
быть оно:
А здѣсь, когда мятель съ полей
траву всю сдернетъ,
Не только въ жилахъ кровь, —и
ртуть на стѣнкахъ мерзнетъ.
Пожалуй имъ толкуй: что негру
рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой
переучить.
А болѣе всего мѣня визитъ замучитъ!
Кому сей площадной обычай не
наскучитъ!
Изъ края въ край гоняй безъ
пользы, безъ утѣхъ,

Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.
Не ѣхать—зашумятъ: да жить онъ не умѣетъ,
Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!
Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтный день
Толкнися къ нимъ присѣсть на полчаса какъ пень.
Или—еще того забавнѣе затѣя—
Отправь по всѣмъ домамъ съ каретою лакея:
Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ (а) возьметъ,
Въ знакъ дружбы къ господамъ швейцарамъ ихъ свезетъ.
За вздоръ готовы стать врагами человѣки:
Визиту не отдай—поссоришься навѣки;
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка, и дѣдъ,
Травою заростетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.
Не смѣй объ Рождествѣ и на Святой недѣли
Кататься на горахъ, явиться подъ качели,
А къ нимъ не завернуть — хоть не за чѣмъ, да такъ,—
Прощенія себѣ не ожидай никакъ;
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.

За что, скажи, всѣмъ тѣмъ пріязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня?
Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подъ ложнымъ недосугомъ,
Копейку раздѣлю; а это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки
Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ Первый жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходскій попъ грузилъ?
Роднымъ зову того, кто мыслитъ благонравно,
Во счастьи твердый другъ, въ несчастіи подавно;
А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.

Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, званомъ,
Нечаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ
На этотъ же предметъ. Онъ много говорилъ,
Ѣлъ плотно ветчину, прилежно пиво пилъ,
Да хвастался еще, что можетъ по французски
Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по-русски;

(а) Для визитныхъ карточекъ разрѣзывали на нѣсколько частей игральныя карты (тузы, двойки, тройки, четверки) и на каждой части писали имя, отчество и фамилію.

Охотникъ всякій споръ пословицей рѣшить,
И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо выть;
Еще что?—въ монастырь чужой, какъ говорится,
Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться не годится.
Конечно! я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщикомъ нигдѣ, не этого хочу:
Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;
Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы, напротивъ, мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наравнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,
И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился
Такъ точно какъ и вы, и въ тотъ же самый часъ,
Когда нашлется мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ угодно,
Да волю дайте жить другимъ, кому какъ сходно.
Но кто жъ вамъ не велитъ? ударилъ какъ въ набатъ,
Подслушавъ нашу рѣчь, душистый отоматъ (а),
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стряхнетъ безъ лайковой перчатки.
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, перхота не умолкнетъ,
И съ кашлемъ васъ въ глаза послѣднимъ зубомъ щелкнетъ:
Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой молодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противный образецъ?—
Какъ кто, сударь? какъ кто? приличіе проклято,
Которое, Богъ вѣсть, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушъ и страшный судъ повѣсъ,
Въ которыхъ, на бѣду, вселился модный бѣсъ,
Такой трезвонъ дадутъ и фраку и жилету,
Что завтра жъ попадешь, какъ чучело, въ газету.—
Сидите дома.—Ахъ! душею бы я радъ;
Да хвостъ великъ, нельзя—ребята тормошатъ:
Имъ хочется вездѣ на праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повиненъ тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей содомъ,—
По милости Творца, большой имѣю домъ,—
Умѣлъ бы кое-какъ еще пирушку сладить,
Разсохшій въ залѣ полъ велѣлъ бы стругомъ сгладить,
И были по зимѣ рога (б) у насъ въ торгу—

(а) Automate (автоматъ).

(б) Инструменты для музыки (роговой), бывшей въ модѣ.

Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу:
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь,—ошибешься;
Устанешь, отдохнешь, задремлешь и проснешься,
А милые мои голубчики точь-въ точь
Ни ранѣй, ни позднѣй, какъ въ самую полночь,
Аравою къ тебѣ, какъ шавочки нагрянуть,
Поклонятся едва и по ранжиру станутъ.
Начнется толкотня и—не подстереги
Лихаго слова врагъ—хоть со двора бѣги,
Хоть тресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливый вальсъ не выпуститъ изъ строю.
И сколько прихотей приложится къ тому!
Посмѣшнщеза все, не рады ничему.
На что встрѣчать гостей и требовать поклона?
Учтивость такова худаго признакъ тона.
Зачѣмъ горятъ свѣчи? стократъ милѣй кинкетъ;
Къ чему огроменъ столъ, какъ свадебный банкетъ?
Не лучше ли вкругъ дамъ, взявъ вилку на удачу,
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу
И въ страшныхъ торопяхъ, какъ будто сводъ летитъ,
У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, если ихъ уважить предложенья,
Откажешься, ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждый балъ схлебнешь горячекъ пять.
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять!
Повѣрьте, имъ нейдетъ на разумъ веселиться,
Лишь только бъ язычкомъ на счетъ другихъ остриться.
И такъ-то нынѣ всѣ, въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить нельзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь жестоку
Пословица летитъ: не всяко лыко въ строку.

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ вознесла.
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искусство на себя принять добра личину
И, грѣшниковъ щадя, любить грѣха причину;
Живой роднѣ помочь не тронется ногой:
По мертвымъ то и знай, что правитъ упокой;
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медалъ особы комплименты.
Помилуйте! рекла, прихоливишсь, она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,

Или, какой-нибудь въ угодность Дульцинеи,
Хотите расплодить Жанъ-Жаковы идеи?
Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипитъ,
Зачѣмъ живете здѣсь? бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажете имъ вѣсь чудесной русской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ—бесѣда хоть куды!

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня, не въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо.
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,
Товарищей такихъ и здѣсь бы я нашелъ.
Къ чему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ; вы, можетъ быть, слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ:
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.
На четвереўькахъ ползть нимало не забавно,
Да и зачѣмъ? когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ ползетъ,
Что самый гнусный червь того не перейметъ.
Мнѣ сходбища людей нимало не постылы;
Напротивъ, безъ вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу.
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачные овраги
И паче всѣхъ твержу, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ.
Веселью не злодѣй— кляну лишь принужденье:
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣстникъ,
Судилищъ ихъ органъ, державы ихъ намѣстникъ,
И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учитъ насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны.
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ—не будетъ здѣсь житья.

Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ не-
чего страшиться;
Въ чемъ нѣтъ стыда, того на-
прасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ— вне-
сите въ свой журналъ.
Піитъ одинъ давно въ побасочкѣ
сказалъ:
«Когда мы будемъ всѣ чужія слу-
шать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ
на плечи».
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я на-
мекнуть,
И полно! ужъ пора дать пальцамъ
отдохнуть.

[1]) Кн. Иванъ Михайловичъ Долгорукій (1764—1823), внукъ Ивана Алексѣевича, любимца Петра II, обучался сначала дома, а потомъ (1777—80 г.) въ москов. университетѣ. Первымъ опытомъ его литературныхъ трудовъ былъ переводъ книги Мерсье: «Les songes philosophiques» (1780—81), посвященный И. И. Шувалову. По выходѣ изъ университета, поступилъ въ военную службу, въ которой оставался до 1791 г. Въ 1793 г. назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу, гдѣ началъ дѣятельно заниматься литературою и гдѣ написалъ стихотвореніе «Каминъ въ Пензѣ». Къ поэзіи прибѣгалъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ, счастливыхъ и несчастныхъ. «Стихотворство (говоритъ онъ) я почитаю цѣлителемъ моего унынія, товарищемъ въ скукѣ, способомъ наиприятнѣйшимъ коротать нечувствительно время, когда досады и злоключенія изъ минутъ дѣлаютъ намъ годы». «Я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Я никого не назидаю, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ. Читать и писать всегда были мои двѣ стихіи, и ими я живу морально, такъ какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству». Изъ Пензы кн. Долгорукій былъ перемѣщенъ въ Москву въ Главную Соляную Контору. Въ 1802 г. опредѣленъ губернаторомъ во Владиміръ. Первое изданіе сочиненій кн. Долгорукаго, посвященное прекрасному полу, подъ названіемъ: «Бытіе сердца моего», и съ эпиграфомъ:

Угоденъ—пусть меня читаютъ;
Противенъ—пусть въ огонь бросаютъ:
Труды похвальной не ищу,

нап. 1802 г. Названіе книги объяснено самимъ авторомъ въ предисловіи: она служитъ выраженіемъ всего моральнаго бытія его. «Въ стихахъ моихъ хотѣлъ я сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей. Всякій стихъ напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ пути къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты назвали сердцемъ. Вотъ ключъ той оригинальности, которую моимъ сочиненіямъ изволятъ многіе приписывать». По выходѣ въ отставку (1812 г.), кн. Долгорукій жилъ въ Москвѣ, гдѣ и ум. 1823 г. (См. Кн. И. М. Долгорукій и его сочиненія, соч. М. Дмитріева, изд. 2-ое, 1863).

[2]) «Каминъ» нѣсколько разъ былъ издаваемъ отдѣльно. Успѣхъ этой піесы былъ чрезвычайный: она просла-

вила имя автора, котораго стали съ того времени называть «пѣвцемъ Камина». Ее не только читали наперерывъ, но и знали наизусть. Любители стиховъ переписывали ее въ сборники отборныхъ, всѣмъ нравящихся стихотвореній, вмѣстѣ съ лучшими піесами Державина. Успѣхъ ея доказывается и тѣмъ, что самъ авторъ написалъ еще двѣ подобныя піесы: «Каминъ въ Москвѣ» и «Война Каминовъ».

[3]) Этой піесой, не вполнѣ здѣсь помѣщенной, возвысилась и утвердилась извѣстность Долгорукаго: дѣйствительно, она вѣрно знакомитъ съ оригинальнымъ характеромъ его поэтическаго таланта.

[4]) Напеч. въ 5 и 6 №№ Вѣст. Евр. на 1815, съ значительными исключеніями, почему и помѣщена въ Хрестоматію по позднѣйшей редакціи. Это одна изъ лучшихъ нашихъ сатиръ. Предметъ ея—такъ называемое приличіе (обычаи моднаго свѣта), которому весьма часто приносятся въ жертву здравый смыслъ и уставъ природы. Значеніе и цѣль ея весьма ясно указаны заключительными стихами. Ж. Ж. Руссо, упоминаемый въ піесѣ, былъ любимымъ писателемъ Долгорукаго, именно по своему стремленію обратить человѣка, удалившагося отъ природы, къ познанію ея законовъ и къ устройству жизни согласно этимъ законамъ. Противоположность между естественнымъ бытомъ человѣка, какъ истиною, и бытомъ общества искуственнымъ, какъ порчею и ложью, выставлена также въ «Хижинѣ на Рпѣни» (рѣчка, не далеко отъ Шуи, въ деревнѣ кн. Долгорукаго) и многихъ другихъ піесахъ.

XIX.

КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ. ([1]).

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ КНЯЗЮ С. Н. ДОЛГОРУКОВУ. ([2]).

(по рукописи).

Воскресни, Ювеналъ, воскресни, правды другъ!
Вручи свою мнѣ кисть, впери въ меня свой духъ,
Чтобъ смѣлою рукой, презря эхидно жало,
Съ злодѣйства, съ глупости я сорвалъ покрывало;
Чтобъ въ сихъ моихъ стихахъ твой ѣдкій, рѣзкій слогъ
Постыдныя дѣла карать достойно могъ!

«Опять съ сатирою!» я слышу, мнѣ пеняютъ:
«Опять стихи о томъ, о чемъ давно всѣ знаютъ!
«Людскія каверзы у всѣхъ на перечетъ;
«Напрасно желчь твоя, сатирикъ, потечетъ,
«И, что ни скажешь ты, ужъ все обыкновенно!»

Какъ! подъ предлогомъ симъ, открыто, дерзновенно,
Подъявъ съ безстрашіемъ надменное чело

И языки связавъ, восторжествуетъ зло?
И мнѣ велятъ молчать затѣмъ, что все не диво?
Быть можетъ, еслибъ я сказалъ, что племя лживо
Издавна завистью на истину кипитъ,
Что блескомъ золота дуракъ толпу слѣпитъ,
Что по приданому лишь цѣнится невѣста,
Что ходитъ человѣкъ съ способностью безъ мѣста,
А съ покровительствомъ у должности глупецъ,
Что деньгами досталъ ассессорство купецъ,
Что Сусликовъ себѣ лишь въ пуншѣ зритъ отраду....
Признаться, о такихъ писать мірскихъ грѣхахъ
И въ прозѣ не по что, не только что въ стихахъ.
Уже изъ давнихъ лѣтъ все это между нами
Обыкновенными считается дѣлами.
Но, къ вящему всегда стремяся, человѣкъ,
Намъ новыя явилъ неистовства въ нашъ вѣкъ.

Не ужъ ли кажется то вещь обыкновенна,
Когда въ числѣ честныхъ, средь общества почтенна,
Безъ затрудненія Щечинъ себя вмѣстилъ,
Хоть банкомъ сто семействъ онъ по міру пустилъ?
Разбойникъ вѣжливый, неся безстыдну рожу,
Алкая холодно со всякаго драть кожу,
Тѣмъ развѣ сдѣлался на честнаго похожъ,
Что выдумалъ изъ картъ на ближнихъ сдѣлать ножъ?
Что нужды! Честенъ онъ, коль всюду безъ простою,
Лишь только проигралъ, всѣмъ платитъ чистотою.
Всѣ знаютъ, что онъ воръ, но принятъ потому,
Что, конча партію, не долженъ никому,
А что онъ кралъ, такъ то онъ банкъ металъ счастливо!

А это, напримѣръ, ужъ ли не чтить за диво,
Когда, губернію Подлягинъ разоря
И ужъ отмѣченный [3] указомъ отъ царя,
Другой родъ службы взялъ и, ко вреду [4] законовъ,
Въ распоряженіе вступая милліоновъ,
Мнитъ такъ: пускай гражданъ мѣшаютъ грабить мнѣ,—
Убытокъ вымещу я этотъ на казнѣ [5].
Иль, жаркой мы когда бывъ заняты войной,
Заграбинъ и Ханковъ, въ подрядъ вступя съ казной,
Одинъ невыставкой припасовъ и доспѣховъ
Ко славѣ препиналъ путь войскамъ средь успѣховъ;
Другой—на раненныхъ свершилъ въ госпиталяхъ
Смерть недоконченну на Марсовыхъ поляхъ:

Корыстолюбія всѣмъ жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грошъ погибель міру.
Хоть сдѣлались они, раждая бѣдствій тьмы,
Солдатамъ пагубнѣй картечей и чумы;
Но, покровительство доставъ себѣ изъ платы,
Великолѣпныя воздвигнули палаты,
Даютъ и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы воспѣваютъ имъ хвалы.
Искусствомъ повара заглада преступленьи,
Средь пиршествъ жизнь ведутъ въ пріятномъ усыпленьи;
А воинъ между тѣмъ, пришедшій на клюкѣ
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ окнами истрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ нихъ стола крупицу.
Посмотримъ на сего теперь откупщика!
Въ карманъ къ нему течетъ серебряна рѣка;
Презрѣвши скромные отца въ лаптяхъ примѣры,
Въ дворяне вышелъ онъ, и даже въ кавалеры,
И столько сдѣлался своей казною дюжъ,
Что тысячъ нѣсколько теперь имѣетъ душъ.
А началъ онъ съ чего? Какъ былъ еще купчишко,
Онъ кое-какъ тогда досталъ себѣ чинишко;
Но, встрѣтя къ откупамъ преграду чрезъ него,
Безстыдно отперся отъ имя своего:
Вдругъ сталъ опять купцомъ,—и вновь вступилъ въ дворяне,
Какъ туго у него ужъ сдѣлалось въ карманѣ.
Какихъ не принималъ къ обогащенью мѣръ
Сей изъ подносчиковъ возникшій кавалеръ!
Не удовольствуясь, что пьянствомъ портилъ нравы,
Онъ пакостилъ вино, клалъ вредныя приправы
И часто, превратя народну радость въ плачъ,
На откупъ имъ взятыхъ губерній былъ палачъ.

———

Но кинемъ сихъ злодѣйствъ мерзительный соборъ!
На глупость, на порокъ прострeмъ усталый взоръ:
Посмотримъ, меньше ль мы у нихъ въ порабощеньѣ,
И сильны ли у насъ успѣхи въ просвѣщеньи.
Первѣйшимъ долгомъ всѣ считаютъ межъ людей
О воспитаніи пещись своихъ дѣтей,
Къ ихъ свѣдѣнью довесть науки и искусства,
Любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать ихъ духъ,
Чтобъ сынъ отечества былъ вмѣстѣ людямъ другъ.

Вотъ сладкіе плоды трудовъ, отцамъ пріятныхъ!
Разсмотримъ же теперь своихъ *Невѣроятныхъ* (а):
Имѣютъ ли сіи отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знанія, чѣмъ ихъ умы набиты,
Намъ могутъ ли служить для пользы иль защиты?
И съ полнымъ свѣдѣньемъ о всѣхъ земляхъ чужихъ,
Хоть сокращенное о нашей—есть ли въ нихъ?
Какой къ отечеству ихъ жаръ, къ служенью рвенье
И къ праху праотцевъ въ душѣ благоговѣнье?...
Я тщетно русскаго найти межъ ними льщусь:
Всякъ англичанинъ въ нихъ, иль нѣмецъ, иль французъ;
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ *Вральманъ*, тутъ *Годдемъ*, а здѣсь училъ *Аббе*,—
И всякъ образовалъ питомца по себѣ!
Дивиться должно ли, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки?
Коль собственный развратъ умножили чужимъ,
Когда отечествомъ своимъ не дорожимъ,
Такъ дивно ль, что, имѣвъ забавы тщетны цѣлью,
Тамъ посвящаютъ дни виновному бездѣлью?
Что, съ помочей сойдя, мальчишка, въ двадцать лѣтъ,
Уже съ прелестницей открыто жизнь ведетъ?
Что тотъ, кто рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ
И, на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку;
По модѣ—врагъ дворянъ, по модѣ—другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ!
Но въ полѣ чести, тамъ, гдѣ палъ его отецъ,
Безстрашно защищавъ отечество любезно,
Онъ ни ногой туда,—и было бъ безполезно:
Наукамъ, кои знать дворянства есть удѣлъ,
Учиться онъ въ свой вѣкъ не могъ и не хотѣлъ
И, къ моднымъ знаніямъ стремя дары натуры,
Онъ мастеръ рисовать однѣ каррикатуры.
Что жъ въ войскахъ сдѣлалъ бы присутствіемъ своимъ?
Помѣху бы иль вредъ нанесъ невѣжда имъ.
Влачи всю жизнь свою въ потьмахъ, Невѣроятный,
И къ гробу, пляшучи, спѣши стезей развратной!

(а) Incroyables.

Предавши въ сихъ стихахъ, не льстя, изъ рода въ родъ,
Вкушаемый теперь отъ воспитанья плодъ,
Къ словесности на часъ мы нашей обратимся!
Произведеньями ея не восхитимся·
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ;
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье ([6]),
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился жаръ;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной ([7]).
Орелъ поэзіи, честь лиры, слава россовъ,
Къ тебѣ я обращусь, великій Ломоносовъ,
Къ тебѣ, котораго въ стихахъ безсмертный даръ
Въ тьмѣ подражателей родилъ напрасный жаръ!
Сколь путь шероховатъ къ Парнасу ихъ ватагѣ!
Надѣются, прыгнутъ, споткнулись и—въ оврагѣ!
Я часто оды ихъ, читая, хохочу,
Бросаю и съ тобой бесѣдовать хочу.

Но, можетъ быть, театръ здѣсь славой россіянамъ
И двѣ на немъ сестры къ намъ смотрятъ не Касьяномъ ([8])?
Заглянемъ на него, заглянемъ на успѣхъ
Искусства—въ насъ раждать иль слезы, или смѣхъ.
Какія, общаго достойны удивленья,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинны явленья?
И, скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?...
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ (а)!

(а) Англичане, а болѣе нѣмцы, обыкновенно смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями выведенныхъ на сцену пошлыхъ дураковъ или сумасшедшихъ. Изобрѣте-

Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца (9);
Одинъ лишь «Сынъ любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гусситы», «Попугай» предпочтены Соренѣ
И Коцебятина (10) одна теперь на сценѣ.

О, сколькобъ былъ еще благословенъ сей часъ,
Когда бъ въ однихъ стихахъ лишь порча завелась
И въ драматическихъ писаньяхъ здѣсь встрѣчалась!
Когда бы нравственность у насъ не развращалась;
Когда бы въ юношахъ свободы вредна страсть
Къ презрѣнью не вела у нихъ священну власть;
Когда бъ учители, возникшіе изъ грязи,
Софизмомъ родственны не разрывали связи;
Когда бы цѣлою всякъ частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя,
И, ревностью къ его служенью воспаленный,
Гордился русскимъ быть передъ лицемъ вселенной!
Но тщетно ждать сего отъ нашихъ молодцовъ:
Прошедшей славы громъ, примѣры ихъ отцовъ
Безсильны тронуть въ нихъ собою полны души,
И долга общій гласъ вотще разитъ имъ въ уши.

Прочетши все сіе, еще ли скажутъ мнѣ:
Всегда бывало такъ на нашей сторонѣ!
Отъ вопля моего еще ли не проснутся!
Отъ слѣдствій пагубныхъ еще ль не содрогнутся!
Вотъ что мнѣ сердце рветъ въ отечествѣ моемъ.
Къ несчастью, бывъ не слѣпъ, ищу я тщетно въ немъ
Болѣзненной душѣ хоть въ чемъ-нибудь утѣхи!
Часъ мрака наступилъ; сокрылись игры, смѣхи;
Совсѣмъ лишились мы знакомства милыхъ музъ;
И если съ кѣмъ еще хранятъ онѣ союзъ,
То, ревомъ буйныя ватаги отстраненны,
Въ бесѣдахъ дружныхъ лишь возносятъ гласъ смиренный,
Межъ тѣмъ какъ дерзкаго невѣжства мутный илъ
Со всѣхъ сторонъ Парнасъ безстыдно наводнилъ.
На глупость, на развратъ глядѣть уставши въ мірѣ,
Я скрылся, чтобъ бряцать свободнѣе на лирѣ,
Чтобъ волю въ сихъ стихахъ дать чувству моему,

ніе сего способа, избавляющаго автора отъ трудной обязанности быть умнымъ, должно заслуживать отъ многихъ нынѣшнихъ писателей общую благодарность.

Ихъ дружбѣ посвятить и зрѣлому уму,
И льстяся, что они тягчить не будутъ скукой,
Тебѣ сей даръ принесть, любезный Долгорукой!
Прими его, прими, колико онъ ни малъ:
Еще неконченну, ему ты восплескалъ.

[1]) Князь Горчаковъ, Дмитрій Петровичъ (1756—1824), членъ Академіи Россійской, получивъ домашнее образованіе, вступивъ въ военную службу: былъ сначала адъютантомъ кн. П. С. Гагарина, потомъ капитаномъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ 1780 г. вышелъ въ отставку и занимался домоводствомъ. Когда началась при Екатеринѣ II вторая турецкая война, онъ снова явился къ Суворову и при взятіи Измаила (1790) получилъ тяжелую рану. Послѣ того занималъ должности: таврическаго губернскаго прокурора, правителя дѣлъ въ молдавской арміи при главнокомандующемъ кн. М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ и вице-губернатора въ Костромѣ (1813 г.). Съ 1816 г. по самую кончину жилъ въ Москвѣ частнымъ человѣкомъ. Зная франц. и нѣм. языки, Горчаковъ предпочиталъ классическія произведенія французовъ всѣмъ другимъ литературамъ. Вольтеръ, по его мнѣнію, былъ верхомъ совершенства въ трагическомъ родѣ. Вмѣстѣ съ Шишковымъ и другими писателями его школы, кн. Горчаковъ участвовалъ въ учрежденіи Бесѣды Любителей русскаго слова (Сѣверная Пчела, 1825, № 12). Сочиненія его:

а) Калифъ на часъ, комич. опера въ 4 д. (1786).

б) Счастливая тоня, ком. въ 4 д. (1786).

в) Баба-Яга, опера въ 3 д. (Калуга, 1788).

г) Пламиръ и Ранда, россійская повѣсть (1796).

д) Сатира: «Совѣтъ Пустону» (С.п.-бургскій Меркурій, 1793, августъ, и Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 г., изд. Б. Ѳедоровымъ).

е) Письмо къ пріятелю, или безпристрастный зритель, сатира, 1794 (Памятникъ отечественныхъ музъ на 1828 г., изд. Б. Ѳедоровымъ).

ж) Сатира: «Онъ и я» (отрывки изъ нея въ Памят. от. музъ на 1827).

з) «Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому, россійскому министру въ Голландіи», сатира (рукописная, см. ниже прим. 2).

и) «Святки», сатира (рукоп.):

Спасителя рожденье
Встревожилъ весь народъ, и пр.

к) Безпечный, ком. въ 5 д., въ стихахъ. (Отрывки изъ нея въ Памят. от. музъ на 1828 г.).

л) Бесѣда о суетности, въ стихахъ (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей рус. слова, кн. VII).

м) Бесѣда о уединеніи, въ стихахъ (ib., кн. XI).

Нѣсколько другихъ стихотвореній разсѣяны по журналамъ. Кн. Горчаковъ прославился сатирами, которыя были въ большомъ почетѣ у членовъ Бесѣды любителей русскаго слова. Онѣ дѣйствительно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей сатирической поэзіи по рѣзкости обличенія, по силѣ негодующаго, часто одушевленнаго тона. Литературныя и нравственныя стремленія ихъ автора склоняли его на сторону Шишкова: онъ также нападалъ на иностранное воспитаніе русскихъ и на преобразованія Карамзина, называя его школу «французско-русскимъ ликомъ» писателей. Но разница въ томъ, что кн. Горчаковъ имѣлъ несомнѣнный талантъ, не въ примѣръ большинству

членовъ Бесѣды, соединившей въ себѣ современныхъ ему славянофиловъ. Сатиры его не подходили подъ разрядъ тѣхъ стиховъ, которые и В. Пушкинъ и Батюшковъ называли «варяго-росскими».

²) Часть этой сатиры нап. въ Памятникѣ отеч. музъ на 1827 г., подъ названіемъ: «Невѣроятные». Кн. Сергѣй Николаевичъ Долгорукій (1770—1829) служилъ комендантомъ с.п.бургской петропавловской крѣпости, потомъ посланникомъ въ Гагѣ при Людовикѣ Бонапартѣ и въ Неаполѣ при Іоахимѣ Мюратѣ. Онъ собралъ «Хронику Россійской Императорской арміи» (1799).

³) Въ другой рукописи: «обруганный».

⁴) Вар.: «ко стыду».

⁵) Въ другой рук. прибавлено:

И, шествуя стезей воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою избавлюсь отъ веревки.

⁶) Нападки на послѣдователей Карамзина.

⁷) Два классическіе стиха, ставшіе поговоркой.

⁸) Т. е. не такъ рѣдко (Праздникъ Касьяна, 29 февраля, приходится только въ високосные годы). Можно толковать и другимъ образомъ, т. е.: трагедія и комедія смотрятъ ли на насъ прямо, открыто, или какъ косоглазый заяцъ, который поэтому въ простомъ народѣ называется Касьяномъ.

⁹) Здѣсь ясно виденъ приверженецъ ложно-классической трагедіи, недовольный ни драмами въ родѣ Лашоссе, Детуша и Дидро (такъ называемыми comédies larmoyantes), ни піесами нѣм. и англ. трагиковъ.

¹⁰) Сынъ Любви, Гусситы, Попугай— драм. піесы Коцебу († 1819), который сталъ входить у насъ въ моду преимущественно съ первыхъ лѣтъ прошлаго вѣка. Отсюда и «Коцебятина». Сорена—трагедія Николева (1758—1815), возбуждавшая сочувствіе зрителей.

XX.

НАХИМОВЪ. [1].

А. Элегія-сатира (1809).

Восплачь канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите!
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій (а) всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подьячихъ родъ;
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.

(а) Взятокъ.

Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ
Расправился или переломился крюкъ.
О солнце, не лишай ты филиновъ затменья:
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что! гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассесорскій, толико вожделенный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ — навсегда прости, любезный чинъ.
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ — должно ли ворамъ дремать?

Б. ПѢСНЬ ЛУЖѢ.

Пускай иной, потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ страшны оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ:
Не море, Лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преобращаю,
Ударивъ лиры по струнамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ, Лужа, ты, въ несчастной долѣ,
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ струями,
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А Лужей брезгуетъ народъ.

Но насѣкомы неисчетны,
Для гордыхъ взоровъ непримѣтны,
Зрятъ въ Лужѣ дивный океанъ
И въ подлыхъ жабахъ — страшныхъ китовъ;
Четвероногихъ сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ.

Паши, украшенны щетиной,
Презрѣнною твоею тиной
Не промѣняются на пухъ:
За бархатъ грязь они считаютъ
И въ роскоши такой не чаютъ,
Что ихъ готовятъ подъ обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику, въ несносный жаръ,
Вода твоя въ степи ливійской,

Или въ пустынѣ аравійской —
Небесный кажется нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордится,
Шумитъ волнами и стремится
Достигнуть грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой,
Однимъ Всесильнымъ обозримой,
И море—лужа, какъ и ты.

Хотя бъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы,
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но что жъ? предъ мудрыми очами,
Столь почитаемые нами
Кораллъ и бисеръ—таже грязь.

Нѣтъ! Лужи я не презираю,
Я въ Лужѣ пользу обрѣтаю,
Наставникъ Лужа для меня,
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны,
Сію намъ истину глася:

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно —
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду,
Плодятся, множатся всегда.

В. ЭПИГРАММЫ.

а) Кутейкину, который, кончивши въ семинаріи поэзію, посвященъ въ пономари.

Прошедъ поэзію, крылатаго Пегаса
Кутейкинъ осѣдлалъ;
Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

б) Франту, причесанному à la coq.

Съ забавнымъ встрѣтился сегодня я дѣтиной;
За диво можно бы показывать его:
Пѣтушій гребень у него
На головѣ ослиной.

в) Виртуозу Антипу (²).

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы, и лѣса, и тартаръ подвигалъ;
А ты, Антипъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычекъ лишь подвигаешь.

г) Чортъ и Смерть.

«Куда, курносая?»—Иду я за душою.—
«Къ кому?»—Къ секретарю: такъ велѣно судьбою.—
«Ахъ, какъ проста судьба! живетъ она въ глуши:
Какой въ секретарѣ, какой искать души!
Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ черти.»

¹) Нахимовъ, Акимъ Николаевичъ (1782—1815), уроженецъ харьковской губерніи, первое образованіе получилъ въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По выходѣ изъ него, короткое время состоялъ въ военной службѣ, а потомъ опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ Пе-

тербургѣ. Здѣсь, по неопытности и пылкости, подвергся онъ увлеченіямъ столичной жизни, память о которыхъ сохранилась въ баснѣ «Молодой орелъ», оконченной такимъ нравоучительнымъ выводомъ:

О пылкій юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

Нахимовъ воротился на родину вскорѣ по открытіи Харьковскаго университета (1805) и, желая восполнить недостатокъ начальнаго образованія, поступилъ въ него студентомъ, на 24-мъ году своего возраста. Окончивъ курсъ по словесному факультету, онъ былъ удостоенъ степени кандидата. Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины (коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника), Нахимовъ написалъ элегію-сатиру (1809), которая сдѣлала извѣстнымъ его имя не въ одной Малороссіи, но и между всѣми русскими читателями: она всюду переписывалась и заучивалась наизусть. Сатирикъ жилъ тогда въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, въ 50 верстахъ отъ Харькова: къ этому времени относится большая часть всего, имъ сочиненнаго. Изъ деревни, разъ въ недѣлю, онъ ѣздилъ въ Харьковъ преподавать грамматику гражданскимъ чиновникамъ, для которыхъ, въ силу означеннаго указа, учрежденъ былъ при университетѣ двухгодичный курсъ. Онъ открылъ свои уроки чтеніемъ стиховъ: «Предисловіе къ Россійской Грамматикѣ» (1810):

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* (а) прилежно углублялся, и пр.

Каждую почти лекцію слушатели Нахимова (говоритъ одинъ изъ его біографовъ) получали отъ него нѣсколько строчекъ. Онъ заставлялъ однихъ писать на доскѣ «Похвалу гусиному перу», передъ которымъ подьячіе, въ знакъ благодарности, должны преклонять свою главу, или басню «Дьякъ и Нищій» (б); другихъ — исправлять орѳографическія ошибки товарищей; третьихъ — склонять имена «сучекъ» и «крючекъ», или спрягать глаголы «брать» и «драть». Иногда сатирическіе намеки преподавателя выходили изъ границъ; важность занимаемаго имъ мѣста требовала строгой пристойности: однакожъ слушатели признавались, что чтенія его были полезны и удобны для легкаго уразумѣнія; въ нихъ не находили они той сухости, какою подчивали ихъ другіе педагоги».—Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ половинѣ 1811 г., не докончивъ курса, чему причиною были домашнія обстоятельства и неудобство поѣздки (почти за 50 верстъ, для одной лекціи): «Стихи на пути изъ города въ деревню» показываютъ, съ какою радостію возвращался онъ изъ города, гдѣ «пыль и кирпичей громада», къ «прелестнымъ полямъ». Съ этого времени Нахимовъ рѣдко оставлялъ деревню, гдѣ велъ тихую и беззаботную жизнь, занимаясь сочиненіемъ басенъ и другихъ піесъ, преимущественно сатирическихъ. Быстро слѣдовавшія другъ за другомъ

(а) Намекъ на глаголы: *брать* и *драть*.

(б) Эта басвь не вошла въ собраніе сочиненій Нахимова:

Придрался къ нищему старинный, пьяный Дьякъ:
Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ,
И если на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По Уложенью ты проститься долженъ съ носомъ;
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,
Отдай котомку мнѣ, лохмотье и клюку.

семейныя огорченія (онъ лишился отца, любимой сестры и сына) подѣйствовали на его здоровье и сократили его жизнь. (Память о харьковскомъ стихотворцѣ А. Н. Нахимовѣ, сочиненіе В. Масловича, 1818 г.; другая біографія, приложенная къ 3-му изд. сочиненій Нахимова, написана издателемъ ихъ, г. Борзенковымъ).

Сочиненія Нахимова имѣли нѣсколько изданій. Первыя два (1815 и 1816) были нап. въ Харьковѣ; послѣднее вышло въ Полномъ собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина, вмѣстѣ съ сочиненіями Милонова и Судовщикова. Всѣ они неполны.

[2]) Нахимовъ часто смѣялся надъ этимъ виртуозомъ (вѣроятно, невымышленнымъ), выведя его въ трехъ эпиграммахъ и четырехъ эпитафіяхъ. Стихотвореніе «Саранча» описываетъ какихъ-то харьковскихъ орфеевъ, избавившихъ страну отъ этого бича: упорство саранчи уступило ихъ оркестру, за тѣмъ, что

Къ спасенью ей лишь два пути:
Оглохнуть должно, иль уйти!

XXI.

МИЛОНОВЪ. [1].

А. КЪ РУБЕЛЛІЮ (1810). [2].

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я!
Что твой минутный блескъ? что санъ твой горделивый?
Стыдъ смертнымъ и укоръ судьбѣ несправедливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ гражданъ;
Пусть скроюсь, пусть навѣкъ бѣгу отъ ихъ собора,
Чѣмъ выставлю свой стыдъ для строгаго ихъ взора;
Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,
Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?
Безцѣненъ лавръ простой, вѣнчая ликъ героя;
Священъ лишь на царѣ владычества вѣнецъ:
Но коль на поприщѣ, устроенномъ для боя,
Неравный силами, уродливый боецъ,
Гдѣ славу зрѣть стеклись безчисленны народы,

Явитъ убожество, посмѣшище природы,
И съ низкой дерзостью героевъ станетъ въ рядъ,—
Ужель не обличенъ онъ наглымъ ослѣпленьемъ
И менѣ на него уставленъ взоръ съ презрѣньемъ?
Тамъ всѣ его шаги о немъ заговорятъ.
Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищетъ славы.
Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу льстецовъ лукавыхъ,
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?
Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ почтенны,
Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ.
Заставятъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой.
Минутою одной пріятенъ лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой:
Онѣ насъ усладятъ, онѣ возвысятъ насъ.
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ;
Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій, и льстецъ.
Наемная хвала — безславія вѣнецъ!
Кто чтитъ достоинства и чувства въ насъ не знаетъ,
Въ неистовствѣ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ,—
Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко осрамляетъ:
Унизимъ ли мы то, что выше насъ самихъ?
Когда презрѣніе питать къ тебѣ я смѣю—
Я силенъ, и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но лестію твоихъ сокровищъ не куплю.
Мнѣ ль думать, мнѣ ль скрывать для обща посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзслай—но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра
Въ мракъ гроба? но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!

[1]) Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ (1792—1821), родился воронежской губ. въ Задонскомъ уѣздѣ. Обучался въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ. Службу свою началъ (1809) въ бывшемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главномъ правленіи мануфактуръ, откуда перешелъ (1811) въ департаментъ министерства юстиціи, подъ началь-

ство И. И. Дмитріева, управлявшаго этимъ министерствомъ съ 1810 по 1813 г. Когда Дмитріевъ назначенъ былъ предсѣдателемъ временной коммиссіи (1813) для пособія тѣмъ жителямъ Москвы, которые пострадали отъ нашествія непріятеля, — Милоновъ поступилъ въ нее правителемъ канцеляріи. Черезъ два года (1815) онъ оставилъ службу, а въ 1819 г. опредѣленъ въ провіантскій департаментъ и состоялъ при генералъ-провіантмейстерѣ чиновникомъ для особыхъ порученій. По словамъ рѣчи, произнесенной въ память его А. Княжевичемъ, онъ имѣлъ отличныя дарованія, доброе сердце и пылкія страсти, бывшія причиною преждевременной его смерти. Другой литераторъ (О. Сомовъ), разбирая стихотвореніе покойнаго: «Бѣдный поэтъ» (подражаніе Жильберу), говоритъ, что нѣкоторыя печальныя обстоятельства въ жизни Милонова охладили его къ людямъ и свѣту и наложили печать меланхоліи на его стихотворенія. «Мой геній подавленъ подъ бременемъ утратъ»: такимъ признаніемъ заканчивается «Посланіе» Милонова къ его другу, Фовицкому (1818). «Посланіе къ сестрѣ» (1812) также сѣтуетъ на отрадныя мечты, прогнанныя грознымъ опытомъ, и воспоминаетъ какую-то борьбу съ бѣдами и судьбою. Поэтому А. Измайловъ, въ эпитафіи Милонову, назвалъ его «бѣднымъ поэтомъ». Письма Милонова къ А. Ѳ. и Н. Ѳ. Грамматинымъ (Библ. Записки, 1859, № 10) разъясняютъ нѣсколько дѣло. Цѣлью желаній Милонова были «совершенная независимость, свобода, покой, дружество»; онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на службу, а между тѣмъ долженъ былъ служить, и по волѣ отца и по нуждѣ, «этому ужасному бичу». Къ должности ходилъ онъ съ большимъ принужденіемъ и называлъ счастливыми тѣ рѣдкіе дни, въ которые удавалось ему освобождаться отъ нея. «Меня выбираютъ членомъ общества любителей наукъ и словесности» (писалъ онъ въ 1810 г.): «хотя оно и пустое, но все лучше быть его членомъ, нежели засѣдателемъ какого-нибудь нижняго суда». Какъ онъ завидуетъ Грамматину, жившему тогда въ деревнѣ! какъ онъ ждалъ-не-дождался того времени, когда, подобно ему, могъ бы заключиться въ тѣсномъ уголкѣ своемъ? Впослѣдствіи, Милоновъ какъ будто иначе начинаетъ смотрѣть на свое положеніе: «съ службою своею я помирился, потому что перестал искать въ ней химерныхъ отличій, а долженъ нести ее, какъ вещь полезную и нужную въ обществѣ; нѣкоторыя неудовольствія и непріятности, въ ней встрѣчаемыя, переношу съ возможнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, почитая сіи качества настоящею мудростію жизни, въ которой необходимы должны быть разнообразія». Но это было временное самообольщеніе. Вскорѣ снова являются жалобы и страданія: «непріятности и нездоровье вскружили мнѣ голову... я часъ отъ часу деревенѣю. За всякій вздоръ оглушаются уши отъ брани. Что дѣлать? Если уже судьба не даетъ *жить*, то *доживать* надобно». Наконецъ терпѣніе его кончилось и онъ, перемѣнивъ мѣсто служенія, излилъ на письмѣ свое негодованіе: «Послѣ долгаго боренія и непріятностей по службѣ со многими мерзавцами, изъ коихъ я не пощадилъ, по крайней мѣрѣ въ стихахъ моихъ, ни одного, начиная отъ перваго Ру—ва и до послѣдняго Тур—ва, съ которымъ къ несчастію продолжалъ мою послѣднюю службу, надѣясь на ложныя обнадеживанія сихъ мечтательныхъ и ничтожныхъ благодѣтелей, теперь служу при генералъ-провіантмейстерѣ (Абакумовѣ). Человѣкъ простой и добрый, безъ дальнихъ обѣщаній сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ всѣ прежніе мои начальники, покровители, меценаты сло-

весности, не исключая и высокопревосходительнаго И. И. Дмитріева». Безпорядочный ходъ жизни и внутреннія досады сокрушили здоровье Милонова; онъ положительно говоритъ, что крѣпкая натура его потрясена въ основаніи отъ увлеченій и соблазновъ, особенно отъ «излишняго служенія Вакху», котораго и сдѣлался онъ жертвою.

Милоновъ умеръ на 29 г. своей жизни. (Некрологъ Милонова, составленный А. Измайловымъ, въ 17 и 18 №№ Благонамѣреннаго на 1821 г. Декабрская книжка, №№ 23 и 24, того же журнала и на тотъ же годъ вся посвящена памяти Мил—ва. См. также, въ 1-мъ № Соревнователя просвѣщенія на 1822 г., разборъ стихотвореній Милонова, соч. П. Плетнева).

[2]) Цвѣтникъ на 1810 г., октябрская книжка. Хотя въ заглавіи и сказано, что это сатира Персіева; но между сохранившимися шестью сатирами латинскаго поэта нѣтъ ни одной, которую можно было бы почесть подлинникомъ стихотворенія Милонова. Имя Персія только прикрываетъ цѣль нашего стихотворца, который, по преданію, метилъ своей сатирой въ Аракчеева.

XXII.

В. И. ПАНАЕВЪ. ([1]).

А. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СВИРѢЛИ, ИДИЛЛІЯ (1811). ([2]).

Однажды, стоя надъ рѣкою,
Подъ ивою густою,
Такъ пастушокъ Миртилъ
Безсмертныхъ въ горести молилъ:
«Умилосердитесь, о боги, надо мною!
Внемлите жалобамъ моимъ,
Невольному сердечну стону!
Вотъ двѣ уже весны, какъ я люблю Клеону,
Но сею не любимъ!
Я молодъ, я пригожъ собою:
То каждый ручеекъ Миртилу говоритъ;
Не бѣденъ—сто овецъ гоняю къ водопою:
За чтожь бы кажется Миртила не любить?
За то, ну сами разсудите
И горю пособите,
За то, что не умѣю пѣть!
Она жъ, упрямица, она велитъ умѣть!
Знакъ, правда, не худой, но какъ ни принуждаю
Суровый голосъ мой—ей пуще досаждаю.
О боги добрые! лишите стадъ меня,
Все у меня возьмите,
Лишь только научите,
Чтобъ какъ нибудь умѣлъ Клеонѣ вторить я!
Вѣдь всякій пастушокъ поетъ съ своей любезной.»
Едва Миртилъ умолкъ, вдругъ легкій вѣтерокъ

Повѣялъ на тростникъ, обсѣвшій бережокъ,
И звукъ пріятный, нѣжной
Достигъ его ушей. Онъ къ камышу бѣжитъ,
Прилежно слушаетъ, туда-сюда глядитъ
И видитъ наконецъ, что, скрывшись межъ листами,
Малюточка Зефиръ въ источенну червями,
Сухую дуетъ трость. Трепещущей рукой
Онъ вмигъ ее срываетъ,
Самъ дуетъ въ тросточку, лады перебираетъ,—
И тросточка играетъ.
Миртилъ въ восторгѣ самъ не свой.
«Вотъ что, онъ думаетъ, замѣнитъ голосъ мой!»
Тогда, какъ говорятъ, предсталъ ему внезапно,
Съ зеленымъ плющевымъ вѣнкомъ вокругъ роговъ,
Богъ, покровитель настуховъ;
Въ минуту изъяснилъ искусство непонятно,
Владѣть свирѣлью научилъ.
Миртилъ, внушенный имъ, любовью вдохновенный,
Съ зарею каждою въ мѣста уединенны
Украдкой уходилъ
И тамъ свирѣли нѣжны тоны
Старался подъ голосъ подлаживать Клеоны,
Любимы пѣсенки пастушкины твердилъ.
Далеко сладкій звукъ по рощамъ разносился,
Всякъ слушалъ и дивился;
А онъ часъ отъ часу межъ тѣмъ
Игралъ все лучше и складнѣе,
Все становился веселѣе.
О радость! наконецъ постигъ уже совсѣмъ
Искусство, данно вышней силой,
И вотъ, надежды полнъ, идетъ къ суровой милой.
«Спой пѣсню», говоритъ ей ласково:—поетъ;
Пастухъ къ устамъ свирѣль кладетъ, играетъ;
Клеона слушаетъ и, млѣя, умолкаетъ.
Съ сихъ поръ утѣшенный Миртилъ
Клеонѣ сталъ любезенъ, милъ;
И чѣмъ пріятнѣе свирѣль его играла,
Тѣмъ больше ласкъ она счастливцу расточала.
Онъ вскорѣ всѣхъ игрой плѣнилъ:
Всѣ шли внимать ему,—онъ каждаго училъ.

Б. СНОВИДѢНІЕ, ИДИЛЛІЯ (1819).

Меналкъ. Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, что̀ случилось съ тобою?
Миконъ. Меня потревожилъ сегодняшній сонъ:
Посмѣйся, Меналкъ, надо мною.
Меналкъ. О, вѣрно ты видѣлъ подземныхъ боговъ?
Миконъ. Напротивъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ, иль больше, годовъ
Съ меня непримѣтно свалилось...

Меналкъ. Увы! это только
во снѣ на-бѣду.
Миконъ. Что будто, ставъ
юношей снова,
Въ какомъ-то обширномъ, пре-
красномъ саду,
Подъ тѣнію мирта густова
Лежалъ я на мягкой душистой
травѣ;
Въ кустахъ соловьи распѣвали;
Зефиры жъ, скрываясь въ цвѣтахъ,
муравѣ,
Прохладой въ лице мнѣ дышали;
А шумъ водопада въ сосѣднемъ
лѣсу,
Сквозь чащу деревъ проникая,
Все больше и больше склонялъ
отъ часу
Къ дремотѣ....
Меналкъ. И ты, засыпая....
Миконъ. Я не спалъ. Вдругъ,
вижу, подходитъ ко мнѣ
Пастушка—осанкой богинѣ,
Цвѣтущей красою подобясь веснѣ—
(Взоръ дѣвы, склоненный къ
корзинѣ,
Глубокую сердца печаль выра-
жалъ);
Приблизилась, стала, взглянула,—
И что же? кого я въ пастушкѣ
узналъ?...
Дориду!
Меналкъ. Дочь старца Эв-
вула?
Миконъ. Дориду, подругу
младенческихъ лѣтъ,
Которой любовь озарила
Блаженствомъ Миконовой жизни
разсвѣтъ,
Завидную участь сулила!
Которую воля всесильныхъ боговъ
Діанниной жрицей назвала
Въ то время, какъ нѣжность
счастливыхъ отцовъ
Намъ брачный вѣнокъ соплета-
ла!....
Прельщенъ, очарованъ видѣньемъ
такимъ,
Я бросился къ милой, но прежде,
Чѣмъ обнялъ, видѣнье исчезло
какъ дымъ—
Лишь руки коснулись къ одеж-
дѣ—
И я, пожалѣй, пробудился отъ сна.
Меналкъ. Такъ это тебя воз-
мущаетъ?
Не дважды въ теченіи года весна
Цвѣтами поля убираетъ;
Не дважды, товарищъ, намъ быть
молодымъ.
Ты за тридцать за пять счита-
ешь,
Слывешь въ околоткѣ разумнымъ
такимъ,
Самъ твердо увѣренъ и знаешь,
Что прошлаго снова нельзя воро-
тить,
А хочешь (какъ другъ, попеняю),
Ребенокъ, бѣгущую тѣнь изловить!
Миконъ. О, слишкомъ увѣ-
ренъ и знаю,
И завтра охотно готовъ надъ собой
Съ тобою же вмѣстѣ смѣяться;
Но нынѣ съ прелестной о прош-
ломъ мечтой,
Повѣрь мнѣ, не въ силахъ раз-
статься!
Какъ осенью солнце внезапно бле-
снетъ,
Прощаясь съ унылой приро-
дой,
И птичка весеннюю пѣсню поетъ,
Обманута ясной погодой:

Такъ я, обольщенный сегодняшнимъ сномъ,
Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ на-яву продолжится!

[1]) Отецъ Панаева, Владиміра Ивановича (1792—1859), принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ тогдашними литераторами, изъ которыхъ Державинъ приходился ему родственникомъ. Молодой Панаевъ обучался въ казанской гимназіи, а потомъ въ казанскомъ университетѣ, откуда вышелъ кандидатомъ словесныхъ наукъ (1814). Первоначальное воспитаніе, мирная семейная жизнь и частое пребываніе въ деревнѣ въ періодъ юности сообщили его характеру идиллическое направленіе и внушили ему намѣреніе испытать свои способности въ пастушеской поэзіи.

Державинъ, первый, принялъ участіе въ литературныхъ опытахъ своего родственника. Онъ прочелъ въ рукописи пять его идиллій, отозвался о нихъ благосклонно и совѣтовалъ автору взять за образецъ древнихъ, если знаетъ греческій и латинскій языки; если же нѣтъ, то Геснера, сочиненія котораго (писалъ онъ Панаеву) могутъ служить достаточнымъ примѣромъ въ описаніи природы и невинныхъ нравовъ. «Хотя климатъ нашъ суровъ», прибавляетъ онъ, «но и въ немъ можно найти красоты и въ жизни и въ моралѣ, которые трогаютъ сердце; безъ нихъ же все будетъ сухо и пусторѣчіе». Швейцарскій идилликъ, дѣйствительно, сдѣлался любимцемъ и образцемъ Панаева, который вездѣ старался подражать ему. Повинуясь волѣ своего дяди, заступившаго ему мѣсто отца, Панаевъ отправился въ Петербургъ для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Началъ онъ свою службу въ департаментѣ министерства юстиціи, а кончилъ директоромъ канцеляріи министерства императорскаго двора. (Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Панаева сообщаются его «Воспоминаніями о Державинѣ», въ 1-ой ч. учено-литературнаго сборника: «Братчина», 1859; см. еще: В. И. Панаевъ. Воспоминаніе, съ обозрѣніемъ его идиллій. Соч. Б. Ѳедорова).

[2]) Идилліи (Спб. 1820). «Разсужденіе о пастушеской поэзіи», служащее предисловіемъ къ «Идилліямъ», перепечатано, съ поправками и дополненіями, изъ 10 № Благонам. на 1818 г.

XXIII.

НАРѢЖНЫЙ. [1]

А. ИЗЪ РОМАНА: «БУРСАКЪ» (1824). [2]

Есть многіе сельскіе и иногородные отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и за пищу. Чтобы и таковымъ доставить посильные способы къ образованію, то, помощію вкладовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя

избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками; на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ, и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники—бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, неся величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальный Римъ былъ не что иное, какъ бурса.

Варухъ и Варулъ ввели меня торжественно въ сей вертепъ премудрости и отрекомендовали консулу и будущимъ совоителямъ; а чтобъ я милостивѣе былъ принятъ, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снадбя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ, и благословя гривною денегъ, сказалъ: «Неонъ, не печалься, другъ мой! Я оставляю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чти старшихъ и слушайся, не лги и не крадь, — тогда ты угоденъ будешь и Богу и людямъ. Учись прилежно, когда хочешь быть благополученъ. Каждый мѣсяцъ ты меня увидишь, или по крайней мѣрѣ обо мнѣ услышишь. Другъ мой Варулъ не оставитъ тебя своею милостію. Прощай».

Обнявъ меня, оба друга удалились. Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами; когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище. Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазаннаго изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали сіе зданіе. Впереди имѣло оно обширной пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ, однако торчало на ономъ съ десятокъ полуусохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю, въ коемъ помѣщена и семинарія; лѣвая съ чьимъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

Осмотрѣвъ сіе плѣнительное мѣсто, я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ углу на лавкѣ на своемъ ложѣ. Консулъ—это былъ высокій, даровитый, смуглый мущина съ большими черными усами—лежалъ на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей, кои всѣ были гораздо возрастнѣе меня, человѣка четыре уже усланы для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты были различнымъ образомъ. Иной басилъ ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой брянчалъ на балалайкѣ, подъ звукъ коей человѣка два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ; словомъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, при всемъ томъ одинъ другому не мѣшая.

Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принесши съ собою полбарана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консулъ сей-часъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ, и, похваля напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны, куда и я, по данному знаку, вмѣстѣ со всѣми ему послѣдовалъ. Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разсѣкли баранину на куски, по числу братіи, и начали стряпню. Между тѣмъ консулъ, отдѣлившись съ шестью товарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою, не забывая своихъ собесѣдниковъ; прочіе, позади коихъ былъ и я, разлегшись на травѣ, точили балы, разсказывали сказки и присказки и производили самыя чудныя тѣлодвиженія. Видя, что консулъ не дѣлалъ ихъ участниками въ осушиваніи баклаги, я у сосѣда своего спросилъ тому причину. «Мы еще не имѣемъ на то права», отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ: «ибо мы всѣ только этимологи, поэты и риторы, и отъ того-то не смѣемъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, пить вино, курить табакъ и отращивать усы. А какъ консулъ Далматъ и его товарищи всѣ философы, то они на сіи преимущества имѣютъ всякое законное право.» Не понимая, что значатъ сіи неслыханныя мною слова, я замолчалъ и продолжалъ внимательно смотрѣть и слушать. Каша поспѣла и котелъ поставленъ на лужайкѣ. Консулъ съ своими товарищами сѣли около него, а прочіе составили второй кругъ; всякій вытащилъ изъ кармана длинную ложку и началъ упражнять свои челюсти, сколько было силы. Хотя отецъ мой и забылъ снабдить меня ложкою, но консулъ приказалъ младшему изъ бурсаковъ дѣлиться со мною своею. Котелъ опорожненъ; всѣ удалились въ бурсу и полегли на лавкахъ. Я также растянулся на своемъ мѣшкѣ и скоро уснулъ крѣпко.

На слѣдующее утро консулъ, сопровождаемый своими подчиненными, отправился въ семинарію и представилъ меня префекту. Это былъ преважный протопопъ и составлялъ второе лице послѣ ректора. Меня отвели въ надлежащій классъ, гдѣ и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менѣе, нежели въ часъ, прозорливый учитель, католицкій монахъ, догадался, что я церковныя книги читалъ столько же проворно и внятно, какъ стихарный дьячекъ; а посему дальнѣйшее въ семъ упражненіе признано излишнимъ, а совѣтовали мнѣ всѣми силами налечь на изученіе языковъ латинскаго и польскаго. Передъ полуднемъ раздался на дворѣ семинарскомъ звонъ колокола; учитель и ученики поднялись съ мѣстъ, и первый далъ мнѣ знакъ приблизиться къ нему и протянуть обѣ руки, распрямя ладони. Я исполнилъ, и наставникъ съ улыбкою удовольствія

влѣпилъ въ каждую ладонь по полудюжинѣ рѣзкихъ ударовъ деревянною лопаткою. Послѣ сего пропѣта торжественно молитва, и всякій пошелъ домой, а я въ бурсу. Дорогою нагналъ меня одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Касторъ, которому со слезами разсказалъ я о наказаніи, невинно полученномъ отъ учителя. «Другъ мой»,сказалъ онъ засмѣявшись, «ты еще новъ и неопытенъ. Дюжина добрыхъ ударовъ, тобою полученныхъ, совсѣмъ не есть знакъ учительскаго гнѣва, а напротивъ доказательство особеннаго благоволенія. Здѣсь теперь такое заведеніе, чтобы всякаго ученика, вступающаго въ сей храмъ мудрости, пріучать къ кротости и терпѣнію. Хотя обыкновеніе сіе почти ни одному новику не нравится, но къ нему привыкаютъ, а особливо зная, что количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть скорѣе діакономъ, или и попомъ.» — Но — говорилъ я, подумавши, — отецъ мой сказывалъ, что въ семинаріи обучается много дворянскихъ и купеческихъ сыновей, которые никогда не думаютъ быть ни діаконами, ни попами. — «О,» сказалъ товарищъ, «на таковыхъ наше начальство не обращаетъ никакого вниманія. Впрочемъ замѣть, Неонъ, я по дружбѣ тебѣ это открою: если ты будешь терпѣливъ, послушенъ и совершенно преданъ волѣ учителя, то испытаніе сіе продлится недолго; въ противномъ случаѣ, оно будетъ безконечно, и ты въ тридцать лѣтъ будешь не что другое, какъ сельскій дьячекъ, сколько бы ученъ ни былъ. Обладая же помянутыми мною добродѣтелями, ты скоро получишь выгодное мѣсто.»

Привыкши у отца никогда желудокъ не доводить до ропота, я крайне запечалился, не видя и слѣда обѣда; но вспомня, что у меня въ карманѣ цѣлая гривна, я тотчасъ сдѣлалъ планъ къ удовлетворенію алчбы и, вышедъ изъ бурсы, опрометью бросился къ площади, граничащей съ семинаріею, гдѣ поутру еще мелькомъ замѣтилъ множество торговокъ съ хлѣбомъ разнаго званія. Я купилъ за цѣлую копѣйку большую булку и принялся насыщать себя съ великимъ удовольствіемъ; еще добрый ломоть оставался въ рукѣ моей, когда вступилъ я въ свою обитель. Не мало испугался я, взглянувъ на консула. Онъ ходилъ по сараю большими шагами и, оборотясь ко мнѣ, спросилъ свирѣпымъ голосомъ: «Гдѣ былъ ты, негодница?»—Съ трепетомъ показалъ я остатокъ булки и не могъ промолвить ни одного слова, сколько отъ испуга, столько и отъ того, что ротъ былъ полонъ. «Понимаю» вскричалъ онъ: «сей бунтовщикъ, никому не сказавшись, ходилъ на рынокъ. Ликторы! сей часъ нарѣжьте два пука крапивы и накажите виновнаго!»

Двое изъ бурсаковъ, которыхъ называли риторами, бросились въ

бурьянъ и въ мигъ возвратились съ пучками зрѣлой крапивы; двое другихъ кинулись на меня, повалили на полъ и разоблачили, а первые двое начали хлестать весьма исправно. Я кричалъ, какъ отчаянный; но они не прежде выпустили меня изъ рукъ, пока не увидѣли, что крапива измочалилась.—Уединясь въ темный уголъ, я плакалъ неутѣшно. Если такими средствами, думалъ я, пріобрѣтается премудрость, столько прославляемая отцемъ моимъ, то пропадай она негодная. Въ тысячу разъ лучше оставить всю надежду быть когда либо діакономъ, чѣмъ безпрестанно пробовать на себѣ дѣйствіе лопатокъ учительскихъ или крапивныхъ прутьевъ отъ какихъ-то ликторовъ.

Быть-можетъ я и надолго остался бы въ такомъ пасмурномъ расположеніи, если бы не разсѣялъ меня вошедшій бурсакъ Касторъ, котораго за веселый нравъ полюбилъ я съ перваго еще раза.—«Что это значитъ, Неонъ», спросилъ пріятель, «что ты и до сихъ поръ печалишься о бездѣлицѣ? Повѣрь, другъ мой, что такія происшествія не заслуживаютъ вниманія.»—Вмѣсто отвѣта я показалъ ему спину.— «Да,» продолжалъ онъ съ важностію, «ты изрядно исписанъ; но это пройдетъ, и не замѣтишь, какъ пройдетъ.»

Когда я жаловался, что консулъ во зло употребляетъ возрастъ свой, силу и право пить вино, курить табакъ и носить усы, Касторъ сказалъ мнѣ: «Напрасно такъ думаешь, пріятель, и видно не знаешь нашихъ постановленій. Послушай же: почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богословов, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целерами, или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь —простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено! Если бы консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него величественный санъ и, наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора. За то и консулъ имѣетъ свои выгоды и преимущества. Именно: если кто провинится изъ насъ, но немного, какъ напримѣръ сегодня ты, то онъ одинъ своею властію опредѣляетъ мѣру наказанія; въ случаѣ же вины важной, онъ созываетъ сенатъ и съ нимъ вмѣстѣ разсуждаетъ о дѣлѣ и произноситъ кару. Кромѣ одежды и обуви, у насъ все общее и хранится въ каморкѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула. Главный промыселъ нашъ состоитъ въ пѣніи подъ окнами міряне церковныхъ

пѣсней, или—если кто столько смышленъ—въ проворствѣ рукъ. Мы получаемъ мукою, свинымъ саломъ, птицами, зеленью разнаго рода и отчасти деньгами, которыя обыкновенно переходятъ отъ насъ въ руки шинкарки Мастридіи, торгующей вблизи отъ насъ. По симъ основаніямъ самыми злыми преступленіями почитаются у насъ, если кто изобличенъ будетъ въ утайкѣ хотя одной добытой копѣйки, или попадется въ сѣти на ручномъ промыслѣ.»

Такъ повѣдалъ Касторъ о законахъ сего малаго Рима, какъ прибѣжалъ целеръ съ объявленіемъ, что каша готова. «Инъ пойдемъ, Неонъ», сказалъ Касторъ, вытаскивая изъ кармана ложку.—Спасибо за ласку, отвѣчалъ я: пропадайте вы всѣ и съ кашею; мнѣ ѣсть не хочется.— «Упаси тебя угодникъ Божій, соименитый тебѣ Неонъ, нейти со мною! Развѣ тебѣ хочется еще разъ быть сѣчену?»—А за что?—«За то, что не хочешь съ нами ѣсть каши; это значило бы противиться уставамъ общества, о чемъ ужасно и помыслить.»

Нечего было дѣлать: я участвовалъ въ общей трапезѣ, а послѣ въ купаньѣ и отдыхѣ. Но лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольнѣ, какъ и въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «ребята! на работу!» Тотчасъ четыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другаго. Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другаго изъ прочей ватаги, и въ мигъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ. Я попалъ подъ команду Сарвила, философа веселаго, смѣлаго, собою дороднаго и сильнаго, но весьма вспыльчиваго, такъ что, кромѣ сенаторовъ, всѣ въ бурсѣ его трепетали. Отряды сіи двинулись въ молчаніи, и младшіе шли впереди, за ними старшіе, а ходъ заключался философомъ. Какъ скоро прошли мы свой пустырь, то раздѣлились на четыре части, и каждая небольшая шайка сія пошла по особой улицѣ. Мы пошли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію повертывая голову направо и налѣво. По приказанію его, мы остановились подъ окнами одного виднаго дома, и онъ, подозвавъ меня, сказалъ: «Это домъ зажиточнаго купца; поди, спроси!» Опрометью устремился я къ воротамъ, отворилъ калитку и вошелъ на большой дворъ. У самаго входа въ домъ стоялъ большой столъ, за коимъ сидѣли: хозяинъ—судя по платью,—жена его и дѣти, и всѣ полдничали. Снявъ бриль, съ робостію подошелъ я къ столу и трепещущимъ голосомъ сказалъ хозяину: тебя приказано спросить.—«О чемъ и кто?»—Философъ Сарвилъ, а о чемъ не знаю!—Купецъ и жена его улыбнулись, а дѣти захохотали. «Твой философъ,» сказалъ хозяинъ, «пови-

димому, не весьма разумный человѣкъ, что посылаетъ спросить у меня, не сказавши о чемъ. Гдѣ этотъ философъ?»—За воротами! —«Такъ поди же ты, спроси, чего онъ отъ меня хочетъ.»—Я выбѣжалъ на улицу, и на вопросъ: что сказалъ хозяинъ? отвѣчалъ съ потупленными глазами: онъ сказалъ, что ты, невидимому, не весьма разумный человѣкъ, когда послалъ меня спросить у него, не сказавши о чемъ.— Философъ заскрипѣлъ зубами. «Ахъ, ты проклятый!» вскричалъ онъ, и такую отвѣсилъ мнѣ пощечину, что у меня глаза ушли подъ лобъ и я опрокинулся на землю. «Поди ты, сказалъ онъ другому бурсаку, и спроси.» Сей бросился какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и возвалъ громогласно: дозволяется!— Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ и стали полукругомъ около стола сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила, такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтянули, и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ обнялъ меня. Представь себѣ, кто хочетъ, высокаго чернаго мущину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами.—Трепеща всѣмъ тѣломъ, я вообразилъ: что будетъ со мною, если сей ужасный философъ дастъ другую пощечину? Я погибъ невозвратно!—Тутъ не могъ я удержать слезъ и утиралъ ихъ кулаками.

Концертъ конченъ. Сарвилъ, подошедъ къ самимъ хозяевамъ, протянулъ руку и проговорилъ рѣчь, которую кончилъ желаніемъ хозяину и хозяйкѣ съ чадами и домочадцами счастія и многолѣтія. Едва замолкъ онъ, какъ вся ватага воскликнула многая лѣта.

Когда все утихло, то ласковый хозяинъ поднесъ философу большую чарку водки и сунулъ въ руку сколько-то денегъ; по приказанію доброй хозяйки, въ нашъ мѣшокъ высыпана мѣрка гороха, впущена часть свинины и оставшійся отъ полдника большой кусъ жаркой говядины.

На другой день явился я въ классѣ. Помня вчерашніе Касторовы разсказы, что здѣсь бьютъ по рукамъ лопатками за излишнее вниманіе и прилежность, я рѣшился избѣжать сей лестной награды и началъ безпрестанно вертѣться на скамейкѣ, толкать товарищей, безъ нужды кашлять, чихать и дѣлать всякія непотребства. Учитель только смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Когда урочное время прошло, то онъ по прежнему подозвалъ меня къ себѣ, велѣлъ протянуть руки и разнять ладони; послѣ чего влѣпилъ въ каждую по дюжинѣ уже ударовъ лопаткою. По пропѣтіи молитвы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Что за диковинная вещь! говорилъ я со слезами, потирая горящія ладони: за прилежаніе бьютъ и за лѣность бьютъ! Видно, то-

варищъ мой Касторъ самъ ничего не знаетъ. Нечего уже у него болѣе и спрашивать, кромѣ развѣ объ уставахъ бурсы.

Точно такъ прошли остальные три дни въ недѣлѣ; но какъ я— сколько малолѣтенъ ни былъ— догадался, что если уже необходимо должно мнѣ быть биту, то пусть лучше бьютъ за прилежаніе и успѣхи, нежели за лѣность и невѣжество: почему знать, думалъ я, можетъ быть за это скоро удостоенъ буду въ діаконы!

На семъ основаніи я сдѣлался столько прилеженъ, внимателенъ и рачителенъ ко всему преподаваемому въ классѣ, что не могъ бы уже увеличить сихъ качествъ, хотя бы отбили лопатками обѣ руки по самые локти; но, къ великому моему удивленію и горести, удары каждый день увеличивались, такъ что къ субботѣ ладони мои распухли какъ подушки. Въ сей роковой день, по окончаніи класснаго ученія, двое сторожей внесли скамейку и поставили по серединѣ комнаты, другіе двое явились съ пуками лозъ. По мановенію наставника, они схватили меня, разложили на скамьѣ и начали оказывать удальство свое. Нѣтъ! это уже не крапивные удары въ бурсѣ.

Разумѣется, что я вопіялъ, сколько силъ доставало, призывалъ всѣхъ святыхъ во свидѣтели своей невинности; тщетно: удары сыпались градомъ, и вскорѣ я не могъ уже кричать. Истязаніе прекращено, я снятъ со скамьи и, одѣтый, поведенъ къ наставнику, но какъ не могъ держаться на ногахъ, то два сторожа меня поддерживали. По данному знаку, всѣ школьники удалились, и тогда учитель взглянулъ на меня съ милостивою улыбкою, произнеся: «Я тобою весьма доволенъ, Неонъ Хлопотинскій! Ты учился весьма прилежно, велъ себя скромно и въ теченіи всей седмицы доказалъ примѣрное терпѣніе и послушаніе — добродѣтели, необходимыя для всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе. Сей день есть послѣдній день твоего испытанія. Продолжай учиться съ возможнымъ раченіемъ, веди себя скромно и честно повинуйся установленнымъ надъ тобою властямъ, и ты будешь счастливъ. Я уже наказалъ твоему консулу, чтобы онъ имѣлъ особенное за тобою наблюденіе. Вотъ тебѣ злотый (а). Употреби его на сродныя лѣтамъ твоимъ лакомства. Я буду имѣть особенное къ счастію твоему вниманіе. Прощай и иди съ миромъ. Я поцѣловалъ руку сего пастыря, всталъ, вышелъ и въ одинъ мигъ выбѣжалъ за монастырскія ворота. Вертясь на незабвенной скамейкѣ, я думалъ, что не скоро въ силахъ буду и ползать; а теперь сдѣлался столь твердъ на ногахъ и крѣпокъ во всемъ тѣлѣ, что могъ скакать, какъ жеребенокъ. На рынкѣ купилъ я двѣ булки, одну для себя,

(а) 15 копѣекъ серебромъ, польская монета.

а другую для Кастора, ибо въ продолженіи цѣлой недѣли онъ болѣе всѣхъ оказывалъ мнѣ доброхотства.

Б. ИЗЪ РОМАНА: ДВА ИВАНА, ИЛИ СТРАСТЬ КЪ ТЯЖБАМЪ (1825). ([3]).

День клонился къ окончанію, но веселье въ домѣ гостепріимнаго хозяина (а) не уменьшалось. Великое множество посѣтителей не было ему въ тягость. Онъ угощалъ мущинъ, жена его женщинъ. Панъ Харитонъ водилъ гостей по саду, хотя сентябрскіе вѣтры побили уже половину древесныхъ листьевъ; по гумну, гдѣ вычислялъ, сколько каждый стогъ ржи дастъ ему пѣннику; по скотному двору, гдѣ имѣлъ случай похвалиться быками и коровами, козлами и баранами. Его супруга изъ окна показывала пріятельницамъ толпы куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, повѣствуя о нравѣ и привычкахъ каждаго пѣтуха и каждой курицы. Не утѣшно ли это?

Когда всѣ собрались опять въ комнату, гдѣ столъ уставленъ былъ корчагами съ дымящеюся варенухою, и гости и хозяинъ поставили, гдѣ попало, свои кубки, услышали на дворѣ стукъ колесъ и лошадиный топотъ, и вскорѣ является въ собраніе человѣчекъ низменный, лѣтъ въ пятьдесятъ, но за то довольно пространный въ чревѣ и широкій въ раменахъ. Лысина его свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. Кто же былъ этотъ гость? Писецъ сотенной канцеляріи панъ Анурій. Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ его, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухою. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда три кубка перелились въ его утробу, то онъ, избоченясь, произнесъ: «что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавая мнѣ сей свертокъ бумагъ, сказалъ: поѣзжай, дружище, и бумаги сіи отдай самолично пану Харитону. Изъ сего заключаю», продолжалъ Анурій, «что онѣ благопріятны, ибо въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь.» —Понимаю, понимаю! сказалъ панъ Харитонъ, и съ улыбкою вышелъ. Едва успѣлъ панъ Анурій управиться съ четвертымъ кубкомъ, какъ панъ Харитонъ явился съ дарами и предложилъ ему новую шляпу изъ лучшей коровьей шерсти, новые сапоги, напитанные самымъ чистымъ дегтемъ, и глиняную трубку работы перваго гончара въ Полтавѣ. Панъ Анурій принялъ благосклонно подносимое и бросился къ своей одноколкѣ для укладки; послѣ чего, вошедъ въ собраніе съ большимъ запечатаннымъ сверткомъ бумагъ, учтиво подалъ оный пану Харитону и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ. Панъ Харитонъ, просмотрѣвъ бѣгло каждый листъ, сказалъ: у меня послѣ случившихся

(а) Харитона Занозы.

тревогъ глаза что-то мутны; потрудись, панъ Анурій, самъ прочесть. Опредѣленіе сотенной канцеляріи не есть тайна. — Панъ Анурій съ важностію взялъ бумаги, вынулъ опредѣленіе, надѣлъ очки и началъ читать:

«Панъ Харитонъ Заноза жалуется, что паны Иваны Зубарь и Хтара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухъ сотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

«Сотенная канцелярія, по долгу своему вникнувъ въ сіи обстоятельства, опредѣляетъ:

1. Предположа, что у пана Харитона при сгорѣніи голубятни погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухъ сотъ, т. е. двѣсти одинъ, то, назнача высшую цѣну за каждаго по полушкѣ, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копѣекъ съ полушкою. Но какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ пищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно настоящаго, чистаго убытку принесли на пять копѣекъ; прочіе же голуби частію разлетѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть: и такъ они изжарились по доброй волѣ.

2. У пана Ивана старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ и, по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ каждый таковой улей стоитъ шестьдесятъ копѣекъ: и такъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключа изъ сей суммы пять копѣекъ, панъ Харитонъ причинилъ пану Ивану старшему истиннаго убытку на двадцать девять рублей девяносто пять копѣекъ, каковыя деньги въ теченіи трехъ дней и долженъ непремѣнно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ сотенной канцеляріи удержится двадцать восемъ рублей девяносто пять копѣекъ; за тѣмъ остающійся цѣлый рубль имѣетъ быть выданъ пану Ивану старшему съ роспискою.»

Кто опишетъ бѣшенство пана Харитона! Онъ ломалъ на рукахъ пальцы, стучалъ въ полъ ногами и страшно поводилъ глазами. Наконецъ вскочилъ какъ отчаянный, подбѣжалъ къ изумленному писцу, выхватилъ роковое опредѣленіе, изорвалъ въ лоскутки и кинулъ въ глаза послу сотенной канцеляріи. Со всѣхъ сторонъ раздался шумъ и ропотъ. Панъ Харитонъ ничему не внималъ; онъ вопіялъ, оборотясь къ писцу: За чѣмъ же вы разъѣзжали на лошадяхъ моихъ? а? За чѣмъ орали землю моими волами и засѣвали ее моими сѣменами? а? За чѣмъ пожирали моихъ овецъ и барановъ и изъ шкуръ ихъ дѣлали себѣ шубы? а? За чѣмъ брали у меня деньги, душегубцы, бездѣльники, разбойники? За чѣмъ выманивали у меня деньги, говорю я, когда не хотѣли держать мою сторону? а?

Съ симъ словомъ — къ ужасу всѣхъ гостей и семействъ ихъ,

ибо на громоподобный ревъ пана Харитона сбѣжались всѣ жены и дочери собесѣдниковъ—онъ поволокъ пана Анурія за воротъ, вытащилъ на дворъ, схватилъ въ охапку, стукнулъ въ одноколку, подалъ вожжи въ руки сидящему и, давъ двѣ добрыя позатыльщины, схватилъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь, то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ, туда же выскоча, кричалъ вслѣдъ писцу: «скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ сотенной канцеляріи, что они беззаконники и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ полковой канцеляріи!»

Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ злѣйшимъ врагомъ своимъ по дѣлу о сожженной голубятнѣ и истребленной пасѣкѣ, паны Иваны съ торжествомъ ѣхали изъ города въ свою обитель, какъ на серединѣ дороги у стоявшей корчмы увидѣли они одноколку и тотчасъ узнали, кому принадлежитъ оная. «Вотъ кстати,» сказалъ Иванъ старшій: «возьмемъ у Анурія принадлежащій намъ рубль и хорошенько его попотчуемъ.»

Вошедъ въ сборную комнату, они и подлинно увидѣли пана Анурія за столомъ сидящаго у сулеи въ самомъ пасмурномъ положеніи. «Что такое, панъ Анурій?» вскричалъ Иванъ старшій: «сулея у самаго рта и печальный видъ—это что-то не клеится. Жидъ! подай-ка еще двѣ сулеи, съ чѣмъ хочешь, только бы съ самыми лучшими душами! Право, ты, панъ Анурій, великій дѣлецъ и весьма проворенъ! Возможно ли только въ такое короткое время управиться съ такою буйною головою, какова у негоднаго Занозы!»—И подлинно управился! сказалъ Анурій съ горькою улыбкою и, наливъ кубокъ, пилъ изъ него съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Паны Иваны диковину сію замѣтили съ удивленіемъ, приступили съ разспросами, и Анурій разсказалъ все подробно. Выслушавъ съ подобающимъ вниманіемъ о семъ приключеніи, отъ существованія Малороссіи неслыханномъ, паны Иваны сердечно возрадовались, и старшій восплескалъ руками. Анурій показалъ весьма недовольный видъ и спросилъ:—Не ужели вы, коихъ я считалъ моими друзьями, можете радоваться, что затылку моему достались оплеушины, а спинѣ полновѣсные удары дубиною?—«Никакъ,» отвѣчалъ Иванъ старшій: «мы радуемся и веселимся не тому, что именно тебѣ, нашему другу и ходатаю, достались славные побои, но тому, что они даны именитому писцу сотенной канцеляріи дерзкою рукою злобнаго Занозы. Мы надѣемся, что сіе злодѣяніе скорѣе его доконаетъ, чѣмъ застрѣленные кролики, перебитые гуси, утки, овцы и наконецъ истребленная пасѣка! Шутка ли только! Пану Анурію, мужу, посѣдѣвшему и оплѣшивѣв-

шему среди бумаги, чернилъ и перьевъ, надавать позатыльщинъ и разъ десять огрѣть орясиною!»— Ровно двѣнадцать разъ огрѣлъ онъ, отвѣчалъ надменно панъ Анурій, а въ тринадцатый замахнулся и хотя сдѣлалъ промахъ, но все его должно счесть за ударъ. Притомъ же, при безчисленномъ множествѣ шляхтичей и шляхтянокъ, онъ поносилъ самыми безчестными ругательствами сотника и всю сотенную канцелярію; волокъ меня чрезъ всю комнату,— что все равно, какъ черезъ весь домъ, — за воротъ, которой достаетъ, какъ видите, до затылка,— а потому все равно, какъ бы волокъ за чубъ. О паны Иваны! если вы тому радуетесь, что Харитону Занозѣ достанется за сіе богопротивное дѣло съ лихвою, то мнѣ это любо! О, если бы у него было и вдвое имѣнія болѣе, нежели сколько онъ имѣетъ, то и его было бы недостаточно заплатить мнѣ за безчестье и увѣчье. Нѣтъ! надобно будетъ ему познакомиться съ городскою тюрьмою и отвѣдать, какой вкусъ имѣетъ черствый хлѣбъ и прѣсная вода. Вотъ вамъ рука моя, что это сбудется и притомъ скоро!

[1]) Василій Трофимовичъ Нарѣжный род. 1780 г., полтавской губерніи въ Миргородскомъ уѣздѣ. Находясь при своихъ родителяхъ до одиннадцатилѣтняго возраста, онъ обучался подъ руководствомъ своего дяди, Андріевскаго-Нарѣжнаго, который въ 1792 г. помѣстилъ его въ дворянскую гимназію при москов. университетѣ. Въ 1798 г. Нарѣжный произведенъ въ студенты, а въ слѣдующемъ переведенъ въ университетъ. Въ 1801 г., при выпускѣ изъ университета, награжденъ серебряной медалью и офицерскимъ чиномъ. Того же 1801 г. поступилъ на службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ правителю Грузіи, Коваленскому, а потомъ опредѣленъ секретаремъ въ Лорійскую управу, гдѣ и находился до 1804 г. Отсюда онъ поступилъ въ экспедицію государственнаго хозяйства (по министерству внутреннихъ дѣлъ); произведенный 1806 г. въ титулярные совѣтники, назначенъ кабинета Его Величества въ горную экспедицію помощникомъ экспедитора. Въ 1811 г. получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а въ 1813 г. вышелъ въ отставку и женился. Въ это то время написалъ онъ романъ: «Россійскій Жильблазъ», котораго первыя три части были напечатаны, а остальныя три запрещены. Это обстоятельство крайне огорчило Нарѣжнаго и даже было причиною, что онъ почти оставилъ авторство и началъ думать о поступленіи вновь на службу. Черезъ два года послѣ отставки, онъ былъ опредѣленъ, въ 1815 г., въ инспекторскій департаментъ главнаго штаба Е. И. В.; въ 1816-мъ, за быстрое приведеніе запущенныхъ дѣлъ въ порядокъ, награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени, съ назначеніемъ исправлять должность начальника отдѣленія; въ 1818-мъ, произведенъ въ надворные совѣтники. Съ этого времени до 1821 г. онъ утро посвящалъ службѣ, а вечера исключительно литературѣ. Сидячая жизнь при напряженномъ трудѣ оказала гибельное вліяніе на его здоровье и сократила его жизнь. Онъ умеръ 1825 г., сорока пяти лѣтъ отъ роду. Отличительными его свойствами были простота, непринужденное обращеніе со всѣми, веселый и шутливый нравъ. Онъ чрезвычайно лю-

билъ дружескія бесѣды, которыя оживлялъ чтеніемъ собственныхъ произведеній или юмористическими разсказами. Изъ языковъ онъ зналъ лат., франц. и нѣм.

Сочиненія:

Димитрій Самозванецъ, траг. въ 5 д. (сочин. 1800 г., нап. 1804).

Россійскій Жильблазъ, или похожденія князя Гаврилы Семеновича Чистякова (1814). Напечатаны только три части; остальныя три части не были допущены къ печатанію и хранятся въ рукописи у сына автора.

Славенскіе вечера, книжка 1-ая (1809). Второе изданіе, съ прибавленіемъ 2-ой книжки, 1826 г.

Аристіонъ, или перевоспитаніе. Справедливая повѣсть, 2 ч. (1822).

Бурсакъ, малороссійская повѣсть. 4 ч. (1824). Другое изд. 1860 г.

Новыя повѣсти, 3 ч. (1824).

Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ, 3 ч. (1825).

Черный годъ или Горскіе князья, 4 ч. (1829).

Второе изданіе сочиненій Нарѣжнаго, подъ названіемъ «Романы и повѣсти», вышло въ 10 ч. (1836).

[2]) Въ этой повѣсти главное дѣйствующее лице (Неонъ) разсказываетъ свои похожденія: изъ мнимаго сына дьячка Варуха онъ, подъ конецъ разсказа, оказывается внукомъ малорусскаго гетмана. Варулъ—пріятель Варуха, келейникъ ректора переяславской семинаріи, куда поступилъ Неонъ.

[3]) Содержаніе романа видно изъ его заглавія: это-страсть къ тяжбамъ. Два друга шляхтича, Иванъ старшій и Иванъ младшій, поссорились за пустяки съ сосѣдомъ, шляхтичемъ Харитономъ Занозой, и начали съ нимъ процессъ, который, послѣ многихъ лѣтъ, кончился миролюбивой сдѣлкой: сыновья двухъ Ивановъ, Коронатъ и Никаноръ, воспитанники полтавской семинаріи, женились на дочеряхъ Занозы.

XXIV.

МЕРЗЛЯКОВЪ. [1].

А. НА РАЗРУШЕНІЕ ВАВИЛОНА (1805) [2].

Свершилось! нѣтъ его! — сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надменной,
Упалъ!... еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой!
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ!
Яремъ позорный прекратился,
Желѣзный скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!

Таковъ Егова, царь побѣдъ!
Таковъ предвѣчный правды мститель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изсякло море нашихъ бѣдъ!
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу подъемлетъ къ небесамъ;
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
Ты умеръ наконецъ! вѣщали,—
Теперь чего страшиться намъ?

Трясется адъ, сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, герои царствъ прошедшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ
Чудовище земли узрѣть:
«Какъ! ты, равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнялся съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть!»
Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ?
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надменность звукъ побѣдъ?
Ты не взялъ ничего съ собою;
Какъ тѣнь, изчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней.
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье;
Твой домъ есть ночь, твой одръ—гніенье,
Покровъ—кипящій рой червей!
Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало,
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло:
Сегодня смотришь—блескъ изчезъ.
Вчера смирялъ народы въ страхѣ:
Смиренъ сегодня, тлѣешь въ прахѣ.
Вчера мечталъ съ собою ты:
«Взнесусь, пойду надъ облаками,
«Поставлю тронъ между звѣздами,
«Попру Сіона высоты!
«Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
«Устрою небеса чертогомъ
«И буду въ немъ всесильнымъ Богомъ!»...
Изрекъ—и превратился въ прахъ.
Идетъ сегодня путникъ бѣдный
И зритъ въ пустынѣ трупъ твой блѣдный,
На пищу брошенный звѣрямъ:
Стоитъ, не вѣритъ въ изумленьи,
Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ.
Не се ли ужасъ нашихъ дней?
Не се ли варварской десницей
Содѣлалъ цѣлый міръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей?...
Никто предъ смертію не станетъ;
Но память добрыхъ не увянетъ:
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ.
Благою вѣрой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный,
Онъ спитъ въ обители отцовъ!
Единъ твой трупъ, въ позоръ и срамъ,
Лежитъ на грозномъ полѣ брани;
Земля послѣдней бѣдной дани
Не хочетъ дать твоимъ костямъ;
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель,
Лежишь межъ трупами враговъ,
Лишенный чести погребенья:
А тамъ — летитъ духъ бурный мщенья
Противъ сыновъ твоихъ сыновъ!
Рази, губи, карай злой родъ,
Прокляты вѣтви корня злова!
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова,
Въ нихъ новый плѣнъ для насъ растетъ.
Всесильный рекъ: «Я самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
И истреблю все племя злыхъ!
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся,
Ихъ земли моремъ поглотятся,
Погибнетъ съ шумомъ память ихъ!»
Изрекъ—и святъ Его обѣтъ,

И вѣчно нерушимо слово!
Изрекъ—событіе готово!
Израиль! лести въ Богѣ нѣтъ...
Егова сломитъ рогъ тиранства
И узы тягостныя рабства
Огнемъ и кровію сожжетъ;
Подниметъ руку надъ вселенной...
Кто громъ удержитъ разъяренной?
Кто съ Богомъ брани въ брань пойдетъ?

Б. ВЕЛИЗАРІЙ, РОМАНСЪ (1806). (3).

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,—
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для готѳовъ, вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей,—
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

Несчастный,—за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,—
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарью благодѣтель!...»

В. ИЗЪ ПОСЛАНІЯ О СТИХОТВОРСТВѢ (1808).

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій ликъ на шеѣ лошадиной,
Все тѣло перьями и шерстью распестритъ,
И части всѣхъ родовъ въ урода помѣститъ;
Начавъ красавицей чудесное творенье,
Окончитъ рыбою, себѣ на прославленье....
Пизоны! можете-ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?
Повѣрьте мнѣ, друзья, съ такимъ малярствомъ сходны
И проза, и стихи, гдѣ мысли разнородны,
Какъ грезы соннаго или больнаго бредъ
Безъ толку смѣшаны на собственной свой вредъ:
Съ ногами голова въ мучительномъ расколѣ.
Вы скажете: «Поэтъ и живописецъ въ волѣ,
Что могутъ—выдумать, что въ умъ придетъ—писать!»

Кто споритъ? Кто дерзнетъ права сіи отнять?
Съ охотой ихъ даемъ, и смѣло просимъ сами:
Но только съ тѣмъ, чтобъ лугъ украшенъ былъ цвѣтами
Весной, а не зимой; чтобъ въ вымыслахъ пѣвца
Съ мышами не жилъ котъ, а съ тиграми овца.
Начала пышныя нерѣдко обольщаютъ:
Ждемъ важнаго—и что-жъ? На рубищѣ мелькаютъ
Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки:
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки;
Тамъ стонетъ мрачный лѣсъ; тамъ башня смотритъ въ волны;
Тамъ радужный чертогъ; тамъ Реинъ думы полный!..
Къ чему сей громкій вздоръ? Я дѣло знать спѣшилъ.
Положимъ: кипарисъ ты кистью оживилъ,—
Прелестно! Да за чѣмъ онъ въ страшной сей картинѣ,
Гдѣ буря, гдѣ корабль? Хозяинъ самъ въ пучинѣ
Тонулъ и вышелъ вонъ.... чтобъ дать тебѣ за трудъ?
Положимъ: на-заказъ работаешь сосудъ—
Мнѣ страшной бочкою казался онъ сначала;
Но ты вертѣлъ, вертѣлъ: изъ бочки кружка стала!
Намъ правило дано природою самой:
Да царствуетъ вездѣ *единство съ простотой*!

Такъ! Часто мы, пѣвцы, не истиной единой,
Плѣняемся красотъ обманчивой личиной:
Я краткость сохранилъ — нельзя понять меня;
Пріятность, легкость есть—нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить—въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть — и въ прахѣ пресмыкаюсь;
Я въ вымыслахъ богатъ — но что-жъ въ моихъ стихахъ?
Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ вепрь въ волнахъ!
Спасаясь отъ бѣды, въ другую вязну болѣ.
Одинъ изъ хитрецовъ, въ Эмиліевой школѣ,
На бронзѣ изражалъ, въ диковинку, людей,
И мягкость волосовъ, и нѣжный видъ ногтей:
Искусство жалкое! Что пользы въ немъ для свѣта,
Когда не можетъ дать намъ цѣлаго предмета?
Нѣтъ! съ умникомъ такимъ стоять мнѣ на-ряду
Есть то же, что имѣть отъ бога на роду
Кривой, нескладный носъ съ прекрасными глазами
И губки алыя съ отвислыми ушами!
Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ;
Какъ съ берега пловецъ объемлетъ путь пространный,

Вникайте въ свой предметъ и будьте постоянны.
Кто выбралъ хорошо и осмотрѣлъ свой трудъ,
Къ тому порядокъ, связь и мысли притекутъ.
Богатый, чѣмъ начать, чѣмъ кончить, угадаетъ,
Всему число, и часъ, и мѣсто назначаетъ.
Что лишнее—долой; что нужно—то въ запасъ;
Что должно говорить — то говоритъ сей часъ;
Что можно отложить—до времени оставитъ!...
Разборчивъ, точенъ, строгъ, самимъ собою правитъ.
Онъ знаетъ силу словъ, умѣетъ соглашать
И связью хитрою имъ новый видъ давать.

Исправность въ правилахъ не дастъ еще вѣнца.
Искусство намъ блеститъ, но хладными лучами;
Лишь чувство ихъ живитъ, лишь чувство правитъ нами.
По взгляду въ ближнемъ мы участіе беремъ:
Съ веселымъ—веселы, съ печальнымъ слезы льемъ.
Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
Ты скученъ, слабъ: я сплю, или кляну тебя!
Ты въ горѣ—въ мракъ одѣнь и стихъ свой и себя;
Ты въ гнѣвѣ—поражай грозящими устами;
Ты гордъ—повелѣвай; шутливъ—рѣзвися съ нами.
Природа хитрая сердца своихъ дѣтей
Устроила для всѣхъ способными страстей:
Теперь мы радостны, но мигъ—трепещемъ въ страхѣ;
Съ надеждой въ небесахъ, съ отчаяньемъ во прахѣ.
Языкъ—органъ души, толковникъ думъ нѣмыхъ,
Языкъ равно течетъ съ движеньемъ чувствъ моихъ.
Слова, съ твоей судьбой и званіемъ несходны,
Наскучатъ знатокамъ, возбудятъ смѣхъ народный.
Мнѣ скажетъ разговоръ, кто рабъ, кто дворянинъ,
Гдѣ сѣтуетъ отецъ, гдѣ споритъ пылкій сынъ,
Гдѣ мать въ кругу дѣтей и гдѣ она съ гостями.
Поселянинъ, купецъ, бывалый за морями,
Аргивянинъ, халдей, колхидецъ, скиѳъ простой,
Всѣ въ добромъ и худомъ отмѣнны межъ собой!
Послѣдуй мнѣнію, или молвѣ народа,
Будь самъ зиждителемъ и дѣйствуй, какъ природа.
Согласное въ частяхъ одѣнь въ приличный видъ!
Ахиллъ передъ тобой пусть яростный грозитъ,
Жестокъ, неумолимъ, которому законы

Даютъ война и честь, и въ свѣтѣ нѣтъ препоны;
Пускай Медея адъ громами клятвъ трясетъ;
Пусть Іо странствуетъ, дщерь Кадма слезы льетъ,
Орестъ задумчивый готовитъ убіенье,
И строитъ Иксіонъ на святость покушенье!—

Г. Пѣсня: «Среди долины ровныя» (1811).

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣстый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ-ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ-ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близъ него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву рости!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми: поклонъ, да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими: поклонъ, да пара словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь!
Возьмите-же все золото, всѣ почести назадъ:
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

Д. Пѣсня: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить».

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить:
Пришло время, начало сердце крушить.
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело!
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло:
Полюбя дружка, отъ горести изныть,
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди всѣ украдкою глядятъ,
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ....
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой!

Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной;
Было время и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ,
А не всякій погорюетъ обо мнѣ!
Что же дѣлать съ горемышной головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него;
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!....
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить.

Е. ПѢСНЯ: «ЧЕРНОБРОВЫЙ, ЧЕРНОГЛАЗЫЙ».

Чернобровый, черноглазый,
Молодецъ удалый,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!
Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?
Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-скукѣ
Ретиваго сердца!
Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой;
Покажу ему платочекъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ,
Изсуши горючи слезы
На бѣлой ты груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими....

Воетъ сыръ боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ;
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!
Не ходить-бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать-было глазами
Пригожихъ, удалыхъ!
Не любить-бы красной дѣвкѣ
Молодаго парня;
Поберечь-бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

Ж. РАЗБОРЪ ТРАГЕДІИ СУМАРОКОВА: «ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ». (1817). (4).

Дмитрій Самозванецъ въ 1771 году въ первый разъ представленъ на императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Сія трагедія, кажется, была счастливѣе всѣхъ трагедій Сумарокова, чему, безъ сомнѣнія, весьма много способствовалъ выборъ содержанія, какъ

ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго; потомъ не мало помогло самое искусство актеровъ, уже достигшихъ до весьма важной степени совершенства. Въ это время составлена была довольно полная труппа, главою и красотою которой былъ почтенный Дмитревскій, окруженный знаменитыми сотрудниками Волковымъ и Крутицкимъ ([5]). Не почитаю нужнымъ разсказывать здѣсь содержанія трагедіи Самозванца: оно всѣмъ извѣстно, ибо ни одна трагедія, не только Сумарокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей, безъ сомнѣнія, не имѣла столько представленій, сколько Дмитрій Самозванецъ. Должно признаться, правда, что и стихотворство въ сей трагедіи болѣе обработано, нежели въ другихъ піесахъ возстановителя нашего театра. Есть монологи, которые по крайней мѣрѣ въ представленіи производили и будутъ еще производить весьма сильное дѣйствіе; даже набатный колоколъ въ этой піесѣ, какъ нѣчто напоминающее, можетъ быть, о вѣчевомъ, играетъ довольно важную роль; мѣсто дѣйствія— Кремль, Москва; потомъ бояра русскіе и время, въ исторіи нашей столько важное, какъ переходъ отъ несчастнаго положенія Россіи къ самому счастливѣйшему; низверженіе злобнаго тирана, котораго память проклинается и церковію и обществомъ: все это вмѣстѣ весьма много способствовало тому, чтобы піеса была одною изъ занимательнѣйшихъ для публики россійской.

Вся трагедія заключаетъ въ себѣ послѣній день низверженія тирана, изъ ничтожнаго состоянія вышедшаго, жестоко-лютаго, ненавистнаго, въ отчаянномъ положеніи находящагося. Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы судить о піесѣ. Чего требуетъ такое положеніе? Дѣятельности чрезвычайной во всѣхъ лицахъ враждебныхъ, дружественныхъ и особенно въ самомъ главномъ характерѣ. Кажется, это неоспоримо. Назовемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ трагедіи: Дмитрій Самозванецъ, Парменъ, наперсникъ его, князь Шуйскій, Георгій, Ксенія, военачальникъ и стража.

Я сказалъ уже, что сія трагедія въ продолженіи многихъ лѣтъ была, такъ сказать, царствующая на нашемъ театрѣ; ее всѣ учили наизусть. Однако я смѣю сказать прямо, что она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же автора. Вычислите всѣ необходимыя качества драмы: они всѣ нарушены, или пренебрежены. Вотъ непонятная странность въ уклоненіяхъ всеобщаго вкуса! Драма не можетъ быть безъ дѣйствія, которое составляетъ ея душу. Какое дѣйствіе въ Дмитріи Самозванцѣ? Во всѣхъ пяти актахъ нѣтъ никакого. Дмитрій грозитъ муками, смертію; себя обрекаетъ вѣчно жертвою геєннѣ; ни онъ не дѣйствуетъ, ни противъ него не дѣйствуютъ: ибо изъ разсказа на-

чальника стражи, три раза на сцену приходящаго, только знаемъ, что чернь бунтуетъ, приближается къ Красному крыльцу, входитъ въ государевы комнаты; но никто не отражалъ ее. Кажется, будто хотѣлъ Дмитрій между прочимъ жениться на Ксеніи и отравить свою супругу; но не видимъ, чтобъ сіе намѣреніе произведено было въ дѣйство какимъ-либо образомъ: онъ погибаетъ не отъ другихъ, но самъ собою. И такъ содержаніе сей трагедіи слѣдующее: *тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя.* Это могъ бы онъ сдѣлать и въ первомъ дѣйствіи и даже въ первомъ явленіи,—все бы было равно. Драма должна имѣть единство дѣйствія: какого требовать единства, гдѣ нѣтъ ничего? Далѣе, должны быть сохранены еще единства времени и мѣста. Въ разсужденіи времени, кажется, дѣйствіе началось по утру и оканчивается въ полночь, когда самозванецъ въ самыхъ ужасахъ бунта заснулъ и пробужденъ былъ мечтами грозными, а особливо набатнымъ колоколомъ, возвѣстившимъ послѣдній часъ его. Судя по сему, можно бы сказать, что единство времени соблюдено, если бы только что-нибудь дѣйствовало; но, говоря о сей трагедіи, надобно сказать, что оно *потрачено* и, соотвѣтственно правилу Аристотелеву, точно *потрачено не болѣе одного дня:* въ этомъ правъ Сумароковъ болѣе, нежели въ разсужденіи *мѣста.* Въ цѣлой піесѣ одна декорація, одна зала. Авторъ конечно такимъ образомъ весьма много услуживаетъ содержателямъ театра, избавляя ихъ отъ издержекъ, но нѣсколько обижаетъ наше честолюбіе: онъ думалъ, что мы столько незамѣчательны, столь легковѣрны и просты, что можемъ повѣрить тому, чего никакъ быть не могло; наприм. будто мы повѣримъ, чтобы разговоръ Самозванца съ Пармепомъ, пріемная зала, тронная, опочивальная царская, кабинетъ, гдѣ совѣщаетъ онъ о тайныхъ дѣлахъ государственныхъ, и комната, гдѣ Ксенія видится съ своимъ Георгіемъ, съ Димитріемъ и Шуйскимъ, однимъ словомъ, гдѣ она живетъ и отправляетъ свой туалетъ, гдѣ начинается противъ Самозванца заговоръ и гдѣ сидитъ она подъ стражею, — чтобы все это происходило въ продолженіи столь критическаго времени не только въ одномъ дворцѣ, но и въ одной и той же залѣ. Прибавьте къ тому неизвѣстность мучительную, откуда и какъ кто являлся, и почему выходилъ на сцену или уходилъ съ нея. Особенно очень странно видѣть Ксенію одну, даже безъ наперсницы, въ чертогахъ столь развратнаго и свирѣпаго тирана, видѣть ее вмѣстѣ съ Георгіемъ изъясняющихся весьма нѣжно въ своей страсти, и Шуйскаго, опаснѣйшаго врага Самозванцу, въ его комнатѣ, въ его, такъ сказать, глазахъ разглагольствующаго о существующемъ заговорѣ, дающаго совѣ-

ты Ксеніи и Георгію, объявляющаго скорую гибель тирану. Всѣ лица похожи на китайскія тѣни, переходящія, переносимыя совершенно безвинно изъ одной кулисы за другую, по мановенію деспотическаго прутика стихотворца, который освободилъ себя отъ всякой, даже малѣйшей отвѣтственности природѣ и строгому разсудку.

Дѣйствіе трагедіи должно быть *героическое*: цѣль важная, усилія необыкновенныя, страсти высокія, способности душевныя блистательныя, добродѣтели или пороки въ значительной степени великости. Какая цѣль у героевъ сей трагедіи? Не знаю. Шуйскій нигдѣ не говоритъ о намѣреніи своемъ пріобрѣсть тронъ; Димитрій не боится потерять его и, нимало не удерживаясь отъ злодѣйствъ, кажется, для забавы бесѣдуетъ объ адѣ и геепнѣ. Никто ничего не дѣлаетъ и не знаетъ, для чего не дѣлаетъ; страстей также нѣтъ: ибо если бы точно любилъ Димитрій или юную Ксенію, или самого себя, то бы видно было, что онъ стремится къ цѣли, то есть или къ обладанію княжной, или къ сохраненію трона. Какой характеръ Самозванца? Золъ ли онъ? Правда, что онъ такъ о себѣ сказываетъ; но, по моему, онъ весьма добръ, ибо переноситъ равнодушно всѣ грубыя личныя оскорбленія Георгія и Ксеніи, никому не мститъ, а только грозитъ. Такой человѣкъ весьма неопасенъ; онъ глупъ просто. И такъ нѣтъ дѣйствія героическаго; а изъ того слѣдуетъ, что нѣтъ и характеровъ героическихъ. Еще вопросъ: есть ли по крайней мѣрѣ *какіе-нибудь* характеры? Когда подъ характеромъ разумѣть должно особенныя отличительныя черты одного человѣка, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно показать различія между лицами сей трагедіи: Димитрій не похожъ на Георгія, на Шуйскаго, на Пармена, и каждое лице также. Но когда подъ характеромъ разумѣть то, что всего важнѣе — постоянный образъ дѣйствованія, мыслей, поступковъ, однимъ словомъ поведеніе героя трагическаго; то сія піеса не имѣетъ почти ни одного характера.

Что такое Парменъ? Не знаю. Надобно думать, что онъ весьма приближенный человѣкъ къ Самозванцу; ибо говоритъ ему всегда открыто и смѣло, и тотъ слушаетъ терпѣливо его укоры. Между тѣмъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ-бы онъ показалъ ему свое настоящее усердіе и вѣрность; равномѣрно нѣтъ также ни одного признака и измѣны его или приверженности къ противной сторонѣ. Онъ уговариваетъ Димитрія часто, ободряетъ надеждою на милосердіе Божіе, совѣтуетъ, философствуетъ, но безъ всякаго дѣйствія противъ него или за него. Кажется, въ тайнѣ онъ самъ желалъ и низверженія тирана. Онъ не выставленъ нигдѣ и патріотомъ русскимъ. Шуйскій ему не довѣряетъ, и онъ не имѣлъ уча-

стія въ заговорѣ. Пойдемъ далѣе. Шуйскій — скрытный непріятель Димитрія. Онъ притворяется предъ нимъ каждую минуту и къ тому же принуждаетъ Ксенію и Георгія. Въ однѣхъ и тѣхъ же царскихъ палатахъ онъ и ругаетъ Самозванца и льститъ ему, но впрочемъ не видно ни одного предпріятія, ни одного движенія, ни одной мысли къ низверженію тирана; даже намъ ничего неизвѣстно до самаго третьяго акта, гдѣ, по отшествіи Пармена, говоритъ самъ съ собою Шуйскій:

Лукавствуй ты, иль нѣтъ, Димитрій мной увянетъ, и пр.

До сего времени онъ былъ истинно загадкою. Теперь мы его знаемъ, но все не видимъ никакого дѣйствія. Льстивость и угодливость его предъ тираномъ даже до излишества простерта: онъ такъ явно и дерзко обманываетъ Лжедимитрія, что хитрость его перестаетъ быть хитростію или политическимъ средствомъ; онъ такъ унижается, что нарушаетъ приличія сана своего.

Дѣятельность каждаго лица имѣетъ два средства показать себя: слова и поступки. Шуйскій не сказываетъ и не объясняетъ поступковъ ни своихъ собственныхъ, ни своихъ соучастниковъ: что же можетъ быть въ развязкѣ занимательнаго для зрителя? Не знаю и его характера, ибо не вижу, какъ онъ дѣйствуетъ, не вижу ума, ловкости, силы, вліянія его на общее мнѣніе: вообще нѣтъ ничего особеннаго, важнаго, чѣмъ отличалось бы сіе главное дѣйствующее лице; тѣмъ болѣе жаль этого, что, кажется, Димитрій его боялся. Въ немъ виденъ только человѣкъ, который ожидалъ, что̀ другіе сдѣлаютъ въ его пользу, а самъ пребывалъ въ покоѣ. Въ одномъ этомъ характерѣ онъ выдержанъ *точно* отъ начала до конца: вездѣ ровенъ, то есть вездѣ незанимателенъ.

Ксенія и Георгій—дѣти, водимыя на помочахъ. По молодости своей они иногда спотыкались, падали и убивали себя. Тотъ и другая, по вольности, позволенной дѣтямъ, говорятъ ужасныя грубости и ругательства тирану *милосердому;* иногда философствуютъ, иногда сердятся, ласкаютъ другъ друга, но всегда остаются при своемъ: вся отъ нихъ польза не для зрителей, но для автора та, что они милымъ пастушескимъ или ребяческимъ своимъ болтаньемъ наполняютъ пять актовъ. Должно впрочемъ замѣтить и то, что эпизодъ любви Ксеніи и Георгія, занимающій почти всю трагедію отъ начала до конца, вставленный, кажется, съ намѣреніемъ для произведенія завязки и развязки, совсѣмъ не имѣетъ вліянія на главное дѣйствіе. Надобно было показать, что прежняя супруга дѣйствительно отослана отъ двора или умерщвлена тираномъ; что первый вельможа и князь Шуйскій оскорбленъ былъ требованіемъ дочери своей въ супруги Лжедимитрію, или что, не въ си-

лахъ будучи противиться тирану, онъ выжидалъ случая. Впрочемъ и эти способы не трагическіе, а комическіе. Что теперь трагедія Димитрій Самозванецъ? Анюта и Степанъ, дочери богатаго крестьянина, любятъ другъ друга. Бурмистръ сластолюбивый, сильный и глупый, полюбилъ дѣвушку; онъ требуетъ руки ея у отца и угрожаетъ солдатствомъ и пытками любовнику, отцу и дѣвушкѣ. Но кстати случилось: крестьяне озлобленные, безъ всякаго со стороны обиженныхъ внушенія, ожесточились и довели его до того, что онъ самъ себя зарѣзалъ, не дождавшись законами положенной казни. Сколько оперъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, изъ которыхъ, кажется, взялъ свое содержаніе Сумароковъ для Димитрія Самозванца! Инаго источника не нашелъ онъ. Я говорю: *точно* взялъ, ибо исторія не представляетъ намъ Ксеніи, дочери Шуйскаго; но Ксенія была, по свидѣтельству историковъ, дочь Годунова, прелестная, одаренная всѣми достоинствами тѣлесными и душевными. Не знаю, для чего Сумароковъ выдумалъ сію Ксенію? Пусть бы для того, чтобы Шуйскому посредствомъ брака пріобрѣсть способъ приближиться къ трону, чему видимъ мы весьма многіе примѣры въ честолюбивыхъ вельможахъ. Здѣсь совсѣмъ противное. Шуйскій не хотѣлъ выдать своей дочери за Лжедимитрія и не употреблялъ въ этомъ переворотѣ дочь свою орудіемъ къ достиженію своей цѣли, ибо все дѣлалось за кулисами и не зависѣло нимало отъ сей любви; и кончился сей заговоръ съ успѣхомъ совершенно по другимъ причинамъ, для насъ сокрытымъ. Вы читаете довольно странный стихъ Ксеніи: *избавь Россію мной, о небо правосудно!* Милостивые государи, видѣвшіе и читавшіе сію піесу, скажите: какимъ образомъ спасла Россію Ксенія и какъ любовь ея способствовала спасенію царства въ лицѣ отца и въ ней самой? Послѣ того еще спрашивается: для чего же любовь сія? Но отнимите ее, — что останется въ трагедіи?

Сколько сіи роли ни слабы, ни уродливы, ни малозначительны, однако всѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія лучше роли Димитрія, котораго, признаюсь, описать я силы не имѣю. Не знаю, что̀ хотѣлъ представить въ немъ авторъ; недомѣваю, какое чувство къ нему хотѣлъ возбудить въ зрителяхъ. Въ немъ все склеено несообразное и противоположное въ природѣ. Явная ненависть и удивительно снисходительное терпѣніе, подозрительность и безпечность, могущество и безсиліе, раскаяніе и стремленіе къ новымъ злодѣяніямъ, алчба къ пролитію крови и нерѣшимость, какая-то набожность, кажется, чувствующая всю черноту души своей и готовность злодѣйствовать вновь; сластолюбіе и холодность самая бездѣйственная, пылкость и спокойствіе удивительное, ярость и равноду-

ніе, гордость и терпѣніе ругательствъ и озлобленій чувствительнѣйшихъ,—все это одѣто въ глупость, тупоуміе, фанфаронство, въ безсиліе, въ характеръ послѣдняго слѣпотствующаго человѣка: вотъ летаргическій, нескладный составъ Димитрія душевно и тѣлесно. Онъ любитъ поляковъ, какъ своихъ защитниковъ и друзей, и между тѣмъ нѣтъ при немъ ни одного поляка въ самой крайности его положенія. Онъ сердился и грозилъ только, пока наконецъ самъ собою отправился на тотъ свѣтъ. Въ немъ есть что-то хаосное, безъ намѣренія, безъ движенія, безъ силъ, безъ жизни. Желалъ бы я весьма угадать мысль Сумарокова при составленіи сего чудовища, но догадки мои останутся тщетными. Иногда, кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать его презрительнымъ, но этого мало для трагедіи: презрительное лице не есть трагическое; но ненависть возбуждается не словами, а поступками, а въ цѣлой трагедіи онъ не сдѣлалъ ни шагу ни тайно, ни явно. Иногда, кажется, хотѣлъ показать оттѣнки его прежняго званія и привычекъ, не могущихъ сокрыться и подъ царственною, похищенною имъ порфирою: онъ безпрестанно говоритъ о небѣ, геєннѣ, мукахъ, о гнѣвѣ Божіемъ, о томъ, что онъ лишенъ всякаго помилованія въ семъ и будущемъ вѣкѣ; но что значатъ сіи слова сами по себѣ? Безсовѣстный ростовщикъ, крестясь и молясь, меня грабитъ; но такъ и быть—по крайней мѣрѣ уже грабитъ. Димитрій ничего не дѣлаетъ. Онъ хочетъ подъ окнами своими вѣшать Шуйскаго и Георгія, а въ его чертогахъ уже бунтъ! Онъ въ изступленіи кричитъ стражѣ:

Бѣги! куда бѣжать?

Онъ самъ себѣ говоритъ:

Люблю себя—за что, того не вижу.

И сіе изступленіе угасло вмѣстѣ съ словами! Въ первомъ еще актѣ догадывался онъ, что *мятежъ отъ Шуйскаго*, а не принялъ никакихъ мѣръ: онъ спалъ въ самый тотъ часъ, когда уже весь Кремль былъ въ движеніи и въ комнаты его вторгался народъ, справедливо негодующій.

Ради Бога, объясните мнѣ, какой имѣетъ характеръ Димитрій, или паче увѣрьте меня, что его можно было выставить на сцену! Надобно думать, Сумароковъ чувствовалъ и самъ, что сіе лице или совсѣмъ не представительное, или такое, которое показывается съ особымъ намѣреніемъ: непосредственно и прямо для возбужденія отвращенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ представлять злодѣя отринутаго, проклинаемаго церковію и народомъ,—представлять на сценѣ, удовольствію сладостному посвященной? Такія лица не принадлежатъ драмѣ. Представивъ Лжедимитрія въ лучшемъ видѣ, авторъ погрѣшилъ бы противъ общаго мнѣнія; представивъ такимъ, каковъ онъ теперь, непростительно погрѣшилъ трагикъ про-

тивъ правилъ поэзіи. Въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе сіе неспособно для трагедіи.

¹) Мерзляковъ, Алексѣй Ѳедоровичъ (1778—1830), сынъ небогатаго купца пермской губ., получилъ начальныя основанія въ наукахъ въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ при директорѣ онаго Ив. Иван. Панаевѣ. Тринадцати лѣтъ написалъ онъ «Оду на заключеніе мира со шведами», которая была отправлена къ главному начальнику народныхъ училищъ, гр. П. В. Завадовскому, и чрезъ него представлена императрицѣ Екатеринѣ II. Государыня приказала напечатать это сочиненіе въ издававшемся тогда при Академіи журналѣ и нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя. Сверхъ того повелѣно было Мерзлякова, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, отправить на казенный счетъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 г. Мерзляковъ прибылъ въ Москву и порученъ куратору университета Хераскову, который помѣстилъ его въ гимназію. Отсюда (1798) онъ перешелъ студентомъ въ университетъ. Къ этому періоду занятій относятся первые опыты его стихотвореній, помѣщенныя въ изданіи Подшивалова: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794—1798). Въ тоже время онъ сблизился съ Жуковскимъ и его другомъ, Андреемъ Тургеневымъ, однимъ изъ сыновей директора университета, И. П. Тургенева. Труды воспитанниковъ благороднаго пансіона выходили съ 1800 по 1808 г. (всего 6 книжекъ). Здѣсь, изъ стихотвореній Мерзлякова, особенно замѣчательны: «Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря», «Утро (для дѣтей)» и Гораціева «Наука стихотворная». Въ 1804 г. Мерзляковъ произведенъ въ магистры; того же года, по преобразованіи московскаго университета, занялъ въ немъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи; въ слѣдующій за тѣмъ годъ (1805) получилъ степень доктора и званіе адъюнкта; въ 1807 г., избранъ въ экстраординарные профессоры, а въ 1810-мъ утвержденъ профессоромъ ординарнымъ. Онъ зналъ древніе и нѣсколько новыхъ языковъ: французскій, нѣмецкій и италіанскій. Съ послѣдняго онъ переводилъ очень много. Тассъ, Метастазій и Альфіери были его любимыми писателями.

За два года до нашествія непріятеля, кн. Борисъ Владиміровичъ Голицынъ, предложилъ Мерзлякову въ домѣ его открыть публичный курсъ словесности. Бесѣды начались въ 1812 г. и имѣли предметомъ теорію изящнаго. Война съ Наполеономъ и смерть князя отъ ранъ, полученныхъ на Бородинскомъ полѣ, воспрепятствовали продолженію чтеній. Въ 1815 г. Мерзляковъ издавалъ Амфіонъ (12 книжекъ). Здѣсь напечатаны многія его стихотворенія и переводы изъ древнихъ, также изъ Тасса, и цѣлый почти годъ тянулся разборъ «Россіады», написанный въ формѣ письма къ другу (Жуковскому). Въ 1816 г. возобновились публичныя чтенія о словесности. Курсъ состоялъ изъ 20 лекцій и обнималъ сначала общія правила о краснорѣчіи и поэзіи, потомъ изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій, и наконецъ чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Такимъ образомъ была достигнута цѣль профессора образовать изъ своихъ чтеній нѣкоторый родъ курса словесности, котораго первая часть заключала бы въ себѣ теорію, а другая критику (Біограф. словарь профессоровъ моск. университета, ч. 2).

Переводы и сочиненія Мерзлякова:
Эклоги Виргилія Марона (1807).
Идилліи Дезульеръ (1807).
Краткая Риторика, или правила,

относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ (2 изд. 1817).

Краткое начертаніе Теоріи изящной словесности, 2 ч. (1821—1822). Переводъ изъ Эшенбурга.

Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, съ Разсужденіемъ о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ, 2 ч. (1825—1826).

Освобожденный Іерусалимъ, Тасса, пер. съ итал., 2 ч. (1828).

Краткое руководство къ эстетикѣ, пер. изъ Эшенбурга (1829).

Пѣсни и романсы (1830).

Стихотворенія изданы Обществомъ любителей Рос. словесности въ Москвѣ.

[2]) «Ода, выбранная изъ пророка Исаіи (гл. XIV, ст. 5—28).» Эта ода, вмѣстѣ съ другимъ опытомъ религіозной лирики Мерзлякова: «Пѣснь Моисеева по прохожденіи Чермнаго моря» почитались лучшими переложеніями изъ Св. Писанія послѣ переложенія Ломоносова изъ книги Іова.

[3]) Этотъ романсъ долгое время пользовался извѣстностью въ образованномъ кругу.

[4]) Это одинъ изъ лучшихъ критическихъ разборовъ, написанныхъ Мерзляковымъ. Печатая его, мы исключили стихи, которые критикъ приводилъ изъ трагедіи въ подкрѣпленіе своего объ ней сужденія.

[5]) Здѣсь Мерзляковъ ошибся. Трагедія Димитрій Самозванецъ была представлена черезъ восемь лѣтъ по смерти Волкова († 1763).

XXV.

ЖУКОВСКІЙ. ([1]).

А. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ (1802). ([2]).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность изчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Подъ кровомъ черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ

*

Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,
Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье—
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.

На дымномъ очагѣ трескучій огнь, сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тмѣ убогаго дѣламъ:

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная.... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ;
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами:
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.

Уже ль смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою:
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,

Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ согражданъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать—

Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ—

Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей...

И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою—
И скромный памятникъ, въ пріютѣ соснъ густыхъ,
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.

Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся

И взора томнаго назадъ не обращалъ?

Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;

Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышитъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.

Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто, въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;

«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить.

«Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся,
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.

«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить.»

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;

Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

Б. ЛЮДМИЛА (1808). (3).

«Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ;
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?»
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
«Возвратится ль онъ—мечтала—
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ
Съ грозной ратію славянъ?»
Пыль туманитъ отдаленье;
Свѣтитъ ратныхъ ополченье;
Топотъ, ржаніе коней;
Трубный трескъ и стукъ мечей;
Прахомъ панцыри покрыты,
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратныхъ строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны....
«Возвратились незабвенны!»...
А Людмила?.... Ждетъ — пождетъ....
«Тамъ дружину онъ ведетъ!»
«Сладкій часъ соединенья!»....
Вотъ проходитъ ополченье;
Миновался ратныхъ строй....
Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?
Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ.
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томну голову склонила:
«Разступись, моя могила;
Гробъ, откройся! полно жить;
Дважды сердцу не любить.»
«Что съ тобой, моя Людмила?»
Мать со страхомъ возопила.
«О, спокой тебя Творецъ!»
—Милый другъ! всему конецъ;
Что прошло—невозвратимо;
Небо къ намъ неумолимо;
Царь небесный насъ забылъ....
Мнѣ ль онъ счастья не сулилъ?
Гдѣ жъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое провидѣнье?
Нѣтъ, немилостивъ Творецъ;
Все прости! всему конецъ.—
«О Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.»
—Ахъ! родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой
Не точила слезъ ручьями?

Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней;
Не цвѣсти душѣ моей.
Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?—
«Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ;
Кратко жизни сей страданье;
Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ;
Будь послушна небесамъ.»
—Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай;
Съ милымъ розно—райскій край
Безотрадная обитель.
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала....
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ;
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ....
Чу!... полночный часъ звучитъ.
Потряслись дубовъ вершины;
Вотъ повѣялъ отъ долины
Перелетный вѣтерокъ....
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ.
Вдругъ... идетъ... (Людмила слышитъ)
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо....
Тихимъ шопотомъ сказали....
(Всѣ въ ней жилки задрожали)
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
— Спитъ иль нѣтъ, моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ.—
«Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ.
Знать, тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ же былъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?»
— Близь Наревы домъ мой тѣсный.
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ—
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.
Поздно я пустился въ путь.
Ты моя; моею будь!..
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пѣнье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржалъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ.—
«Переждемъ хоть время ночи;
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи;
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ;
Мѣсяцъ тучами закрытъ.»
—Вѣтеръ буйный перестанетъ;

Стихнетъ боръ, луна проглянетъ;
Ѣдемъ, намъ сто верстъ ѣзды.
Слышишь? Конь грызетъ бразды,
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья.
Мигъ намъ страшенъ замедленья;
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ;
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—
«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колоколъ гудитъ.»
— Вѣтеръ стихнулъ; боръ молчитъ;
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится;
Мигомъ борзый конь домчится.—
«Гдѣ жъ, скажи твой тѣсный домъ?»
—Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный;
Саванъ, крестъ и шесть достокъ.
Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ.—
Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ;
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо нихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.
«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
—Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
«Чу! въ лѣсу потрясся листъ,
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вздрогнулъ конь и отшатнулся;
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ.»
—Близко ль, милый?—«Путь далекъ.»—
Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеекъ.
«Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится;
Мертвый съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой.
Страшно ль, дѣвица, со мной?»
—Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба.—
«Конь, мой конь, бѣжитъ песокъ;
Чую ранній вѣтерокъ;
Конь, мой конь, быстрѣе мчися!
Звѣзды утренни зажглися,
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ.»
— Близко ль, милый?—«Вотъ примчались!»
Слышутъ: сосны зашатались;
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ;
Борзый конь стрѣлой на дворъ.
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди нихъ—Божій храмъ.
Конь несется по гробамъ;
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ, чуть слышный шопотъ—

Какъ усопшихъ тихій гласъ...
Вотъ денница занялась.
Что же чудится Людмилѣ?...
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ,
Страшно доски затрещали,
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася, обручъ хлопъ;
Тихо, тихо вскрылся гробъ....
Что же, что въ очахъ Людмилы?....
Ахъ невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ; женихъ — мертвецъ.
Видитъ: трупъ оцѣпенѣлый,
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ.
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ привсталъ... манитъ перстомъ..
«Конченъ путь: ко мнѣ, Людмила!
Намъ постель—темна могила;
Завѣсъ—саванъ гробовой;
Сладко спать въ землѣ сырой.»
Что жъ Людмила? . . . Каменѣетъ,
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ,
Пала мертвая на прахъ.
Стонъ и вопли въ облакахъ;
Визгъ и скрежетъ подъ землею;
Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
«Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ:
Часъ твой билъ, насталъ конецъ.»

в. Изъ повѣсти: Двѣнадцать спящихъ дѣвъ (1811). (4).

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ него дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникшей головой
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ—сума награда;
Нѣтъ крова защитить главу
Отъ бури, непогоды....
Усталъ я! въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быстры воды.»

Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье—
Старикъ съ шершавой бородой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою...

И тотъ какъ вкопаный стоитъ,
Зря диво предъ собою.

—Куда? невѣдомый спросилъ.—
«Въ волнахъ скончать мученья.»
—Почто жъ, безсмысленный, забылъ
Во мнѣ искать спасенья?—
«Кто ты?» воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
—Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея.—
«Творецъ небесный!»—Удержись!
Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ—мнѣ молись:
Мои вѣрнѣй награды.

—Прими отъ дружбы, Громобой,
Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
Я способы имѣю;
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ—
Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
За друга и за брата.

— Клянусь.... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.—
Невольно вздрогнулъ Громобой,
По членамъ хладъ стремится,
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
Нѣтъ силъ перекреститься.
—О чемъ задумался, глупецъ?—
«Страшусь мученій ада.»
—Но рано ль, поздно ль.... наконецъ
Все адъ твоя награда.

—Тебѣ на свѣтѣ жить—бѣда;
Покинуть свѣтъ—другая;
Останься здѣсь, поди туда—
Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ — бредни: веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

—Тебѣ я теремъ пышный дамъ
И тму людей на службу;
Къ боярамъ, витязямъ, князьямъ
Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ—не болѣ—срокъ
Тебѣ такъ жить богато.

—Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Изчезнетъ за горою,—
Въ послѣдній полуночный часъ
Приду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;

Лукавый принялъ—и пропалъ,
  Сказавши: до свиданья!

Но вотъ.... настал десятый годъ;
  Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
  Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
  Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
  И счастья полны селы.
Не зритъ лишь онъ златой весны:
  Его померкли взоры,
Въ туманъ для нихъ погребены
  Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ—
  «Прости, гласитъ, денница!»
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ—
  «Прости, весны пѣвица!...
Прости—и мирные лѣса,
  И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
  И радости земныя!»
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
  Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: они Творца смягчатъ;
  Невиннымъ Богъ внимаетъ.

И вотъ... настал послѣдній день;
  Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
  Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ.... смерклось.... вотъ луна
  Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
  Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
  Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на поляхъ,
  И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
  У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
  Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
  Сердца ихъ близки раю.
«Увы! молитесь!—(вопіялъ)
  Молитесь, погибаю!»
Младенца внятенъ небу стонъ;
  Невинныя молились;
Но вдругъ.... на нихъ находитъ сонъ...
  Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
  Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
  Вотъ... стая псовъ завыла.
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
  Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась, боръ реветъ,
  И мчится прахъ летучій.
Увы! послѣдній страшный бой
  Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише.... смолкъ... и Громобой
  Зритъ бѣса предъ очами.

—Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ
  Сокрылся за горою;
Ты слышалъ: билъ послѣдній часъ;
  Пришелъ я за тобою.—
«О дай, молю, хоть малый срокъ;
  Терзаюсь, адъ ужасенъ.»
—Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
  И поздній вопль напрасенъ.—
«Минуту!»—Слышишь? Цѣпь звучитъ.—
  «О страшный часъ! помилуй!»

— И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужъ могилу.

—Заутра день взойдетъ во мглѣ:
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья;
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;
И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

—И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время.... идутъ.... часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;
Сошлись.... призывный слышу кличъ....
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ . . . . свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.—
«Спаситель-Царь, вонми слезамъ!»
—Напрасное моленье!—
«Увы, позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье!»

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ—
Сверкнули страшно очи!
—Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать ихъ адской ночи....
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.—
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:

—Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ
На скорби и мученья.

—Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.—
«Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!»
—Ты медлишь? приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!—
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ,
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: «страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!»
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...
О страхъ! свершилось!... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

Г. ИЗЪ ПѢВЦА ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ (1812). ([5]).

Пѣвецъ. На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;

Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе героя!
Воины. Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино
Веселіе героя!
Пѣвецъ. Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ.
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже могучихъ нѣтъ;
Ужъ нѣтъ вождей побѣды;
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами...
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите: въ грозной красотѣ,
Воздушными полками
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами!
О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной!
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной!
И ты, невѣрнымъ страхъ Донской,
Съ четой двухъ сонменныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца—снѣдь мечей!
И міръ взываетъ: слава!
Давно ль, о хищникъ! пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ — костей громады!
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи;
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Взлетѣли тѣни съ воемъ!
Блѣднѣетъ галлъ, дрожитъ сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ...
О горе, горе, сопостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый.
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань
Внимай намъ, вѣчный Мститель!...
За гибель — гибель, брань за брань,
И казнь тебѣ, губитель!
Воины. Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!..
За гибель — гибель! брань — за брань!
И казнь тебѣ, губитель!
Пѣвецъ. Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Тамъ все:—тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцовъ могилы!
Воины. За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!
Пѣвецъ. Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти твоя держава!
Священный тронъ твой—намъ алтарь!
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава!
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О Царь! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ!
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ — славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный.

Д. СВѢТЛАНА (1813). (6).

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?

Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое:
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ!»

—Какъ могу, подружки, пѣть!
Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ:
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышитъ..
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью:
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель!—

Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье...
Робость въ ней волнуетъ грудь;
Страшно ей назадъ взглянуть;
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ:
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ.
Вотъ—легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами.
Занялся отъ страха духъ;
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса;
«Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась—милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками:
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ:
Храмъ блеститъ свѣчами!»—
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли—кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ—пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылой!

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями.
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ—
Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися—и вмигъ
Изъ очей пропали;
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга;
Возвратиться—слѣду нѣтъ.
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ;
Дверь шатнулася, скрипитъ,
Тихо растворилась.

Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло—вьюги нѣтъ;
Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится;
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье!...
Чу, Свѣтлана! въ тишинѣ
Легкое журчанье!
Вотъ глядитъ: къ ней въ уголокъ

Бѣлоснѣжный голубокъ
  Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
  Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ.
  Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
  Мертвый шевелится;
Сорвался покровъ; мертвецъ—
  (Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь: на лбу вѣнецъ;
  Затворенны очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
  Руки охладѣлы.
Что же дѣвица? дрожитъ,
Гибель близко... но не спитъ
  Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ,
  Легкія онъ крылы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
  Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
  Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
  Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
  Смерть изобразилась!
Глядь, Свѣтлана—о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
  Ахъ!—и пробудилась.

Гдѣжъ? У зеркала, одна
  Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
  Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
  День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
  Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
  Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей—
  Радость иль кручину?»

Сѣла—тяжко ноетъ грудь—
  Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
  Виденъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
  Паръ алѣетъ тонкій....
Чу! въ дали пустой гремитъ
  Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
  Санки кони рьяны;
Ближе.... вотъ ужъ у воротъ....
Статный гость на дворъ идетъ....
  Кто? женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
  Прорицатель муки?
Другъ съ тобой: все тотъ же онъ
  Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ,
  Тѣжъ пріятны взоры,
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
  Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
  Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
  Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава—насъ учили—дымъ;
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.»

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

Е. ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ (1815). (7).

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.

Все тѣжъ берега, и поля, и холмы,
И тоже прекрасное небо;
Но гдѣжъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ:
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

*

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море...
Вдругъ видитъ Эсхина—и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина,

И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лице его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ:
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

—Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель!

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?—

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ....
«Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна!

«О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше:
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

«Вотъ счастье, о другъ мой, оно не мечта!
Эсхинъ, я любилъ, и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала!

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

«Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль изчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:

Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же—все ею онъ полонъ.

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни:
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры.

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою!

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой! онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

«Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь;
Отворится.... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ.
Дай руку! близь вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись;
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

«Все Небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство;
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу—Зевесу!»

Ж. ПРОЩАНІЕ ІОАННЫ Д'АРКЪ СЪ РОДИНОЮ (1818). (8).

Простите вы, холмы, поля родныя!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться:
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя...
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать...
Но въ битвахъ я главу твою прославлю:
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ,
Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону.»

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье:
Исполнилось... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;

Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками
стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

3. ПЕРИ И АНГЕЛЪ (1821). (⁹).

Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ.
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,
И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверсты двери
На крылья одинокой Пери.
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена:
«Тамъ духи свѣта обитаютъ!
Для нихъ цвѣты благоухаютъ
Въ неувядаемыхъ садахъ!
И на землѣ, и на водахъ,
И на свѣтилахъ поднебесныхъ,
Есть много мнѣ цвѣтовъ прелест-
ныхъ,—
Но я чужда ихъ красоты:
Они не райскіе цвѣты!
Обитель роскоши и міра,
Свѣжа долина Кашемира:
Тамъ свѣтлы озера струи,
Тамъ сладкогласные ручьи,—
Но что ихъ блескъ передъ бли-
станьемъ,
Что сладкій гласъ ихъ предъ жур-
чаньемъ
Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ!
Направь стремительный полетъ
Къ безчисленнымъ звѣздамъ со-
зданья,
Среди ихъ пышнаго блистанья
Неизмѣримость пролети,
Всѣ ихъ блаженства изочти,
И каждое пусть вѣчность длится...
И вся ихъ вѣчность не сравнится
Съ одной минутою небесъ!»
И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ Пери.
Но Ангелъ, стражъ Эдемской двери,
Ее, прискорбную, узрѣлъ;
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ,
Онъ вслушался въ ея стенанья,
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса:
Такъ чистой каплею роса
Въ сіяньи райскаго востока,
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на свѣтѣ голубомъ,
Который дышитъ лишь въ одномъ
Саду небесъ (гласитъ преданье).
И онъ сказалъ ей: «упованье!
Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ.
Лети—найди—судьба проститъ:
Впускать утѣшно примиренныхъ!»

Быстрѣй кометъ воспламенен-
ныхъ,
Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей,
Которые во тьмѣ ночей
Въ десницѣ ангеловъ блистаютъ,
Когда съ небесъ они свергаютъ
Духовъ, противныхъ небесамъ,—
По свѣтлоголубымъ полямъ
Ѳѳирнымъ Пери устремилась,
И скоро Пери очутилась
Съ лучемъ денницы молодой
Надъ пробужденною землей.
«Но гдѣ искать святаго дара?
Я знаю тайны Хильминара:
Столпы тамъ гордые стоятъ;

Подъ ними скрытые, горятъ
Въ сосудахъ геніевъ рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близъ Аравійской стороны
Во глубинѣ погребены
Тамъ острова благоуханій.
Знакомъ мнѣ край очарованій:
Воды исполненный живой,
Сосудъ Ямхидовъ золотой
Таится тамъ, хранимъ духами....
Но съ сими ль въ рай войти дарами?
Сіи дары не для небесъ!
Что камней блескъ въ виду чудесъ,
Престолу Аллы предстоящихъ?
Что капля водъ животворящихъ
Предъ вѣчной бездной бытія!»
Такъ думая, она въ края
Святаго Инда низлетала:
Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла,
Жемчугъ и злато янтарей
Тамъ украшаютъ дно морей;
Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ
И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
И рѣки, въ брачномъ блескѣ тамъ,
Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
Тѣснясь, приносятъ дани злата;
И долы, полны аромата,
И древъ сандальныхъ ѳиміамъ,
И купы розъ могли бы тамъ
Для Пери быть прекраснымъ раемъ...
Но что же?... Кровью обагряемъ
Потокъ увидѣла она!
Въ лугахъ прекрасная весна;
А люди-братья братій жертвы,
Обезображены и мертвы,
На вешней красотѣ луговъ,
Дыханье чистое цвѣтовъ
Дыханьемъ смерти заражали!
О, чьи стопы тебя попрали
Благословенный солнцевъ край?
Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
Твоихъ боговъ святые лики,
Твои народы и владыки—
Какой рукой истреблены?
Свирѣпый Газна, вихрь войны,
Протекъ по Индіи бѣдою;
Свой путь усыпалъ за собою
Онъ прахомъ отнятыхъ коронъ;
На псовъ своихъ навѣсилъ онъ
Любимицъ царскихъ ожерелья;
Обитель чистую веселья,
Зенаны дѣвъ онъ осквернилъ,
Жрецовъ во храмахъ умертвилъ
И золотыя ихъ пагоды
Въ священныя обрушилъ воды!...
Но видитъ Пери съ вышины:
На полѣ страха и войны
Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
Передъ отеческимъ потокомъ
Стоитъ одинъ, и за спиной
Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
Кругомъ товарищи сраженны...
Лицемъ безстрашнаго плѣненный,
«Живи!» тиранъ ему сказалъ;
Но воинъ, молча, указалъ
На обагренны кровью воды
И истребителю свободы
Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой.
По твердой бронѣ боевой
Стрѣла скользнула — живъ губитель,
На трупы братій палъ ихъ мститель,
И вдаль помчался шумный бой!...
Все тихо! воинъ молодой
Ужъ умиралъ, и кровь скудѣла...
И Пери къ юношѣ слетѣла
Въ сіяньи утреннихъ лучей,
Чтобъ вѣжды гаснущихъ очей
Ему смежить рукой любови

И, въ смертный мигъ, священной
крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упованье!
«Богамъ угодное даянье
(Она сказала) я нашла:
Пролита кровь сія была
Во искупленіе свободы;
Чистѣйшія Эдемски воды
Съ ней не сравнятся чистотой.
Такъ! если есть въ странѣ земной
Достойное небесъ воззрѣнья,
То чтожъ достойнѣй приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившаго бытіе
За дѣло чести и свободу!»
И къ райскому стремится входу
Она, съ добычею земной.
— О Пери! даръ прекрасенъ твой
(Сказалъ ей стражъ прекрасный
рая,
Привѣтно очи къ ней склоняя);
Угоденъ смѣлый для небесъ,
Который роднѣ принесъ
На жертву жизнь... но видишь,
Пери,
Кристальныя спокойны двери!
Не растворяется Эдемъ!...
Иной желаютъ дани въ немъ!

И. ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ (1829). ([10]).

Палъ Пріамовъ градъ священный!
Грудой пепла сталъ Пергамъ!
И, побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить
И въ желанную отчизну
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной!
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣсней дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады-зиждущей Палладѣ
И губящей онъ воззвалъ;
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ;
И носящему Горгону,
Богу смертныхъ и боговъ.

Судъ оконченъ, споръ рѣшился,
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился!

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Въ слѣдъ за нимъ на брегъ
Сигея
Много, много ихъ пришло...
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали!
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей.

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близь Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ.
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ:
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ!

Злому злой конецъ бываетъ!
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ —
Оилеевъ сынъ сказалъ —
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ!
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла —
Живъ презрительный Терситъ!

Смертный! царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втуне.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь!
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахилъ! о мой родитель!
Возгласилъ Неоптолемъ:
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ!
Жить въ любви племенъ дѣлами —
Благо первое земли!
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна!
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна;
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ,
Діомедъ провозгласилъ:
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,

Веледушно пролилъ кровь!
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы!

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Ней страданій утоленье,
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные — въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ!
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ!

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

I. ЕЯ И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ (1843). ([11]).

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ нихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ. Казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины, —
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ небеса
Вечернія спокойно отражая —
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и въ дали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей,
Сіяя, голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики.
И вижу я: отъ запада идетъ

Блестящій ходъ; змѣю безконечной
Въ долину вьется онъ. И вдругъ, я слышу,
Играютъ маршъ торжественный: и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
На высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
Увидѣлъ я Царевну молодую,
Невѣсту сѣвера; и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все.... Когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день: я чувствовалъ, что въ ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лице сліяннаго.—И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ Царевомъ домѣ, и лицемъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни.—И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ, спящимъ на рукахъ, стояла....
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.
И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего;
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
«Да не смущается твоя душа»,
Онъ говоритъ мнѣ, «вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня». Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ, могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука

Еще на легкой жизненной странице
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.
И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселитъ.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно.... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ,
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою-же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей отвечерѣвшей жизни.

К. ИЗЪ ОДИССЕИ (1849). ([12]).

...... Златотронная Эосъ явилась
На небѣ; въ домъ свой богиня (а) пошла, разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ не медля
Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.

(а) Цирцея, описавшая Одиссею опасности, которыя предстояли ему на пути.

Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, не медля, медвянаго воску укругъ изрубивши
Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоносным.
Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и по ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
Съ брегомъ онъ ихъ поровнялся; онѣ звонкогласно запѣли:
«Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися;
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцесладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится».
Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый

Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ не медля
Узы мои разрѣшили: они же удвоенной силой
Начали грести; а ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.
Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ у гребцевъ устрашенныхъ; повиснувъ
Праздно, онѣ по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой Циклопа.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ: о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть можетъ, Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко; держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
Въ бокъ по стремленью — иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
Такъ я сказалъ: все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха и, грести переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы на плечи накинулъ и, два мѣдноострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ.
Тщетно искалъ я очами ее; утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;

Скилла грозила съ одной стороны,
а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда
извергались
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ,
на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча
и буровясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины
утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала
Харибда,
Внутренность вся открывалась ея:
передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ
утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые
ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую
гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ,
отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя
ихъ, похитила Скилла;
Взоръ на корабль и на схваченныхъ
вдругъ обративши, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху
надъ своей головою
Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ
призывающимъ гласомъ
Имя мое прокричали съ послѣднею
скорбію сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго
берега длинно-согбенной
Удой кидающій въ воду коварную
рыбамъ приманку,
Рогомъ быка луговаго ихъ ловитъ;
потомъ, изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ
быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ,
унесенные жадною Скиллой.
Тамъ передъ входомъ пещеры она
сожрала ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ
въ лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и
страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіи
странствій моихъ не случалось.

[1]) Отдѣльныя изданія сочиненій и переводовъ Жуковскаго, Василія Андреевича (1784—1852):

Мальчикъ у ручья, или постоянная любовь, повѣсть Коцебу, пер. съ нѣм., 4 ч. (1801).

Донъ Кишотъ ла Манхскій, соч. Сервантеса, пер. съ франц. Флоріанова перевода, 6 ч. (1805).

Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей. Посвящается неустрашимымъ защитникамъ отечества (1807).

Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (1813).

Князю Смоленскому (1813).

Императору Александру (1815).

Пѣвецъ въ Кремлѣ (1816).

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, старинная повѣсть (1817).

Für Wenige. Для немногихъ (1818).

Е. И. В. Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1818).

Подробный отчетъ о лунѣ, представленный Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1820 іюня 18, въ Павловскѣ (1820).

Шильонскій узникъ, пер. изъ Байрона (1822).

Пустынникъ, Ангелъ и Пѣвецъ (1824).

Чувства предъ гробомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ ночи на канунѣ погребанія тѣла Ея Величества (1828).

На взятіе Варшавы. Три стихотворенія (одно А. Жуковскаго и два А. Пушкина). 1831.

Русская слава. Стихотвореніе (1831).

Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну (1833).

Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г. (1834).

Ундина, старинная повѣсть, разсказанная на нѣм. яз. въ прозѣ бароном Ламотъ-Фукс, на русскомъ въ стихахъ В. Жуковскимъ (1837).

Бородинская годовщина (1839).

Наль и Дамаянти, индійская повѣсть (1844).

Письмо къ кн. П. А. Вяземскому, объ его стихотвореніи: «Святая Русь» (1848).

Письмо графу С. С. Уварову объ Одиссеѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Уварова (изъ 4-го выпуска 1-го тома Извѣстій 2-го отд. Ак. Н.).

Письмо къ А. Я. Булгакову (1858).

Вѣра и умъ. Истина. Статьи изъ ненапечатанныхъ сочиненій (1859).

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ (1859).

Собраніе сочиненій Жуковскаго, 6 ч. (1869).

Кромѣ того баллады и повѣсти имѣли отдѣльное изданіе (2 ч., 1831).

Переводы въ прозѣ, 5 ч. (1816 — 1817; 2-е изд., въ 3 ч., 1827).

[2]) Вѣст. Евр. 1802, № 24. Переводъ элегіи англійскаго поэта Грея († 1771), посвященный Андрею Тургеневу, Жуковскій называетъ своимъ *первымъ напечатаннымъ* стихотвореніемъ. Эти слова надобно понимать такъ, что «Сельское кладбище» было *первымъ* произведеніемъ, которое авторъ призналъ достойнымъ занять мѣсто въ собраніи его сочиненій. Оно замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: имъ открывается, въ нашей поэзіи, господство элегическаго рода, смѣнившаго оду, и съ него же начался новый періодъ въ образованіи нашего стиха—періодъ стиха мелодическаго, свойственнаго романтизму.

Находясь, въ 1839 г., въ Виндзорѣ, Жуковскій посѣтилъ кладбище, подавшее Грею поводъ написать его элегію (оно находится неподалеку отъ Виндзора), перечиталъ ее и снова перевелъ какъ можно ближе къ подлиннику.

[3]) «Людмила, русская баллада. Подражаніе Бюргеровой Ленорѣ» (В. Евр. 1808, № 9).

Успѣхъ Людмилы почти равнялся успѣху Бѣдной Лизы, Карамзина: оба сочиненія производили на современныхъ читателей такое впечатлѣніе, какое мы теперь съ трудомъ можемъ себѣ представить. Самъ авторъ любилъ это стихотвореніе, отъ котораго баллада ведетъ свое начало въ нашей поэзіи («Громвалъ», Каменева, не нашелъ подражаній). Позднѣе (1829) онъ перевелъ Ленору безъ измѣненій.

[4]) В. Евр. 1811, № 4. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Русская баллада. Ал. Ан. Прот...вой (Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, въ послѣдствіи Воейковой).

Старинная повѣсть: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», состоитъ изъ двухъ балладъ—«Громобоя» и «Вадима». Содержаніе первой баллады: Громобой, продавъ свою душу Асмодею за десять лѣтъ роскошной жизни, получаетъ отсрочку на двѣнадцать лѣтъ за души двѣнадцати дочерей. Послѣ того онъ началъ вести благочестивую жизнь и въ раскаяньи нашелъ спасенье. Святой угодникъ, котораго ликъ онъ чтилъ въ построенномъ имъ храмѣ, спасаетъ своимъ заступничествомъ и его и невинныхъ дѣвъ. По слову ангела-мстителя, отецъ умираетъ, а дѣвы погружаются въ безпробудный сонъ и переносятся въ чудесно-воздвигнутую обитель, огражденную гранитной стѣной. Искупителемъ ихъ будетъ чистый душой,

Кто ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель.

Этотъ искупитель — новгородскій юноша Вадимъ, плѣнявшій всѣхъ красотою, мужествомъ и простосердечіемъ. Онъ есть герой второй баллады, посвященной авторомъ Д. Н. Блудову.

Вадимъ изданъ въ 1817 г., вмѣстѣ

съ первой половиной повѣсти. Перенося мыслію за шесть или за семь лѣтъ назадъ, ко времени появленія Громбоя, поэтъ предпослалъ изданію превосходное стихотвореніе, въ которомъ самымъ задушевнымъ образомъ выражена «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ». Вотъ эта элегія вполнѣ:

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей....
Приди-жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могучій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Элегія Жуковскаго—не оригинальная піеса, а вольное переложеніе «посвященія», которое Гете написалъ передъ Фаустомъ, когда кончилъ вторую часть этой драмы. Жуковскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что между началомъ и окончаніемъ баллады его также очутился значительный промежутокъ времени, какъ у Гете между 1-ою и 2-ю ч. Фауста. Прилагаемъ стихи нѣмецкаго поэта въ переводѣ Губера (Сочиненія Э. И. Губера, 1859, т. 2):

Со мной опять воздушный рой видѣній!
Ихъ образы я снова познаю!
Но удержу-ль таинственныя тѣни,
Приму-ли вновь ихъ на душу мою?
Вотъ ближе онъ, мой давній, милый геній!
Отъ грустныхъ думъ я снова возстаю;
Какъ прежде, грудь живымъ огнемъ согрѣта
Отъ дивнаго волшебнаго привѣта!

О прежнихъ дняхъ ко мнѣ мечта нисходитъ,
И милыя я вижу тѣни вновь;
На память мнѣ, какъ будто сонъ, приходитъ
И первый другъ, и первая любовь;
И снова грусть въ сѣдую даль уводитъ,
Былые дни напоминаетъ вновь,
И въ счастіи обманутыхъ могилой
Моихъ друзей взываетъ образъ милый.

Они не слышатъ новыхъ пѣснопѣній,
Кто первыхъ пѣсенъ принялъ робкій звукъ;
Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
Моихъ друзей разсѣянъ тѣсный кругъ.
Чужой народъ—свидѣтель огорченій,
И страшенъ мнѣ вѣнецъ изъ этихъ рукъ!
Кто мнѣ внималъ, кто радовался лирѣ,
Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждаетъ мірѣ.

И я стремлюсь невѣдомой мечтою
Въ туманный край невидимыхъ духовъ;
И въ робкій звукъ надъ трепетной струною
Слилася пѣснь; я полонъ смутныхъ сновъ;
Слеза въ очахъ смѣняется слезою;
Для новыхъ чувствъ уста не имутъ словъ;
Все близкое въ туманѣ исчезаетъ,
Все прежнее яснѣе оживаетъ.

[5]) «В. Евр. 1812, № 23 и 24. Писано послѣ отдачи Москвы передъ сраженіемъ при Тарутинѣ». Отдѣльныя изданія этого стихотворенія: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (1813)», безъ примѣчаній. — Второе, исправленное изданіе (1813). Съ примѣчаніями и съ описаніемъ виньета и кашки (т. е. заставки, вышечатываемой при концѣ главы или всей книги для украшенія). Примѣчанія написаны Д. Д. (Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ), а описаніе принадлежитъ А. О. (Алексѣю Николаевичу Оленину). Но ни виньетки, ни заставки нѣтъ.—Другое изданіе того же, съ виньеткой и заставкой (1813). Виньетка представляетъ ночь. При лунномъ сіяніи видно широкое поле, и на немъ вдали расположенъ станъ русскихъ воиновъ. Ближній планъ занятъ могильными холмами. На одномъ изъ нихъ отдыхающій земледѣлецъ оставилъ до другаго утра свою соху и заступъ, подлѣ которыхъ лежитъ заржавѣлый шлемъ, вырытый нечаянно этими мирными орудіями. Надъ станомъ, въ высотѣ, мчатся тѣни великихъ мужей нашихъ—Святослава, Донскаго, Петра.

[6]) «В. Евр. 1813, № 1 и 2 (Ал. Ан. Пр....вой).

[7]) В. Евр. 1815, № 15. Одна изъ лучшихъ оригинальныхъ элегій Жуковскаго. Здѣсь ясно изображены неизмѣнныя чувства поэта. Это какъ бы сердечная его исповѣдь, которая неоднократно высказывалась имъ и прежде, и послѣ того. Сличи съ нею то мѣсто изъ разсужденія: «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ» (1808), гдѣ предложены утѣшенія въ семейныхъ горестяхъ, и еще начало XVI-ой главы Ундины (1837).

[8]) «Für Wenige. Для немногихъ», № 6-ой, іюнь (вновь напеч. въ Полярной звѣздѣ на 1823 г.). Вотъ что говоритъ П. А. Плетневъ о книжкахъ, выходившихъ подъ этимъ названіемъ: «Въ 1817 г. Жуковскій былъ избранъ для преподаванія уроковъ русскаго языка государынѣ великой княгинѣ (въ послѣдствіи императрицѣ) Александрѣ Өеодоровнѣ. Августѣйшая слушательница его помнила наизусть лучшія небольшія стихотворенія изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Жуковскій началъ переводить эти перлы поэзіи. Переводы съ приложеніемъ подлинниковъ (texte en regard) печатались въ Москвѣ (1818), гдѣ въ то время находился дворъ. Всего вышло шесть небольшихъ книжечекъ, за шесть мѣсяцевъ, съ января по іюль. Въ продажѣ ихъ никогда не было: переводчикъ раздавалъ ихъ «немногимъ» особамъ, что и внушило А. Пушкину особое къ нему посланіе, гдѣ, между прочимъ, читаемъ:

Ты правъ, творишь ты для *немногихъ*:
Не для завистливыхъ людей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.

[9]) «Сынъ Отеч., 1821, № 20». Ангелъ и Пери есть одинъ изъ четырехъ разсказовъ въ поэмѣ англійскаго поэта Томаса Мура: «Лалла-Рукъ». Другіе разсказы: «Закрытый пророкъ Хорасана», «Свѣтъ Гарема», «Поклонники огня».

[10]) Сѣверные Цвѣты на 1829 г. Переводъ Шиллеровой піесы: «Das Siegesfest».

[11]) «Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть (1844).

[12]) Одиссея. Отрывокъ взятъ изъ 12 пѣсни и содержитъ въ себѣ описаніе встрѣчи Одиссея съ Сиренами и плаваніе его между утесовъ Сциллы и Харябды.

XXVI.

БАТЮШКОВЪ. (1).

А. ПОСЛАНІЕ КЪ Д. В. ДАШКОВУ (1812). (2).

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ изорванныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьяхъ видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ;
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!...
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей—
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь (3),
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ —
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Б. МОИ ПЕНАТЫ (1).

Отечески Пенаты,
О пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ на новосельи,
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ;
Гдѣ странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О боги! будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный ѳиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ.
О Лары! уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель—
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель.
Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей:
Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ ввѣкъ дороги
Богатство съ суетой;
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!

———

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто, въ мирной сѣни,
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненье
Уснетъ, и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной,

Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры Музъ)
Небесно вдохновенье,
За чѣмъ летишь стрѣлой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ,
Изъ области эѳирной
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирной
Бесѣдовать со мной!
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ!
Что вижу? ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ,
Пѣвецъ героевъ, славы,
Вслѣдъ вихрямъ и громамъ
Нашъ лебедь величавый
Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и Музъ и Грацій
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
Сливаетъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ,
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За ними Сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ Харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ:
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!
Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близь Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники-піиты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ
И въ радости взываю:
О Музы, я піитъ!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И нѣгу и покой!
Фортуна! прочь съ дарами
Блистательныхъ суетъ!

Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань отъ ненастья
Челнокъ мой проводилъ
И васъ, любимцы счастья,
Навѣки позабылъ.
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ Музъ;
Безпечные счастливцы,
Философы-лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны!
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить—
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе—стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить.
О Вяземскій! цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай;
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ—наливай!
Питомецъ Музъ надежный,
О Аристиповъ внукъ (5),
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ:
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь.
О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой!
И мы... потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы
И лѣнью—жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ—
Товарищи любезны,
Не сѣтуйте о насъ!
Къ чему рыданья слезны?
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?... но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитись—и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ.
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливцевъ молодыхъ!

В. ТѢНЬ ДРУГА (1816). ([6]).

Sunt alquid manes, letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propert. El. VIII.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели,
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты-ль это?» я вскричалъ, «о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ!...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ изчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистый полуночи,
Изчезъ, — и сонъ покинулъ очи.

Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны.
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла—
Тебя, о милый братъ, о лучшій изъ друзей!

Г. УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ (1817).

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище,
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый!

Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы древнія оливы
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной·
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній,
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ, добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простаго,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...

Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара... Фуріи... и зависти змія!...
Куда? куда, убійцы дарованья?
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья...

И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Годфредъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ.
Тріумъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы сплетенный.

Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!...—

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.

Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
—«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ...
Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ...
Молитеся съ надеждой и слезами!..
Земное гибнетъ все... и слава и вѣнецъ....
Искусствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о счастіе!... средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокала гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

Д. ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГІИ (1820). (7).

а) Въ обители ничтожества унылой...

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе; все хладно, все молчитъ;

Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и успокой въ гостепріимной сѣни.

б) Свидѣтели любви и горести моей...

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите, вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится—пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ,
А вы, цвѣты, благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

в) Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отраду тѣнь, —
Завялъ — но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

г) Сѣтованіе Нереидъ на развалинахъ Коринѳа.

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золъ твоихъ?
Гдѣ стогны шумныя и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
Увы! погибъ на вѣкъ Коринѳъ столповѣнчанный!
И самый пепелъ твой разсѣянъ по полямъ!
Все пусто: мы однѣ взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной!

Е. ИЗРЕЧЕНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА (1834). [8].

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
За чемъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

[1]) Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (1787—1855), род. въ Вологдѣ, откуда еще въ дѣтствѣ былъ приве-

зенъ въ Петербургъ и отданъ въ частный пансіонъ Жакино, гдѣ, пробывъ около четырехъ лѣтъ, выучился франц. и итал. языкамъ. Съ послѣднимъ онъ познакомился въ послѣдствіи короче, и это дало ему возможность читать въ подлинникѣ Аріоста, Петрарку, Тасса. Изъ пансіона Жакино поступилъ къ учителю Морскаго училища, Триполи: здѣсь къ первымъ двумъ языкамъ прибавились еще латинскій и нѣмецкій, такъ что онъ на 19-мъ году возраста пріобрѣлъ уже достаточный запасъ знаній, особенно по литературѣ. Образованіе его шло подъ руководствомъ его дяди М. Н. Муравьева. Служба Батюшкова началась въ канцеляріи гр. Завадовскаго, перваго министра народнаго просвѣщенія, а потомъ Муравьевъ, товарищъ министра и кураторъ московскаго университета, опредѣлилъ его къ себѣ въ письмоводители. Начальные литературные опыты Батюшкова относятся къ 1805 г., слѣд. къ самому первому времени по окончаніи элементарнаго образованія. Въ 1806 г. онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ въ баталіонъ стрѣлковъ петербургской милиціи. Здѣсь онъ подружился съ Петинымъ, воспитанникомъ московскаго университетскаго пансіона, помѣщавшемъ въ Утренней Зарѣ свои ученическія стихотворенія, преимущественно басни. Дружба эта продолжалась до самой смерти Петина, убитаго, въ 1813 г., въ Лейпцигскомъ сраженіи. Нравственныя качества его, патріотизмъ, доброе и благородное сердце, любовь къ нему товарищей изображены Батюшковымъ въ «Воспоминаніи мѣстъ и сраженій» (Москвитян., 1851, № 5). Въ 1807 г. Батюшковъ оставилъ столицу и пошелъ въ походъ; онъ участвовалъ въ сраженіяхъ на берегу Пассарги и Гейльсбергскомъ, которыя описалъ въ «Воспоминаніи» (В. Евр. 1809, № 21). При Гейльсбергѣ онъ былъ раненъ; рана оказалась опасною и принудила его воротиться въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ перешелъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Въ 1808 г. баталіонъ этого полка былъ отряженъ въ Финляндію, и Батюшкову снова пришлось дѣлить ратные труды съ своимъ другомъ: «Посланіе къ Петину» воспоминаетъ Индесальмское дѣло. Природа Финляндіи и ея преданія произвели сильное впечатлѣніе на поэта, какъ доказывается «отрывкомъ изъ писемъ о Финляндіи» (В. Евр. 1810, № 8) и переводомъ Маттисоновой элегіи «на развалинахъ замка въ Швеціи» (Пантеонъ рус. поэзіи, Никольскаго, ч. 2-ая, 1814). По заключеніи мира, Батюшковъ воротился въ Петербургъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ (1808—1810) онъ написалъ много стихотвореній, которыя печатались въ Цвѣтникѣ и Вѣст. Европы. Общество Д. В. Дашкова и Д. П. Сѣверина замѣняло ему въ это время Петина. «Сколько пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами, даютъ мнѣ право на ваше воспоминаніе!» такъ онъ писалъ къ первому (изъ Парижа 1814 г.). Въ жизни своей я былъ обманутъ во многомъ, кромѣ дружбы: ею могу еще гордиться; она примиряетъ меня съ жизнью, часто печальною, и съ міромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями». Въ 1811 г. Батюшковъ получилъ мѣсто библіотекаря въ И. П. Библіотекѣ. Передъ нашествіемъ французовъ, онъ былъ въ Москвѣ, откуда уѣхалъ въ Нижній, гдѣ и опредѣлился адъютантомъ къ генералу Бахметеву, который лишился ноги на Бородинскомъ полѣ. Въ это-то время написалъ онъ столь извѣстное посланіе къ Дашкову. Онъ надѣялся отправиться на войну, но дѣло затянулось, за болѣзнію Бахметева, который наконецъ отпустилъ его одного. Получивъ отпускъ, Батюшковъ ѣздилъ изъ Нижняго на родину въ Вологду. Изъ Вологды онъ

отправился за арміею и уже въ Германіи нагналъ генерала Раевскаго, при которомъ состоялъ неотлучно до самаго вступленія въ Парижъ. Посреди военныхъ трудовъ Батюшковъ находилъ время заниматься литературою: онъ выучился говорить по-нѣмецки и читалъ нѣмецкія книги. Въ 1814 г. написаны имъ: «Переходъ черезъ Рейнъ», «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Плѣнный», «Письмо къ Дашкову о замкѣ Сирей», принадлежавшемъ Вольтеру. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, описывая свое времепровожденіе, онъ называетъ себя «маленькимъ Тибулломъ»: намекъ на небольшой ростъ свой и на переводъ элегій римскаго поэта или на собственныя элегическія піесы. Изъ Парижа Батюшковъ вмѣстѣ съ Сѣвериныъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ недолго и откуда уѣхалъ въ Швецію. Картина отплытія изъ Лондона представлена имъ въ элегіи: «Тѣнь друга», а морское путешествіе до Готенбурга описано въ письмѣ къ Сѣверину (19 іюня 1814 г.). По возвращеніи въ Петербургъ, онъ, за усердную службу свою, былъ переведенъ въ измайловскій полкъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, а потомъ (1816 г.) былъ назначенъ почетнымъ библіотекаремъ И. П. Библіотеки. По этому случаю онъ говоритъ въ посланіи къ В. Л. Пушкину (1817):

..... я не поэтъ;
Я не ученый, не профессоръ;
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
Я... отставной ассесоръ.

Періодъ времени, съ увольненія отъ службы по 1818 г., прошелъ для Батюшкова въ занятіяхъ поэзіей. Онъ былъ членомъ литературнаго кружка: «Арзамасъ», гдѣ получилъ шутливое прозвище «Ахиллъ», въ противоположность своему небольшому росту и слабому здоровью; членомъ Московскаго общества любителей рос. словесности, при вступленіи въ которое читалъ рѣчь «о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» (Труды общества, 1816, ч. 6); участвовалъ въ литературныхъ вечерахъ у С. Д. Пономаревой, одно-характернымъ своимъ направленіемъ съ бесѣдами «Арзамасцевъ». Сатирическій талантъ его обнаружился въ это время двумя стихотвореніями: «Видѣніемъ на берегахъ Леты» (Библ. Зап. 1861, № 20) и «Пѣвцомъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ». Но, не смотря на покойную жизнь, пріятныя дружескія связи и громкую извѣстность, Батюшковъ былъ недоволенъ своею судьбою. Онъ страдалъ и физически и нравственно: нравственная болѣзнь заключалась въ борьбѣ поэтическаго призванія съ честолюбіемъ, которое не находило удовлетворенія въ одной литературной славѣ. Поэтому онъ охладѣлъ къ литературѣ. «Меня здѣсь (въ Спб.) ласкаютъ добрые люди», писалъ онъ своему родственнику Г.; «я на розахъ, какъ авторъ, и на шипахъ, какъ человѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, и ими восхищаться не должно. Тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 руб. доходу». Тоже настроеніе мысли высказываютъ и приведенные выше стихи, изъ письма къ Пушкину. Одолѣваемый болѣзнію, Батюшковъ такъ повѣрялъ свою горесть А. И. Тургеневу (1818): «Сижу больной, въ колпакѣ и шлафорѣ, и часто думаю о васъ, часто грущу какъ звѣрокъ Лафонтена, cet aminal est triste et le chagrin le ronge. Но чаще смѣюсь отъ добраго сердца. Вы столько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣтомъ, что я имѣю право на вашe дружество. Этотъ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляду покажется. Обнимаю васъ отъ всей души и прошу любить вашего *Ахилла*, который ворчитъ про себя:

Ахъ! химъ! (а) и впрямь боленъ простудой, насморкомъ, головою: но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому». Разстроенное здоровье заставило Батюшкова отправиться въ Одессу, гдѣ онъ пользовался морскими купаньями и откуда (1818 іюня 30) написалъ письмо А. И. Тургеневу, чрезъ ходатайство котораго былъ причисленъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, къ неаполитанской миссіи. Пріѣхавъ изъ Одессы въ Петербургъ проститься съ друзьями, онъ отправился потомъ къ мѣсту своего назначенія. Изъ Неаполя писалъ онъ (въ 1819 г.) къ А. И. Тургеневу и С. С. Уварову, а съ острова Искіи—къ Жуковскому. Но Италія не помогла Батюшкову. «Здоровье мое (говоритъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому) ветшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діета, ничто его не можетъ исправить; оно, кажется, для меня погибло невозвратно, и грудь моя, которая меня до сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаеть: здѣсь умираю отъ холода; что же со мною будетъ на сѣверѣ? не смѣю и думать о возвращеніи». Возвратясь изъ-за границы, онъ писалъ мало; 1820 г. былъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности. Въ этомъ году онъ, вмѣстѣ съ Уваровымъ, издалъ книжку: «О Греческой Антологіи». Въ 1823 г. былъ въ Симферополѣ, уже въ психической болѣзни (умственномъ разстройствѣ), какъ показываетъ письмо Жуковскаго, принимавшаго въ немъ участіе (Живоп. Сбор., т. 3-ій, 1853 г., стр. 370). Отсюда родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и провелъ все остальное время жизни, свыше тридцати лѣтъ. Пожизненная пенсія отъ Государя обепечивала матеріальную судьбу его. Болѣзненное состояніе его, сначала тревожное, перешло потомъ въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Профессоръ Шевыревъ видѣлъ его въ 1847 г. (Поѣздка въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, ч. 1, стр. 109—115). Умственное просвѣтленіе поэта случалось чрезвычайно рѣдко; только послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ нормальномъ состояніи. Но въ журналахъ, съ 1824 по 1861 г., являлись многія его стихотворенія и письма, написанныя, конечно, прежде разстройства. Позднѣйшимъ изъ его сочиненій было, кажется, изреченіе Мельхиседека. См. дополненія въ моей И. Р. Слов., т. 2.

Сочиненія Батюшкова (въ Полн. Собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина) 2 ч., 1850.

Піесы, не вошедшія въ изданія, указаны М. Н. Лонгиновымъ въ «Матеріалахъ для полнаго изданія сочиненій Батюшкова» (Рус. Архивъ, 1863, вып. 12).

(а) Каламбуръ.

²) Спб. Вѣстникъ, 1812, № 10.

³) Генераломъ А. Н. Бахметевымъ. Въ 1814 г. Бахметевъ былъ назначенъ подольскимъ военнымъ губернаторомъ. Батюшковъ провелъ при немъ нѣсколько времени въ Каменецъ-Подольскѣ, въ званіи адъютанта. Здѣсь-то написалъ онъ «Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій» и «Воспоминаніе о Петинѣ».

⁴) Въ первый разъ нап. въ Пантеонѣ рос. словесности, Никольскаго, ч. 1-ая, но написано раньше.

⁵) Т. е. послѣдователь философа Аристиппа, полагавшаго истинную мудрость и счастіе въ разумныхъ наслажденіяхъ.

⁶) Вѣст. Евр. 1816, № 17. Эпиграфъ взятъ изъ Проперція (кн. 4, элегія 8: Тѣнь Цинтіи): «Души усопшихъ не призракъ; смертію не все оканчивается; загробная тѣнь избѣгаетъ костра».

⁷) «О Греческой Антологіи (1820)»

Въ предисловіи сказано: «Сію рукопись получили мы изъ Арзамаса слѣдующимъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ жили тамъ два пріятеля, оба любящіе страстно литературу. Во время, свободное отъ хозяйственныхъ занятій, читали они вмѣстѣ поэтовъ древнихъ и новыхъ и не рѣдко старались имъ подражать для собственнаго наслажденія: не для публики, которая ихъ не знала и о коей они не помышляли. По стеченію обстоятельствъ были они принуждены прекратить дружескія бесѣды свои: одинъ изъ нихъ былъ избранъ въ земскіе засѣдатели; другой поступилъ во внутреннюю стражу, и бумаги ихъ остались въ рукахъ арзамасскаго трактирщика, отъ котораго мы оныя получили. Въ томъ числѣ находилась статья, которую мы рѣшились напечатать. Она, конечно, не можетъ удовлетворить совершенно справедливое требованіе знатоковъ: бездѣлки двухъ безпечныхъ провинціаловъ могутъ ли не оскорбить невольно утонченный вкусъ столицы? Впрочемъ передаемъ мы ихъ на общій судъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; статья была подписана такъ: «С... и А...» Эти подписи означаютъ: «Старушка» и «Ахиллъ». Первое названіе дано было, въ обществѣ Арзамасъ, гр. С. С. Уварову, второе—Батюшкову. Издателемъ брошюры былъ, вѣроятно, Д. В. Дашковъ. Переводъ греческихъ антологическихъ піесъ на французскій языкъ принадлежитъ Уварову, а съ французскаго на русскій переводилъ Батюшковъ.

[8]) Библіотека для чтенія, 1834, № 2. Стихотвореніе было записано со словъ гр. Д. Н. Блудова.

XXVII.

ГНѢДИЧЪ.

ИЗЪ ИЛІАДЫ: ЕДИНОБОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА (ПѢСНЬ 7).

..... И восхитился Гекторъ услышанной рѣчью;
Вышелъ одинъ на средину и, взявши копье по срединѣ,
Двинулъ фаланги троянскія; всѣ, успокоясь, возсѣли.
Царь Агамемнонъ равно удержалъ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Тою порой Аѳина Паллада и Фебъ сребролукій,
Оба, вознесшися, словно какъ ястребы, хищныя птицы,
Сѣли на дубѣ высокомъ отца молненоснаго Зевса,
Ратями вмѣстѣ любуясь: ряды ихъ сидѣли густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острыя копья вздымая.
Словно какъ Зефиръ порывистый по морю зыбь разливаетъ,
Если онъ вдругъ подымается; море чернѣетъ подъ нею:
Ратей ряды таковы и Троянъ и безстрашныхъ Данаевъ
Въ полѣ сидѣли; и Гекторъ вѣщалъ, между ратями стоя:
«Трои сыны и Ахеяне храбрые, слухъ приклоните;

Я вамъ повѣдаю, что мнѣ велитъ благородное сердце:
Нашихъ условій высокоцарящій Кронидъ не исполнилъ,
Но, бѣды совѣщающій, намъ обоюдно готовитъ
Битвы, покуда иль вы крѣпкобашенный градъ нашъ возьмете,
Или падете отъ насъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ.
Здѣсь, о Ахеяне, съ вами храбрѣйшіе ваши герои.
Тотъ, у котораго сердце со мною сразиться пылаетъ,
Пусть изойдетъ и съ божественнымъ Гекторомъ станетъ на битву.
Такъ говорю я, и Зевсъ уговора свидѣтель намъ будетъ:
Если противникъ меня поразитъ сокрушительной мѣдью,
Снявъ онъ оружія, пусть отнесетъ къ кораблямъ мореходнымъ;
Тѣло-же пусть возвратитъ, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.
Если же я поражу, и меня Луконосецъ прославитъ,
Взявши доспѣхи его, внесу въ Иліонъ ихъ священный
И повѣшу во храмѣ метателя стрѣлъ Аполлона;
Тѣло жъ назадъ возвращу къ кораблямъ обоюдувесельнымъ.
Пусть похоронятъ его кудреглавые мужи Ахейцы
И на брегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
Нѣкогда, видя его кто нибудь и отъ позднихъ потомковъ,
Скажетъ, плывя въ кораблѣ многовесломъ по черному Понту:
Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки!
Въ браняхъ его знаменитаго свергнулъ божественный Гекторъ!
Такъ нерожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ.»

Рекъ—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили;
Вызовъ стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщалъ между сонма Ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко и горестно сердцемъ стеная:

«Горе мнѣ! о самохвалы! Ахеянки вы, не Ахейцы!
Срамъ для ахейскихъ мужей имъ ужаснѣйшій будетъ,
Если отъ нихъ ни одинъ не посмѣетъ на Гектора выдти!
Но погибните всѣ вы, разсыпьтесь водою и прахомъ,
Вы, сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести!
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребій побѣды находится въ волѣ боговъ всемогущихъ.»

Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружіемъ пышнымъ;
И тогда, Менелай, ты разстался-бы съ сладкою жизнью
Въ мощныхъ рукахъ Пріамида, далеко сильнѣйшаго мужа,
Если-бъ тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Самъ повелитель мужей, Агамемнонъ пространнодержавный

За руку брата схватилъ, называлъ и вѣщалъ убѣждая:

«Ты изступленъ, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя недостойно: смири огорченное сердце;
Въ ревности гордой съ сильнѣйшимъ тебя не дерзай состязаться,
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе трепещутъ!
Съ нимъ и Пелидъ быстроногій на славныхъ мужамъ ратоборствахъ
Съ страхомъ встрѣчается, воинъ тебя несравненно храбрѣйшій!
Сядь при дружинѣ своей, успокойся, питомецъ Зевеса.
Мы отъ Ахеянъ ему одноборца другаго возбудимъ;
Сколь онъ ни будетъ безстрашенъ и боя кроваваго жаденъ,
Съ радостью вѣрно колѣна преклонитъ, когда лишь безвреденъ
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства!»

Такъ говорящій герой отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря; покорился Атридъ, и клевреты
Весело съ плечъ Менелая оружія свѣтлыя сняли.
Несторъ отъ сонма Ахеянъ возсталъ и вѣщалъ имъ печальный:

«Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
Истинно горько восплачетъ Пелей, сѣдой конеборецъ,
Славный мужей Мирмидонскихъ витія и мудрый совѣтникъ.
Онъ восхищался, когда, вопрошая меня въ своемъ домѣ,
Каждаго порознь Ахейца развѣдывалъ родъ и потомство;
Нынѣ-жъ, когда онъ услышитъ, что всѣхъ ужасаетъ ихъ Гекторъ,
Вѣрно не разъ къ небожителямъ руки простретъ, да скорѣе
Духъ сокрушенный его погрузится въ обитель Аида!
Если-бы нынѣ, о Зевсъ, Аполлонъ и Паллада Аѳина,
Молодъ я былъ, какъ въ тѣ годы, когда у гремучаго брега
Билася рать Иліянъ и Аркадянъ, копейщиковъ славныхъ,
Около Фейскихъ твердынь, недалеко отъ струй Іордана!
Въ воинствѣ ихъ впереди Эреваліонъ, богу подобный,
Первый стоялъ, ополченный оружіемъ Арейѳоя,
Славнаго Арейѳоя, прозваніемъ палиценосца,
Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ опоясаньемъ красныхъ;
Мощный, не лукомъ тугимъ, не копьемъ длиннотѣннымъ сражался:
Онъ булавою желѣзной ряды разрывалъ сопротивныхъ.
Онаго храбрый Ликургъ одолѣлъ, но не силой—коварствомъ,
Въ тѣсномъ проходѣ; не могъ онъ себя булавой и желѣзной
Спасть отъ смерти: Ликургъ, на дорогѣ его упредивши,
Въ чрево копьемъ поразилъ, и объ долъ онъ ударился тыломъ.
Снялъ побѣдитель оружія, даръ душегубца Арея;
Послѣ и самъ онъ носилъ, выходя на Ареевы споры.

*

Но когда обезсилѣлъ герой, состарѣвшійся въ домѣ,
Отдалъ тяжелый доспѣхъ Эревѳальону, ратному другу:
Сими доспѣхами гордый, выкликивалъ всѣхъ онъ храбрѣйшихъ;
Всѣ трепетали, страшились, никто не отважился выдти.
Вспыхнуло сердце во мнѣ, на свою уповая отвагу,
Съ гордымъ сразиться, хотя между сверстниковъ былъ я и младшій.
Я съ нимъ сразился, и мнѣ торжество даровала Аѳина:
Большаго всѣхъ и сильнѣйшаго всѣхъ я убилъ человѣка!
Въ прахѣ лежалъ онъ огромный, сюда и туда распростертый.
Если-бы такъ я былъ младъ и не чувствовалъ немощи въ силахъ,
Скоро противника встрѣтилъ-бы шлемомъ сверкающій Гекторъ!
Въ нашемъ-же воинствѣ сколько ни есть храбрѣйшихъ Данаевъ,
Сердцемъ никто не пылаетъ противникомъ Гектору выдти!»

Такъ ихъ старецъ стыдилъ, и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ;
Послѣ воспрянулъ Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій;
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его сподвижникъ грозный,
Вождь Меріонъ, человѣковъ губитель, равный Арею;
Послѣ герой Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемона;
Въ слѣдъ Андремонидъ Ѳоасъ, и за нимъ Одиссей знаменитый.
Столько возстало ихъ жаждущихъ съ Гекторомъ славнымъ сразиться.
Слово опять обратилъ къ нимъ Несторъ, конникъ Геренскій:

«Жребій бросимъ, друзья, и котораго жребій назначитъ,
Тотъ несомнѣнно, я вѣрю, возрадуетъ души Ахеянъ,
И не менѣе радостенъ будетъ и самъ, коль спасенный
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства.»

Такъ произнесъ онъ, и каждый, намѣтивши собственный жребій,
Бросилъ въ мѣдный шеломъ Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани къ безсмертнымъ горѣ воздѣвали;
Такъ не одинъ говорилъ, на пространное небо взирая:
«Даруй, о Зевсъ! да падетъ на Аякса, или Діомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены Атрида.»

Такъ говорили, а Несторъ шеломъ сотрясалъ предъ собраньемъ;
Вылетѣлъ жребій изъ шлема, Данаями всѣми желанный,
Жребій Аякса: и вѣстникъ, понесши кругомъ по собранью,
Всѣмъ, отъ десной стороны, показалъ воеводамъ Ахейскимъ:
Знака никто не призналъ, отрекался отъ жребія каждый.
Вѣстникъ предсталъ и къ тому, по собранію окрестъ носящій,
Кто и означилъ и въ шлемъ положилъ; Теламонидъ великій
Къ вѣстнику руку простеръ, и вѣстникъ, приближася, подалъ;

Жребій увидѣвши, знакъ свой узналъ, и въ восторгѣ сердечномъ
На землю бросилъ его и къ Ахеямъ вскричалъ Теламонидъ:

«Жребій, Ахеяне, мой: веселюся и самъ я сердечно!
Такъ, надъ божественнымъ Гекторомъ льщусь одержать я побѣду.
Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,
Между собою, безмолвно, да васъ не услышать Трояне,
Или молитеся громко,—мы никого не страшимся!
Кто-бъ ни желалъ, противъ воли меня не подвигнетъ онъ съ поля
Силой, ни ратнымъ искусствомъ; и я не невѣждой, надѣюсь,
Самъ у отца моего въ Саламинѣ рожденъ и воспитанъ!»

Такъ говорилъ, а Данаи молили могущаго Зевса.
Такъ не одинъ возглашалъ, на пространное небо взирая:

«Зевсъ отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великій,
Дай ты Аяксу обрѣсть и побѣду и свѣтлую славу!
Если-жъ и Гектора любишь, когда и объ немъ помышляешь,
Равныя имъ обоимъ и могущество даруй и славу!»

Такъ говорили. Аяксъ покрывался блистательной мѣдью;
И какъ скоро одѣялся весь въ боевые доспѣхи,
Началъ впередъ выступать, какъ Арей выступаетъ огромный,
Если онъ шествуетъ въ брани народовъ, которыхъ Кроніонъ
Духомъ вражды сердцегложущей свелъ на кровавую битву:
Вышелъ таковъ Теламонидъ огромный, твердыня Данаевъ,
Грознымъ лицемъ осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шелъ, широко выступая, копьемъ длиннотѣннымъ колебля.
Всѣ Аргивяне, смотря на него, восхищалися духомъ;
Трепетъ невольный объялъ у Троянина каждаго члены;
Даже у Гектора сердце въ могучей груди задрожало;
Но ни врага избѣжать, ни въ толпы ополченій укрыться
Не было болѣ возможности: самъ на сраженіе вызвалъ.
Быстро Аяксъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣдяный щитъ, семикожный, который художникъ составилъ,
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителью жившій:
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижный, семь сочетавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ и восьмую изъ мѣди поверхность:
Щитъ сей неся передъ грудью, Аяксъ Теламонидъ могучій
Сталъ противъ Гектора близко и голосомъ грознымъ воскликнулъ:

«Гекторъ, теперь ты узнаешь, одинъ на одинъ подвизаясь,
Въ рати Ахейской земли каковы и другіе герои

Есть безъ Пелида, фалангъ разрывателя, съ львиной душою!
Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ Мирмидонскихъ,
Празденъ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая.
Насъ-же Ахеянъ, которые выдти съ тобою готовы,
Много такихъ! начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!»

Но ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
Или какъ дѣву, которая дѣлъ ратоборныхъ не знаетъ.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубійство!
Щитъ мой умѣю на-право, умѣю на-лѣво метать я
Жесткую тяжесть, и съ нею могу неусталый сражаться;
Пѣшій, умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея;
Конный, умѣю скача, съ кобылицъ быстроногихъ сражаться.
Но не хочу нападать на такого, какъ ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умѣчу».

Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,
Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала!
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала разсѣкши бурная пика,
Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь, украшеньемъ изящную, быстро пронзила,
И на чревѣ, подъ ребрами, самый хитонъ растерзала
Бурная: Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгнули вновь длиннотѣнныя копья, и разомъ
Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, не легко одолимые вепри.
Гекторъ копьемъ въ средину щита Теламонида грянулъ,
Но щита не прорвалъ: на мѣди изогнулося жало.
Въ щитъ, налетѣвши, ударилъ Аяксъ, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшаго Гектора вспять отразило,
Вскользь пробѣжало по выѣ, и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервалъ, шлемоблещущій, пламенный Гекторъ,
Но, назадъ онъ подавшися, камень рукою могучей
Сорвалъ, средь поля лежавшій, черный, жестокій, огромный:
Махомъ повергъ, и Аяксовъ блистательный щитъ семикожный
Глыбой въ средину ударилъ; взревѣла вся мѣдь щитовая.
Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйшій камень;

Ринулъ его, размахавъ, и, напрягши безмѣрную силу,
Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновымъ,
Ранилъ колѣна врагу. На хребетъ опрокинулся Гекторъ,
Сверху натиснутъ щитомъ, но внезапно воздвигъ Пріамида
Фебъ: и тогда рукопашно мечами-бъ они изрубились,
Если-бъ къ героямъ глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
Вдругъ не предстали, одинъ отъ Троянъ, а другой отъ Ахеянъ,
Вѣстникъ Идей и Талфибій, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рекъ имъ
Вѣстникъ троянскій Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:

«Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье;
Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу;
Оба храбрѣйшіе воины: въ томъ убѣдилися всѣ мы.
Но приближается ночь: покориться и ночи пріятно.»

Быстро, къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великій:
«Вѣстникъ, что ты произнесъ, повели произнесть Пріамиду;
Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ;
Онъ и начни: покориться готовъ я, коль онъ пожелаетъ.»

И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Такъ, Теламонидъ, тебѣ и великость, и силу, и разумъ
Богъ даровалъ; межъ Ахеями ты копьеборецъ славнѣйшій.
Кончимъ на нынѣшній день и борьбу и сраженіе наше;
Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
Насъ не разлучитъ, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
Нынѣ приближилась ночь: покориться и ночи пріятно.
Шествуй и предъ кораблями всѣхъ Аргивянъ ты обрадуй,
Болѣе-жъ друговъ любезныхъ, и ближнихъ, какихъ ты имѣешь;
Я же въ Пріамовомъ градѣ великомъ, обрадую въ Троѣ
Сердце Троянъ и длинныя ризы влачащихъ Троянокъ,
Кои молиться о мнѣ соберутся въ божественномъ храмѣ.
Сынъ Теламоновъ! почтимъ мы другъ друга дарами на память.
Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны и Геллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной:»

Гекторъ, слово окончивши, мечъ подаетъ среброгвоздный
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣснымъ.
Сынъ Теламона вручаетъ блистающій пурпуромъ поясъ.
Такъ разлучася герои, одинъ къ ополченьямъ ахейскимъ
Шествовалъ; къ сонмамъ троянскимъ другой поспѣшалъ. И Трояне,

Радуясь сердцемъ, смотрѣли, что шествуетъ здравъ и безвреденъ
Гекторъ, Аяксовой силы и рукъ необорныхъ избѣгшiй;
Въ градъ повели Прiамида не-ждавшiе видѣть живаго.
Такъ и Аякса красивопоножные мужи Данаи
Къ сыну Атрея вели, восхищеннаго славой побѣды.

[1]) Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ (1784—1833), род. въ Полтавѣ и начальное образованiе получилъ въ тамошней семинарiи; по уничтоженiи ея, перешелъ въ Харьковскiй коллегiумъ, а въ 1800 воспитывался въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь обнаружилась его любовь къ сценическому искусству: на университетскомъ театрѣ, въ кругу товарищей, онъ представлялъ нѣкоторыя трагическiя роли и своею игрою заслуживалъ похвалы. Первыми литературными его опытами были переводы трагедiй Дюси «Абюфаръ» (1802) и Шиллера «Заговоръ Фiеско въ Генуѣ» (1803). Къ тому же времени относится оригинальный его романъ: «Донъ-Коррадо де Геррера, или духъ мщенiя и варварства Гишпанцевъ», 2 ч. (1803). Окончивъ курсъ наукъ (1803), Гнѣдичъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Департаментъ министерства народнаго просвѣщенiя. Съ этого года, его сочиненiя являются въ петербургскихъ журналахъ. Въ 1805 г. онъ посѣтилъ Полтаву. «Пѣснь при гробѣ матери», написанная въ этомъ году, но напечатанная позднѣе (Цвѣтникъ, 1809, № 12), передаетъ намъ благоговѣйныя чувства сына, который «отъ колыбели остался сиротой и былъ усыновленъ суровой мачихой-судьбою». Небольшое имѣнье, оставшееся ему отъ отца, онъ передалъ своей сестрѣ. Когда же она умерла, вся его нѣжность перешла на ея дочь — «единственную вѣтвь родной крови, послѣднюю привязанность земную». Но и эта привязанность подъ конецъ измѣнила ему: элегiя «на смерть дочери покойной сестры» (1826) раскрываетъ тоскующую душу человѣка, опустошенную двумя утратами. Одиночество было неисцѣлимою болью его сердца, причиною неизмѣнно печальнаго его настроенiя. Съ 1807 г. начинается знакомство Гнѣдича съ трагической актрисой Семеновой, которое продолжалось 18 лѣтъ. Его просвѣщенной дружбѣ и постоянному участiю въ изученiи съ нею драматическихъ характеровъ, эта артистка одолжена частiю той славы, которою она блистала въ роляхъ Клитемнестры, Медеи, Меропы, Моины, Аменаиды, Ксенiи. Гнѣдичъ и самъ не оставлялъ тѣхъ занятiй, которыми онъ дебютировалъ въ литературѣ: въ 1808 г. онъ напечаталъ переводъ Шекспировой трагедiи «Леаръ», а въ 1816-мъ переводъ трагедiи Вольтера «Танкредъ»; обѣ эти пiесы, особенно вторая, имѣли большой успѣхъ въ представленiи. Важнѣйшимъ подвигомъ Гнѣдича, доставившимъ ему почетное мѣсто въ исторiи нашей словесности, былъ переводъ Илiады. Сначала онъ хотѣлъ продолжать и кончить трудъ Кострова (первыя 6 пѣсенъ, напечатанныя въ 1787 г.), почему и перевелъ 7, 8, 9, 10 и начало 11-ой пѣсни Гомеровой поэмы александрiйскими стихами: изъ нихъ 7-ая пѣснь издана отдѣльно (1809), а 8-ая помѣщена въ Чтенiяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова (1812, кн. 5). Екатерина Павловна, принцесса ольденбургская (въ послѣдствiи королева виртембергская), оцѣнила намѣренiе Гнѣдича и, желая оказать ему пособiе, назначила ему 1000 руб. ежегодной пенсiи, выдача которой продолжалась и ея сыномъ, принцемъ Петромъ Георгiевичемъ, по самую смерть переводчика. Въ 1811 г. отыскалось продолженiе пере-

вода Кострова, именно пѣсни 7, 8 и половина 9-ой (нап. въ Вѣстникѣ Европы 1811, №№ 14 и 15). Это открытіе не остановило Гнѣдича, но онъ уже ясно сознавалъ бѣдность выбраннаго имъ стихотворнаго метра и невозможность передать имъ въ точности красоты подлинника, хотя и не осмѣливался еще прибѣгнуть къ гексаметру, считая его несвойственнымъ русскому языку послѣ несчастнаго опыта Тредьяковскаго. Сомнѣнія Гнѣдича были разрѣшены С. С. Уваровымъ, по убѣжденію котораго онъ рѣшился замѣнить однообразный шестистопный ямбъ эпическимъ стихомъ Грековъ. Письмо Уварова къ Гнѣдичу по этому предмету нап. въ 13 книжкѣ «Чтеній», 1813 г. Гнѣдичъ, въ отвѣтѣ своемъ, изложилъ формы измѣненій гексаметрическихъ и представилъ опытъ перевода гексаметрами изъ 6-ой пѣсни (ib). Съ этого времени онъ неослабно предался выполненію принятой имъ на себя задачи, употребивъ на него болѣе 20 лѣтъ: переводъ Иліады вышелъ въ 1829 г. Въ теченіи главной работы являлись и другія сочиненія, напримѣръ: «Рожденіе Гомера, лирическая поэма въ двухъ пѣсняхъ» (1817), идиллія «Рыбаки» (1821), «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ» (1825). Служба Гнѣдича въ Департаментѣ продолжалась до 1817 г. Кромѣ того въ 1811 г. онъ занялъ должность библіотекаря въ И. П. Библіотекѣ, директоры которой, гр. А. С. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ, много способствовали ему въ его предпріятіи. Они, по словамъ Лобанова, біографа Гнѣдича, требовали отъ него не столько службы, сколько Иліады, зная, что перенести подобное твореніе въ отечественную словесность есть служба тому же отечеству, но такая, для совершенія которой и въ цѣлыя столѣтія не всегда представляются достойные сподвижники. Не пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ отъ природы, Гнѣдичъ еще болѣе ослабилъ его трудолюбивою, сидячею жизнію. Къ физическимъ болѣзнямъ присоединилась еще и душевная — тоска человѣка одинокаго. Это грустное одиночество выражено имъ въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній «Дума» (1832):

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Гнѣдичу не суждено было испытать счастія супружества, котораго онъ пламенно желалъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ:

«Долго испытывая, что такое счастіе или, лучше сказать, на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его,—вотъ источники счастія, мною воображаемаго... Только воображаемаго?.. Какъ я бѣденъ!

«Главный предметъ моихъ желаній — домашнее счастіе.—Моихъ?... Едва ли это не цѣль и конецъ, къ которымъ стремятся предпріятія и труды каждаго человѣка. Но увы! я бездоменъ, я безроденъ. Кругъ семейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что могло бы меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустотѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней безъ всякаго изъ ея наслажденій».

Въ 1825 г., по совѣту врачей, Гнѣдичъ пользовался кавказскими минеральными водами, но безъ успѣха.

Въ 1826 г. онъ отправился въ Одессу, откуда возвратился въ 1828 г., значительно поправивъ свое здоровье. Въ 1830 г. припадки болѣзни возобновились. Облегченіе, принесенное искуственными минеральными водами въ Москвѣ (1831), было только временное. Гнѣдичъ уже чувствовалъ приближеніе смерти. Это предчувствіе, обратившееся въ увѣренность, выражено двустишіемъ при погребеніи Дельвига (1831):

Другъ, до свиданія! Скоро и я насла-
ждусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру,
чтобы жить.

Гнѣдичъ похороненъ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Невскаго монастыря. Надгробный памятникъ поставленъ ему друзьями и пріятелями, съ надписью:

Гнѣдичу,
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.
Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися.
(Иліада, пѣснь 1, стихъ 249).

Въ отвѣтѣ на посланіе гр. Хвостова, относящееся къ 1810 г., Гнѣдичъ изобразилъ свою личность, начиная съ внѣшняго вида и оканчивая внутренними свойствами. Здѣсь между прочимъ, читаемъ:

Мой духъ лишь воспаренъ любовію къ
наукамъ,
Къ священной истинѣ, златыя лиры къ
звукамъ...
Они отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ
моихъ.

(Жизнь и сочиненія Н. И. Гнѣдича, статья М. Лобанова, въ 5 ч. Трудовъ Рос. Академіи, 1842; также въ Сынѣ Отеч., 1842, № XI).

Сочиненія Гнѣдича изданы два раза: а) Стихотворенія (1832); б) Сочиненія, 1854 (въ Полн. собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина, вмѣстѣ съ сочиненіями Хемницера). Пьесы, пропущенныя въ этихъ изданіяхъ, исчислены г. Лонгиновымъ (Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Гнѣдича. Русскій Архивъ 1863 г., вып. 11 и 12).

XXVIII.

ВОЕЙКОВЪ. ([1]).

А. ПОСЛАНІЕ КЪ СПЕРАНСКОМУ ОБЪ ИСТИННОМЪ БЛАГОРОДСТВѢ (1806). ([2]).

Сперанскій, другъ людей, полез-
ный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворя-
нинъ!
Ты славно побѣдилъ людей не-
справедливость,
Собою посрамилъ и барство и кич-
ливость.
Ты свой возвысилъ родъ: твой
гербъ, твои чины
И слава—собственно тобой сотво-
рены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ по-
томки
Любовь къ отечеству, не титлы
только громки.
Однакоже нельзя дворянство вздо-
ромъ счесть,
Когда, съ заслугами соединяя
честь,

Почтенный дворянин, блистая орденами,
Быть хочетъ, такъ какъ ты, полезенъ намъ дѣлами;
Дворянство помнитъ онъ лишь только для того,
Чтобы достойнымъ быть отличія сего;
Заслуги праотцевъ своими умножаетъ —
И честь ихъ имени еще свѣтлѣй сіяетъ.

Напротивъ, не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцевъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и граматы въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль, предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ поревнованья;
Когда безъ славныхъ дѣлъ, тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ.
А между тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.
Не ужъ ли вѣчно мнѣ глупца сего щадить?
Однажды навсегда хочу его спросить:
Скажи, о дивный мужъ, отличное творенье!
Какія у людей животныя въ почтеньѣ?
Мы дорого цѣнимъ ретиваго коня
За то, что статенъ онъ, горячъ, какъ пылъ огня;
За то, что никогда въ бѣгу не утомлялся
И на ристалищѣ стократно отличался:
Но будь Алфановъ онъ или Баярдовъ внукъ,
Да кляча по себѣ, тотчасъ сбываютъ съ рукъ,—
Прощай почтеніе и къ племени и къ роду!
На немъ тащатъ дрова или привозятъ воду.
За чѣмъ же хочешь ты слѣпить насъ мишурой?
Родня великимъ ты — примѣры предъ тобой:
Румянцовъ и Орловъ среди громовыхъ звуковъ,
Въ посольствѣ князь Репнинъ, въ сенатѣ Долгоруковъ;

Спаситель Еропкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители наукъ—Шуваловъ, Муравьевъ;
Херасковъ, нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, вельможей образецъ,
Державинъ—славныхъ битвъ, любви, боговъ пѣвецъ:
Онъ движетъ въ насъ сердца, златыя движа струны;
Онъ нѣженъ, какъ любовь, и звученъ, какъ перуны.
Къ заслугамъ и честямъ премножество дорогъ.
Наслѣдникъ бабушкинъ и маменькинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь бариномъ самымъ дѣломъ,
Великихъ сихъ мужей поставь себѣ примѣромъ:
Будь честенъ, какъ они—и княжествомъ хвались,
Полезенъ обществу—и предками гордись.
Пусть бабушка твоя отъ крови будетъ царской,
А дѣдушкой роднымъ князь Курбскій иль Пожарской:
Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь внучкомъ слыть;
Кто смѣетъ Минина породой укорить?
Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Геркулеса,
Не долженъ быть ни трусъ, ни глупая повѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ! — ты вѣчное пятно,
Безчестье праотцевъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благородный,
Отъ корня добраго гнилой сучекъ, негодный....

Притомъ, какъ русскому, вамъ должно быть извѣстно,
Что мѣстничество здѣсь нимало несовмѣстно;
Подъ скиптромъ благости для всѣхъ права даны:
Полезные сыны отечеству равны,
И самый древній родъ, богатое наслѣдство,
Не есть отличное для службы царской средство.
Но если какъ нибудь ошибкой, или такъ,
И выдетъ въ знатный чинъ лѣнивецъ и дуракъ:
Почтенія къ нему ни мало не прибудетъ,
Онъ изъ простыхъ глупцовъ глупцомъ чиновнымъ будетъ.
Отечество мое, ты будешь ввѣкъ цвѣсти!
Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверстые пути
Ко смерти на бою, къ трофеямъ послѣ боя!
Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ Петръ героя,
Который не родствомъ, а самъ собой блисталъ—
И выборъ мудраго заслугой оправдалъ.
Пускай же мальчики болтаютъ и танцуютъ,
Потомки воиновъ всю жизнь провальсируютъ;

Пусть эти гордецы, безъ чести, безъ заслугъ,
Стараются набрать толпу большую слугъ,
Лакеевъ отличить ливрейными цвѣтами
И съ ногъ до головы обшить ихъ галунами:
Невѣжѣ (а) нужно быть отличну отъ людей
Кафтановъ пестротой и статью лошадей;
Но горькіе плоды ихъ старость ожидаютъ,
Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.
Межъ тѣмъ, Сперанскій, ты, трудясь какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится ль съ тобой дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь и фейерверки жжетъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведетъ?
Сперанскій! ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель;
Ты духомъ дворянинъ; трудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюлліемъ, за Кольбертомъ ступай;
Не орденской звѣздой, сіяй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душею, не чинами;
Монарху славному со славою служи;
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ.

(а) Невѣждѣ.

Б. ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ (1814). ([3]).

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ.
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.
Вечеромъ, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ!
Изъ Омира по сю-пору
Недописанныхъ стиховъ.
Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
Но въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ желтый домъ.
Отъ любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,
О Каверинъ ([4])! долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;

Но, сказавъ «прости» обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ.
Ахъ, и я.... но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
Я чиннехонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой владѣть луной,
И портретъ Наполеона
Намалеванъ какъ живой.
Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко: «Сей отдѣлъ
Прозаистамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторамъ;
Не по чину, не по лѣтамъ,
Здѣсь мѣста по нумерамъ.»
Двери настежь надзиратель
Отворя мнѣ, говоритъ:
«Нумеръ первый—вашъ пріятель
Каченовскій ([5]) здѣсь сидитъ;
Букву *э* на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.
То кавыки созерцаетъ;
То, обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ;
То стряхаетъ съ книжицъ пыль,
И, въ восторгѣ восклицая,
Набиваетъ ею ротъ:
«Соръ славянскій, пыль родная!
Слаще ты, чѣмъ медъ изъ сотъ!»
Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Синичка Шаликовъ ([6]) въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ.
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.
Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка ([7]) возсѣдитъ,
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ;
Книга Кормчая отверста,
И уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены:
«О Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гоѳолію укралъ!
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота!»
Ты ль, Хвостовъ ([8])? къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я. Тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ...—не сумасшедшій,
Не съ чего тебѣ сходить.
«Въ Буало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезславилъ»...
Быстро онъ проговорилъ,
И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицемъ печальнымъ,—
Буквъ славянскихъ красоту,—
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую *ѳиту*.
И на утвари повсюду
Коронованныя *кси*,
Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси*,
Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумленный—

И узналъ, что то Шишковъ.
Вотъ Сладковскій ([9]) восклицаетъ:
«Се, се Россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ сіяетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ;
И чрезъ Ворсклу при препавѣ,
Градовъ на сушѣ творецъ
Съ дерзостью пошелъ ко славѣ,
И поэмѣ сей конецъ!»
Вотъ Жуковскій! въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
То глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.
Вотъ Кутузовъ ([10]): онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредитъ ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.
Вотъ Станевичъ ([11]). Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ! потомство! за меня
Злому критику отмстите;
Мой изъ бронзы вылитъ ликъ,
Монументъ соорудите!
Я великъ, великъ, великъ!»
Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ ([12]) сидитъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:
«Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно—ужасной
Крокодилъ на немъ лежитъ!»
Вотъ Измайловъ—авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ (а);
Мой предметъ—носы съ прыщами;
Ходимъ съ Музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!»
Вотъ Грузинцевъ ([13]): онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
—Вѣрно ваше сочиненье?
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
—Нѣтъ, Софоклово творенье!
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.
И бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ....
—Вотъ еще!—сказали мнѣ.
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ ([14])
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ какъ на Вольтера,
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала бъ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ!»
Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ,
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
«Рады вы или не рады,
Но указъ ужъ полученъ;
Вамъ отсель нельзя ни пяди!»

(а) Забавное этого стиха состоитъ въ томъ, что Измайловъ, напротивъ, претендовалъ на званіе «дамскаго писателя».

И указъ тотчасъ прочтенъ:
«Тотъ Воейковъ (15), что Делиля
Столь безбожно исказилъ,
Истерзать хотѣлъ «Эмиля»
И Виргилію грозилъ,—
Долженъ быть, какъ сумасшедшій,
Вовсе запертъ въ желтый домъ;
Темя все обрить посрѣшнѣй
И тереть почаще льдомъ!»
Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И проснувшись не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ...
Други! вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не жить поэту!
А писать начать—боюсь!

[1]) Воейковъ, Александръ Өедоровичъ, род. 1778 г. Обучался въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (1791—1795) и считался однимъ изъ лучшихъ его воспитанниковъ: имя его написано было на золотой доскѣ, на ряду съ именемъ Жуковскаго. Здѣсь-же, вѣроятно, возникла и развилась въ немъ любовь къ литературѣ. Чтеніе книгъ, преимущественно и, можно сказать, исключительно французскихъ, обогатило умъ разнообразными, хотя и поверхностными знаніями. Онъ имѣлъ несомнѣнное, хотя и не серьезно направленное дарованіе; нельзя также отрицать въ немъ начитанности и энциклопедическихъ свѣдѣній, которыми онъ могъ хвалиться передъ многими современными ему авторами. Этимъ обстоятельствамъ, равно какъ и тому, что онъ былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, объясняются его связи съ лучшими тогдашними людьми: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ, Батюшковымъ, Гнѣдичемъ, Тургеневыми, Перовскими. Нѣкоторое время онъ даже раздѣлялъ славу съ Жуковскимъ и Батюшковымъ. М. А. Дмитріевъ, въ своихъ «Мелочахъ», пишетъ, что когда приводили имена лучшихъ литераторовъ того времени, то говорили: Жуковскій, Батюшковъ и Воейковъ. Извѣстность свою, какъ литератора, Воейковъ положилъ «Посланіемъ къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ» (1806 г.). Послѣ того онъ перевелъ Вольтерову «Исторію царствованія Людовика XIV и Людовика XV» (4 ч., 1809). За тѣмъ онъ издалъ «Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей» (5 ч., 1811). До войны 1812 г. Воейковъ жилъ въ Москвѣ, переводилъ Делилеву поэму «Сады» и былъ постояннымъ членомъ кружка московскихъ литераторовъ—Мерзлякова, Кокошкина, Ө. Иванова (автора многихъ драматическихъ піесъ), Смирнова (переводчика трагедіи Шиллера: «Коварство и любовь»). Въ 1812 г. поступилъ въ военную службу, которую оставилъ по изгнаніи французовъ. На свободѣ отъ должностныхъ занятій, онъ путешествовалъ по Россіи; а возвратясь, снова поселился въ Москвѣ. Къ этому времени (1814) относится первая редакція знаменитаго его стихотворенія: «Домъ сумасшедшихъ». Въ 1815 году, женившись на Протасовой, онъ переѣхалъ въ Дерптъ, куда назначенъ былъ въ университетъ профессоромъ русской словесности. Каѳедру свою онъ занималъ до 1820 г., а въ этомъ году переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу сначала въ департаментъ духовныхъ дѣлъ, а потомъ (1821) инспекторомъ классовъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ также преподавалъ русскую словесность. Въ періодъ времени, съ 1815 по 1826, онъ издалъ три «собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ»: первое, вмѣстѣ съ

А. Тургеневымъ и Жуковскимъ, въ 12 ч., 1815 — 1817; второе, одинъ, подъ названіемъ: «Новое собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 г.» (4 ч., 1821 — 1822); третье, также одинъ: «Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1825 г.» (4 ч., 1824—1826). Съ 1821 г. Воейковъ сдѣлался журналистомъ. Болѣе года (съ 1821 по мартъ 1822) онъ раздѣлялъ труды съ Гречемъ по Сыну Отечества. Получивъ редакцію «Инвалида», въ 1822 г., велъ ее до 1828 г. Кромѣ того онъ издавалъ: «Новости русской литературы (съ 1822 по 1825 съ И. Козловымъ, а на 1825 и 1826 одинъ), «Славянинъ» (1827—1830) и «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» (1831—1836). Послѣдніе годы своей жизни Воейковъ проводилъ въ постоянномъ недовольствѣ судьбою и желчномъ раздраженіи. Въ его положеніи, литературномъ и общественномъ, произошелъ переворотъ. «Мы вдругъ потеряли всѣхъ земныхъ покровителей (пишетъ онъ кн. Волконской въ 1827 г.): императора Александра, императрицу Елисавету, Карамзина... Тутъ открылось пространное поле для моихъ враговъ личныхъ, для завистниковъ моего благосостоянія, которые и по кончинѣ Александра I не могли простить намъ его неизреченныхъ милостей... Можетъ быть, нѣсколько колкихъ эпиграммъ, нѣсколько добавочныхъ строфъ къ «Дому сумасшедшихъ» возбудили мщеніе посредственности». Литературная его извѣстность, блестящая въ прежнее время, затмилась; редакція «Инвалида», доставлявшая ему значительный доходъ, была передана генералу Пезаровіусу; къ этому присоединились долги, слѣдствіе расточительности и хозяйственнаго безпорядка. Вину всѣхъ этихъ невзгодъ Воейковъ сваливалъ на другихъ, а себя выгораживалъ изъ-подъ отвѣтственности: напрасное самооправданіе тамъ, гдѣ корень зла лежитъ въ собственномъ характерѣ и неразуміи. Умеръ онъ 1839 г. (А. Ѳ. Воейковъ. Библіограф. замѣтка А. Лазаревскаго, въ 1-мъ вып. «Сборника, издав. студентами спб. университета»; Литературные дѣятели прежняго времени, Е. Колбасина; Письма Воейкова къ кн. Волконской, въ Библ. Зап. 1858, № 9).

[2]) Вѣст. Евр. 1806, № 19. Сатира имѣетъ форму посланія къ Сперанскому, въ которомъ родовое дворянство не хотѣло видѣть себѣ ровни.

[3]) «Домъ сумасшедшихъ. Сатира А. Ѳ. Воейкова». Мы приняли первую редакцію, нап. въ 1 вып. Сборника, изданнаго студентами спб. университета, выправивъ ее по указаніямъ Сына Отеч. 1857, № 45. Послѣдняя (третья) редакція относится къ 1838 г. Эпиграфомъ къ сатирѣ взяты два французскіе стиха:

La vie de l'homme n'est qu'un songe:
Un songe agréable est préferable à une triste réalité.

Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ одномъ изображены лица, извѣстныя по своей администраціи; второй посвященъ собственно литераторамъ. О первомъ отдѣлѣ въ первой редакціи сказано какъ бы мимоходомъ, только четырьмя стихами (Тутъ одинъ желаетъ трона, и пр.), но онъ значительно расширенъ въ двухъ позднѣйшихъ редакціяхъ. Равнымъ образомъ добавленъ и второй отдѣлъ. «Домъ сумасшедшихъ» напечатанъ по нѣсколькимъ спискамъ въ Рус. Старинѣ 1874 (т. 9) и по списку, писанному рукою самого Воейкова, тамъ же, 1875 (т. 12).

[4]) Кавернинъ—тотъ самый, которому Пушкинъ написалъ посланіе (Соч. Пушкина, изд. Анненкова, II, 174).

[5]) Каченовскій, профессоръ моск. университета, почитавшій букву ѣ

лишнею въ русской азбукѣ, и потому замѣнявшій ее буквою *е*. «По крюкамъ стихи поетъ» — скандуетъ, дѣлитъ стихъ на такты, или стопы. «Крюки»—старинный нотный знакъ.

[6]) «Размазню безъ масла ѣстъ» — намекъ на бѣдное состояніе кн. Шаликова.

[7]) Сергѣй Николаевичъ.

[8]) Гр. Дмитрій Ивановичъ—плодовитый писатель, снискавшій себѣ извѣстность необычайною страстію къ стихотворству. Его-то Измайловъ выводилъ въ своихъ басняхъ, подъ именемъ Графова.

[9]) Сладковскій — авторъ поэмы «Петръ Великій» (1803). Отсюда взяты стихи, отмѣченные вноснымъ знакомъ.

[10]) Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ, бывшій попечителемъ Моск. университета и переводчикъ Сафо, Гезіода, Өеокрита, Пиндара. Письмо его (1810) къ министру народ. просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскому, о сочиненіяхъ Карамзина нап. во 2 кн. «Чтеній въ Моск. обществѣ исторіи на 1858 г.». Карамзинъ выставляется здѣсь опаснымъ авторомъ; сочиненія его—исполненными вольнодумческаго и якобинческаго яда.

[11]) Станевичъ — жаркій приверженецъ Шишкова. Стихи его и проза, ч. 1, изд. въ 1805 г. Другое сочиненіе его: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» (1818) было запрещено, но потомъ, по представленію Шишкова, запрещеніе снято и книга вышла 2-мъ изд. (1825).

[12]) Эти стихи Батюшкова взяты изъ его піесы: «Счастливецъ, подражаніе Касти» (1810).

[13]) Авторъ трагедій: «Эдипъ царь», «Электра и Орестъ» и другихъ.

[14]) Невзоровъ издавалъ съ 1807 по 1815 г. журналъ: «Другъ юношества».

[15]) Воейковъ переводилъ изъ Георгикъ и думалъ переводить «Эмиля, или о воспитаніи», Ж. Ж. Руссо. Сады или искусство украшать сельскіе виды, сочиненіе Делиля. Перевелъ Александръ Воейковъ. Спб. 1816.

XXIX.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ. ([1]).

А. КЪ ПОРТРЕТУ ВЫСПРЕННЯГО ПОЭТА (1811) ([2]).

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо никто его не разумѣлъ.

Б. ОБЪЯСНЕННОЕ СОМНѢНІЕ (1811). ([3]).

Смѣяться вы властны, а я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
—Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты.... ворамъ.

В. ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ, ПРИСЛАВШЕМУ МНѢ СВОИ СОЧИНЕНІЯ (1823). ([4]).

Я получилъ сей даръ, наперсникъ Аполлона,

Другъ вкуса, вѣрный стражъ Парнасскаго закона,
Вниманья твоего сей драгоцѣнный даръ.
Онъ пробудилъ во мнѣ охолодѣвшій жаръ,
И въ сердцѣ пасмурномъ, добычѣ мертвой скуки,
Поэзіи твоей плѣнительные звуки,
Раздавшись, дозвались отвѣта бытія:
Поэтъ напомнилъ мнѣ, что былъ поэтомъ я.
Но на чужихъ брегахъ, среди толпы холодной,
Гдѣ жадная душа души не зритъ ей сродной,
Гдѣ жизнь—издержка дней и съ временемъ расчетъ,
Гдѣ равнодушіе, какъ всемертвящій ледъ,
Сжимаетъ и тѣснитъ къ изящному усилья—
Что мыслямъ смѣлость дастъ, а вдохновенью крылья?
Въ бездѣйствіи тупомъ ослабѣваетъ умъ;
Безъ поощренья — спитъ отвага пылкихъ думъ.
Поэзія должна не хладнымъ быть искусствомъ,
Но чувства языкомъ иль, лучше, самымъ чувствомъ.
Стихъ прибирать къ стиху есть тоже ремесло;
Поэтовъ цеховыхъ размножилось число.
Поэзія въ иномъ слѣпое рукодѣлье:
На сердцѣ есть печаль, а онъ поетъ веселье.
Онъ пишетъ отъ того, что чешется рука;
Восторга своего онъ ждетъ не свысока,
За вдохновеніемъ является къ вельможѣ
И часто къ небесамъ летаетъ изъ прихожей;
Иль утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ;
Кривляется безъ слезъ, вздыхаетъ не въ попадъ
И чувства по рукамъ сбираетъ на прокатъ;
Онъ на чужомъ огнѣ любовь разогрѣваетъ
И *вѣрно съ подлиннымъ* грустить и умираетъ.
Такой уловки я отъ неба не снискалъ:
Поется мнѣ, пою—вотъ что поэтъ сказалъ,
И вотъ піитикъ всѣхъ первѣйшее условье!
Въ обдуманномъ пылу хранящій хладнокровье,
Ѳирсъ любитъ трудности упрямствомъ побѣждать
И вопреки себѣ, а намъ на зло писать.
Зачѣмъ-же нѣтъ? легко идетъ въ единоборство
Съ упорствомъ риѳмачей читателей упорство.
Что не читается? Пусть именной указъ
Къ печати глупостямъ путь заградитъ у насъ,—
Бурунъ отмстить готовъ сей мѣрѣ ненавистной
И промышлять пойдетъ онъ скукой рукописной.

*

Есть родъ стократъ глупѣй писателей глупцовъ—
Глупцы читатели. Обильный Глазуновъ
Не можетъ запастись на нихъ своимъ товаромъ.
Иной божиться радъ, что Мевій (а) пишетъ съ жаромъ.
Въ жару? согласенъ я; но этотъ лютый жаръ—
Болѣзнь и Божій гнѣвъ, а не священный даръ.
Еще могу простить чтецамъ симъ угомоннымъ,
Кумира своего жрецамъ низкопоклоннымъ,
Для коихъ таинствомъ есть всякая печать,
И вольнодумецъ тотъ, кто смѣетъ разсуждать;
Но что несноснѣе тѣхъ умниковъ спесивыхъ,
Нелѣпыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,
Которыхъ всѣ права — надменность, пренья—шумъ,
А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ.
Въ слѣпомъ невѣжествѣ ихъ трибуналъ всемірной,
За карточнымъ столомъ иль кулебякой жирной,
Вѣнчаетъ на-обумъ и на-обумъ казнитъ;
Ихъ осужденье—честь, рукоплесканье—стыдъ.
Бѣда тому, кто могъ языкомъ благороднымъ,
Предубѣжденій врагъ, другъ истинамъ свободнымъ,

(а) Плохой латинскій стихотворецъ.

Встревожитъ невзначай ихъ раболѣпный сонъ
И смѣло вслухъ вѣщать, что смѣло мыслилъ онъ!
Труды писателей, наставниковъ отчизны,
На нихъ, на ихъ дѣла живыя укоризны;
Имъ не по росту быть вмѣняется въ вину,
И жалуютъ они посредственность одну.
За то какая смѣсь предъ тусклымъ ихъ зерцаломъ?
Тотъ драмой бьетъ челомъ иль рѣчью; сей журналомъ,
Въ которомъ, сторожъ тьмы, взялся онъ на подрядъ,
Гдѣ-бъ мысль ни вспыхнула иль слава, бить въ набатъ.
Подъ сѣнью мрачною сего ареопага
Родится и растетъ марателей отвага.
Судъ здравый заглушенъ уродливымъ судомъ,
И на одинъ талантъ мы сто вралей сочтемъ.
Какъ мало, Дмитріевъ, твой правый «толкъ» постигли,
Иль крылья многіе себѣ бы здѣсь подстригли!
Но истины языкъ не внятенъ для ушей:
Гласъ самолюбія доходнѣй и вѣрнѣй.
Какъ сладко подъ его напѣвомъ дремлетъ Бавій (б)!

(б) Тоже плохой латинскій стихотворецъ, думавшій соперничать съ Виргиліемъ.

Онъ въ людяхъ славенъ сталъ
числомъ своихъ безславій;
Но, счастливый слѣпецъ, онъ всё
ихъ перенесъ:
Чѣмъ ниже упадетъ, тѣмъ выше
вздернетъ носъ.
Что для иного трудъ, то для него
есть шутка.
Отвергнувъ правилъ цѣпь, сло-
живъ ярмо разсудка,
Онъ бѣгу своему не вѣдаетъ
границъ.
Да развѣ онъ одинъ? нѣтъ, много
сходныхъ лицъ
Я легкимъ абрисомъ въ лицѣ его
представилъ
И подлинниковъ рядъ еще боль-
шой оставилъ.
Когда читателей моихъ почтивъ
корысть,
Княжнинъ-бы отдалъ мнѣ затѣй-
ливую кисть,
Которой чудаковъ (а) онъ намъ
являетъ въ лицахъ—
Какая-бъ жатва мнѣ созрѣла въ
двухъ столицахъ!
Сихъ новыхъ чудаковъ забавныя
черты,
Украсили-бъ мои нельстивые листы:
Разставя по чинамъ, по званью
и примѣтамъ,
Безъ надписей-бы далъ я голосъ
ихъ портретамъ.
Но страхомъ робкая окована
рука:
Въ учителѣ боюсь явить ученика.
Тебѣ, о смѣлый бичъ дурачествъ
и пороковъ,
Примѣрнымъ опытомъ и голосомъ
уроковъ
Означившій у насъ гражданамъ
и пѣвцамъ,
Какъ съ честью пролагать бле-
стящій путь къ честямъ,
Тебѣ, о Дмитріевъ, сулитъ успѣхи
новы
Свѣтъ, съ прежней жадностью
внимать тебѣ готовый.
Что медлишь? на тобой оставлен-
номъ пути
Явись и скипетръ вновь ты пер-
венства схвати!
О Дмитріевъ! рази невѣжества
вражду
И, снова пристрастясь къ полез-
ному труду,
Согражданамъ своимъ яви при-
мѣръ высокій
И въ новыхъ образцахъ — дай
новые уроки!

(а) Въ ком. Чудаки.

Г. СТАНЦІЯ (1825). ([5]).

Досадно слышать: Sta, viator (б)!
Иль, изъясняяся простѣй:
«Извольте ждать, нѣтъ лошадей»,
Когда губернскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ
(Ему типунъ бы на языкъ!)
Сей рѣчью ставитъ васъ въ ту-
пикъ.
Отъ этого-то русскимъ трактомъ
Ѣзда не слишкомъ веселитъ:
Какъ ѣдешь, дѣйствіе кипитъ;
Пріѣдешь — стынетъ за антрак-
томъ.
Да и скакать—дождись пути.
Замѣтить должно мнѣ въ при-
бавку,
Чтобы точнѣй въ журналъ внести

(б) Изъ латинской эпитафіи.

Топографическую справку:
Дороги наши—садъ для глазъ,
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша:
Дорога, скажешь, хороша—
И вспомнишь стихъ: «для проходящихъ» (а)!
Свободна русская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда—
Нашъ Макъ-Адамъ (б), или Макъ-Ева—
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ.
Или когда поля проймётъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.
Чтожъ дѣлать? время есть всему!
Гражданству, роскоши, уму
Рукой степенной ходъ размѣренъ:
Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ,
Пождемъ—и возрастетъ итогъ.
Давноль могучій Петръ природу,
Судьбу и смертныхъ перемогъ,
Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огнь и воду,
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно ли вдоль и поперегъ
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы земныя—
И мы не будемъ безъ дорогъ.
За то военную дорогу
Прокладывать умѣемъ мы:
Въ Парижѣ были, слава Богу,
И, можетъ, не боясь чумы,
Ни Магомета стражи райской,
За славной тѣнью Задунайской,
За тѣнью Царственной жены
Мы доберемся до луны;
За грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбулѣ
И межъ собой, безъ дальнихъ ссоръ,
Миролюбиво кончимъ споръ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ.

«Такъ лошадей мнѣ нѣтъ у васъ?»
—Смотрите въ книгѣ: счетъ тутъ ясенъ.—
«Ихъ въ книгѣ нѣтъ, я въ томъ согласенъ:
Въ конюшнѣ нѣтъ ли?»—Тройка съ часъ
Послѣдняя съ курьеромъ вышла;
Двѣ клячи на дворѣ и есть,
Да ихъ хоть выбылыми счесть:
Не ходитъ ни одна у дышла.—
«А долго ли прикажешь мнѣ,
Платя въ избѣ терпѣнью дани,
Исторіи «тьму-таракани»
Учиться по твоей стѣнѣ?»
— Да къ ночи кони придутъ, нѣтъ ли,
Тутъ ихъ покормимъ часъ, иль два.
Ей, ей, кружится голова;
Приходитъ жутко, хоть до петли!
И днемъ и ночью все разгонъ,
А всего на всего пять троекъ;
Тутъ, какъ ни будь смышленъ и боекъ,
А полѣзай изъ кожи вонъ!—

(а) Изъ басни Дмитріева: «Прохожій».
(б) Особенное устройство дороги, такъ называемое по имени изобрѣтателя, англійскаго инженера.

«Стой, путникъ, стой!» чтожъ молвить больше,
Когда подвинуться не льзя?

[1]) Князь Вяземскій, Петръ Андреевичъ, род. въ 1792 г. Отецъ его, умирая, ввѣрилъ попеченіе о своемъ малолѣтнемъ сынѣ Карамзину. Молодой князь, связанный съ нимъ родствомъ, нашелъ въ немъ опытнаго наставника, а въ послѣдствіи вѣрнаго друга. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ часто говоритъ о Карамзинѣ съ любовью и благоговѣніемъ. Такъ, наприм., читаемъ въ отрывкѣ изъ стихотворенія: «Деревня» (Памятникъ отечественныхъ Музъ, 1827):

О Карамзинъ! ты здѣсь (а) съ любимыми творцами.
Въ душѣ твой образъ слитъ съ священными мечтами:
Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,
Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукой
И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,
Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.
О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!
Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ!
О мой второй отецъ! Любовью, дѣломъ, словомъ,
Ты былъ мнѣ отческимъ примѣромъ и покровомъ.

Первою школою молодаго князя былъ іезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ, о чемъ онъ воспоминаетъ въ «Посланіи къ Д. П. Сѣверину (1861)», своему соученику и старинному другу:

Тамъ жизни внутренней разсвѣтъ нашъ и начало,
Тамъ оперилась мысль, чутье тамъ чувствомъ стало.
Изъ просвѣщенныхъ рукъ наставниковъ-друзей
Запали въ нашу грудь, на жатву позднихъ дней,
Зародыши добра и любознанья сѣмя.

Потомъ онъ продолжалъ ученіе въ Москвѣ, въ домѣ профессора Рейса, и пользовался лекціями другихъ профессоровъ Московскаго университета. Знаніемъ русскаго языка онъ былъ обязанъ учителю въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, П. И. Богданову. На службу поступилъ въ Межевую канцелярію юнкеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1807). Начало его служебной карьеры совпадаетъ съ началомъ карьеры литературной: въ 1807 г. сочинилъ онъ первое стихотвореніе: «Посланіе къ*** въ деревню» (Вѣст. Евр. 1808, ч. 41). Кн. Вяземскій началъ писать стихи съ самаго дѣтства, вопреки желанію отца, который безуспѣшно старался поселить въ немъ охоту къ наукамъ математическимъ. Любовь къ словесности усилилась въ немъ послѣ того, какъ онъ, по смерти отца, перешелъ подъ руководство Карамзина; но строгость сужденій попечителя пугала его самолюбіе, и онъ боялся показывать ему опыты своего таланта. Тѣсная дружеская связь, въ юношескихъ лѣтахъ, съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, закрѣпила въ душѣ кн. Вяземскаго наклонность къ литературѣ вообще и къ поэзіи въ частности, которыя считаютъ его имя въ числѣ своихъ искреннихъ, даровитыхъ и образованныхъ ревнителей. Въ 1812 г., съ дозволенія начальника своего, директора Межевой канцеляріи Обрѣзкова, князь поступилъ въ Московское ополченіе, въ полкъ, сформированный гр. Мамоновымъ, и находился при Милорадовичѣ въ битвѣ при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты

(а) Въ Остафьевѣ, подмосковномъ селѣ, родовомъ имѣніи кн. Вяземскаго, который провелъ въ немъ свое дѣтство. Карамзинъ иногда живалъ тамъ лѣтомъ и писалъ первые томы своей исторіи. Оно описано въ стихотвореніи кн. Вяземскаго: «Остафьево» (1857).

двѣ лошади. Стихи: «Русскіе проселки (1842)» вспоминаютъ этотъ день, знаменитый въ исторіи отечественной войны:

Былъ Бородинскій день — день жаркій, боевой!
Французское ядро визжало надо мной,
И если мирнаго поэта пожалѣло,
За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.

Уволенный, по прошенію, изъ вѣдомства Межевой канцеляріи, 1817 г., онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ къ тайному совѣтнику Новосильцеву, въ Варшаву, и состоялъ при немъ до 1821 г. Черезъ девять лѣтъ послѣ того началась его новая служба, по министерству финансовъ, чиновникомъ особыхъ порученій и вскорѣ членомъ общаго присутствія департамента внѣшней торговли (1830). Въ 1833 г. онъ занялъ должность вице-директора этого департамента, а въ 1846-мъ—управляющаго заемнымъ банкомъ, откуда вышелъ въ 1853-мъ, получивъ мѣсто члена въ совѣтѣ министра финансовъ. Въ 1855 году назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и сенаторомъ. Въ 1858 г. уволенъ по прошенію отъ этой должности, сохранивъ званіе сенатора. Въ 1861 г. пожалованъ въ гофмейстеры, съ назначеніемъ состоять при Государынѣ Императрицѣ.

Пятидесятилѣтній юбилей кн. Вяземскаго, какъ литератора (1807 — 1857), былъ празднованъ, по случаю поѣздки его за границу, не въ 1857, а въ 1861 г. въ Петербургѣ (см. «Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности академика князя П. А. Вяземскаго»). Къ сожалѣнію, сочиненія кн. Вяземскаго, разсѣянныя по журналамъ и сборникамъ, ожидаютъ еще полнаго изданія. Только небольшая часть его стихотвореній собраны въ книгѣ: «Въ дорогѣ и дома (1862)». Къ этому сборнику приложена по возможности полная и вездѣ почти вѣрно составленная библіографія сочиненій автора, въ стихахъ и прозѣ. Имя кн. Вяземскаго, какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ (своимъ названнымъ братомъ), Батюшковымъ, Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ «лучшими» людьми онъ, во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранилъ горячую преданность просвѣщенію и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія для успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства. Полное изданіе его сочиненій важно для исторіи нашей словесности во многихъ отношеніяхъ. Свидѣтельствуя о дарованіи, какихъ у насъ немного, оно послужило бы также живою лѣтописью литературнаго движенія въ то время, когда литература была главнымъ интересомъ образованнаго общества.

Кромѣ указаннаго сборника, нѣкоторыя стихотворенія кн. Вяземскаго изданы въ отдѣльныхъ брошюрахъ: «Къ ружью» (1854), «Шесть стихотвореній» (1855), «За границею» (1859).

Важнѣйшія сочиненія въ прозѣ: О Державинѣ (С. От., ч. 32); Разборъ ком. Гоголя «Ревизоръ» (Соврем. 1836, т. 2); О жизни и сочиненіяхъ Озерова (при изданіи его сочиненій); О жизни и стихотвореніяхъ И. Дмитріева (при 6-мъ изд. его сочиненій); Разговоръ между издателемъ и классикомъ (при 1-мъ изд. Бахчисарайскаго Фонтана, Пушкина); Фонъ-Визинъ (отдѣльная книга).

[2]) Собраніе рус. стихотвореній, изданное Жуковскимъ (1811, ч. 5). Библисъ—Бобровъ, авторъ поэмы «Херсонида» и другихъ сочиненій, написанныхъ высокопарнымъ языкомъ.

[3]) Ib.

[4]) Полярная звѣзда, 1823 г.

[5]) «Глава изъ путешествія въ стихахъ; писана 1825 г.» (альманахъ «Подснѣжникъ» 1829).

XXX.

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ. (1).

А. УРОКЪ КОКЕТКАМЪ, ИЛИ ЛИПЕЦКІЯ ВОДЫ (1815). (2).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 5.

Саша, Баронъ, Графиня, Угаровъ и Фіалкинъ. Графиня, показавшись въ аллеѣ окруженная обожателями, съ ними раскланивается. Всѣ уходятъ; остаются: Баронъ, несущій шаль, Угаровъ и Фіалкинъ съ парасолемъ и гитарою за плечами.

Графиня. Я признаюся вамъ, что Липецкъ-рай земной!
Любезность жителей и прелести природы
Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
Нѣтъ! я вообразить безъ грусти не могу,
Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ возвратиться
И важной знатности въ блистательномъ кругу
О Липецкѣ вздыхать и скукою томиться.
И что найду я тамъ? несносный этикетъ,
Обѣды званые и праздники нарядны,
Гдѣ съ скукой пополамъ кружится въ вальсахъ свѣтъ,
И ахъ! концерты тѣ, гдѣ голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
Безъ милосердія терзаютъ слухъ гостей;
Театры душные, въ которыхъ, для уморы
Несчастныхъ зрителей, злодѣи аматеры
Пищатъ, коверкаютъ французскіе стихи.
А если попадусь я за мои грѣхи
Въ собранье важныхъ дамъ, на тетушку похожихъ,
Которыя, отъ лѣтъ ударясь въ ханжество,
Въ разсказахъ не щадя ни дружбу, ни родство,
Бранятъ безъ милости проѣзжихъ и прохожихъ —
Тогда пропала я! Что можетъ быть скучнѣй
Злословья, клеветы, и сплетней, и вѣстей,
Которыхъ никогда такъ много не бывало,
Какъ нынче? Если же и этого все мало,
Чтобъ насъ морить тоской, политика сама

Въ минуту явится съ лганьемъ и новостями,
Засядетъ вкругъ стола и громкими словами
Начнетъ витійствовать безъ толку, безъ ума;
И споры тѣмъ рѣшитъ, что съ болью головною
Пріѣдутъ всѣ домой.—Вотъ жизнію какою
Мнѣ должно мучиться; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счастію.... Ахъ! я цѣнить умѣю
Таланты, вкусъ и умъ.
Угаровъ *(въ сторону)*. Острѣе быть нельзя.
Фіалкинъ *(въ сторону)*. Наивность райская!
Баронъ *(въ сторону)*. Я отъ восторговъ тлѣю!
Графиня *(взявъ шаль отъ Барона)*. Благодарю, баронъ!
Баронъ. Ахъ! благодарнымъ быть
Тотъ долженъ, кто возмогъ хоть мало вамъ служить.
Графиня *(Барону)*. Къ несчастью, мы теперь встрѣчаемъ рѣдко въ свѣтѣ
Такую вѣжливость, — парижскій старый тонъ.
Баронъ. И рѣдко кто найдетъ въ прелестномъ семъ отвѣтѣ
Сокровища души.
Угаровъ. Поберегись, баронъ:
Такъ сильно шаркая, подагру разбередишь.
Графиня *(улыбаясь Угарову)*. Какъ вы язвительны.
Баронъ *(тихо Графинѣ)*. Несносный сорванецъ.
Фіалкинъ *(отдавая парасоль Графинѣ)*. Отъ солнца этотъ щитъ,— отъ васъ же для сердецъ,
Увы! защиты нѣтъ.
Угаровъ *(отдергивая Фіалкина)*. Куда, любезникъ, лѣзешь?
Поди вздыхать въ шалашъ.
Фіалкинъ. Но и шалашъ тотъ храмъ,
Гдѣ божеству души курится ѳиміамъ!
Графиня *(Фіалкину)*. Вездѣ поэзія.
Баронъ *(Угарову, который было зацѣпилъ шпорами Графинино платье)*. Васъ предварить позвольте,
Чтобъ отъ оружія воинскихъ вашихъ ногъ
Здѣсь случай бѣдственный произойти не могъ,
Невыгодный ея сіятельству.
Угаровъ. Увольте
Отъ воспитанія
Баронъ. Ахъ, нѣтъ!...
Угаровъ. Не такъ я простъ:
Насмѣшка не всегда со мною удается.
Саша. А вѣрно не одинъ на этихъ шпорахъ хвостъ
Изъ вальсовъ вынесли.
Угаровъ. Нашъ грѣхъ.
Баронъ. И признается!
О вѣкъ! о времена!
Графиня. Баронъ, который часъ?
Баронъ. Ахъ! скоро два часа.
Графиня. Какъ время пролетаетъ! *(Отдавая шаль Сашѣ)*.
Избавлюсь ли отъ нихъ?
Фіалкинъ. Гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Тамъ время мигъ одинъ.
Баронъ. Когдабъ оно для насъ
Остановилося и крылья потеряло.

Угаровъ. Да, если разъ—другой оно крыломъ махнетъ,
Такъ и прощай, баронъ — тебя какъ не бывало.
Графиня (*Угарову*). Ахъ! полноте шутить: мнѣ смѣхъ на умъ нейдетъ.
(*Сашѣ*). Вошла-ли тетушка?
Саша. Давно.
Графиня. А князь?
Саша. Онъ съ нею.
Графиня (*понизя голосъ*). И Пронской?
Саша. Съ ними же.
Графиня. Я, право, не успѣю
Окончить какъ нибудь къ обѣду туалетъ.
Вотъ случай тетушкѣ бранить.
Баронъ. Кто знаетъ свѣтъ
Тотъ удаляется.
Саша (*въ сторону*). Хоть этотъ догадался.
Графиня (*барону*). Ужъ вы уходите?
Баронъ. Себя могу ли льстить,
Что въ часъ гулянья вы...
Графиня. Надѣюсь съ вами быть.
Баронъ (*цѣлуетъ руку и отходя, въ сторону*). Вотъ прелестей соборъ!
Графиня (*въ сторону*). Насилу отвязался!
Угаровъ. Прощайте!
Графиня. Какъ! и вы?
Угаровъ. Готовъ, хоть и не радъ.
Графиня. На долголь?
Угаровъ. На лихихъ какъ разъ примчусь назадъ
(*Уходя*) Не женщина—соколъ!

—

ЯВЛЕНІЕ 6.

Графиня, Саша и Фіалкинъ (вздыхая издали).

Графиня. Ушли? Ахъ, какъ я рада!
Саша. Поэтъ не отвздыхалъ.
Графиня. Отправь его скорѣй.
Саша (*Фіалкину*). Придите къ намъ ужо съ гитарою своей
Попозже.
Фіалкинъ. Внушена мнѣ геніемъ баллада,
И посвятить хочу графинѣ сердца плодъ.
(*Графинѣ*). Примите....
Графиня. Что, сударь?
Фіалкинъ. Творенье небольшое,
Но есть въ немъ кое-что. Я выбралъ модный родъ
Балладъ.
Графиня. Я ихъ люблю.
Саша. А прозвище какое?
Фіалкинъ. Омиръ или Омеръ. Еще не рѣшено,
Какъ должно звать его, и для того я *или*
Поставилъ, чтобъ меня журналы не бранили.
Саша. Да дѣло въ чемъ? а *ме* иль *ми*, намъ все равно.
Фіалкинъ. Поэтъ безсмертный, кѣмъ была воспѣта Троя,
Лишенный глазъ, любви талантъ свой посвятилъ.
Графиня. Гомеръ влюбился!
Фіалкинъ. Ахъ! кто пѣлъ и не любилъ?
Ахилла славилъ онъ, чтобъ улыбнулась Хлоя.
Графиня. Вотъ это новое!

Фіалкинъ. Не думаетель вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго? — Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! этого все мало.
Графиня. И даже прочаго! — Чтожъ нужно для него?
Фіалкинъ. Въ немъ сердце быть должно, которо бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ, какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ...
Саша (*въ сторону*). Гдѣ тонко, тамъ и рвется.
Фіалкинъ. Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ;
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ... какъ я!..
Графиня. Намъ времени осталось
Немного, такъ прошу...
Фіалкинъ. Увы! когдабъ я могъ
Баллады пѣніемъ тотъ выразить восторгъ,
Которымъ вспламененъ Омеръ, пѣвецъ всесвѣтный.
Графиня (*въ сторону*). Въ пѣньѣ сноснѣе вздоръ. (*Ему*) Пропойте.
Фіалкинъ (*настроивая гитару*). Я готовъ.

БАЛЛАДА.

Пѣлъ безсмертный славну Трою,
Пѣлъ родныхъ Пріама чадъ;
Пѣлъ Ахилла, жадна къ бою,
Пѣлъ Елены милый взглядъ!
Но чувствительность слезами
Излила глаза пѣвца.
Ахъ! мы любимъ не глазами:
Для любви у насъ сердца,
И безсмертный подъ сѣтями
У безсмертнаго слѣпца.

Я мысли освѣжить хотѣлъ игрою словъ:
Поймалъ подъ сѣть свою Амуръ, слѣпецъ безсмертный,
Безсмертнаго слѣпца Омера.
Графиня (*въ сторону*). Что за вздоръ!
Саша. Слѣпецъ слѣпца ведетъ — прекрасно!
Фіалкинъ. Ахъ! вашъ вздоръ
Рѣшитъ судьбу слѣпца!
Графиня. Онъ очень милъ!
Саша. А сколько
Куплетовъ всѣхъ?
Фіалкинъ. Всего ихъ сорокъ восемь.
Саша. Только!
Фіалкинъ. Не больше.
Графиня (*Сашѣ*). Ахъ, спаси!
Саша (*Фіалкину*). Бездѣлица, да насъ
Ждетъ туалетъ, а вамъ не время ль на Парнасъ?
Фіалкинъ. Баллада въ чтеніи такъ милой быть не можетъ.
Саша. И одѣваться намъ баллада не поможетъ.

Графиня (*Сашѣ*). Какъ неучтива ты.
Фіалкинъ (*Графинѣ*). Эстетики въ ней нѣтъ.
Графиня. Чтобъ наказать ее, не пойте жъ.
Фіалкинъ. Весь эффектъ
Пропалъ безъ музыки.
Графиня. Могуль я быть въ надеждѣ,
Что нынче въ вечеру услышу....
Фіалкинъ. А не прежде?
Графиня. Не прежде; но прошу, скажите мнѣ пока
Сюжетъ.
Фіалкинъ. Омеръ сидитъ въ лѣсу у ручейка
И къ Хлоѣ страсть поетъ....
Саша. Покуда перестанетъ.
Фіалкинъ. Нѣтъ, ошибаетесь! покуда громъ не грянетъ,
Покуда бурями чреваты небеса
Не хлынуть океанъ на землю!...
Саша. Ахъ, ужасно!
Какъ въ голову придутъ такія чудеса?
Фіалкинъ. Я почерпнулъ изъ глазъ прелестныхъ....
Графиня. Вотъ прекрасно!
Всѣ эти бури вы въ моихъ глазахъ нашли?
Фіалкинъ. Что дивно въ небеси, что мило на земли,
Величіе боговъ, наивность, умъ чудесной,
Усредоточили вы все въ душѣ небесной!
Саша. Постойте-ка, сударь, да этотъ комплиментъ
Для молодой княжны былъ, кажется, пропѣтъ?
Графиня. Ага, сударь! такъ вы....
Фіалкинъ. Я не стыжусь нимало
Признаться. Олинька здѣсь прелестью своей
Плѣняла какъ луна, но солнце возсіяло—
И свѣтъ луны погасъ.
Графиня. Не можетъ быть лестнѣй!
Да вы всѣмъ женщинамъ поете точно тоже.
Фіалкинъ. Ахъ, вы единственны! что въ мірѣ съ вами схоже?
Саша. А барышня моя?
Фіалкинъ. Конечно хороша:
Всѣ хвалятъ въ ней глаза.
Графиня (*въ сторону*). Да гдѣ же въ нихъ душа?
Какъ фонари безъ свѣчъ.
Саша. Лице ея прекрасно,
Твердили вы въ стихахъ.
Графиня. Лице бѣло и красно,
И точно херувимъ на вербѣ восковой.
Саша. Чтожъ, отопретесь ли?
Фіалкинъ. Во-вѣкъ не отопрусь
Отъ тѣхъ моихъ стиховъ, что были всей Москвой
Съ восторгомъ читаны. На васъ самихъ пошлюся,
Графиня, что они....
Графиня (*съ досадою*). Я не читала ихъ.
Фіалкинъ. Угодноль, я прочту.
Графиня. (*съ досадою*). Вы, кажется, забыли,
Что здѣсь обѣдаютъ. (*Въ сторону*) Какой несносный враль!
Стихи преплоскіе. (*Ему*) Мнѣ, право, очень жаль,
Что не могу теперь...

Фіалкинъ. Дослушайте....
Графиня. Прощайте.
Фіалкинъ. Въ минуту кончу все.
Графиня (*Сашѣ*). Съ тобой поговорить
Хотѣла я, но мнѣ поэта съ рукъ не сжить. (*Идетъ къ дому*).
Фіалкинъ (*бѣжа за нею*). Баллада вамъ...
Графиня. Ее вы Олинькѣ читайте (*Уходитъ*).
Фіалкинъ. Бѣжитъ!.. И ахъ! за что прогнѣваться могла,
Не понимаю я.
Саша. А кажется понятно,
Что прелестямъ чужимъ воспѣтая хвала
Для женщинъ никогда не можетъ быть пріятна.
Фіалкинъ. Что слышу? я погибъ! Да какъ же не прочесть
Прекрасные стихи, что дѣлаютъ мнѣ честь.
И кто бы вытерпѣлъ?...
Саша. Не плачьте безполезно,
Я горю вашему надѣюся помочь.
Попозже, какъ совсѣмъ глухая будетъ ночь,
Придите вы сюда съ гитарою.
Фіалкинъ. Прелестно!
Саша. И, къ счастью, завтра день рожденія.
Фіалкинъ. Чьего?
Саша. Графини.
Фіалкинъ. Райска вѣсть! Въ минуту для него
Поспѣетъ новая баллада.
Саша. Ну же съ Богомъ
Проворнѣй на Парнасъ.
Фіалкинъ. Лечу!
Саша. Лети скорѣй,
Да ночью прилетай и пой какъ соловей.
Фіалкинъ. Я трону гордую души моей восторгомъ!

ДѢЙСТВІЕ V, ЯВЛЕНІЕ 2.

Семенъ и Фіалкинъ, въ темномъ плащѣ, съ гитарою, робко крадется.

Семенъ (*идетъ къ Фіалкину*). Кто крадется сюда?
Фіалкинъ (*встрѣтясь съ Семеномъ, вскрикиваетъ*)! О страхъ!
Семенъ (*испугавшись, отскакиваетъ*). Что сдѣлалось? Чего вы испугались?
Фіалкинъ. На силу я дышу! Ахъ! вы мнѣ показались
Тѣмъ мертвецомъ, что въ гробъ невѣсту....
Семенъ. Вся бѣда
Отъ старыхъ мамушекъ.
Фіалкинъ. Я мамушекъ не знаю.
Семенъ. Такъ мертвецами гдѣжъ напуганы?
Фіалкинъ. Въ стихахъ,
Въ балладахъ: ими я свой нѣжный вкусъ питаю;
И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу!... Все страшно въ нихъ; но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно.
Семенъ. И въ сказкахъ таже гиль. Бывало, цѣлый день
Я слушать былъ готовъ о шестиглавомъ змѣѣ,
О вѣдьмахъ кіевскихъ, Полканѣ и Кащеѣ;
За то всю ночь дрожу!..

Фіалкинъ. Я вздрогиваю самъ
Въ просонкахъ иногда. Но то извѣстноль вамъ,
Что серенаду дать мнѣ Саша приказала?
Семенъ. Да страхомъ вышибли вы все изъ головы.
Отъ Саши вамъ приказъ, чтобъ спрятались вы
И ждали отъ нея иль отъ меня сигнала.
Фіалкинъ. Да гдѣжъ мнѣ спрятаться?
Семенъ. Въ лѣсу у ручейка;
А чтобы вамъ меня смѣлѣе дождаться,
Такъ пойте: мертвецы на смерть стиховъ боятся.
Фіалкинъ. Прекрасно вздумано: средь темнаго лѣска
Я буду повѣрять мои страданья ночи.
Прощайте!
Семенъ. Добрый путь.
Фіалкинъ (*возвращаясь*). Найдетель вы?
Семенъ. Найду.
Фіалкинъ (*возвращаясь*). Могуль надѣяться?
Семенъ. Надѣйтесь.
Фіалкинъ. Я иду.
Семенъ. Идите.
Фіалкинъ (*возвращаясь*). Скоро ли?
Семенъ. Прескоро, — только мочи
Нѣтъ съ вами толковать.
Фіалкинъ. Я нѣсколько смущенъ
Мечтаніемъ; иду....

Б. ПУСТОДОМЫ. (³).

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 1.

Ѳома (*одинъ выходитъ потихоньку*). И въ залѣ ни души.. Ой, ой! житье плохое
Здѣсь въ домѣ господамъ: не служитъ имъ никто;
Людей тьма тьмущая, а поглядишь, на что?
Чтобъ изъ порожняго переливать въ пустое,
Тащить все у господъ, да ихъже и ругать;
А всѣ такъ чванятся, что не сведешь знакомства.
Ахъ, батюшка нашъ князь, такого пустодомства,
Какое у тебя, подъ солнцемъ не сыскать!

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ѳома и Радимовъ.

Радимовъ (*входя*). Все настежъ!—Дѣло! такъ! ужъ видно по порядку,
Что домъ племянниковъ.
Ѳома (*оглядывая*). Кто это!—Ба!
Радимовъ. Ѳома!
Ѳома. Ахъ, Глѣбъ Романовичъ!
Радимовъ. Что скажешь?
Ѳома. Правду матку
Сказать, такъ я еще не приложу ума,
Ты-ль, это, государь, и какъ ты очутился?
Радимовъ. Да вздумалося мнѣ увѣриться во всемъ,
Что про племянника писали; я простился
Съ женой и прискакалъ въ вашъ петербургскій домъ,

Гдѣ, слишкомъ полчаса бродивши на удачу,
Наткнулся наконецъ на пьянаго слугу,
И по словамъ его отправился на дачу;
Пробрался черезъ садъ, и радъ что здѣсь могу
Съ тобой поговорить. Меня пугнула новость,
Что продадутъ село, въ которомъ сестринъ прахъ.
Ну, что ты видѣлъ?
Ѳома. Охъ!
Радимовъ. Что говорятъ здѣсь?
Ѳома. Ахъ!
Радимовъ. Какъ принялъ князь тебя? Ну чтожъ?
Ѳома. Ахти!
Радимовъ. Тьфу пропасть!
Да полно охать; ну, что онъ сказалъ тогда,
Какъ прочиталъ письмо?
Ѳома (*въ сторону*). Ну, вотъ тебѣ бѣда!
Радимовъ. Да что-же онъ сказалъ?
Ѳома. Не вымолвилъ ни слова.
Радимовъ. Ни слова; стало онъ письма не прочиталъ?
Шалунъ! — вотъ далъ мнѣ Богъ племянника какова!
Но я....
Ѳома. Нѣтъ, онъ прочелъ, да съ глазъ меня прогналъ.
Радимовъ. За что?
Ѳома. Охъ, видно я не въ добрый часъ явился.
Радимовъ. А! у такихъ людей, какъ онъ, короткій судъ.
Когда расхохриться они изволятъ, тутъ
Кто первый пырь въ глаза, такъ тотъ и провинился.
(*Увидя Инквартуса*).
Что это за чудакъ?
Ѳома. Мусье Инквартусъ.
Радимовъ. Онъ
Хорошъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же и Инквартусъ.

Инквартусъ (*кладя бумаги на столъ*). Нѣтъ мѣста здѣсь порядочно заняться,
И тамъ пришла Княжна.
(*Садится за столъ*).
Радимовъ. Онъ можетъ быть ученъ;
Но въ эту голову нельзя уму забраться.
Посмотримъ. (*Подходитъ*). Господинъ
Инквартусъ, смѣю-ль я....
Инквартусъ. А! что угодно вамъ?
Радимовъ. Знакомства съ вами.
Инквартусъ. Ясно.
Радимовъ. Вы такъ ученостью прославили себя,
Что должностью я счелъ....
Инквартусъ. Въ учтивостяхъ напрасно
Не станемъ тратить словъ. Вы вѣрно изъ числа
Любителей наукъ?
Радимовъ. Да, я люблю науки.
Инквартусъ. Учились стало быть?
Радимовъ. Учился, и отъ скуки
Все занимаюся.
Инквартусъ. Похвальныя дѣла!

Такъ я имѣю честь съ собратомъ быть....
Покорнѣйше прошу.
(*Сажаетъ его на свое мѣсто*).
Вы не пришли-ль урокъ
Дать князю?
Радимовъ. Да... почти; но будеть-ли въ немъ прокъ?
Моей науки князь захочетъ-ли учиться?
Инквартусъ. Чтожъ вы преподавать изволите?
Радимовъ. А то,
Чему не учится у насъ почти никто
И безъ чего во всѣхъ наукахъ толку мало.
Инквартусъ. Конечно Логикѣ; она всего яснѣй?
Радимовъ. Нѣтъ.
Инквартусъ. Филологіи, Эстетикѣ?...
Радимовъ. Богъ съ ней!
Инквартусъ. А! Психологіи навѣрно?
Радимовъ. Нѣтъ.
Инквартусъ. Антропологіи, Монадологіи....
Радимовъ. Нѣтъ!
А Правдологіи.
Инквартусъ. Сказали вы невнятно.
Что?
Радимовъ. Правдологіи.
Инквартусъ. Вотъ что невѣроятно!
Я не слыхалъ о ней, учася тридцать лѣтъ.
Радимовъ. Для васъ же хуже.
Инквартусъ. Такъ, позвольте, понимаю.
Подъ именемъ другимъ ее, быть можетъ, знаю.
Въ чемъ состоитъ она, коль смѣю васъ спросить?
Или яснѣй: чему возможно научиться
Изъ Правдологіи?
Радимовъ. По правдѣ въ свѣтѣ жить,
Отъ правды не лынять, за правду не сердиться;
Въ душѣ, на языкѣ всегда ее имѣть
И, если надобно, за правду умереть.
Инквартусъ. Позвольте, знаю все. Цѣль вашего ученья
Есть правда; спорить въ томъ не можете никакъ:
А правда съ истиной сословы суть, и такъ
Цѣль Правдологіи есть къ истинѣ стремленье;
А Философія не есть ли точно тожъ?
Не всѣ-ль философы отъ Канта до Сократа
Стремились къ истинѣ и отвергали ложь?
Хоть Философія системами богата,
Но цѣль одна. Примѣръ: Зенона стоицизмъ,
Пиррона скептицизмъ, Спинозы реализмъ,
И Фихтовъ ихтеизмъ съ Берклея идеизмомъ,
Сократо-платонизмъ съ антропофилеизмомъ,
Суперъ - натурализмъ, перипатетизмъ,
Доризмъ, пиѳизмъ, кратизмъ, фиксизмъ и фатализмъ;
Такъ безъ софизмовъ я все кончу силлогизмомъ,

Что правды ригоризмъ вы греко-
руссицизмомъ
Хотѣли выразить,—и я васъ уга-
далъ.
Радимовъ. Да изъ какихъ зе-
мель васъ князю Богъ послалъ?
И этихъ измовъ всѣхъ откуда ты
набрался?
Инквартусъ. Я родомъ съ
Эзеля, но въ Галлѣ просвѣщался
И человѣкомъ сталъ!...
Радимовъ. Скажите-жъ,
человѣкъ,
Что съ княземъ путнаго падѣлали
вы въ свѣтѣ?
Инквартусъ. Учились, учим-
ся, учиться будемъ въ вѣкъ
И....
Радимовъ. Только?—хорошо!
Инквартусъ. Не правда-ль,
въ семъ отвѣтѣ
Я лаконически три истины ска-
залъ?
Радимовъ. И сочиняете вы
также?
Инквартусъ. Безъ сомнѣнья.
Въ столѣ и на столѣ найдете сто
началъ
О ста матеріяхъ.
Радимовъ (*перебирая тетра-
ди*). Такъ это сочиненья
Княжія...
Инквартусъ. И мои.
Радимовъ. Ага!—Ба! это что?
(*Беретъ письмо*).
Инквартусъ. Письмо отъ дя-
дюшки.
Радимовъ (*съ досадою*).
Оно.
Ѳома. Ай, ай, попался!
Радимовъ (*съ большею доса-
дою*).
И запечатано!
Инквартусъ. Князь дѣломъ
занимался,
Когда ему письмо принесъ сего-
дня...
Радимовъ. Кто?
Инквартусъ. Прикащикъ
этотъ.
Ѳома. Охъ!
Радимовъ (*съ сердцемъ*). Что
завздыхалъ ты снова?
Такъ онъ прочелъ письмо?—Ну,
чтожъ молчишь?
Ѳома. Ахти!
Радимовъ. Не хныкай, а ска-
жи глупцу отъ слова въ слово,
Что онъ шалунъ, педантъ безъ
толку, безъ пути;
Чтобъ онъ себя губилъ, дурачил-
ся, срамился,
Но чтобъ не зналъ меня.—Домой,
скорѣй домой!
(*Уходитъ*).
Ѳома (*бѣжитъ за нимъ*). Ну,
вотъ-те бабушка и Юрьевъ день!..
Инквартусъ (*Ѳомѣ*) Постой!..
Бѣжитъ....
А! Правдологъ, какъ видно,
разсердился;
Но гнѣвъ сей отъ чего, кѣмъ
возбужденъ, за что?
Тутъ есть загадочность; однако я
узнаю.
Положимъ, что... но нѣтъ... иль
лучше такъ... не то....
Что больше думаю, то меньше
понимаю.

[1]) Князь Шаховской, Александръ Александровичъ (1777—1846), воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, куда его отдали на восьмомъ году (1784). Шестнад-

цати лѣтъ (1793) поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, котораго офицерамъ — какъ онъ самъ говоритъ—былъ много обязанъ своимъ образованіемъ. Не смотря на служебныя обязанности и общественныя развлеченія, онъ продолжалъ учиться и въ особенности пристрастился къ французской драмѣ. Изъ гвардіи кн. Шаховской перешелъ въ театральную дирекцію (1801) членомъ по репертуарной части. На русскій театръ тогда обращали небольшое вниманіе. Дирекція заботилась почти единственно объ иностранныхъ труппахъ, потому что онѣ служили къ забавѣ и развлеченію высшаго общества. А какъ въ это время, для пополненія французской труппы, оказалась надобность въ нѣкоторыхъ первостепенныхъ артистахъ, то директоръ театра, А. Л. Нарышкинъ, для ангажированія ихъ, отправилъ кн. Шаховскаго за границу (1801). Больше года провелъ онъ въ чужихъ краяхъ и воротился въ 1803 г., исполнивъ порученіе успѣшнымъ образомъ. Путешествіе развило его способности, какъ драматическаго писателя. Въ Парижѣ онъ видѣлъ сценическія преобразованія, сдѣланныя трагическимъ актеромъ Тальмою, и старался перенести ихъ на петербургскіе театры, въ особенности на русскій. Задумавъ улучшить сценическое искусство, онъ прежде всего приступилъ къ образованію театральной школы. Школа уже давно существовала, но больше для балета и оперы; драматическая часть была въ упадкѣ, по недостатку учителей. Надобно было все устроивать вновь: рвеніе кн. Шаховскаго и его искренняя любовь къ искусству преодолѣли многія препятствія. Къ числу полезныхъ идей его театральнаго управленія принадлежитъ формированіе русской «молодой труппы». Онъ понималъ, что молодые артисты, постоянно играя съ старыми, будутъ медленно совершенствоваться, такъ какъ нельзя лицамъ, только что выступающимъ на сцену, давать первыя роли, когда для этихъ ролей есть первоклассные сюжеты. Вслѣдствіе этого молодому артисту приходилось лучшее время своей жизни оставаться при второстепенныхъ роляхъ, безъ возможности занять когда-либо первыя. Чтобы устранить такое неудобство, кн. Шаховской придумалъ образовать изъ юныхъ артистовъ особую молодую труппу, которая бы сама по себѣ, независимо отъ главной труппы, давала представленія на другомъ театрѣ. Въ этихъ представленіяхъ развились многіе сценическіе таланты.—Въ 1812 г. кн. Шаховской вступилъ въ военную службу. Имѣя небольшое помѣстье въ тверской губерніи, онъ былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, сформированнаго изъ ратниковъ тверскаго ополченія, и находился при отрядѣ генералъ-адъютанта Винценгероде, съ которымъ вошелъ въ Москву, оставленную непріятелемъ. Въ то время, какъ русская армія преслѣдовала французовъ, онъ прибылъ съ своимъ полкомъ и поступилъ подъ начальство маркиза Паулуччи, который отправилъ его съ особыми порученіями въ Самогитію. По успѣшномъ выполненіи ихъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему было сформировать въ Ригѣ запасную дивизію, съ которою онъ и былъ посланъ въ резервную армію, стоявшую въ Польшѣ. Этимъ кончились его военные труды. Ни въ 1813, ни въ 1814 г. онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; по распущеніи ополченій, воротился въ Петербургъ и занялъ прежнюю свою должность при театральной дирекціи. Въ 18[illegible]3 г. вышелъ въ отставку, когда директоромъ театра былъ назначенъ князь Тюфякинъ. Новый за тѣмъ директоръ

*

Майковъ приступилъ къ особеннымъ мѣрамъ для устройства финансовыхъ дѣлъ дирекціи. По представленію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, гр. Милорадовича, образованъ былъ комитетъ, подъ названіемъ «комитета главной дирекціи» (1824). Князь Шаховской поступилъ въ число его членовъ. Онъ составилъ новый штатъ, высочайше утвержденный. По кончинѣ Милорадовича, старшимъ членомъ комитета былъ назначенъ кн. Долгоруковъ, и кн. Шаховской получилъ увольненіе отъ службы (1826). Остальные 20 лѣтъ своей жизни провелъ онъ въ Москвѣ, принимая живое участіе въ постановкѣ новыхъ піесъ на сцену, давая полезные совѣты артистамъ, за которые были ему благодарны не только новички въ театральномъ искусствѣ, но и такіе первоклассные таланты, какъ Мочаловъ, Щепкинъ, Рязанцевъ. Директоры московскаго театра, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и М. Н. Загоскинъ, дорожили его опытностью и умѣли уважать его постоянную любовь къ драмѣ (Матеріалы для исторіи русскаго театра. Кн. А. А. Шаховской. Ст. Р. Ѳотова, въ 4-ой кн. Пантеона 1846 г.).

Главнѣйшія сочиненія:

Новый Стернъ, ком. въ 1 д. (1807).

Казакъ-стихотворецъ, анекдотическая опера-водевиль въ 1 д. 1815. Водевиль имѣлъ большой успѣхъ, благодаря сюжету и особенно мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ, положенныхъ на музыку Кавосомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ долгое время были въ общемъ употребленіи и вошли въ пѣсенники, назначенные для средняго и низшаго классовъ грамотныхъ людей. Впрочемъ, въ піесѣ нѣтъ ничего малорусскаго, какъ уже давно замѣтила критика (см. «Отрывки изъ моего журнала» въ 13 № Благонамѣреннаго на 1823 г.).

Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды, ком. въ 5 д. 1815. См. ниже, прим. 2.

Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ, опера-водевиль въ 3 д. (1816). Сюжетъ заимствованъ изъ жизни Ломоносова, который, возвращаясь изъ Марбурга на родину, попалъ-было въ руки прусскихъ вербовщиковъ.

Своя семья, или замужняя невѣста, ком. въ 3 д. (1818). Два явленія этой комедіи написаны Хмѣльницкимъ и Грибоѣдовымъ.

Пустодомы, ком. въ 5 д. (1820). См. ниже, прим. 3.

Аристофанъ или всадники, ком. въ 3 д. (1828). Сюжетомъ послужило первое представленіе комедіи Аристофана: «Всадники».

Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь, романтическая драма (1836).

Чурова долина, или сонъ на яву, волшебная оп. въ 3 д. (1844).

Неизданныя піесы:

Полубарскія затѣи, ком. въ 5 д. Она осмѣиваетъ страсть нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ домашнимъ театрамъ.

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, др. въ 3 д. (главное лице-основатель русскаго театра въ Ярославлѣ).

Чванство Транжирина (подражаніе Полубарскимъ затѣямъ).

Езопъ у Ксанѳа, вод. (здѣсь вставлены цѣликомъ многія басни Дмитріева и Крылова).

Прим. Здѣсь исчислены не всѣ піесы, число которыхъ доходитъ до ста.

Кромѣ того имъ написаны: сатиры и нѣсколько другихъ стихотвореній для Драматическаго Вѣстника (1808 г.); Расхищенныя шубы, ком. поэма въ 4 д. (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей рус. слова).

²) Главное лице піесы, заимствованной изъ французской: «La coquétte»—графиня Лелева. На Липецкихъ водахъ, куда она пріѣхала не

лѣчиться, а блистать своею красотою и столичной модой, ее окружаетъ толпа влюбленныхъ чудаковъ—Барона, Угарова, Фіалкина. Но предметъ ея кокетства—полковникъ Пронскій, участвовавшій въ войнахъ 12, 13 и 14 годовъ. Она искусно отвлекаетъ его отъ своей двоюродной сестры, Оленьки Холмской, къ которой онъ чувствуетъ истинную привязанность и братъ которой (князь Холмскій) ему другъ и бывшій товарищъ по службѣ. Горничная Оленьки, Саша, управляетъ всѣмъ ходомъ піесы, съ помощью Семена, смотрителя за ваннами. Узнавъ, что Лелева назначила свиданіе Ольгину (двоюродному брату Пронскаго), прежнему своему поклоннику, случайно заѣхавшему на воды, она даетъ о томъ знать Пронскому, который изъ ихъ разговора узнаетъ все лукавство кокетки. День свиданія былъ вмѣстѣ и днемъ рожденія Лелевой. Поклонники ея устроили иллюминацію: огни должны были зажечься разомъ, какъ только заиграетъ оркестръ. На бѣду Лелевой, Фіалкинъ пришелъ также въ это мѣсто съ гитарой, чтобы пропѣть новорожденной балладу. Не вытерпѣвъ долгаго ожиданія, онъ заигралъ: слуги, принявъ игру за сигналъ, мгновенно освѣтили садъ, гдѣ Ольгинъ стоялъ на колѣняхъ передъ Лелевой. Это и названо урокомъ кокеткѣ, которая въ смущеніи и гнѣвѣ оставляетъ Липецкъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы снова явиться, раскаявшейся и исправленной, въ другой комедіи: «Какаду, или слѣдствіе Урока кокеткамъ».

«Липецкія воды» имѣли успѣхъ, объясняемый, между прочимъ, и тѣмъ, что авторъ воспользовался недавноминувшими политическими событіями: дѣйствующія лица его произносятъ патріотическіе монологи, въ которыхъ вспоминаютъ о Лейпцигѣ, Кульмѣ, Парижѣ. Но піеса имѣла и другой современный интересъ: въ лицѣ Фіалкина задѣтъ балладникъ. А какъ баллады писалъ въ то время Жуковскій, то разладъ между друзьями послѣдняго и кн. Шаховскимъ усилился. «Липецкія воды» послужили поводомъ къ основанію литературнаго общества: «Арзамасъ».

[3]) Главныя лица комедіи Пустодомы: князь Радугинъ, педантъ, не знающій нисколько русской жизни, и жена его, ведущая непосѣдную жизнь и мотовствомъ разоряющая свое имѣніе. Слабостями того и другаго пользуются горничная Маша и Цаплинъ, стряпчій и управитель дома. Радугинъ все дѣлаетъ по книгамъ и совѣтамъ своего библіотекаря Инквартуса. Онъ затѣваетъ проэкты, одинъ другаго непрактичнѣе, не занимается дѣтьми и входитъ въ долги. Живущая при немъ сестра его, княжна Наталья, отдаетъ въ закладъ свое наслѣдство, чтобы поправить его разстроенныя дѣла. Радимовъ, дядя Радугиныхъ, узнавъ о пустодомской ихъ жизни, пріѣзжаетъ въ городъ, выкупаетъ ихъ имѣніе и самихъ увозитъ въ деревню; но, говоритъ онъ князю:

... Я не дамъ тебѣ на вздоры разоряться,
Педантовъ не велю пускать къ тебѣ на дворъ
И мучить мужиковъ напрасно не дозволю.

На благодарность племянника онъ замѣчаетъ: «и, братъ, своя семья: сочтемся». Наташа выходитъ замужъ за графа Вельскаго, сына Вельской, у которой она воспитывалась. — Замѣтимъ, что педантъ Инквартусъ очень напоминаетъ другаго педанта—«Синекдохоса» въ ком. Княжнина: «Неудачный примиритель».

XXXI.

КОКОШКИНЪ. [1].

ВОСПИТАНІЕ, ИЛИ ВОТЪ ПРИДАНОЕ, КОМЕДІЯ (1824). [2].

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 1.

Въ правой сторонѣ театра Панфилъ навеселѣ и Даша сидятъ за ломбернымъ столомъ и обѣдаютъ. Слуги изъ столовой приносятъ имъ кушанье на тарелкахъ и потомъ Панфилу бокалъ шампанскаго.

Панфилъ (*держа бокалъ, поетъ*).

Vive le vin! vive l'amour!
Amant et buveur tour à tour....

(*Выпивъ нѣсколько*). Да, что жъ ты, милая, меня не угощаешь?
Даша. Не нужно,—безъ того ты блюдами глотаешь;
Бутылку цѣлую мадеры осушилъ.
Панфилъ. Здоровье жениховъ съ невѣстами я пилъ:
Такъ водится, мой другъ, въ большомъ, межъ нами, свѣтѣ.
Двѣ свадьбы вдругъ — charmant! Не худо быть и третьей.
Послушай (*наливаетъ*), я твое здоровье, Даша, пью;
Ну, выпей за мое и ручку дай свою.
Какъ два голубчика мы проживемъ съ тобою.
Даша. Ужъ камердинера я сдѣлаюсь женою!
Нѣтъ, счастіемъ такимъ себя, дружокъ, не льсти:
Ты скоро, можетъ быть, и въ славѣ и въ чести
Меня увидишь, такъ что кланяться мнѣ станешь.
Панфилъ. Вотъ что! и на меня несчастнаго не взглянешь?
Ужъ не въ актрисы ли опять? Тѣмъ лучше: я
Ужаснѣйшій актеръ! Театръ есть страсть моя:
Люблю на сценѣ громъ, пальбу, а пуще—драку.
Въ трагедіи, я съѣлъ, какъ говорятъ, собаку,
Игра моя страшна, какъ рукопашный бой:
Что стихъ, то жестовъ пять; реву, стучу ногой;
Отстануль?—жестами мой стихъ я догоняю;
Дрожу—и зрителей дрожать я заставляю!
(*Вскакиваетъ вдругъ со стула и декламируетъ съ смѣшнымъ жаромъ, махая руками и топая ногой*).
«Раскаянье въ душѣ! Ахъ! что я говорю?
«Оно въ крови моей! снѣдаемъ имъ, горю!
«И фурій мстительныхъ терзающія руки,
«Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто противъ сей муки;
«Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ!»—
Тутъ всякъ захлопаетъ, хоть радъ, или не радъ.

Любимцу публики тотчасъ въ ладоши грянутъ
И вызывать меня съ начала пьесы станутъ.

Даша. Ты пьянъ, голубчикъ мой!

Панфилъ. И, вздоръ! совсѣмъ не пьянъ,
А веселъ, какъ французъ: въ игрѣ горячъ и рьянъ,
Такъ точно какъ въ любви; ну, самъ не понимаю,
Что сдѣлалось со мной: я таю, я сгараю!
И отъ чего тобой я вдвое страстенъ сталъ?

Даша (*поднявъ пустую бутылку*). Да, вотъ мадера вся; шампанскаго бокалъ!

Панфилъ (*на колѣняхъ трагически*). Тронись, жестокая! свирѣпѣйшая львица!

Даша (*вставая изъ-за стола*). Поди же прочь и знай: я буду откупщица!

Панфилъ (*вскочивъ*). Вотъ на! Ведеркинъ нашъ знать женится на двухъ?

Даша. Все врешь!

Панфилъ. Эй, Дашенька, не ошибись, мой другъ.
Ведеркинъ за двумя вдругъ зайцами погнался;
А я боюсь, чтобъ онъ вѣкъ вдовымъ не остался.
Вѣрь мнѣ, вѣдь я Лафлешъ; а флешъ—смотри, стрѣла!
(*Слышно, что встаютъ изъ-за стола*).

Даша. Чу! кофе подавать: встаютъ изъ за стола.
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 2.

Лія и Флюгерова (въ полной радости), Ведеркинъ (примѣтно пьянъ), Князь (пилъ шампанское), Софья (уныла), Панфилъ (въ сторонѣ).

Флюгерова (*Панфилу*). Обѣдалъ ли, мой другъ Лафлешъ?

Панфилъ (*кланяясь*). Чрезъ чуръ доволенъ.

Ведеркинъ. А я, такъ сытъ....

Князь (*Ліи*). И пьянъ.

Ведеркинъ. Что право.... будто боленъ.

Князь. Что жъ чувствуете вы?

Ведеркинъ. Кружится голова.
(*Подходитъ къ Софьѣ*). И сердце бьется—ахъ!

Лія. Вотъ нѣжныя слова!

Князь (*насмѣхаясь*). Ну, полноте—къ чему тутъ хитрость и коварство?
Вы больны отъ любви.

Ведеркинъ (*указывая на Софью*). И вотъ мое лѣкарство.

Князь. Прелестный комплиментъ!

Лія. Что можетъ быть страстнѣй!

Ведеркинъ. О! я всегда бывалъ большой галантерей:
Дѣвицамъ отпускать всегда моя охота.
Бывало, что скажу—и смѣхъ.

Князь (*Ліи, которая тихонько хохочетъ*). Или зѣвота.

Софья (*встаетъ и хочетъ идти*).

Флюгерова (*сурово*). Куда, сударыня?

Софья. Я—кофе разливать.

Ведеркинъ. Пусть, матушка, идетъ: мнѣ слаще попивать,
Чѣмъ съ ромомъ, изъ ея прекрасныхъ бѣлыхъ ручекъ.

Лія. Часъ отъ часу нѣжнѣй.

Князь (*Ліи*). Каковъ же Ваковъ внучекъ!
(*Вслухъ*). Невѣстинъ кофе все! ничто предъ нимъ и ромъ!
Мысль безподобная! замѣтно, что знакомъ
Племянникъ мой съ большимъ, какъ говорится, свѣтомъ
И даже могъ бы быть изящнѣйшимъ поэтомъ.
Ну, чтобъ вамъ, написавъ полсотни одъ, балладъ,
Словесность русскую взять также на подрядъ;
Или компаніей—для выгоды кармановъ —
Надѣлать сотню драмъ иль сказокъ, изъ романовъ?
И тутъ, чтобъ барыша поболѣе нажить,
Кто помѣшаетъ вамъ водицей разводить,
Какъ крѣпкое вино, писанія чужія?
Я вижу въ васъ талантъ, способности большія.

Ведеркинъ. Да это что еще? Я былъ бы философъ,
Когда бы удалось мнѣ, съ будущихъ торговъ,
Снять откупъ въ Питерѣ: вѣдь тамъ мнѣ всѣ знакомы.

Князь. Я думаю, вамъ всѣ открыты были домы?
И вѣрно съ знатными со всѣми вы въ связи?

Ведеркинъ. А какъ же? золото блеститъ и на грязи:
Такъ что намъ знатные! подъ часъ, мы ихъ честуемъ;
А впрочемъ, будь хоть графъ, а мы и въ усъ не дуемъ.

Князь. Я эту спесь весьма приличной нахожу.

Ведеркинъ. Да вотъ, пять лѣтъ назадъ, формально вамъ скажу,
Я былъ откупщикомъ въ губерніи не здѣшней.
Графъ Звонкинъ въ городъ къ намъ порой пріѣхалъ вешней—
Такъ въ маѣ мѣсяцѣ: я съ нимъ давно знакомъ.
«Я буду-де къ тебѣ въ твой загородный домъ.»—
А я тогда купилъ съ аукціона дачу.
«Въ покупкѣ-де твоей хочу смотрѣть удачу.»
Пожалуй-молъ: большой диковинки въ томъ нѣтъ...
Велика важность—графъ! Чтожъ? ужинъ иль обѣдъ?
«На ужинъ-де.» Ну, я за стерлядью почтовыхъ,
За ананасами, за винами, да новыхъ
Велѣлъ я мобелей три дюжины привезть,
Музыку, фейерверкъ,—не важная-молъ честь,
Что графъ пожалуетъ,—намъ это вѣдь не диво.

Князь. Что вамъ! (*Ліи*). Каковъ разсказъ?

Лія. Ахъ! какъ краснорѣчиво!

Ведеркинъ. Вотъ, день пришелъ, созвалъ гостей; а самъ сижу:
Мнѣ нужды нѣтъ—въ окно къ воротамъ все гляжу.
Такъ къ сумеркамъ, кричатъ: «ужъ графъ-де ѣдетъ близко».
Ну, чтожъ? сбѣжалъ съ крыльца, поклонъ ему прениэкой,
Подъ ручку на крыльцо, все дѣло чередомъ:

Музыка грянула, изъ пушекъ трескъ и громъ.
Графъ въ карты сѣлъ играть; а мнѣ-то что за дѣло?
Князь. Какая нужда вамъ!
Ведеркинъ. Глядь: солнышко ужъ сѣло;
Я въ садъ бѣгомъ: люблю потѣшные огни!
Самъ радъ сгорѣть. Ну, вотъ какъ на бѣду, все дни
Стояли красные, — вдругъ тучка набѣжала:
Повѣрите ль? душа вотъ такъ и задрожала.
Что дѣлать? фейерверкъ чтобъ мой не отсырѣлъ,
Пустить сигнальную ракетку я велѣлъ:
Пошла голубушка! Вотъ жду я графа смѣло.
Идетъ сіятельный,--а мнѣ какое дѣло?
Большія кресла есть: пусть сядетъ безъ меня.
Я суечусь вокругъ потѣшнаго огня.
Графъ сѣлъ и гости всѣ: пошла моя потѣха!
Князь. Ну, слава Богу!
Флюгерова (*князю*). Я умру, mon cher, отъ смѣха!
Лія. Да чѣмъ же кончилось?
Ведеркинъ (*вздохнувъ*). Ужъ и не помню какъ.
Сталъ нѣмецъ зажигать послѣдній ужъ буракъ;
А я до бураковъ охотникъ пресмертельный!
Ну, вспомнить не могу: буракъ-атъ—самый цѣльный!
Смотрю—бѣда! шипитъ; фитиль за фитилемъ—
Онъ все шипитъ. Вотъ, я и самъ къ нему съ огнемъ:
Ни тутъ-то было! Я надулся, да какъ дунулъ!
Какъ словно чортъ его мнѣ въ рожу сунулъ!
Не взвидѣлъ ничего! тутъ замертво упалъ.
Какъ графъ отправился... какъ... что... ужъ не слыхалъ!
Богъ съ нимъ! что онъ... что я... что сѣро, и что бѣло,
Не все ль равно? Онъ графъ! а мнѣ какое дѣло!
Князь (*съ важнымъ видомъ*). Что вамъ до этого? (*Ліи*). Безъ памяти лежалъ,
А тобы провожать къ воротамъ побѣжалъ.
(*Ведеркину*). Да какъ же раздувать буракъ хотѣли сами?
Какъ носъ вашъ уцѣлѣлъ? и какъ еще съ глазами?
И свѣжи такъ въ лицѣ?
(*Флюгерова и Лія, не въ силахъ будучи удерживаться, хохочутъ; Князь и самъ Ведеркинъ также*).
Ведеркинъ. Вотъ, барышнямъ-то смѣхъ!
Ну какъ быть! Часъ такой: попуталъ видно грѣхъ.
Какъ не ослѣпъ? и всѣ тому подивовались.
Вотъ знаки и теперь во лбу моемъ остались.
Вѣдь оттого-то я кажусь и старобразъ.—
Вы, Софья Дмитревна, мой слышали разсказъ?
Софья. Я слышала-съ...
Флюгерова (*сурово*). Поди, сядь здѣсь.

Софья. Сейчасъ я встану. (*Садится близъ тетки*).
Ведеркинъ. Вотъ такъ-то, матушка, и васъ я тѣшить стану.
Я радъ для васъ пиры и балы хоть давать,
Готовъ и бураки для васъ я...
Князь (*особо*). Раздувать.
Ведеркинъ. Пускать по вечерамъ на каждый лѣтній праздникъ.
Вѣдь я превесельчакъ, а часомъ и проказникъ.
Готовъ во всѣ игры—и въ жмурки, и въ жгуты.
Флюгерова. Чтожъ, Софья, жениху не отвѣчаешь ты?
Софья. Что отвѣчать-съ?
Флюгерова. Какъ что? не кстати ужъ сурова!
Софья. Простите, тетушка,—я право не здорова. (*Хочетъ идти*).
Флюгерова. Все вздоръ! будь здѣсь.—Больна! лице какъ жаръ горитъ!
Ведеркинъ. Сіятельный, смекнулъ?—Вѣдь это говоритъ
Она мнѣ куплиментъ: я давича былъ боленъ,
Теперь она.
Князь. Да, да. (*Ліи*). Не многимъ же доволенъ.
Ведеркинъ. И, матушка, пройдетъ! кому жъ, коли не вамъ,
Здоровымъ быть? Всего вѣдь вдоволь будетъ намъ.
Богатыхъ солнышко, ей! грѣетъ и въ ненастье.
Софья. Богатство можетъ быть и составляетъ счастье;
Да кто богатъ? одинъ довольный, иль никто;
А безъ взаимныхъ чувствъ оно, сударь, ничто.
Флюгерова. (*Почти съ удовольствіемъ*).
Ага! романъ!
Софья. Ахъ! нѣтъ, наставницъ попеченьемъ,
Романовъ я никакъ не занималась чтеньемъ
И романическимъ не вѣрю я мечтамъ.
Прямая гдѣ любовь — почтенье вѣрно тамъ.
Она послѣдствіе достоинствъ, уваженья;
Она есть жизнь души,—не плодъ воображенья.
Князь (*особо*). Она умна!
Флюгерова. Вотъ чѣмъ ея набита голова.
Все непонятный вздоръ! пустыя все слова!
Почтенье, то, да се!—А если жить въ столицѣ?
Кому, сударыня, пріятнѣй?...
Ведеркинъ. Откупщицѣ,
Тутъ спорить нечего.
Флюгерова. Понятій никакихъ
О счастьѣ нѣтъ у ней.
Софья. Оно лишь въ насъ самихъ;
И счастье женщины въ кругу ея семейства.
Ведеркинъ. А наше, какъ беремъ сикурсъ изъ казначейства.
Софья. Позвольте же, сударь, мнѣ откровенной быть:
Не разъ слыхала я, чтобъ счастливо прожить,
Супругамъ должно быть и одинакихъ мнѣній.

Богатство умножать — верхъ ваашихъ наслажденій,
Чтобъ расточать потомъ въ дымъ наше серебро;
По мнѣ, такъ счастье въ томъ, чтобъ дѣлать всѣмъ добро.
Лишеньемъ прихотей купить души блаженство
И нужное дѣлить съ лишенными всего—
Есть, признаюся вамъ, верхъ счастья моего!
Замѣтьте же, сударь, какъ думаемъ мы розно.
Флюгерова. Вѣдь экой вздоръ!
Теперь, сударыня, ужъ поздно
Пустое говорить: не кстати вдругъ умна.
Мужъ долженъ думать тожъ, что думаетъ жена,
Когда она не такъ, какъ ты, ужъ безтолкова.
Не всякій вѣдь похожъ на чорта Простакова,
Который всякаго не въ бровь, а въ самый глазъ
Радъ правдою колоть—хоть будь природный князь;
Который здѣсь за всѣхъ непрошеный ораторъ;
Кого избаловалъ нашъ добрый губернаторъ.
Ведеркинъ. То правда, матушка: бывало, завсегда
У предводителя съ начальникомъ вражда;
А нынче, срамъ смотрѣть! одно его лишь слово:
Вотъ тамъ-де воровство,—и слѣдствіе готово.
И въ наши вѣдь дѣла уткнуть изволилъ носъ;
Ну... было кое что... пронюхалъ и донесъ.
А защищаетъ все—добро бъ людей?—нѣтъ, бѣдныхъ,
Опальныхъ, да сиротъ, незначущихъ и вредныхъ.
Я, право, звалъ его разъ десять на обѣдъ,—
Губернскій вѣдь, нельзя ужъ не позвать,—такъ нѣтъ,
Ни разу; а подъ часъ кормлю я городъ цѣлой!
Онъ предводитель здѣсь! а мнѣ какое дѣло?
Мы сами у себя, ктобъ ни былъ онъ таковъ.

[1]) Кокошкинъ, Өедоръ Өедоровичъ, род. 1773 г., обучался въ московскомъ университетѣ. Сначала служилъ въ гвардіи, а потомъ перешелъ въ статскую службу. Въ министерство И. И. Дмитріева (1810—1813), онъ получилъ мѣсто губернскаго прокурора въ Москвѣ, но не долго занималъ его. Въ 1818 г. назначенъ членомъ театральной конторы по репертуарной части, при петербургскомъ театрѣ. Въ 1823 г., когда московскій театръ получилъ особое образованіе и особаго директора, Кокошкинъ поступилъ на эту должность, въ которой онъ принесъ много пользы. Онъ пригласилъ лучшихъ актеровъ: достаточно сказать, что Щепкинъ былъ вызванъ имъ на московскую сцену; давалъ полезные совѣты артистамъ, уже пріобрѣтшимъ прочную славу (въ томъ числѣ трагику Мочалову), образовалъ нѣсколько новыхъ сюжетовъ, обучалъ сценическому искуству воспитанниковъ театральной школы. Онъ былъ не простой начальникъ, но и знатокъ драматическаго искусства. Выборомъ лучшихъ піесъ, отчетливой ихъ постановкой, онъ старался сдѣлать изъ театра эстетическое удовольствіе для

публики и въ самихъ артистахъ развить любовь и уваженіе къ своему дѣлу. «Главнымъ призваніемъ Кокошкина», говоритъ М. А. Дмитріевъ (Мелочи изъ запаса моей памяти), главною его страстію былъ театръ. Онъ и самъ, игравшій въ благородныхъ спектакляхъ, былъ хорошимъ актеромъ. Всѣ роли его были обдуманы, всѣ шаги разочтены; искусства было много, но натура иногда скрывалась за искусствомъ.... Онъ былъ хорошій чтецъ и большой охотникъ до чтенія въ слухъ и декламаціи. Остроумный А. И. Писаревъ (авторъ ком.: «Лукавинъ») говаривалъ даже, что онъ любитъ и литературу, какъ средство громко читать. Это было не совсѣмъ правда, а отчасти и такъ. Голосъ у него былъ звучный, интонація обдуманная, но нѣсколько однообразная. Особенное свойство его голоса была необыкновенная гибкость; когда онъ игралъ на театрѣ, то у него были слышны даже и тихіе тоны: онъ умѣлъ какъ-то и ихъ послать на далекое пространство. Но много вредила ему на сценѣ какая-то важность и торжественность, которая была въ немъ и въ обыкновенномъ обращеніи». Въ домѣ своемъ Кокошкинъ постоянно устроивалъ благородные спектакли и литературные вечера, на которые сбирались московскіе профессора и драматическіе писатели: Каченовскій, Мерзляковъ, Смирновъ, Ѳ. Ивановъ (авторъ многихъ драмъ), Н. Ильинъ (также сочинившій многія драматическія піесы). У него же Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи о словесности. Кокошкинъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный и образованный, какъ литераторъ, какъ знаменитый декламаторъ, любитель и покровитель театральнаго искусства, какъ благородный артистъ и какъ гостепріимный хозяинъ. Ему много вредила какая-то натянутость, искуственная расчитанность обращенія, которая выказывалась во всемъ — въ голосѣ, манерахъ, даже въ одеждѣ, почему кн. Шаховскій называлъ его накрахмаленнымъ галстукомъ, не умѣющимъ разинуть рта по-человѣчески. Впрочемъ эта внѣшняя искуственность, которая въ жизни его имѣла такое же значеніе, какъ французская, псевдо-классическая трагедія въ драматической поэзіи, или какъ игра французскихъ актеровъ прошлаго столѣтія въ сценическомъ искуствѣ, не была холодностью (см. Литературныя и театральныя воспоминанія С. Аксакова, въ 4-ой кн. Руской Бесѣды 1856 г.).

Главный драматическій трудъ Кокошкина: Мизантропъ, ком. въ 5 д., въ стихахъ, Мольера, пер. съ фр. 1816.

[2]) Въ концѣ предувѣдомленія къ комедіи, Кокошкинъ говоритъ слѣдующее: «Комедія моя, кромѣ 6-ой сцены 1-го дѣйствія, которую подражательно взялъ изъ театра французскаго, точно моя, и оригинальная. Скажу болѣе: въ главныхъ характерахъ истина управляла перомъ моимъ. Находясь по службамъ моимъ въ провинціяхъ нашихъ, я былъ свидѣтелемъ неисчислимыхъ и вѣчно благотворныхъ плодовъ превосходнаго воспитанія подъ руководствомъ матери сирыхъ и безпомощныхъ (императрицы Маріи Ѳеодоровны). Повсюду видѣлъ я образцы примѣрныхъ супругъ и матерей, или дѣвицъ, украшающихъ собою общества, видѣлъ, близко наблюдалъ различіе столько разнообразныхъ у насъ воспитаній и въ восторгѣ души повторяю: плоды благодѣяній государыни императрицы неисчислимы и вѣчны, ибо неминуемо должны имѣть вѣрное и быстрое вліяніе на нравственность цѣлаго народа».

Дѣйствующія лица: Флюгерова, сороколѣтняя дѣвица; племянницы ея: Софья, воспитанная въ институтѣ, и Лія, воспитанная въ пансіонѣ париж-

ской фигурантки; князь Бирюлевъ, молодой повѣса, отданный подъ присмотръ губернскаго предводителя Прямикова, друга и сослуживца брата Флюгеровой; Славинъ поручикъ, воспитанный у отца въ правилахъ строгой нравственности, женихъ Софьи; откупщикъ Ведеркинъ и неизбѣжные въ прежнихъ комедіяхъ слуга Панфилъ (подъ именемъ Лафлеша) и горничная Даша.

Содержаніе піесы. Флюгерова дала слово Прямикову выдать Софью за Славина. На бѣду институтки, въ нее влюбился откупщикъ Ведеркинъ. Съ помощью Даши онъ устроиваетъ дѣло такъ, что Флюгерова беретъ назадъ свое слово: Софья должна быть женою откупщика, который за это уступилъ князю долгъ (30 тысячъ руб.). Князь же, съ своей стороны, согласился жениться на влюбленной въ него Флюгеровой. Но онъ заинтересованъ не теткой, а ея племянницей Ліей. Устроивъ загородную прогулку, онъ Флюгерову оставляетъ въ полѣ, а Лію увозитъ въ село, гдѣ и обвѣнчивается съ нею. Не помня дурнаго съ собой обращенія, Софья проситъ Славина устроить жизнь тетки и хочетъ отдать ей свое отцовское наслѣдство. Прямиковъ по этому случаю говоритъ: «вотъ воспитанія божественнаго плодъ!» Поступокъ же Ліи, воспитанной совершенно другимъ образомъ, заставляетъ его сказать въ концѣ піесы:

От воспитанья здѣсь вся сдѣлалась бѣда;
А отъ развратныхъ слугъ не меньше жди
вреда.

XXXII.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ. (1).

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ, КОМЕДІЯ (1818). (2).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Аглаева. Ахъ, Боже мой! я васъ, заставя дожидаться,
Себя ничѣмъ почти не смѣю извинить.
Альнаскаровъ. Помилуйте, не вы, я долженъ васъ просить
Не гнѣваться, что васъ собою безпокою.
Аглаева. Напротивъ, видѣть васъ я рада всей душою.
Альнаскаровъ (*въ сторону*). Вѣдь надобно жъ, чтобъ такъ она была мила!
(*Аглаевой*)
Я ѣду въ Петербургъ, гдѣ ждутъ меня дѣла,
Какъ вдругъ у васъ моя ломается карета;
Но я не ожидалъ, чтобъ непріятность эта
Такимъ свиданіемъ была вознаграждена.
Аглаева. И я вамъ точно жъ тѣмъ равно одолжена.
(*Тихо Сашѣ*)
Ахъ, какъ онъ милъ! (*въ слухъ*) Подай намъ стулья поскорѣе.
(*Альнаскарову*).
Я признаюсь, всего въ деревнѣ веселѣе,
Когда любезный гость пустынницъ посѣтитъ.

(*Саша становитъ стулья*).
Альнаскаровъ (*въ сторону*). Да это хоть кого, ей Богу, соблазнитъ!
Аглаева. Но сядемте, и мнѣ, пожалуйста, скажите,
Что новаго у насъ?
Альнаскаровъ. Ахъ, вы меня простите,
Я самъ три мѣсяца не вижу ужъ газетъ.
Аглаева. Вы шутите! и въ васъ терпѣнья вѣрно нѣтъ
Читать извѣстія объ островѣ Еленѣ,
О буряхъ, о дождяхъ — не то, такъ объ измѣнѣ
Алжирцевъ...
Альнаскаровъ. Боже мой! Алжирцы все шалятъ!
Алжирцы! Это стыдъ: ихъ надобно унять.
Но, между тѣмъ, мое представьте положенье:
Я, напримѣръ, лечу въ ужасномъ нетерпѣньѣ
Изъ Крыма въ Петербургъ для самыхъ важныхъ дѣлъ,
Но только выѣхать оттуда я успѣлъ,
Какъ вдругъ болѣзнь моя всѣ планы разрушаетъ:
Три мѣсяца меня изъ рукъ не выпускаетъ,
И въ это время я не слышу ни о чемъ!
Но, бывши твердъ, идя рѣшительнымъ путемъ,
Опять я, наконецъ, къ моей стремлюся цѣли.
Быть можетъ, тьму вещей надѣлать ужъ успѣли,
Но я никакъ, нигдѣ не могъ объ нихъ узнать.
Аглаева (*смѣясь*). Такъ потрудитеся газеты прочитать;
Ихъ два раза ко мнѣ въ недѣлю присылаютъ.
Альнаскаровъ. Ахъ, съ радостью: меня газеты восхищаютъ!
Аглаева (*тихо Сашѣ*). Какъ все придумано!.. Что, Саша, каково?
Саша (*тихо Аглаевой*). О, мастерски! но мы ужъ проведемъ его.
Аглаева. Я примѣчаю въ васъ большое нетерпѣнье
Увидѣть Петербургъ.
Саша (*въ сторону, примѣтя, что Альнаскаровъ задумывается*). Опять за сочиненье!
Послушаемъ.
Альнаскаровъ. Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ,
На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
Но, признаюся вамъ, съ лѣтами, можетъ быть,
Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно!
Въ два года все кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно;
А съ турками никакъ до дѣла не дойдетъ!
Куда ни поплывешь—все знаешь напередъ,
И изъ Кафы весь путь не дальше Дарданеловъ!

Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ!
Вдругъ слышу, наконецъ, что снова ужъ хотятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ:
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья!

Аглаева. Объ этомъ, кажется, слухъ носится давно.

Альнаскаровъ. Да, съ полгода, —но что-жъ? вѣдь это все равно;
Не подождать меня—ужъ это невозможно.

Аглаева. О! я увѣрена, и согласиться должно,
Что этакой вояжъ ужасно можетъ льстить;
Но, послужа, вѣдь вы устанете служить,
И наконецъ, когда вы лавры всѣ пожнете,
Въ отставку вышедши, что-жъ дѣлать вы начнете?

Альнаскаровъ. Тогда бъ... я кѣмъ нибудь былъ также побѣжденъ;
Ахъ, признаюсь, я разъ ужасно былъ влюбленъ!

Аглаева. Неужли не шутя?

Саша (*въ сторону*). А, а, проговорился!

Аглаева. Но чѣмъ же кончилось?

Альнаскаровъ. Другой на ней женился,
А я утѣшился и — воротился въ Крымъ.

Аглаева. Но хладнокровіемъ, клянуся вамъ, такимъ
Самъ ангелъ—такъ и тотъ насъ всѣхъ перепугаетъ.

Альнаскаровъ. Что-жъ дѣлать? иначе все служба потеряетъ.
Мы флотскіе — всегда отъ женщинъ далеки.

Саша (*тихо Аглаевой*). Его сіятельство васъ сердитъ мастерски!

Аглаева (*тихо Сашѣ*). Я слушать этого не въ силахъ равнодушно!....

(*Альнаскарову*)

Но если вамъ самимъ съ женою будетъ скучно,
Такъ скоро и женѣ такой наскучитъ мужъ.

Альнаскаровъ. Сомнительно; но вамъ однако почему-жъ
Такъ заключать? На все есть въ обществахъ законы:
Безъ насъ, для насъ, вездѣ женатыхъ милліоны!
Но сами геніи не терпятъ брачныхъ узъ.
Колумбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ,
Они, я думаю, всѣ не были женаты.

Аглаева. Я радуюсь, а то мы были бъ виноваты.
Но лучше этотъ намъ оставить разговоръ,
А то у васъ со мной престрашный выйдетъ споръ:

Я разсержусь и все нарочно изурочу
И даже, может быть, на зло вамъ напророчу,
Что вамъ на этотъ разъ не ѣхать воевать.

Альнаскаровъ (*вскакивая со стула*). Не ѣхать? почему-жъ, позвольте мнѣ узнать?

Аглаева. Да такъ, предчувствіе мнѣ что-то говорило,
Что вы....

Альнаскаровъ. Предчувствіе! вотъ это очень мило!

Аглаева. И сонъ....

Альнаскаровъ. И сонъ! а что-жъ вы видѣли во снѣ?

Аглаева. Да множество вещей.

Альнаскаровъ (*въ сторону*). Чего же больше мнѣ?
Одно свиданіе—и такъ влюбиться страстно!

Саша (*тихо Аглаевой*). Да полноте, а то ужъ будетъ слишкомъ ясно,
И лучше погодить нашъ открывать секретъ;
Онъ догадается.

Аглаева (*тихо Сашѣ*). Да почему жъ?—о, нѣтъ! (*Альнаскарову*).
Но знаете, мнѣ жаль, мы время здѣсь теряемъ.
Пойдемте лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
И это вѣрно насъ съ пріятностью займетъ.

Альнаскаровъ. Ахъ, съ радостью! Но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

Аглаева. А я васъ жду. Теперь прощайте, до свиданья. (*Въ сторону*).
Я влюблена! (*Аглаева и Саша уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Альнаскаровъ (*одинъ*). И такъ все случай довершилъ.
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ.... читалъ я анекдотъ прекрасной:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ....
Онъ поселился тамъ—и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Альнаскаровъ, Викторъ (*входитъ и подслушиваетъ*).

Альнаскаровъ (*продолжая*).
Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!

Что если бъ?... почему жъ! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ.... построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами:
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то.... пойду, вооружусь—
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду.... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!....

Викторъ. Монархъ!

Альнаскаровъ (*въ жару мечтанья*). Что хочешь ты!.... надѣйся и вѣщай!

Викторъ. Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.

Альнаскаровъ. Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

Викторъ. И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!

Альнаскаровъ. Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ....

Викторъ. Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять
И, распростившися, пуститься въ путь счастливо.

Альнаскаровъ. Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Викторъ (*одинъ*). Ну,—баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя.... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ. — Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачечество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!

Рискнулъ — и за билетъ взнесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ.... хоть часть досталася на долю....
Что сдѣлаю?... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ, лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной
Сперва въ Полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной;
Обзаведусь и — самъ женюся наконецъ....
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ, вокругъ меня цыпляточки, малютки,
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу конечно до ста лѣтъ!....
Однако-жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?
(*Шаритъ въ карманахъ*).
Гдѣ жъ онъ? кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! билетъ! — меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Викторъ, Саша.

Саша (*вбѣгая*). Сей-часъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ.
Викторъ. Я все билета не сыскалъ....
Безъ васъ, со мной ударъ убійственный случился!
Саша. Да что-же сдѣлалось!
Викторъ (*въ отчаяніи*). Супругъ вашъ разорился!
Что будетъ съ нашими несчастными дѣтьми! (*Убѣгаетъ*).

[1]) Хмѣльницкій (Николай Ивановичъ) род. 1789, ум. 1846 г. Отецъ его былъ однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ своего времени. Онъ получилъ званіе доктора кенигсбергскаго университета; въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ на 1726 г. напечатаны имъ диссертаціи на лат. языкѣ: «Объ основаніяхъ философіи» и «Возраженіе на Шлегеля»; кромѣ того онъ много переводилъ и писалъ на рус. яз.; имне-

ратрица Екатерина II оказывала ему особенное вниманіе и въ награду за потерю родовыхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда роду Хмѣльницкихъ, дала ему средства выстроить въ Петербургѣ домъ. Сынъ его начальное образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ своего родственника, извѣстнаго литератора, И. Ѳ. Эмина, а потомъ кончилъ курсъ наукъ въ Горномъ корпусѣ. Службу свою началъ онъ въ иностранной коллегіи переводчикомъ. Въ 1808 г. былъ откомандированъ, для иностранной переписки, къ главнокомандующему финляндскою арміей гр. Буксгевдену; въ 1811-мъ перешелъ въ министерство юстиціи. Въ 1812-мъ поступилъ въ петербургское ополченіе и въ скоромъ времени былъ назначенъ адъютантомъ къ командующему ополченіемъ, Кутузову, а потомъ къ преемнику его, Меллеру-Закомельскому. Въ кампанію 1813 г. Хмѣльницкій состоялъ при генералѣ Опперманѣ, начальникѣ штаба одной изъ дѣйствующихъ армій, и кромѣ того былъ употребляемъ по дипломатической перепискѣ. Въ это время онъ имѣлъ случай познакомиться съ гр. Милорадовичемъ, который, оцѣнивъ его способности, предложилъ ему мѣсто правителя канцеляріи, когда, по окончаніи войны съ французами, былъ назначенъ с. п. бургскимъ генералъ-губернаторомъ. Литературное свое поприще Хмѣльницкій началъ, въ 1817 г., комедіей Говорунъ, за которой, въ томъ же году, слѣдовала другая ком. «Шалости влюбленныхъ», а въ 1818-мъ ком. «Воздушные замки Въ 1824 году онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1829 г. назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, откуда, въ 1837 г., переведенъ въ Архангельскъ; но здѣсь онъ оставался недолго: обстоятельства и разстроенное здоровье заставили его выдти въ отставку. Въ 1843 году. онъ ѣздилъ за границу; цѣлью его поѣздки было—взять курсъ на водахъ, полюбоваться живописною Швейцаріей и отогрѣться подъ небомъ Италіи (Нѣсколько словъ о Н. И. Хмѣльницкомъ, С. Дурова, въ 1 т. Соч. Хмѣльницкаго, въ Смирд. изданіи Полнаго собранія сочиненій рус. авторовъ, 1849; кромѣ того, см.: Пантеонъ, 1848, №№ 8 и 9, и Воспоминаніе о Хмѣльницкомъ, Аладьина).

Сочиненія и переводы Хмѣльницкаго имѣли два изданія: первое, въ 2-хъ ч., подъ названіемъ «Театръ Н. И. Хмѣльницкаго» (1829), а второе, вышеупомянутое, въ 3-хъ т. (1849).

[2]) Воздушные замки, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Спб. 1818. Представленная въ томъ же году, имѣла большой успѣхъ, долго держалась на сценѣ и была любимою піесою въ благородныхъ спектакляхъ. Она передѣлана изъ пяти-актной комедіи Коленъ-д'Арлевиля (Les Châteaux en Espagne). Планъ моей комедіи совсѣмъ другой, говоритъ предисловіе автора; въ ней нѣтъ стиховъ переводныхъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго автора. Главное лицо—мичманъ Альнаскаровъ, фамилія котораго произведена отъ имени Альнаскаръ (въ сказкѣ И. Дмитріева: «Воздушныя башни»). Онъ мечтаетъ объ адмиральскомъ чинѣ, объ открытіи земель и народовъ, даже о коронѣ на какомъ-нибудь новооткрытомъ островѣ, а слуга его Викторъ о богатомъ лотерейномъ выигрышѣ. Починка сломаннаго экипажа заставила его остановиться въ домѣ помѣщицы Аглаевой, молодой вдовы. Аглаева принимаетъ его за графа Лестова, который, увидавъ ея портретъ у тетки, влюбился въ нее и рѣшился подъ чужимъ именемъ пріѣхать къ ней въ деревню. Когда же ошибка открылась, Аглаева холодно разстается съ мичманомъ. Онъ хочетъ искать сча-

стія по сухопутной части и для того намѣренъ ѣхать въ Индію. Когда Викторъ горюетъ о томъ, что всѣ ихъ воздушные замки рушились:

Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ —
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскаровъ утѣшаетъ его новымъ замкомъ:

Утѣшься! Индія осталася за нами.

XXXIII.

ДУХОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ.

АВГУСТИНЪ ВИНОГРАДСКІЙ. (1).

СЛОВО ВЪ БОРОДИНСКУЮ ГОДОВЩИНУ (1813). (2).

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за вѣру, за царя, за отечество, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, и *память его во благословеніихъ* (Інсуса сына Сирах. 45. 1).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица россійской державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ — и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. Но чтожъ? Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ; *крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ*. Самый врагъ, который заставлялъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано-

ли, поздно-ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіаѳа. Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы-ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить россійское царство и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями-ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отецъ нашихъ? *Тьмы темъ падоша иноплеменныхъ и сокрушишася оружія бранная* (2 кн. Царст. 1. 27).

Но ахъ! въ семъ, толь славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами! Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ! Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани! Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей! Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ.

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? Какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? Защитники церкви и отечества, *возлюбленіи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы и паче львовъ крѣпцы* (2 кн. Царст. 1. 23). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне и осквернилъ храмъ святый Его: но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству,—и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. 76. 14 и 15).

И такъ много потеряло отечество въ брани сей: но можно ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ познаъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы!—Но ахъ! нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ

дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей Бородинскихъ. Онъ тамъ—и дѣти твои сироты. Прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. Онъ тамъ—да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ навѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ прешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, помазанникъ Господень призритъ на васъ окомъ своея всеобъемлющія благости и милостями своими усладитъ горести ваши. Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его, но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей, но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая церковь не престанетъ молить Господа какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его, да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго и увѣнчаетъ славою у Себе Самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. Аминь.

[1]) Августинъ Виноградскій (1766—1819), архіепископъ московскій, воспитанникъ московской духовной Академіи и потомъ ея ректоръ. Изъ епископа дмитровскаго, онъ въ 1811, по кончинѣ митрополита Платона, вступилъ въ управленіе московскою епархіей. Въ 1812 г. благословилъ московское ополченіе на священную брань и вручилъ ему хоругвь; сдѣлалъ всѣ распоряженія къ сохраненію святынь и драгоцѣнностей московскихъ церквей, отправилъ нужнѣйшія дѣла, патріаршую ризницу, синодальную библіотеку въ Вологду; своими поученіями утѣшалъ и ободрялъ народъ, предъ нашествіемъ и по нашествіи французовъ. Біографія его написана И. Снегиревымъ (Очерки жизни московскаго архіепископа Августина, 1848). Сочиненія изданы въ 1856 г.

[2]) «Слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ». Произнесенное въ Срѣтенскомъ монастырѣ, произвело сильное дѣйствіе, какъ выраженіе общихъ чувствованій: «Церковь, полная народа, исполнилась рыданіемъ; самъ пастырь-утѣшитель плакалъ среди сиротъ и осиротѣвшихъ родителей, такъ что слезы прерывали слова его (Очерки жизни).

АМВРОСІЙ ПРОТАСОВЪ. (¹).

СЛОВО НА СЛУЧАЙ ПРИСЯГИ ИЗБРАННЫХЪ ПО ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ СУДЕЙ (1815). (²).

Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга (Матѳ. 23. 11).

И почтожъ восходить на высоту честей въ чинѣ общества, и не желать быть у всѣхъ во уваженіи?—говоритъ самолюбіе. И почтожъ превозноситься надъ другими, и не обонять ѳиміамъ почтенія, воскуряемый предъ вознесенными земли?—говоритъ честолюбіе. И почтожъ искать мѣста, на которомъ разсыпаются дары счастія, и не наслаждаться ими?—говоритъ любостяжаніе. И почтожъ быть вождемъ народа, и не пользоваться отъ народа? судіею, и остаться только съ одною бѣдною правдою? пастыремъ, и отъ млека стада не ясть? большимъ другихъ, и не требовать, чтобъ тысяща услужливыхъ рукъ и сердецъ работлѣнныхъ готовы были угождать волѣ моей?—говоритъ самоугодіе.

Но такъ говорятъ страсти, л. б. Послушаемъ, что глаголетъ Тотъ, Который *пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. 20. 28). *Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга*, вѣщаетъ Владыка міра Христосъ!

Когда мудрая десница промысла возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ, вѣнчаетъ ихъ славою и честію, препоясуетъ властію и отличаетъ именами правителей, вождей народа, повелителей, пастырей, яко отличіями благознаменитыми: то не для того-ли, да, облекшись правдою, яко бронею, препоясавшись истиною, яко мечемъ, покрывшись страхомъ Господнимъ, яко шлемомъ, облекутся они во уготованіе благотворити людямъ и благоугодни будутъ предъ Богомъ и человѣки?—Какъ! неужели сіи свѣтила водружены на тверди нравственнаго міра, да не разливаютъ они свѣта и теплоты окрестъ себя, и да вси, приближающіеся къ нимъ, не ощутятъ благотворныхъ лучей ихъ? Сіи свѣтильницы возжены на свѣщницѣ, да не свѣтятъ никому? Сіи грады поставлены верху горы, да не будутъ они прибѣжищемъ утомленному путнику жизни, покровомъ обуреваемому напастей бурею, оградою гонимому звѣрями дивіими, страстями хищными, алчностью ненасытимою, корыстолюбіемъ всепожирающимъ, неправдою неистощимою во изворотахъ лукавыхъ?

Или добродѣтель должна обитать точію въ смиренныхъ хижинахъ, а не въ чертогахъ; укрываться подъ рубищами, а не подъ сіяніемъ отличій знаменитыхъ; быть печатію низкихъ состояній, а не высокихъ? Неужели вознесенные предъ братіею своею и призванные пріяти честь или довѣріемъ общимъ, или властію предержащею, должны жить уже

точію для самихъ себя? Нѣтъ, п. м., вы призваны на почтенное дѣло служенія общаго не для того, *да послужатъ вамъ, но послужити*; вамъ даны отъ лица общества преимущества власти, отличія, уваженія, да кійждо въ кругѣ своемъ разливаете толико благъ, коль велика важность служенія, вамъ ввѣреннаго, коль велики достоинства ваши, коль велики преимущества. Сіе размышленіе да предшествуетъ вамъ въ поприщѣ служенія, въ которое вступаете нынѣ.

Быть въ обществѣ отличнымъ предъ другими или мѣстомъ возвышеннымъ, или чиномъ знаменитымъ, или уваженіемъ особеннымъ, значитъ быть полезнымъ обществу. Наружныя отличія суть или, по крайней мѣрѣ, быть долженствуютъ знаменіемъ внутреннихъ достоинствъ, добродѣтели, заслуги. Я вижу мечъ при бедрѣ твоемъ? Вижу — и мню, что ты или, яко воинъ, поражаешь имъ полчища противныхъ, возстающихъ низложить миръ, покой и благо страны твоея, да бѣжатъ отъ лица ея враги ея; или, яко судія, разгоняешь имъ сонмы лукавыхъ, кои, подъ кроткою личиною брата и гражданина, яко звѣри хищные подъ одеждою агнца, устремляются на расхищеніе сограждан твоихъ; разсѣкаешь имъ сѣти коварства, которыя поставляетъ ухищренная корысть простотѣ неопытной, и сокрушаешь всякій союзъ неправды. Я вижу сіяющія отличія на груди твоей? И вижу въ нихъ или сіяніе добродѣтелей твоихъ, или блескъ талантовъ полезныхъ, или лучи заслугъ знаменитыхъ. Я зрю повелительный жезлъ въ десницѣ твоей? И уразумѣваю, что пасешь ты люди Божія въ преподобіи и правдѣ, смиряешь вознесенный порокъ, ограждаешь притѣсненную добродѣтель. Я зрю тебя посажденна при ногу закона во святилищѣ правосудія? И вѣрую, что ты судишь людемъ въ правду, изъемлеши обидимаго изъ десницы сильнаго, избавляеши сираго отъ руки грѣшничи, спасаеши добродушную простоту отъ сѣтей корысти алчныя, твориши судъ царевъ, твориши судъ Божій.

На семъ залогѣ ввѣряетъ намъ или общество, или власть предержащая и силу, и могущество, и честь, и отличія, и поставляетъ насъ превыше другихъ.

Такъ свѣтило міра сіяетъ, яко исполинъ, на тверди небесной среди звѣздъ малосвѣтлыхъ, да разливаетъ животворные лучи свои отъ края небесе до края его! Такъ возносятся высокіе кедры надъ быліемъ сельнымъ, да закрываютъ оное отъ зноя палящаго и бурь ревущихъ! Такъ горы Божія возвышаютъ чело свое надъ смиренными долинами, да осѣняютъ ихъ главами своими отъ палящаго солнца и напояютъ пустыни жаждущія водами, на главахъ и въ нѣдрахъ ихъ собираемыми!

Желаніе отличаться предъ другими есть желаніе всеобщее. Червь сей грызетъ сердца и на престолѣ, и въ хижинѣ. Кто не хочетъ быть

почтенъ, уваженъ? Завоеватель опустошаетъ землю, разрушаетъ грады и превращаетъ все въ развалины безобразныя, дабы водрузить на нихъ величіе имени своего и трофеи побѣдъ своихъ; убогій, въ рубищѣ своемъ, по крайней мѣрѣ ищетъ отличить себя чѣмъ либо среди собратовъ своихъ, покрытыхъ подобными рубищами. Таково стремленіе сердца восходитъ выше и выше. Но чтобъ оправдать стремленіе сіе предъ Богомъ и человѣки, надлежитъ исполнить обязанности, къ коимъ призываетъ насъ промыслъ Божій, польза сочеловѣковъ, братій нашихъ, власть предержащая.

Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію: тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе, мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели.

Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои-бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться.—А добродѣтель? О, вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели. А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О, когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта: быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опущать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе. А дѣла служенія общественнаго? О, ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни, или уваженія свѣта.

Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они: вопли ихъ можно заглушить силою власти. Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія—слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бъ намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство обниметъ наконецъ неправды твои и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея? Пусть требуетъ оно: можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды. Но совѣсть, яко

стражъ недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О, совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, предъ очами котораго *вся нага* и откровенна (Евр. 4. 13), Богъ, *къ которому не приселится лукавнующій* и предъ которымъ *не пребудетъ беззаконнующій* (Псал. 5. 5 и 6)? *О, не взыщетъ!* (Псал. 9. 25). Онъ милосердъ.

Согласимся, бр., что все сіе такъ будетъ: пусть *пути нечестиваго спьются* и вкупѣ *оскверняются* во *всяко время* (Псал. 9. 26) и успѣхи вѣнчаютъ неправду; пусть все течетъ по теченію воли его и исполняется по желанію его сердца; пусть Господь коснитъ судъ Свой, люди полагаютъ перстъ на уста,— однакожъ собственная честь его не страдаетъ-ли? Что, ежели возлежитъ онъ на лонѣ безпечности, упоенный чашею утѣхъ, и спитъ сномъ крѣпкимъ, а корабль правленія его влается въ волнахъ и неправдъ, и безпорядковъ, и неустройствъ, и треволненій бури житейскія?

Учителю, или *не радиши, яко погибаемъ* (Марк. 4. 38)? вопіяли ученики Іисусовы, когда корабль, несшій ихъ по водамъ Гадаринскимъ, погружался среди сна Его; когда волны морскія, яко горы, готовы были низринуться на нихъ; когда глубина водная разверзалась поглотить ихъ.

Не сей ли же упрекъ могутъ рещи начальнику безпечному, или неправедному, сущіе подъ рукою его? *Наставниче!* или *не радиши, яко погибаемъ?* Ты утопаешь въ утѣхахъ—мы утопаемъ въ слезахъ; ты пресыщаешься — мы гибнемъ гладомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданій! У тебя то столы, то собранія, то веселія, то праздность: а намъ столы твои стоятъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ, и стенаніемъ! Ты празденъ, а приставники, поставленные тобою, или тобою управляемые, непраздны: они бдятъ, неусыпно бдятъ, еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію неправедною! *Востани! вскую спиши?* (Псал. 43. 24). Пробудись отъ сна твоего, стани на стражѣ твоей, сотвори судъ и милость, покрой щитомъ правды обидимаго, разрѣши узы невинности страждущія, разсѣки мечемъ истины сѣти, поставляемыя на судѣ крамолою хитрою и корыстію ненасытимою!—*Востани! вскую спиши?* Десница предержащая поставила тебя стражемъ покоя нашего, и мы мнили, что ты не даси очима своима сна и вѣждома дреманія, да мы въ мирѣ уснемъ и почіемъ; власть и могущество, которое видимъ въ рукахъ твоихъ, есть покровъ твердый, подъ которымъ мы должны наслаждаться покоемъ, яко

подъ покровомъ отеческимъ; сіяніе славы твоея есть тотъ благотворный свѣтъ, который долженъ согрѣвать насъ, яко лучъ солнца. *Востани! вскую спиши?* Но ахъ! мы вопіемъ и—ты спиши. Вопли страданія не расторгаютъ глубокій сонъ, въ объятіяхъ коего покоишься ты; очи твои закрыты, и ты не видишь слезъ болѣзни, ліющихся окрестъ тебя; и неправда творится на судѣ, и притѣсняется невинность, и пріемлются лица грѣшниковъ, и алчная корысть собираетъ користи неправедныя. Ахъ! доколѣ продолжится сонъ сей? Мы полагали въ тебѣ ангела-хранителя круга, ввѣреннаго промышленію твоему; мы полагали, что ты будешь *око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ* (Іов. 29. 15 и 16); *вразумиши безчинныя, утѣшиши малодушныя, заступиши немощныя* (1 Сол. 5. 14), будеши *всѣмъ вся* (1 Кор. 9. 22). Взирая на знаменія владычества, тебя окружающія, на отличія, на тебѣ сіяющія, на довѣріе царево, на уваженіе собратій твоихъ, мы вѣрили, что ты вѣстникъ мира,—ангелъ, весь день ополчающійся окрестъ людей Божіихъ, посланникъ отъ престола, имѣющій изглаголать намъ судъ и правду, пастырь по сердцу Божію, по сердцу цареву: и чтожъ должны мы рещи нынѣ? То, что нѣкогда Ааронъ о тельцѣ златомъ: *и ввергохъ злато во огнь, и изліяся телецъ* (Исход. 32. 24).

Наша любовь текла во срѣтеніе тебѣ, наша готовность раздѣлять съ тобою дѣло служенія общаго была предъ очами твоими, наша раболѣпность не коснила, наши ѳиміамы готовы были куриться во знаменіе благодарности предъ тобою, наши уста разверсты были, дабы вѣщати хвалы и твоему служенію, и твоей добродѣтели, и твоей ревности во благо общее; одного точію ожидали мы отъ тебя, да *будеши Божій слуга всѣмъ во благое*: и что-же видимъ?.. Ахъ! съ прискорбіемъ должны рещи, яко же и Ааронъ: *ввергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ!*

Правительство мудрое возводило тебя по степенямъ заслугъ отъ чести къ чести, отъ славы къ славѣ, отъ отличія къ отличію, отъ воздаяній къ воздаяніямъ. Оно мнило, что ты будешь приставникъ въ дому царствія его ревностный, пастырь, пасущій стадо ввѣренное тебѣ, неусыпный, хранитель правды непорочный, блюститель закона неустрашимый, судія безкорыстный; что будеши ты жезлъ въ десницѣ его, наказующій неправды, уста его, глаголющія миръ людемъ, отблескъ благости его, сіяющія на благія; оно мнило, что всѣ, сущіе въ предѣлахъ дѣятельности твоей, десницею скиптроносною тебѣ начертанныхъ, будутъ ублажать жребій свой, яко дѣти, возсѣдящія окрестъ трапезы отеческія: и чтожъ испытываемъ мы? Ахъ, должны сознаться со Аарономъ, что всѣ надежды сіи повержены, *яко злато* въ пещь *и изліяся телецъ*.

Общее избраніе сограждан — собратовъ твоихъ — единодушно метнуло жребій свой: и жребій паде на тебя, да будешь ты предъ лицемъ ихъ, яко свѣтило озаряющее свѣтомъ закона темные и стропотные пути жизни, да совратиши съ распутій порока заблуждающаго, покажеши путь правый слѣпотствующему, отреши рукою состраданія слезу притѣсненнаго, смириши гордыню порока, вознесеши смиренную добродѣтель, разсудиши между правдою и лжею, между немощнымъ и сильнымъ, водвориши миръ и тишину въ семействахъ, спокойствіе во градѣхъ, безопасность въ смиренныхъ весяхъ. Речеши? и речеши устами закона. Повелиши? и повелиши гласомъ отчимъ, а не гласомъ властелина гордаго. Положиши дѣла ищущихъ суда на вѣсы? и вѣсы преклонятся на страну правды, и злато въ очахъ твоихъ будетъ яко перо предъ тяготою истины. Сего ожидаетъ отъ тебя сословіе собратовъ твоихъ, обувшее нозѣ твои во уготованіе благотворити людемъ и препоясавшее тебя мечемъ правосудія. Ахъ, ежели всѣ надежды сіи исчезнуть, яко мечта! ахъ, ежели уготованный судити людемъ въ правду самъ обращается на странѣ неправды! ахъ, ежели свѣтъ будетъ тьма, и свѣтильникъ, поставленный свѣтити на пути добродѣтели, будетъ точію освѣщать стези неправды! не рекутъ ли тогда о немъ, яко-же и Ааронъ о тельцѣ своемъ: *поверюхомъ злато во огнь, и изліяся телецъ?*

Неправда, стоящая на мѣстѣ высокомъ, мнитъ въ заблужденіи своемъ укрыть себя отъ стрѣлъ порицанія справедливаго и недреманнаго ока сужденія общаго или защитомъ власти своея, которая возложитъ молчаніе на уста людей, или подъ великолѣпнымъ блескомъ наружности очаровательной, или подъ именами и титлами пышными, кои украшаютъ великихъ, или подъ сѣнію роскоши и забавъ, кои въ очахъ простоты недальновидной представляютъ его человѣкомъ, умѣющимъ жить въ свѣтѣ, и другомъ сограждан его. Но какъ невѣренъ расчетъ сей! Закрывай себя, какъ угодно тебѣ; но не закроешь ничѣмъ тѣхъ пятенъ, кои омрачаютъ картину жизни твоей. Украшай цвѣтами добродѣтели терніе пороковъ твоихъ: терніе навсегда пребудетъ терніе и порокъ порокомъ. Нарицай гордость твою благороднымъ честолюбіемъ, лихоимство благодарностію судимыхъ тобою, роскошь услажденіемъ жизни, сребролюбіе бережливостію, игры утѣхою невинною, праздность отдохновеніемъ позволеннымъ: симъ не ослѣпишь очи свѣта. Сколь сердце человѣческое ни преклонно къ злу; однакожъ есть истина, которая противъ воли исторгаетъ у него презрѣніе къ тѣмъ, кои или не радятъ о дѣлахъ служенія своего, или употребляютъ оныя во зло. Возсѣдаютъ за столомъ пыш-

нымъ, на корысти неправедныя уготованнымъ, хвалятъ яствы избранныя, но гнушаются въ душѣ домовладыки неправеднаго. Ищутъ въ судѣ у блюстителей законокорыстныхъ защиты блескомъ злата, но клянутъ руку, пріемлющую злато. Богатый порокъ искупаетъ себѣ оправданіе мздою, но смѣется мздоимству, продающему совѣсть.

Нѣтъ! нѣтъ! никогда еще отъ сердца благоговѣйнаго не было приносимо кадило пороку; одна точію добродѣтель имѣетъ на него неотъемлемое право. Никогда не былъ воздвигаемъ жертвенникъ неправдѣ отъ любви удивленной, отъ души признательной; одной только истинѣ воскуряются ѳиміамы сердецъ! Человѣкъ! будь добродѣтеленъ, и тогда точію будешь почтенъ: се гласъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ. *Хощеши-ли не боятися власти*, мнѣнія общаго, гласа народнаго? *благое твори, и будеши имѣти похвалу* (Рим. 13. 3). Се гласъ самого Бога. Вождь народа! веди люди, ввѣренные тебѣ, во храмъ блаженства, не уклоняясь ни на десно, ни на шуее съ пути правды, закона, совѣсти, чести: и благословенія тобою правимыхъ пребудутъ присно на главѣ твоей. Судія! суди судъ *правый*, *оправдай смиренна и нища*, *изми нища и убога изъ руки грѣшничи*! (Псал. 81. 3 и 4). Да будетъ корысть твоя правда, воздаянія совѣсть, мѣрило дѣлъ твоихъ законъ: тогда любовь непритворная, благоговѣніе нелестное благословятъ входы и исходы твои на чредѣ служенія твоего. Гражданинъ мирный! исходи на дѣланія твои выну, яко предъ Богомъ, умывъ руцѣ въ неповинности и обязавъ сердце твое союзомъ любве братнія: тогда будеши почтенъ и безъ отличій наружныхъ. Почести на недостойномъ суть зрѣлищныя украшенія: только достойный украсить можетъ и самыя почести; и высокій санъ для мужа неразумнаго есть то высокое мѣсто, на которое поставляется онъ, яко истуканъ, облеченный въ утварь златую для того только, дабы свѣтъ узрѣлъ его и рекъ: се человѣкъ, иже очи имать, и не видитъ; уши имать, и не слышитъ; уста имать, и не речетъ ни суда, ни правды! Ахъ! не сама-ли истина должна рещи таковому вожду народа: брате! добро тебѣ будетъ отъити на село твое?.. Тамъ неизвѣстность покроетъ завѣсою забвенія и имя и недостатки твои; здѣсь, стоя превыше другихъ, содѣлаешися притчею во языцѣ твоемъ...

Нѣтъ, п. м.! исходя предъ лицемъ Бога, предъ лицемъ отечества, предъ лицемъ сословія, избравшаго васъ понести бремя служенія вашего, вы не попустите, да подобный упрекъ падетъ на главу вашу, и, призванные братіею вашею пріяти честь, не снидете съ безчестіемъ съ поприща чести! Мы обозрѣваемъ васъ, и — се! зримъ среди васъ мужей, обра-

тившихъ къ себѣ во времена бурныя, постигшія насъ, и сердца и души не сословія точію вашего, но и всѣхъ, и безкорыстіемъ примѣрнымъ, и ревностію къ правдѣ неукоризненною, и любовію къ собратіи своей пламенною. Мы видѣли въ нихъ, въ предшествовавшемъ сему поприщу, защиту притѣсненному, бичъ на неправду, грозу ужасную корыстолюбію: како не увѣруемъ, что и они и всѣ избранные нынѣ едиными усты и единымъ сердцемъ возвѣстите судъ и милость прибѣгающимъ къ суду и защитѣ вашей? како не увѣруемъ, что будете вы слуги Божіи всѣмъ во благое, и *воздадите* яже *Кесарева Кесареви*, яже *Божія Богови* (Матѳ. 22. 21), и яже ближнихъ вашихъ ближнимъ вашимъ?

Такъ, вамъ предлежатъ подвиги многотрудные; вамъ предстоятъ искушенія обольстительныя! Тамъ хитрая корысть выставитъ предъ вами сокровища свои, дабы ослѣпить очи ваши, еже не видѣти правды; здѣсь покровительство сильныхъ будетъ преклонять васъ на страну неправды. Тамъ лукавая ябеда сплететъ вамъ ухищренные узлы лжи и обмана, кои только неутомимою бодростію и безпристрастіемъ нелицепріемнымъ разсѣщи возможете; здѣсь лесть воскуритъ предъ вами жертвы свои, да омрачитъ души ваши ядовитыми парами самоугодія и померкнетъ предъ вами лучъ истины. Тамъ родство, дружба, пріязнь будутъ преклонять вѣсы правды въ десницѣ вашей въ пользу свою; здѣсь разверзетъ на васъ ядовитыя уста злословіе, да поне грызеніями своими совратитъ васъ съ пути праваго. Но бодрствуйте, стойте, сражайтеся, побѣждайте! поприще ваше есть для васъ какъ бы ратное поле. Надлежитъ или побѣдить и прославиться, или быть побѣждену и снити съ него, покрывшись безславіемъ.—И вы побѣдите, если подвигомъ добрымъ подвизатися будете, вѣру, вѣрность, законъ сохраните. Да будетъ для сего присно долгъ вашъ предъ очами вашими, честь сопутницею дѣлъ вашихъ, страхъ Господень наставникъ вашъ, истина препоясаніе, совѣсть руководждь, Богъ мздовоздаятель: и тогда побѣдите и прославитесь у Бога и человѣкъ! Аминь.

[1]) Амвросій Протасовъ (1762—1831), воспитанникъ Перервинской семинаріи, а потомъ Троицкой Сергіевской, кончившій курсъ въ московской Славяно-греко-латинской Академіи, былъ въ послѣдствіи проповѣдникомъ и префектомъ въ этой Академіи, ректоромъ Александроневской Академіи, епископомъ тульскимъ (1803—1816), архіепископомъ казанскимъ (1816—1826) и тверскимъ (1826—1831). Слова и рѣчи его изд. въ Спб. 1856 г. О достоинствѣ ихъ митр. Платонъ отозвался такимъ образомъ: «если бы я писалъ такъ, какъ Амвросій, то вся Россія сходилась бы меня слушать». Филаретъ, во 2-ой кн. Обзора рус. духов. литературы, говоритъ, что слово его о пользѣ чтенія св. Писанія, переведенное на франц. языкъ въ Парижѣ, обратило на проповѣдника особенное вниманіе императора

Александра I. (Свѣдѣнія о жизни и служеніи преосвященнаго Амвросія, Е. Л—на, въ началѣ его «Словъ и рѣчей»).

[2]) Поученія Амвросія къ тульской паствѣ почитаются лучшими изъ всѣхъ его проповѣдей, а между ними первое мѣсто занимаетъ слово, помѣщенное въ Христоматіи. Оно произнесено 17 января 1815 и содержитъ въ себѣ обличенія нѣкоторыхъ современныхъ Амвросію губернскихъ властей и злоупотребленій дворянскихъ выборовъ. Въ «Мелочахъ», М. Дмитріева, читаемъ: «Амвросій, будучи недоволенъ казанскимъ губернаторомъ, Н. И. Богдановымъ, каждый разъ обращался къ нему глазами и движеніемъ руки, когда произносилъ слова: *и ввергохъ злато во огнь, и изліяся телецъ*». Словарь достопамятныхъ людей рус. земли, Бантышъ-Каменскаго, разсказываетъ, что Александръ I далъ это слово, какъ руководство управленія губерніей, одному губернатору, просившему себѣ инструкціи. Другія слова Амвросія на тотъ же предметъ были произнесены въ Твери: 18 и 23 декабря 1804 г., 11 января 1815-го, и въ Казани: 16 декабря 1823-го.

ІОАННЪ ЛЕВАНДА. ([1]).

РѢЧЬ НА ПОГРЕБЕНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА САМУИЛА (1796). ([2]).

Пастырь успе! дѣлатель винограда Христова отъ трудовъ своихъ почилъ!.... Но что за новое покоище его? Тутъ ли сонъ поспѣлъ, гдѣ мы видѣли его приступающаго къ престолу благодати, слушали славословящаго имя Божіе, окружали воздѣвающаго руки о насъ и низводящаго небесныя благословенія на насъ? Что за сонъ, страшный природѣ и сердцамъ! Утро не пробудило пастыря къ стыду своему. Солнце не взошло для дѣлъ званія его. Дни уклонились отъ пастыря на вѣкъ. За вечеромъ жизни наступила безпредѣльная ночь. Гдѣ жъ Спаситель, который говорилъ: *иду и возбужду его*? Нѣтъ! послѣдняя уже труба, воскрешающая мертвыхъ, возбудитъ его. Спаситель недавно глашалъ пастыря по имени; пастырь, услышавъ гласъ Господа своего, поспѣшилъ къ Нему. Чтожъ намъ на дорогѣ во гробъ приказалъ? Остаться сиротами. Перемѣна горькая! горесть извѣстная тому, кѣмъ овладѣла смерть — зло, выпущенное изъ нѣдръ адовыхъ на насъ. Сердце бѣдное оставлено себѣ. Прощаются съ сердцемъ нашимъ, когда оно, влекомое на крестъ, распинаемое положеніемъ печальнымъ, воззываетъ со Христомъ: *Боже мой! Боже мой! почто мя оставляеши?* Гласъ сѣтующія Матери церкви разитъ пораженныхъ. Она, собирая насъ, говоритъ: *пріидите чада!* отдайте *послѣднее цѣлованіе* нашему Отцу! Онъ послѣдній разъ являлъ вамъ лице и сердце отеческое, бесѣдовалъ, повелѣвалъ духомъ любви и кротости: сердце сіе теперь спѣшитъ съ нимъ во гробъ.

Пріидите, учащіеся сироты! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему руководителю, просвѣтителю, покровителю! Послѣдній разъ вы видѣли его усердіе, его милосердіе къ вамъ: мысли и попеченіе его о васъ скрываются съ нимъ во гробъ. Пріидите нищіе, меньшая братія Христова! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему сострадателю, человѣколюбцу, милователю! Онъ въ послѣднее простиралъ руки свои на облегченіе вашего тягостнаго жребія: щедрота его вселяется съ нимъ во гробъ. Пріидите невинные, оправданные на судѣ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣшителю, вашей невинности оправдателю, избавителю: готовность сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите наслаждавшіеся въ паствѣ сей правленіемъ кроткимъ, немздоимнымъ, нелицепріятнымъ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему пастырю! Кротость и благость сія познала западъ свой, удаляется съ пастыремъ во гробъ. Пріидите вѣры поборники, истины Христовой ревнители, добродѣтелей Христовыхъ подражатели! отдайте послѣднее цѣлованіе сему рѣдкому любителю Христа, рачителю истины Его, вѣры, терпѣнія, благотворенія, правилъ Его послѣдователю: все сіе сокровище сердца его сокрывается отъ очей нашихъ въ сей мрачный гробъ. Свѣтильникъ, возженный для свѣта, горѣвшій и свѣтившій доселѣ, нынѣ для наведенія мрака полагается подъ спудъ. Остается имя любимое и память благъ пресѣкшихся съ жизнію. Отдайте долгъ послѣдній! Но чѣмъ, кромѣ слезъ, слезъ оправданныхъ тогда, когда Спаситель у гроба Лазарева прослезился, и сказано: *виждь! како любляше его* (Іоан. XI. 31)?

Просили ученики Христа: *облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и преклонился есть день.* Не хотѣлось имъ разлучаться со Христомъ тогда, когда ночь темная постигла ихъ; когда при собесѣдникѣ семъ *горѣло сердце ихъ, егда глаголаше съ ними на пути: Онъ же творящеся далечайше идти.* Просили и мы того же пастыреначальника Христа, наградившаго насъ пастыремъ симъ, дабы Онъ, взирая на сердце наше къ нему, не отзывалъ его отъ насъ. Но пастырь творится далечайше идти; далечайше: ибо въ вѣчность, гдѣ тонутъ вѣки и не оставляютъ къ измѣренію ея ни мгновенія одного, гдѣ входъ намъ неизбѣженъ, исходъ невозможенъ. Кажется, что любящая насъ душа его еще единожды остановилась въ человѣколюбивомъ его сердцѣ, оживотворяетъ оное и говоритъ: «сила любви и духъ благодарности съ нами есть. Любите и во гробѣ преданнаго вамъ. Сопутствуйте мнѣ сердцемъ ко Христу; но не лейте слезъ, яко *неимущіи упованія.* Мы скоро соединимся у Христа для торжества надъ смертію. Я *потщусь и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ память о сихъ творити* (2 Петр. 1, 15). Довлѣетъ помнить, кто

жизнію жертвовалъ вашимъ пользамъ, вашему вѣчному благу.»

Бѣдное сердце для того ли счастливо таковыми отцами, плѣнено ихъ благотвореніями, любитъ ихъ дарованія, добродѣтель, совершенства, дабы лишаться и стенать? Горести, коими отягощается сердце въ цѣлой жизни, должны по закону тлѣнія довершиться разрушеніемъ бытія сердца самаго и любимыхъ ему. Есть ли убо что бѣднѣе того, кто рожденъ чувствовать?

Но посредѣ бѣдствій быть безсмертну — не новое ли и нестерпимѣйшее бѣдствіе есть? А посему неминуемо надобно, для безсмертія, другой и лучшей жизни быть. Се при горестяхъ нашихъ намѣреніе всеблагаго Творца! Иначе правда и премудрость Его вѣчно не допустили бы столько зла на насъ; не позволили бы ни Христу на главѣ своей, ни намъ на сердцѣ терновый вѣнецъ носить.

Явись намъ, награжденная душа, изъ свѣтлостей святыхъ! Гдѣ, если не тутъ, застала ты исполненіе обѣтовъ Отца небеснаго, о коихъ въ жизни воздыхала къ Нему? Гдѣ остановилась вѣра твоя, какъ не тутъ, когда увидѣла ты откровенно славу вѣруемаго твоего? Гдѣ надежды твои, подвиги, терпѣнія увѣнчались, какъ не тутъ, куда недавно препроводилъ тебя Духъ Божій, укрѣплявшій тебя въ вѣрѣ и подвигахъ житія, утѣшавшій тебя въ часъ непостыдныя кончины? Тутъ увидѣла ты предшественниковъ, свѣтилъ церкви, великихъ Василіевъ, ревнительныхъ Григоріевъ, златословесныхъ Іоанновъ. Предстань ноне нашимъ очамъ! если печаль о лишеніи твоемъ отнятою быть не можетъ, растворена будетъ отрадою сею.

Но вѣра видитъ его ясно тутъ. На кого бо вѣры начальникъ и совершитель Іисусъ указываетъ намъ, глаголя: *сей на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ?*

Боже жизни! у котораго мертвыхъ нѣтъ, вси бо нисходящіи во гробъ къ Тебѣ текутъ, у Тебя собираются въ невидимомъ мірѣ, Тебѣ живи суть; котораго воля одна святая, одна благая и совершенная; ей повиноваться, значитъ—блаженство! мы, увидѣвъ пастыря близь гроба, говорили къ Тебѣ, источнику живота: мимо неси чашу сію отъ насъ! *обаче не яко мы хощемъ, но яко же Ты*: буди воля Твоя! Се постигъ часъ воли Твоея! Ты Самъ воззвалъ его съ небесъ, вторицею глаголя: *Самуиле!—Се азъ Господи!* онъ въ послѣднее то изрекъ, и успе, и уже нѣтъ его для насъ. Да водворяется убо онъ, да начинаетъ радость и торжество свое въ селеніяхъ Твоихъ предъ лицемъ Твоимъ! Но сира и вдову пріемляй, пошли благодать Твою, исцѣляющую наши сердца, съ любовію пріемли пастыря во славу твою; и помянувъ жалость, съ коею оставлялъ онъ насъ сиротами, покровительствуй насъ; положи на сердце царево, которое,

давно будучи въ руцѣ Твоей, народамъ благотворитъ, дать намъ пастыря,—болѣе желать не дерзаемъ,—подобнаго Самуилу. Тако милостей Твоихъ и любви возлюбленнаго пастыря будетъ вѣчная память.

[1]) Леванда, Іоаннъ Васильевичъ (1736—1814), протоіерей кіевскаго софійскаго собора. Слова и рѣчи его изданы въ 3 ч. (Спб. 1821), но не всѣ; притомъ, по замѣчанію митр. Евгенія, неисправно и даже не вездѣ согласно съ подлинникомъ (Словарь духов. писателей).

[2]) Леванда пользовался громкою извѣстностію, какъ проповѣдникъ. Эта извѣстность отчасти объясняется внѣшними качествами оратора: онъ имѣлъ открытый благородный видъ и удивительную способность произносить. Слово на погребеніе Самуила было читаемо во всей Россіи и признано образцовымъ. Вигель, бывшій на похоронахъ архипастыря, говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго; но что со мною было, когда протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился ко гробу и началъ произносить рѣчь свою! Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ. Въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа (Рус. Вѣст. 1864, № 1).

МИХАИЛЪ ДЕСНИЦКІЙ. ([1]).

БЕСѢДА О ТОМЪ, ЧТО ЕСТЬ ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХЪ. ([2]).

Се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся. Вскорѣ, во мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ; вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся (1 Кор. 15—51, 52).

Какъ ежегодно, по окончаніи жестокія зимы и при наступленіи пріятныя весны,—ежегодно при возвращеніи и приближеніи солнца къ нашей поверхности земнаго шара всегда великая бываетъ перемѣна; именно: силою сего приблизившагося къ землѣ великаго свѣтила вся низшая натура воскресаетъ, всѣ земныя вещи, и растенія, и нѣкоторыя животныя какъ-бы полумертвыя, а иногда и мертвыя оживаютъ и къ дѣйствованію новыя силы получаютъ, и при сихъ новыхъ силахъ новое растеніе, новое цвѣтеніе и новое плодотвореніе произносятъ: такимъ точно образомъ, и по прошествіи жестокой зимы послѣднихъ антихристовыхъ скорбей, и при вторичномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Богочеловѣка, въ міръ сей, при возвращеніи великаго духовнаго Свѣтила, Солнца правды, въ полномъ сіяніи и свѣтѣ, въ неизреченномъ великолѣпіи и славѣ,—при возвращеніи, говорю, сего Свѣтила къ нашему земному кругу, всѣ разумныхъ тварей низшія части, всѣ человѣческія мерт-

выя тѣла сокровенною силою Его оживутъ, воскреснутъ, возстанутъ, новый видъ, новую жизнь и новыя дѣйствія получатъ.

Но что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ оно состоять будетъ,—сіе мы при благосклонномъ вашемъ вниманіи разсмотримъ въ настоящей бесѣдѣ.

Что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ будетъ состоять существенность его? На сіе мы не можемъ дать лучшаго разсужденія и имѣть яснѣйшаго свидѣтельства и достовѣрнѣйшаго доказательства, кромѣ примѣра воскресенія самого же Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ воскресеніемъ своимъ доказалъ, что и наше воскресеніе возможно, и безъ сомнѣнія будетъ; Онъ ученіемъ своимъ изъявилъ, когда оно будетъ; Его-же самого примѣръ можетъ научить насъ, чтò оно такое будетъ.

И такъ чтобы намъ узнать, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе, то разсмотримъ, въ чемъ состояло славное воскресеніе Христово.

Въ чемъ-же оно состояло?

Воскресеніе Христово въ томъ состояло, что Онъ, яко совершенный человѣкъ, будучи преданъ отъ Іуды, мученъ и распятъ отъ іудеевъ, умерши на крестѣ, снятъ со древа и положенъ во гробъ,—что Онъ послѣ своей смерти, бывши по Божеству со Отцемъ на небеси, человѣческою душею во адѣ, а мертвымъ тѣломъ во гробѣ, явилъ свою божественную силу,—что Онъ, паки вышедши душею изъ ада и выведши съ собою бывшихъ во адѣ и съ вѣрою ожидавшихъ Его, соединилъ душу свою съ тѣломъ своимъ, по трехъ днехъ оживилъ оное, возставилъ, воскресилъ силою Божества своего,—Онъ, воскресивъ плоть свою и соединивъ съ Божествомъ, паки явилъ себя истиннымъ Богочеловѣкомъ.

Возставилъ-же Онъ изъ гроба плоть свою уже не такою, какова Она была прежде, но гораздо благороднѣйшею и величественнѣйшею, возставилъ совсѣмъ въ отмѣнномъ видѣ. Плоть Его прежде, такъ какъ и прочихъ человѣковъ, была подвержена земной чувственности и земнымъ склонностямъ, хотя Онъ и не послѣдовалъ чувственности, но владѣлъ оною: послѣ-же смерти и послѣ воскресенія, чувственность сія отпала, и земныя склонности существовать въ ней перестали и уничтожились. Плоть Его прежде была видима, осязаема: въ воскресеніи-же учинилась невидимою, тончайшею, изъ земной и плотской тѣломъ небеснымъ, духовнымъ; кратко, такою, что могла и видима и осязаема быть отъ учениковъ, и невидима и неосязаема, грубыми тѣлами неодержима, всюду проходна; она имѣла видъ плоти и костей, когда Ѳома осязалъ, имѣла видъ и духа, когда пришелъ *Господь ко ученикамъ дверемъ затворенным* (Іоан. 20.—19, 27). Плоть Его прежде была *немощна*, *душевна*, страда-

ніямъ и смерти подвержена: въ воскресеніи-же возстала *нетлѣнною*, *сильною*, *безсмертною*, *славною*, *духовною* (1 Кор. 15 — 42, 43, 44), прославленною, въ божественный свѣтъ облеченною, словомъ, такою, которая совершенно способна была вознестися съ Божествомъ Сына на небеса, вступить въ ангельскія, безплотнымъ духамъ приличныя мѣста, и сѣсть одесную самого Небеснаго Отца.

Вотъ въ чемъ состояло воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа! А когда Его воскресеніе въ сихъ состояло дѣйствіяхъ: то весьма правильное можно сдѣлать изъ того заключеніе, что и наше воскресеніе будетъ состоять въ подобной перемѣнѣ и въ подобныхъ дѣйствіяхъ. И именно:

Когда паки возсіяетъ солнце правды на горизонтѣ сего видимаго міра; когда паки пріидетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на землю сдѣлать послѣднее въ разсужденіи человѣческаго состоянія рѣшеніе, пріидетъ или наградить, или наказать каждаго по дѣламъ его, пріидетъ и повелитъ святымъ ангеламъ трубнымъ гласомъ воззвати мертвыхъ: тогда, такъ какъ при началѣ міра по произнесеніи устами Божіими вседѣйствующаго слова сего, *да будетъ, да будетъ свѣтъ*, и всѣ вещи, все и *бысть* (Быт. 1. 3), всѣ вещи явились, всѣ изъ небытія въ бытіе произошли и существованіе получили, — тогда, говорю, послѣ ангельскаго трубнаго гласа силою всемогущаго Бога всѣ отъ начала міра умершихъ человѣковъ тѣла, землѣ преданныя, согнившія, на стихіи свои раздѣлившіяся, въ огонь, въ воду, въ воздухъ и въ землю преобратившіяся, тѣла въ водѣ потонувшія и въ огнѣ сгорѣвшія, всѣ мертвыя тѣла малыя и великія, мужскія и женскія, паки составятся изъ тѣхъ частей, которыя прежде имѣли и на которыя раздѣлились; отдадутъ бо стихіи взятыя отъ нихъ части, *огонь, и море, и смерть, и адъ отдадутъ мертвецы своя*, всѣ сухія кости получатъ жилы, облекутся плотію, оживотворятся духомъ, соединятся паки съ душами своими, съ которыми разлучились при смерти, соединятся и возстанутъ изъ гробовъ, воскреснутъ мертвіи, и изыдутъ, и станутъ предъ престоломъ нелицепріемнаго судіи, *воскреснутъ, и судъ пріимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ своимъ* (Апок. 20. 13).

Воскреснутъ мертвіи, возстанутъ умершихъ тѣла; но возстанутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ они находятся нынѣ отъ паденія. Нынѣ они грубы, тверды, тяжестны, тлѣнны, немощны, смертны, видимы, земны; но возстанутъ въ общее всѣхъ воскресеніе совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ видѣ отмѣнномъ отъ сего. Они вмѣсто грубыхъ будутъ утонченными, вмѣсто твердыхъ прозрачными и всюду проходными, вмѣсто тяжелыхъ легкими, скоро парящими, такъ что въ единое мгно-

веніе ока отъ всѣхъ странъ вселенныя якоже орли соберутся предъ престолъ Божій. Они вмѣсто тлѣнныхъ будутъ нетлѣнными, вмѣсто немощныхъ сильными, вмѣсто смертныхъ безсмертными, вмѣсто видимыхъ тѣлеснымъ очамъ невидимыми, вмѣсто земныхъ и плотскихъ точно небесными и духовными.

Однакожъ при всей таковой перемѣнѣ своей они будутъ не привидѣніями какими или зракомъ, и не духами, но будутъ истинными тѣлами, виды тѣхъже человѣковъ имѣющими; а только будутъ они истинными тѣлами, духовными. Ибо апостолъ Павелъ, свидѣтельствуя о воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *сѣется* теперь *тѣло въ тлѣніе, востанетъ въ нетлѣніи; сѣется въ немощи, востанетъ въ силѣ; сѣется не въ честь, востанетъ въ славѣ; сѣется тѣло душевное*, плотское, *востанетъ тѣло духовное. Есть бо тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15—42, 43, 44).

Въ семъ-то будетъ состоять воскресеніе наше! Въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что тѣла наши изъ мертвыхъ воскреснутъ, оживутъ, возстанутъ изъ гробовъ, изыдутъ изъ земли; — въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что они изъ грубыхъ, земныхъ, тлѣнныхъ, плотскихъ учинятся тончайшими, какъ-бы совершенно небесными, нетлѣнными, безсмертными, духовными;—въ сей перемѣнѣ будетъ состоять наше изъ мертвыхъ воскресеніе.

И въ сей перемѣнѣ будутъ участвовать не только мертвые, отъ начала міра и до того времени умершіе люди, но и самые живые, тѣ, которые живыми останутся въ сей послѣдній часъ, тѣ, которыхъ въ живыхъ постигнетъ страшный день Господень. Ибо живые, имѣющіе дожить и дождаться втораго славнаго пришествія Христова, уже не умрутъ въ то время: смерти бо наружной не будетъ къ тому. Но понеже невозможно имъ будетъ съ грубою плотію своею вступить въ духовное царство; то для сего вмѣсто наружной смерти воспослѣдуетъ въ наружномъ человѣкѣ ихъ сія всеобщаго воскресенія перемѣна. То есть, когда живые также, какъ и мертвые, услышатъ трубный ангельскій гласъ, услышатъ громогласную послѣдняго часа вѣсть: тогда какъ мертвые яко отъ сна возстанутъ и увидятъ себя совсѣмъ въ другомъ видѣ, во образѣ духовныхъ существъ, такъ и живые, якобы отъ малаго сна воспрянувъ, увидятъ себя совершенно въ другомъ образѣ, въ другомъ положеніи и въ другихъ чувствованіяхъ. Понеже живые хотя въ то время уже и не умрутъ, однакоже измѣнятся; *вси убо не успнутъ, вси же измѣнятся* (1 Кор. 15. 51), всѣ совершенно перемѣнятся.

Сіе грубое тѣло, яко толстая одежда, тогда какъ-бы спадетъ,

и плоть сдѣлается утонченною, чувственность вся отойдетъ, плотскія похоти уничтожатся, страстныя склонности дѣйствовать престанутъ; и тако живые безъ смерти увидятъ на себѣ смерть, не умерши узрятъ себя и по наружной части своей, по самому тѣлу, новыми человѣками, духовными тварями. Ибо тѣла, отложивъ плотскія склонности, скинувъ съ себя чувственность и тлѣніе, облекутся въ нетлѣніе; оставивъ мертвенность, воспріимутъ безсмертіе; такъ-же какъ и мертвыхъ тѣлеса учинятся духовными, всюду проходными и способными къ вѣчному пребыванію въ духовномъ царствѣ.

Въ какомъ удивленіи и изумленіи будутъ находиться тогда человѣки, увидѣвъ себя въ новомъ видѣ, въ новомъ положеніи и въ новомъ состояніи! Какимъ страхомъ объяты они тогда будутъ, ожидая себѣ послѣдняго Господняго рѣшенія, ожидая опредѣлительнаго отъ Господа повелѣнія, во что еще облещися, куда идти и гдѣ пребывать,—ожидая, говорю, во что Господь повелитъ еще облещися сему новому тѣлу, во свѣтъ или во тьму, въ честь или въ безчестіе, въ славу или въ поношеніе,—ожидая, куда Господь повелитъ идти, въ превыспренняя небеса или въ преисподняя мѣста, въ рай или во адъ, въ царство Божіе, или во область сатаны,—ожидая, гдѣ Господь повелитъ пребывать, горѣ или долу, одесную себя или ошую, предъ престоломъ своимъ въ вѣчномъ благѣ или у человѣкоубійцы и мучителя діавола въ безконечномъ злѣ.

Поистинѣ великимъ страхомъ объяты будутъ всѣ тако измѣнившіеся человѣки, ожидая сего послѣдняго отъ Господа опредѣленія. Ибо всѣ вѣрующіе человѣки и нынѣ изъ Слова Божія знаютъ, что *иные воскреснутъ въ воскрешеніе живота, а другіе въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5. 29); *иные въ жизнь вѣчную, другіе же въ укоризну и въ стыдѣніе вѣчное* (Дан. 12. 2); *иные просвѣтятся аки свѣтлость тверди, какъ звѣзды, или якоже самое солнце на вѣки* (Матѳ. 13. 43), а другіе помрачатся, какъ самая густая, черная тьма. А тогда еще гораздо яснѣе познаютъ, живѣе почувствуютъ и сильнѣе увѣрятся, что послѣдствіе за воскресеніемъ ихъ точно двоякое будетъ: одно славное, другое безчестное, одно во свѣтъ, другое во тьму, одно въ вѣчный животъ, другое въ безконечную смерть.

Всѣ, возставшіе и обновившіеся, человѣки объяты будутъ великимъ страхомъ, безъ всякаго сомнѣнія ожидая, что Господь Богъ, праведный судія, сказавъ послѣднее всѣмъ общее опредѣленіе, то есть праведнымъ: *пріидите ко Мнѣ благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ созданія міра*; грѣшнымъ-же: *отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и анге-*

ломъ его (Мате. 25 — 34, 41)— сказавъ, говорю, сіе, тотчасъ силою всемогущества своего первыхъ дѣйствительно во свѣтъ облечетъ, другихъ во тьму преобразитъ; первымъ свой образъ сообщитъ, другимъ видъ сатаны дастъ; первыхъ съ собою въ царство Божіе введетъ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ благословитъ, другихъ, связавъ узами мрака, ввержетъ во адъ и въ ономъ вѣчно мучиться назначитъ.

А наипаче страшно будетъ ожидать отъ Господа таковаго опредѣленія тѣмъ, которымъ совѣсть, внутренній судія, не будетъ подавать ни малѣйшаго оправданія предъ Богомъ, и посему не будетъ сообщать упованія на полученіе перваго, но станетъ только угрожать послѣднимъ. Таковые прежде еще Христова изреченія тьмою покроются и начнутъ адски мучиться. Какъ-же скоро изречетъ Господь опредѣленіе свое, тотчасъ уже, совершенно въ густѣйшій мракъ облекшися, *и идутъ сіи въ муку вѣчную; праведницы же*, одѣвшися во свѣтъ, идутъ *въ животъ вѣчный* (Мате. 25. 46). Аминь!

[1]) Михаилъ Десницкій (1761—1821), митрополитъ новгородскій и с. п. бургскій, обучался въ виѳанской семинаріи, съ 1782 г. поступилъ въ филологическую семинарію, устроенную «Дружескимъ ученымъ обществомъ», гдѣ слушалъ лекціи философіи и новыхъ языковъ (франц. и нѣм.); богословіе же слушалъ въ Московской Духовной Академіи. Съ 1785 г. былъ священникомъ въ московскомъ храмѣ Іоанна Воина и своими проповѣдями обратилъ на себя вниманіе любителей христіанскаго ученія. Въ 1796 г. вызванъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ число придворныхъ пресвитеровъ. Принялъ монашество 1799 г. Въ 1802 г. поставленъ въ епископа старорусскаго; въ 1803-мъ переведенъ въ черниговскую губернію и въ 1806 пожалованъ архіепископомъ; въ 1815-мъ управлялъ псковскою епархіей; съ 1818 г. митрополитъ. Сочиненія Михаила имѣли 3 изданія: первое, въ 10 т. (1817—1820); второе, въ 9 т. (1822—1824); третье, въ 16 т. (1854—1857).

[2]) Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ состоитъ изъ 4-хъ ч.: а) приступа (сравненіе воскресенія природы, по прошествіи зимы и при наступленіи весны, съ воскресеніемъ мертвыхъ тѣлъ, по прошествіи зимы антихристовыхъ скорбей и при вторичномъ пришествіи І. Х.); б) предложенія (что есть воскресеніе мертвыхъ? въ чемъ оно состоять будетъ?); в) изложенія (въ немъ двѣ части: первая — разсмотрѣніе того, въ чемъ состояло воскресеніе Христово, вторая — разсмотрѣніе того, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе; г) заключенія (изображеніе удивленія и страха людей, когда они увидятъ себя въ новомъ видѣ).

XXXIV.

ЛАБЗИНЪ. (1).

О ЧТЕНІИ КНИГЪ (2).

Когда упадаетъ религія, упадаютъ съ нею и науки; ибо разумъ сбивается тогда съ прямаго пути и вступаетъ на распутія, ловитъ тамо мечты и грезы, и выдаетъ ихъ за истины, которымъ и поклоняются поклонники разума.

Разумъ нашъ, и самъ по себѣ, удобенъ запутываться въ странныя заблужденія, а заблужденія другихъ, разсѣваемыя во многочисленныхъ книгахъ, разстилаютъ ему новыя сѣти. Кто не испыталъ на самомъ себѣ, сколько онъ понесъ вреда отъ того только, что читалъ, не имѣвъ еще способности дѣлать разборъ книгамъ! Мы не боимся выговорить сего слова; ибо способность сія не состоитъ въ природныхъ дарованіяхъ, но пріобрѣтается ученіемъ и навыкомъ, и—удобнѣе всего—руководствомъ опытныхъ людей. Вольтеровы софизмы, напримѣръ, легко разсыпаются предъ осторожнымъ умомъ, не увлекаемымъ прелестію новизны, блескомъ игривыхъ мыслей и красивыхъ словъ; а Гельвеціевы умствованія такъ приноровлены къ обыкновенному человѣческому разуму, что и самый разсудительный читатель обольститься иногда ими можетъ. При сихъ преткновеніяхъ, если они невольныя, удобно ощутишь, сколь нуженъ свѣтъ откровенія равно и для разума, какъ для сердца!

Еще сочинитель книжки, называемой «2440 годъ», замѣтилъ, что «науки въ книжномъ лабиринтѣ кружились только вокругъ и всегда возвращались къ прежней точкѣ, отъ которой пошли, и что богатство книжное служитъ только къ закрытію нищеты разума». А потому и совѣтуетъ онъ: всѣ книги, которыя найдутся или глупыми, или вредными, или опасными, предать торжественно на всесожженіе въ умилостивительную жертву добродѣтели и истинѣ.

Мы не такіе охотники до auto da fe, какъ г. Мерсье, который и самъ послѣ на яву бредилъ; однакожъ признаемся, что когда посмотришь на множество выходящихъ въ свѣтѣ книгъ, то иногда приходитъ искушеніе пожелать имъ чистилища.

До изобрѣтенія книгопечатанія, одни творенія великихъ умовъ, или особливыхъ геніевъ, разносились въ народѣ и сохранялись въ памяти, преданіяхъ и лѣтописяхъ; прочія же рѣдко пользовались сею честію. Тогда писалъ только тотъ, кто имѣлъ особенныя дарованія, и тогда книга была плодъ глубокаго размышленія и опыта, и была дѣйствительно подарокъ для человѣчества; чувство и истина были видны на каждомъ

листѣ ея: потому-то сіи книги пережили вѣки, не смотря на непостоянство разума человѣческаго, не смотря на политическія превратности, не смотря на разность обычаевъ и языковъ разныхъ народовъ.

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, знанія полились рѣкою во всѣ концы и быстрымъ своимъ потокомъ испровергли многія знанія ума, подмыли и подрыли самыя основанія долголѣтнихъ опытовъ и наводненіемъ своимъ иныя мѣста запрудили, другія опустошили. Мелочи всплыли на верхъ и скрыли подъ собою не мелочныя произведенія; люди стали ловить что всплывало, а что всплывало, то стало ловить людей; родилась страсть къ писанію, явились подражатели и кописты, явились подражанія подражаніямъ и копіи копій, а оригиналы исчезли, и творческій умъ какъ бы притиснутъ сталъ типографскимъ станкомъ.

Прежде, страсти и заблужденія имѣли свой предѣлъ; развратникъ и заблужденный могъ заражать только свой кругъ, свой вѣкъ, и пороки его изчезали и погребались вмѣстѣ съ нимъ во гробѣ: злоупотребленіе же книгопечатанія увѣковѣчило развратъ и глупости, посрамляющія человѣчество, и воздвигло имъ памятники. Все, что только исходитъ изъ разгоряченной головы какого либо бумагомарателя, все то печатается, обнародывается, разсылается и идетъ во всѣ страны свѣта заражать и будущее потомство отдаленныхъ краевъ. Одному вздумается испровергать вѣру, другой захочетъ потрясти столбы законовъ, третій передать свои грезы, четвертый порочныя ощущенія сердца, и все это читается, поглощается: читается слабыми умами, поглощается страстными сердцами. Повѣримъ ли, что самыя нелѣпости были уважаемы? что былъ писатель, который доказывалъ даже, что хлѣбъ есть самый ядъ для человѣка, а ядъ есть наилучшая его пища. И сей писатель былъ изъ высокоименитыхъ. Онъ такъ извѣстенъ, что называть его именемъ нѣтъ нужды (а). Каковы же мы, просвѣщающіеся отъ такихъ писателей? Чего мы ищемъ, дивяся таковой мудрости? И что собственно даетъ именитость и славу таковымъ писателямъ? Вольтеръ больше выигралъ тѣмъ, что смѣшилъ, нежели что училъ; что забавлялъ, а не что наставлялъ. Смѣяться и забавляться сколько охотниковъ! А разсуждать? а мыслить?—Шуты и балагуры и между писателями пройдутъ далѣе, пройдутъ всюду: вотъ дверь къ счастью и писателя, буде кто такого счастья желаетъ!

Первыя сочиненія въ древности были піитическія. Хотя оныя состояли изъ простыхъ стиховъ, но сіи простенькія стихотворенія посвящены были Божеству и нравоученію; тогда поэзія была наука, а учителемъ ея сама натура: нынѣ

(а) Лингетъ.

же и наука и натура стали романъ, вымышленное похожденіе. Таковыя науки и ихъ разсадники — библіотеки — задавили природный умъ въ человѣкѣ и нарядили его въ чужія дарованія, которыми онъ и тщеславится, какъ въ баснѣ ворона павлиными перьями. Великіе люди всякаго столѣтія выходили не изъ школъ и училищъ, а образовались сами. Гомеры не имѣли библіотекъ, а почерпали истину изъ натуры, изъ глубины сердца человѣческаго, и чрезъ то пріобрѣтали ту силу, которая сдѣлалась свѣтильникомъ другимъ умамъ. Минины, Пожарскіе были, когда не было воспитательныхъ институтовъ. Школы, училищныя и воспитательныя заведенія служатъ вспомогательными средствами умамъ и сердцамъ, а сила и крѣпость оныхъ должна заключаться въ нихъ самихъ. Потому и надлежало бы оберегать сіи силы отъ разслабленія. Но гордость нынѣшняго вѣка состоитъ въ томъ, чтобы все прочесть; и библіотеки, выкладывая свои товары на показъ, часто производятъ тоже бѣдствіе, что и роскошные столы, уставленные тысячами различныхъ яствъ, подъ разными приправами, для одного желудка. Всякій ли желудокъ въ состояніи порядочно переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій ли также разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? И какъ не занемочь? какъ не прибѣгнуть къ рвотному? — Какія же дурныя мокроты пойдутъ тогда изъ желудка! Такія же дурныя матеріи пойдутъ въ такомъ же случаѣ и изъ головы и сердца.

Какъ умѣренная и здоровая пища содержитъ въ здоровьѣ тѣло, такъ умѣренное и разсудительное чтеніе содержитъ въ здравости умъ. Но какъ прожорливый ѣстъ не для того, чтобъ утолить голодъ: такъ и мы читаемъ не для того, чтобъ научиться, но изъ любопытства, или чтобъ прогнать скучное время и укоротить длинные часы; а литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ стряпанье свое всякимъ снадобьемъ, чтобъ расщекотать притупѣвшій вкусъ читателей.

И книги измѣняются, какъ модные товары, и ученые также сустны; и тѣ и другіе хотятъ по модѣ убирать голову и наряжаться въ модные цвѣта и въ платье новаго покроя; стараются также по модѣ мыслить, по модѣ говорить, по модѣ умствовать.

Чтеніе по справедливости не можетъ имѣть иной цѣли, какъ только открывать истину; когда же мы въ чемъ обрѣли ее, то другія книги о томъ будутъ уже лишними. Истина есть та высокая цѣль, на которую ученые и писатели должны метить. Натура выставила ее для испытанія стрѣлковъ; каждый отваживается пустить въ цѣль свою стрѣлу; но изъ пущенныхъ стрѣлъ одна далеко не долетаетъ, другая отлетаетъ въ сторону, третья падаетъ

у самой цѣли. Но стрѣлкомъ почитается тотъ, кто попадетъ въ цѣль, и если я нашелъ такого, то что мнѣ нужды до тысячи другихъ стрѣлковъ, опоражнивающихъ свои колчаны по пустому?— Такъ и многое чтеніе есть иногда напрасная трата времени, значитъ малое уваженіе истины и малую склонность къ разсужденію; значитъ, что хотятъ не насыщаться, а пресыщаться и лакомиться: лакомство же и обжорство столь же вредно и для разума, какъ и для желудка, и разборъ въ пищѣ и того и другаго весьма полезенъ и нуженъ.

Мы сказали въ началѣ, что когда падаетъ религія, тогда упадаютъ и науки, и настаетъ варварство. Нужно ли на сіе доказательство? Во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ такъ бывало; новѣйшій же примѣръ намъ Франція. Когда отступничество отъ вѣры содѣлалось въ ней правомъ гражданскимъ, какіе наступили нравы, какое настало варварство и въ сердцахъ и умахъ! Академіи и университеты истреблялись такъ же, какъ церкви и парламенты; славный Лавуазье кончилъ жизнь такъ же на эшафотѣ, какъ и добродѣтельный Мальзербъ, какъ и многіе служители вѣры. Злонравному на что просвѣщеніе и науки? Онъ либо во зло употребитъ ихъ, либо вознерадитъ о нихъ. Доброправнымъ же безъ религіи никто быть не можетъ: религія должна быть въ человѣкѣ непремѣнно, и религія истинная — христіанская. Христіанская нація не можетъ уже обратиться въ языческую, такъ чтобы сохранила и добрые нравы, ибо переходъ сей будетъ паденіе, а не возстаніе: паденіе же не есть благополучіе. И такъ христіанская нація, упадая въ язычество, не можетъ быть ни благонравною, ни благополучною, по естественной причинѣ и по непреложному закону: точно такъ, какъ птица, летающая по воздуху, не можетъ жить въ водѣ, хотя рыба тамъ и живетъ спокойно. Чрезъ сіи наши замѣчанія мы хотимъ сказать, что чтеніе книгъ, подкапывающихъ вѣру и нравы, по-истинѣ вредно; что ложное просвѣщеніе, проліявшееся всюду, есть та рѣка, которая стремится поглотить истину, хотящую породить намъ мужественное чадо и бѣгущую для того изъ градовъ въ пустыни и степи; наконецъ, что состояніе человѣчества, по нынѣшнему невѣрію, находится въ такомъ же отношеніи, въ какомъ было прежде по суевѣрію, и переломъ необходимо послѣдовать долженъ: и избавленіе какъ отъ невѣрія, такъ и отъ суевѣрія, безъ сомнѣнія добрымъ сердцамъ желательно.

Чтожъ изъ сего слѣдуетъ?— Каждому надлежитъ размыслить въ сердцѣ, поискать истиннаго блага и обратиться къ вѣрнѣйшему пути, Божественной религіи, которая даритъ человѣка истинною нравственностію. Нужны, при этомъ, полезныя книги.

Книги предъ словеснымъ объясненіемъ могутъ имѣть преиму-

щество то, что, во 1-хъ, въ нихъ матерія лучше можетъ быть выработана и объяснена, нежели на словахъ въ разговорѣ; во 2-хъ, что чрезъ книги можно говорить съ большимъ числомъ людей, нежели чрезъ словесныя бесѣды, и можно быть полезнымъ пріятелю и непріятелю, и знакомому и незнакомому, и отдаленному потомству; въ 3-хъ, чрезъ книги говорить можно прямѣе и слушать терпѣливѣе. Въ книгѣ можетъ меня наставлять и тотъ, кого бы гордость моя и слушать не стала, если бы онъ заговорилъ; и можно высказать и то, что житейскія приличія и разныя обстоятельства выговорить запрещали бы. Особливо, когда я точно не знаю автора, тогда я наиболѣе бываю безпристрастенъ, и пріемлю ли, отвергаю ли что у него, точно и пріемлю и отвергаю по чувству и по понятію моему; а безъ того, я часто отвергаю истину потому только, что мнѣ говоритъ *такой-то*, или уважаю что нибудь потому только, что сказалъ то *такой-то*: но въ такой истинѣ прямой истины нѣтъ.—Вотъ преимущество чтенія предъ разговоромъ; но вотъ также и невыгоды его.

Слѣдовательно и въ выборѣ чтенія полезно было бы руководство старшаго опыта. Издатель имѣлъ счастіе, бывъ еще 15 лѣтъ, предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ—казалось тогда—весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію, которую до того—если кто и не презиралъ вовсе—по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною; а если кто и читалъ, то развѣ историческую только ея часть для любопытства, или много что для примѣра въ поведеніи; впрочемъ никто къ чтенію Библіи не увѣщевался, и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напро-

тивъ того самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ Библію и прелагалъ въ стихи плачъ Іереміинъ.

Направленіе, которое далъ умамъ и сердцамъ сей благодѣтельный мужъ, открылось въ силѣ и дѣйствіи. Вдругъ явились любители, стали искать духовныхъ книгъ и, по малому тогда числу у насъ оныхъ, стали искать людей, которые бы взялись переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ. Нашлись охотники трудиться, охотники жертвовать сему дѣлу своимъ имуществомъ. Я говорю *жертвовать*, въ точномъ смыслѣ сего слова; ибо число читающей публики было тогда такъ мало и число самыхъ предметовъ чтенія такъ ограниченно, что библіотеку каждаго, кто имѣлъ оную, легко было перечесть всю наизусть. Въ цѣлой Москвѣ существовала одна только университетская типографія, и та стояла почти безъ дѣла: книжныя — не лавки, но лавочки—были только на Спасскомъ мосту; новая книга была тогда рѣдкость, и наконецъ весь запасъ чтенія состоялъ изъ однихъ романовъ и нѣсколькихъ историческихъ книжекъ, такъ что предпріятіе печатанія книгъ духовнаго содержанія не только не представляло никакихъ выгодъ, но еще вело къ явнымъ убыткамъ, ибо надлежало родить прежде въ читателяхъ новый вкусъ. Я помню, какъ одинъ любитель чтенія, пришедши въ университетскую книжную лавку купить новенькихъ *хорошенькихъ* книжекъ и находя въ оной творенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго и подобныя, съ досадою вышелъ вонъ и пошелъ къ содержателю типографіи съ выговоромъ: для чего нынѣ не печатаются хорошія книги?— Какія подъ симъ названіемъ вы разумѣете? спросилъ скромно хозяинъ гостя. «Напримѣръ: *Маркизъ Глаголь*, *Клевеландъ*, *Желѣзная маска*, *Дѣвица Гарви*,» отвѣчалъ посѣтитель.—«Что дѣлать— отвѣчалъ смиренно содержатель типографіи — мы печатаемъ то, что переводчики намъ принесутъ; а нынѣ они такихъ книгъ намъ не приносятъ: но за неимѣніемъ такихъ, какихъ вы желаете, прошу принять отъ меня, какія есть,» и—отпустилъ его съ связкою духовныхъ книгъ. И такъ, кромѣ издержекъ на плату переводчикамъ и на печатаніе книгъ, надлежало еще дарить книгами и богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію оныхъ. Таковы выгоды представляло сіе предпріятіе, и однакожъ нашлись люди, которые для общаго блага согласились и на потери.

Предпріятіе сіе благословлено было свыше. Книги духовнаго содержанія стали выходить на нашемъ обыкновенномъ языкѣ одна за другою и, такъ сказать, пролились рѣкою, хотя по несовер-

шеству, сопряженному съ началомъ всякаго дѣла, по неимѣнію еще хорошихъ переводчиковъ и по самой поспѣшности изданія оныхъ, являлись онѣ въ весьма неисправныхъ переводахъ (а). Сія скоропостижная перемѣна обратила на себя вниманіе всей публики и — какъ обыкновенно со всякою новостью бываетъ — сужденія пошли самыя пристрастныя, самыя непріязненныя. Извѣстно, что сіи люди, за дѣло сіе, потерпѣли не только хулы и порицанія, но и самые тяжкіе кресты — печать, коею ознаменовываются истинно христіанскіе подвиги по обреченію самого Господа (Іоан. XV. 19; Матѳ. X. 22).

Но дѣло самое подъ крестами созрѣвало: вкусъ образовался, охотники до сего чтенія, охотники трудиться надъ переводомъ таковыхъ книгъ, размножались; и теперь, ежели кто читаетъ оныя, — хотя бы и на иностранныхъ языкахъ, — то симъ чтеніемъ и тѣмъ случаемъ, что онъ узналъ о таковыхъ книгахъ и что онѣ вошли въ Россію, по справедливости обязанъ онъ тому пламенному усердію и твердости духа, которые оказали въ началѣ предпринявшіе сіе дѣло во имя Божіе и въ уповании на милость Его, для пользы братій своихъ.

Какая поразительная перемѣна произошла отъ того въ 30 лѣтъ! Вмѣсто одной академической типографіи здѣсь и университетской въ Москвѣ, сколько теперь имѣемъ мы типографій и въ другихъ городахъ, и сколько появилось книжныхъ лавокъ! Вмѣсто того, что святая Библія считалась за книгу, которую будто бы читать опасно и которую только въ церквахъ для формы предлагать можно — нынѣ всякому стараются доставить ее въ руки по цѣнамъ самымъ дешевымъ, или даже даромъ, такъ что въ пословицу вошло говорить, что *теперь нѣтъ ничего дешеваго, кромѣ Библіи.* Нынѣ Новый Завѣтъ переводится на простой русскій языкъ. Какія важныя отъ того происходятъ и произойти еще могутъ послѣдствія, издатель во свидѣтельство того приведетъ нѣсколько строкъ изъ письма къ нему одного корреспондента его по Библейскому обществу, изъ такого отдѣленія, которое учредить было весьма трудно и въ которомъ теперь открывается совсѣмъ иное. Вотъ что сей корреспондентъ пишетъ:

«По письменнымъ и словеснымъ требованіямъ, и по усмотрѣннымъ надобностямъ, оказалось, что намъ нужно немедленно выписать 500 стереотипныхъ и 100 листовыхъ Библій. Слава Богу! Воля Его, Духомъ Святымъ о Христѣ, приводится въ дѣйствіе. Вмѣсто картъ и шашекъ, и другихъ, въ отвращеніе скуки, упражненій праздности, занимаются здѣсь и должностные, и торговые, и промы-

---

(а) Въ примѣръ искусства тогдашнихъ переводчиковъ приведу я одно то, что титулъ римскаго сената, patres conscripti, переводимъ тогда былъ: *отцы сонаписанные.*

шленные люди, и заключенные въ тюрьмахъ и острогѣ, чтеніемъ и слышаніемъ Слова Божія. 130 экземпляровъ Московскаго изданія, присланные вами, расхвачены у насъ, какъ и первые; почему покорнѣйше прошу отправленіе требуемыхъ вновь привесть немедленно въ исполненіе.»

[1]) Лабзинъ, Александръ Өедоровичъ (1776—1824), обучался въ Московскомъ университетѣ и съ молодыхъ лѣтъ принадлежалъ къ обществу Новикова. На шестнадцатомъ году (1782) онъ слушалъ приватныя лекціи профессора Шварца, произведшія на него сильное вліяніе, о которомъ онъ черезъ 35 лѣтъ вспоминалъ съ благодарностью, въ статьѣ: «О чтеніи книгъ» (Сіонскій Вѣстникъ, 1818, февраль). Того же 1782 г. Лабзинъ, вмѣстѣ съ другими питомцами университета, трудился по изданію «Вечерней Зари»—журнала, служившаго продолженіемъ «Утреннему Свѣту». Переводы свои онъ помѣчалъ буквами: *У. М.*, что значитъ «ученикъ масоновъ». Эта подпись была сохранена имъ и въ послѣдствіи (а). По окончаніи университетскаго курса, Лабзинъ поступилъ на службу переводчикомъ при московскомъ губернскомъ правленіи, потомъ служилъ при университетской конференціи и отсюда перешелъ въ секретную экспедицію петербургскаго почтамта. Въ 1799 г. былъ опредѣленъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. Императоръ Павелъ I, принявъ на себя званіе гроссъ-мейстера Мальтійскихъ кавалеровъ, наименовалъ Лабзина исторіографомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и повелѣлъ ему составить полную его исторію. Она вышла въ 5 ч. (1799—1801), и послѣдняя часть посвящена Александру I. Занимая должность въ академіи, Лабзинъ въ 1804 г. былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и въ томъ же году получилъ мѣсто директора департамента въ министерствѣ морскихъ силъ. Въ 1806 году издавалъ ежемѣсячный христіанско - нравственный журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», который остановился было на четвертой (апрѣльской) книжкѣ, но покровительство и доброжелательство нѣкоторыхъ важныхъ особъ спасли его, какъ объявлялъ самъ издатель. Послѣ того вышло еще четыре книжки (съ мая по сентябрь), и журналъ былъ прекращенъ, «по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ воли издателя зависѣвшимъ». Огорченный издатель писалъ къ знаменитому въ то время нѣмецкому мистику Штиллингу и получалъ отъ него утѣшенія и совѣты. Это мы узнаемъ отъ самого Лабзина, въ 14-ой книжкѣ (1807) переведеннаго имъ Штиллингова сочиненія: «Угрозъ Свѣтовостоковъ». Авторъ, жалуясь на то, что профессорская каѳедра мѣшаетъ ему заниматься христіанскими сочиненіями, которыми онъ могъ бы приносить гораздо больше пользы, чѣмъ лекціями, и что справедливѣе было бы отказаться отъ профессорства и жалованья, говоритъ: «Но чѣмъ же платить долги? Какой государь станетъ кормить тунеядца, хотящаго служить только для царствія Божія, — человѣка, покрытаго поношеніемъ за имя Христово, который отъ просвѣщеннаго свѣта считается архимечтателемъ и сумасбродомъ?» (стр. 80 и 81). При этихъ словахъ, переводчикъ сдѣлалъ въ выноскѣ обращеніе къ Штиллингу: «любезный Штиллингъ! не одинъ ты пользуешься честію сего поношенія. И ты самъ ободрялъ меня къ тому же въ дружескомъ письмѣ тво-

(а) Другія его подписи: «Безъеровъ», такъ какъ онъ не писалъ *еровъ*, а въ Сіонскомъ Вѣстникѣ: «Өеопемптъ Мисаиловъ».

емъ, за что и благодарю тебя». Какія именно особы (или особа) оказывали благосклонное покровительство издателю Сіонскаго Вѣстника, мы сказать не можемъ; знаемъ только, по воспоминаніямъ С. Аксакова изъ петербургской жизни 1808 г., что Лабзинъ былъ «великій братъ и начальникъ секты мартинистовъ» и что между нимъ и Н. Н. Новосильцевымъ «шла секретная переписка о Сіонскомъ Вѣстникѣ, которую читалъ самъ Государь». Въ періодъ времени, отъ прекращенія Вѣстника до возобновленія его (1806—1817), Лабзинъ занимался переводами сочиненій Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга и другихъ мистическихъ книгъ. За эти труды онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-ой степени, какъ выражено въ грамотѣ при пожалованіи ему ордена. Возобновленный Сіонскій Вѣстникъ началъ издаваться въ 1817 г. съ апрѣля, также по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, и посвященъ имени Спасителя: «Господу Іисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему, вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ, о Его же имени всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, прахъ и пепелъ, чающій обновленія своего, со всѣми купно припадая и поклоняяся, въ недостоинствѣ своемъ, съ трепетнымъ благоговѣніемъ сей трудъ свой и самого себя посвятить дерзаетъ». Въ числѣ особъ, подписавшихся на журналъ, стоятъ, въ первой же книжкѣ, имена Государя Императора и цесаревича Константина Павловича. Сіонскій Вѣстникъ 1818 кончился іюльской книжкой, такъ что изданіе его за три года составляетъ 8 частей, или 24 книжки. Покончивъ съ журналомъ, Лабзинъ снова принялся за переводъ мистическихъ сочиненій. Въ 1818 г., изъ конференцъ-секретаря академіи художествъ онъ былъ назначенъ ея вице-президентомъ. Въ 1822 г. былъ отставленъ отъ службы и высланъ изъ столицы въ Симбирскъ. По этому случаю, архимандритъ Фотій, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ мистико-масонскаго направленія, въ письмѣ къ Д. А. Д—ой, говоритъ: «Помяни, о святая душе, гдѣ гордый Лабзинъ, отецъ и ересіархъ? Яко трава, яко прахъ погибе: то будетъ и дѣткамъ его нечестивымъ и буйнымъ». (Рус. Архивъ, 1863, вып. 4). Вотъ какъ Лабзина изобразилъ С. Аксаковъ: «Лабзинъ былъ средняго роста и крѣпкаго сложенія; выразительныя черты лица, орлиный взглядъ темныхъ, глубоко-знаменательныхъ глазъ, и голосъ, въ которомъ слышна была привычка повелѣвать, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Въ обращеніи онъ былъ совершенно простъ и любилъ употреблять рѣзкія, такъ называемыя тривіальныя или простонародныя выраженія, какъ напримѣръ: выцарапать глаза, заткнуть за поясъ, разорвать глотку и т. п.... Сей часъ можно было замѣтить, что А. Ѳ. Лабзинъ—человѣкъ необыкновенно умный, властолюбивый, пылкій по природѣ, но умѣющій владѣть собою. Въ разговорахъ, онъ ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего исключительнаго, мистическаго направленія; онъ не касался никакихъ духовныхъ предметовъ, и очень весело, остроумно, не скупясь на эпиграммы, разсуждалъ о дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ... Въ обращеніи его съ «братьями» слышенъ былъ тонъ господина, а «братья» относились къ нему почтительно, какъ будто къ существу высшей природы (Встрѣча съ мартинистами). Дополненія см. во 2-мъ т. Исторіи Рус. Словесности.

Сочиненія и переводы:

Путешествіе младаго Костиса отъ Востока къ Полудню, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1801).

Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца, твореніе Карла Эккартсгаузена, 2 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1803).

Наставленіе мудраго испытанному другу, изъ сочиненій Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1803).

Отрывки изъ сочиненій Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1803).

Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1804).

Ключъ къ таинствамъ натуры, соч. Эккартсгаузена, 4 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1804).

Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ, изъ сочиненій Эккартсгаузена (М. 1804).

Краткія нравоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства, пер. съ нѣм. изъ сочиненій Штиллинга (Спб. 1805).

Приключенія по смерти, соч. Штиллинга, 3 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1805).

Угрозъ Свѣтовостоковъ, сочиненіе Іоанна Генриха Юнга, называющагося иначе Генрихомъ Штиллингомъ, 8 частей или 30 книжекъ (Спб. 1806—1815).

Сіонскій Вѣстникъ на 1806, 1817 и 1818.

Просвѣщенный Пастухъ, или духовный разговоръ одного благочестиваго священника съ Пастухомъ, въ которомъ открываются дивныя тайны божественной и таинственной премудрости, являемой отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ (Спб. 1806).

Пастырское посланіе (Спб. 1806).

Наука числъ, соч. Эккартсгаузена, 2 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Christosophia, или Путь ко Христу, въ 9 книгахъ, твореніе Іакова Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ, пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Побѣдная пѣснь, соч. Штиллинга, пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Путеводитель къ совершенству жизни христіанской, 2 ч. (Спб. 1816). Часть 1: Брань духовная, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, пер. съ франц. Часть 2: О внутреннемъ мирѣ, Амвросія Ломбеза, пер. съ фр.

Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть, пер. съ нѣм., 2 ч. (Спб. 1816).

Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ, для христіанской души изданныя Карломъ Эккартсгаузеномъ, пер. съ нѣм. (Спб. 1817).

Послѣдніе дни Юнга Штиллинга, или шестая книжка его жизни, начатая имъ самимъ, а оконченная внукомъ и зятемъ его (Спб. 1818).

Слова воспоминанія о усопшемъ, незабвенномъ другѣ Іоаннѣ Генрихѣ Юнгѣ, прозванномъ Штиллингомъ, отъ нѣкоторыхъ друзей его (Спб. 1818).

Зеркало внутренняго человѣка, въ которомъ каждый себя видѣть, состояніе души своей познавать и исправленіе свое потому располагать можетъ, въ десяти картинахъ представленное съ объясненіемъ оныхъ. Пер. съ нѣм. (Спб. 1819).

[2]) Сіон. Вѣст., 1818, февраль. Просвѣщенный мужъ, о которомъ говорится въ этой статьѣ; — профессоръ московскаго университета Шварцъ. Онъ читалъ въ 1782—83 г. два курса: одинъ публичный — «о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ», а другой приватный, у себя на дому, для студентовъ филологической семинаріи, по исторіи философіи. Лабзинъ, вѣроятно, слушалъ послѣдній курсъ, содержаніе котораго, по отзыву г. Ешевскаго (см. Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, въ 8 № Рус. Вѣст. на 1864 г.), проникнуто направленіемъ, отличающимъ масонскія сочиненія, такъ что лекціи Шварца могли служить лучшимъ приготовленіемъ къ масонству.

XXXV.

Ѳ. Н. ГЛИНКА. (1).

А. ЗАВѢТНАЯ КНИГА (1821). (2).

Въ пустынѣ далекой былъ старецъ сѣдой,
Пещера въ утесѣ—жилище его;
И дубъ устарѣлый и кленъ молодой
Укромную келью, шумя, осѣняли;
И теплилась тихо на сумрачномъ сводѣ
Лампада; въ срединѣ налой, и на немъ
Лежала, какъ тайна, «завѣтная книга»;
И къ ней только старецъ одинъ прикасался.
Три части вмѣщала та книга въ себѣ;
Три разныя ленты тѣ части дѣлили:
Какъ свѣжая роза, алѣла одна;
Другая, какъ небо, была голубая;
Но черная третья, какъ врана крыло.
И съ каждымъ разсвѣтомъ пустынникъ-мудрецъ
Съ почтеніемъ къ книгѣ завѣтной подходитъ
И листъ, но не болѣ, читаетъ одинъ.
И онъ ужъ за черной прочитывалъ лентой;
Немного ему оставалось читать.
Читаетъ—и книгу, со вздохомъ, закрывъ,
Идетъ онъ, склоненный въ глубокую думу,
Какъ будто прощаться съ природой.—Такъ мирно
И тихо въ немъ жизнь погасала, какъ день
На ясномъ безоблачномъ небѣ.—И вотъ
Пришелъ къ нему гость изъ мятежнаго свѣта:
То юноша свѣжій, какъ цвѣтъ молодой:
Румянецъ пылалъ на лилейныхъ щекахъ,
И свѣтлыя искры сіяли въ очахъ,
И кудри играли вкругъ шеи прямой.
«Отецъ! благодатью святой осѣни
Пришельца изъ бурнаго свѣта. Открой
Высокую тайну; скажи мнѣ, мудрецъ:
Какъ въ мірѣ мятежномъ безъ бури прожить?
И гдѣ обитаетъ блаженство? скажи:
Гдѣ съ пылкой душою я счастье найду?
Пусть мудрости хладной созрѣлый совѣтъ
Кипящую жажду въ груди утолитъ.
Напой меня свѣтомъ вѣщаній святыхъ;
Открой, благодатный, мнѣ тайны судьбы
И жизни науку.»—И старецъ въ отвѣтъ:
«О, посланный сердцу наслѣдникъ младой!
Приди, мой желанный! и тайну прими,

Высокую тайну.... Въ сей книгѣ она;
Вся жизни премудрость въ сей книгѣ святой,
Завѣтной: ты каждый читай ее день,
И листъ, но не болѣ, для каждаго дня!
Не болѣе, помни!»... Съ симъ словомъ почилъ,
Какъ тихій младенецъ, столѣтній мудрецъ,
И было преданье, что ангелъ пустынь
Восхитилъ земные остатки его.
Вотъ ночь протекаетъ, какъ вѣчность.... Съ зарей
Къ завѣтной подходитъ пылающій чтецъ
И къ розовой лентѣ душою летитъ.
Читаетъ—и сердце весельемъ зажглось:
Все розовымъ свѣтомъ сіяетъ въ очахъ;
Всѣ жилы, какъ струны, дрожатъ, и ключемъ
Кипитъ молодая, румяная кровь;
Улыбка играетъ на свѣжемъ лицѣ;
Онъ, кажется, слышитъ надежды привѣтъ
И голосъ знакомыхъ мечтаній: онъ весь
Восторгъ и желанье... Ужъ листъ пробѣжалъ
И далѣ, все далѣ, какъ вспыхнувшій огнь
При вѣяньѣ вѣтра на полѣ сухомъ;
И вотъ въ упоеньѣ всю первую часть
Прочелъ, поглотилъ онъ—и розовый свѣтъ
Угасъ, и поблекла улыбка.... Онъ стихъ,
Но слышитъ онъ новый заманчивый гласъ:
«Все далѣе, далѣ!» Эѳиръ голубой
Сіяетъ, какъ небо, въ завѣтныхъ листахъ.
И все постояннѣй, и все тамъ вѣрнѣй,
И счастья обѣты слышнѣе, и цѣль
Вдали, за туманомъ, яснѣе горитъ...
Спокойнѣе взоры чтеца, но унылъ
И пасмуренъ сталъ онъ, когда перешелъ
За черную ленту.... Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ...
Прочелъ—и со вздохомъ воспомнилъ завѣтъ,
И тихо побрелъ онъ къ родной сторонѣ.
Но тамъ не надолго онъ гость у друзей!
Онъ сохнетъ, онъ вянетъ отцвѣтшей душой,
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ,
И жизнь догораетъ во взорахъ—и вотъ,
Унылый, онъ рано въ могилу сошелъ.
Постигнули тайну кончины его.
И братья и други, по лѣтамъ забавъ,
Вздыхая, жалѣли о пылкомъ чтецѣ,
Что книгу онъ жизни такъ рано прочелъ!

---

*

Б. ГЛАСЪ (1827). (3).

Чей шопотъ въ душу прони-
каетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись!
«Година счастья наступаетъ,
Ужъ годы скорби пронеслись.
Уже грѣховъ истерлись цѣпи
И расклепались кандалы;
Одѣнутся дубравой степи
И жатвы взыдутъ на скалы.
Настанетъ новыхъ думъ поря-
докъ;
Свершится рядъ завѣтныхъ числъ;
И тайны вѣковыхъ загадокъ,
И прорицаній темныхъ смыслъ
Постигнутъ люди, — и мгновенно
Воспрянетъ всякъ, какъ пробуж-
денный
Отъ тяжкихъ воспаленныхъ сновъ.
Пройдетъ піянство шумной злобы,
И въ пяти-чувственные гробы
Войдетъ вторая жизнь—любовь!
Повѣетъ сладкое прощенье
Надъ осужденною землей;
И потечетъ благословенье
На широту земныхъ полей;
И люди встрѣтятся какъ братья
И—дѣти предъ лицемъ Отца—
Другъ другу кинутся въ объятья
И сложатъ въ длань его сердца».

В. КАРЕЛІЯ (1830). (4).

Рѣчи монаха (5).

Что вдругъ душа моя грустить
И пала въ думѣ боязливой,
Какъ птица робкая подъ нивой,
Когда орелъ надъ ней шумитъ?
Смутился умъ, прильпнулъ языкъ,
Невольно движутся колѣни....
Но Ты послышалъ сердца крикъ—
И свѣтъ Твой вспыхнулъ въ смерт-
ной сѣни.
Ты озарилъ меня лучемъ—
И я, во тьмѣ, увидѣлъ ясно:
Съ Тобой нѣтъ бѣдъ нигдѣ, ни
въ чемъ;
А безъ Тебя вездѣ опасно.

Такъ, есть таинственныя блага!
Ихъ взоръ не зритъ, не слышитъ
слухъ;
Млека и меда слаще, влага
Изъ высшихъ кладязей въ нашъ
духъ
Стезями тайными втекаетъ.
Но плоть груба: она не знаетъ
Сихъ невещественныхъ утѣхъ!
Какъ радостно нашъ духъ играетъ,
Когда къ нему нисходитъ миръ!
Тогда въ душѣ совсѣмъ иное, —
И что предъ тѣмъ инымъ земное?
И чувствій упоенныхъ пиръ,
И пылкіе порывы страсти,
И славы блескъ, и прелесть вла-
сти, —
Что ни сулитъ лукавый міръ....
И все ничто!... Хотя бъ я бездны
Вскрывалъ и словомъ закрывалъ;
Хотя бъ надсолнечныя звѣзды,
Какъ съ древъ плоды, рукой сры-
валъ:
Я не вкусилъ бы той отрады,
Которой жаждетъ такъ душа,
Когда, небесностью дыша,
Летитъ, паритъ въ святые грады.
Какой тамъ міръ?... Но чей языкъ
Неизглаголанность разскажетъ?
Мнѣ скудость слова мысли вяжетъ.
Вамъ слышенъ ли поющій ликъ?
Вамъ виденъ ли сей садъ чудес-
ный?
Понятна ль эта тишина?

Какой, безъ вечера, прелестной
Она зарей освѣщена?
И этотъ воздухъ ароматный,
Который нѣжитъ и сладитъ,
И кровь и страсти холодитъ?
Но нѣтъ! я вижу, необъятны
Для мертвыхъ буквъ, для тѣсныхъ словъ
Блаженство съ радостью незримой.
Но что уму непостижимо,
То можетъ разгадать любовь!

Надъ Кивачемъ, на выси дальной
Горитъ алмазная звѣзда:
Такъ и въ душѣ моей печальной
Звѣздится радость иногда.
Но скоро думъ докучныхъ тучи
Ложатся на минутный свѣтъ:
Вотъ подо мной песокъ зыбучій
И мнѣ въ земномъ опоры нѣтъ!
Подай, съ небесъ, Отецъ мнѣ руку,
Меня на скользкомъ укрѣпи;
Отвѣй, любви дыханьемъ, муку
И посвѣти въ глухой степи!
Я безъ пріюта, безъ вожатыхъ,
Въ потьмахъ, надъ бездной я стою!
Тутъ глубь, тамъ грома перекаты—
Я твой! храни главу мою!

Лѣсная ночь была темна,
Тѣней и ужасовъ полна,
Не смѣла выглянуть луна,
Какъ гробъ молчала глубина!
У нихъ въ рукахъ была страна:
Она во власть имъ отдана.
И вотъ съ арканомъ и ножемъ,
Въ краю, мнѣ страннику, чужемъ,
Ползя изгибистымъ ужемъ,
Мнѣ путь широкій залегли,
Меня, какъ птицу, стерегли...
Сердца ихъ злобою тряслись,
Глаза отвагою зажглись;
Ужъ сѣти цѣпкія плелись...
Въ пустынѣ движутся скалы;
Куютъ, при кликахъ, кандалы;
И ставятъ съ явствами столы,
Чтобъ пировать промежъ собой
Мою погибель, мой убой...
Я шагъ впередъ.... остановился,
Припалъ съ тоской къ землѣ сырой,
Какъ нищій, Богу помолился—
И страхъ съ души моей скатился
Огромной, черною горой.
Нашла моя молитва Бога,
Сошла къ молящему любовь—
И агнцу бѣдному прорѣзалась дорога
Сквозь стражу гладную волковъ!

Ужъ близокъ день, ужъ близокъ день
Твоей непотемнимой славы!
Пройдутъ какъ сонъ, пройдутъ какъ тѣнь
Земные, ветхіе уставы!
Увидимъ мы, узнаемъ мы,
Чего досель не знали,
Надъ чѣмъ ломалися умы,
Что дѣтскимъ сердцемъ постигали
Лишь нищіе умомъ. Пора!
Что быть имѣло—все сбылося,
И все протекшее слилося
Въ одно туманное вчера.

[1]) Глинка, Өедоръ Николаевичъ, родной братъ Сергѣя Николаевича, род. 1788 г. Воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ офицеромъ (1803 г.). Въ 1805—1806 г. г. находился въ походѣ противъ французовъ, состоя адъютан-

томъ при генералѣ Милорадовичѣ. Событія этой войны описаны имъ въ «Письмахъ русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи». По окончаніи кампаніи, Глинка вышелъ въ отставку и удалился въ свою деревню (смоленской губ.), гдѣ оставался цѣлыхъ шесть лѣтъ, занимаясь науками и литературой. Необходимость упражнять умъ чтеніемъ и мышленіемъ для полезной дѣятельности въ жизни часто указывается Глинкою, и онъ любилъ вспоминать слова Сципіона: «я всего менѣе уединенъ, когда остаюсь въ совершенномъ уединеніи». Въ 1810 и 1811 г. онъ объѣхалъ нѣкоторыя мѣста губерній смоленской и тверской и посѣтилъ Кіевъ. Замѣчанія, мысли и разсужденія по поводу этой поѣздки вошли въ «Письма русскаго офицера» (изд. 1815—1816). Въ 1812 г., съ приближеніемъ непріятеля къ его деревнѣ, Глинка слѣдовалъ за арміей отъ Смоленска до Тарутина: здѣсь онъ снова поступилъ на службу и былъ адъютантомъ Милорадовича до конца кампаніи (1814 г.). Письма его о событіяхъ отечественной и заграничной войны составляютъ 6 томовъ. Въ 1815 г. переведенъ въ гвардію и находился при начальникѣ гвардейскаго штаба, генералъ - адъютантѣ Сипягинѣ. Въ домѣ штаба положено было основаніе библіотеки (1816), гдѣ офицеры могли свободно заниматься чтеніемъ отборныхъ и полезныхъ книгъ; вмѣстѣ съ библіотекой составилось, подъ Высочайшимъ покровительствомъ, «Общество военныхъ людей», которое положило издавать «Военный журналъ» и издавало его въ теченіе трехъ лѣтъ (1817—1819). Глинка принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ этого общества. Онъ написалъ «Краткое начертаніе (программу) Военнаго журнала»; помѣщалъ въ немъ многія прозаическія статьи; въ 1817 г., въ торжественномъ собраніи «Общества», читалъ «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ». Съ 1818 г. Глинка состоялъ при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ Милорадовичѣ, бывшемъ командирѣ гвардейскаго корпуса, и занялъ впослѣдствіи должность правителя канцеляріи. Въ томъ же 1818 г., Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія, учрежденное 1816 г. и называвшееся потомъ «Вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности», основало журналъ, подъ названіемъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» (1817—1825). Доходы съ журнала назначались на пособіе тѣмъ лицамъ, которые, занимаясь науками и художествами, требуютъ подпоры и призрѣнія, равно ихъ вдовамъ и сиротамъ. Глинка былъ выбранъ въ вице-предсѣдатели общества, а потомъ и въ предсѣдатели. Многія его сочиненія помѣщались въ Соревнователѣ и другихъ журналахъ. Съ 1826 года онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ олонецкой губерніи, гдѣ сочинилъ описательную поэму «Карелія».

Сочиненія и переводы:

Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ, въ 1805 и 1806 годахъ. 2 ч. (М. 1808).

Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ въ 1805 и 1806 г., также отечественной и заграничной войны съ 1812 по 1815 г., съ присовокупленіемъ замѣчаній, мыслей и разсужденій во время поѣздки въ нѣкоторыя отечественныя губерніи. 8 частей (М. 1815—1816).

Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ, или краткія жизнеописанія славныхъ женъ, съ объяснительными уроками о ихъ дѣяніяхъ и твореніяхъ, пер. съ фр. 4 ч. (М. 1816).

Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ, по случаю новаго изданія книги: «Опытъ теоріи налоговъ» (Н. Тургенева). Спб. 1819.

Опыты священной поэзіи (Спб. 1826).

Опыты аллегорій (Спб. 1826).

Карелія или заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой. Описательное стихотвореніе (Спб. 1830).

Очерки Бородинскаго сраженія (воспоминанія о 1812 г.). 2 ч. М. 1839.

[2]) Опыты аллегорій.

[3]) Изъ псалма 50-го, ст. 10: «Слуху моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя».

[4]) «Карелія» (см. списокъ сочиненій).

Марѳа Іоанновна Романова, мать Михаила Ѳеодоровича, заточена была, по волѣ Бориса Годунова, на Выгоозерѣ, въ Обонежской пятинѣ (принадлежавшей Новгороду), въ Егорьевскомъ погостѣ, близь Толвуи и Чолмузи. Содержаніе разсказа изложено, во введеніи, самимъ авторомъ:

Знаменитая затворница обращаетъ на себя вниманіе окрестныхъ поселянъ. Одинъ изъ нихъ проникаетъ въ ея уединеніе. Добрый крестьянинъ (Никаноръ), стараясь разсѣять тоску одиночества заключенной, предлагаетъ ввести къ ней монаха для собесѣдованія. Монахъ разсказываетъ ей свою жизнь. Между тѣмъ Никаноръ отправляется въ Русь съ тайнымъ посланіемъ. Монахъ въ теремѣ, гдѣ жила Марѳа, является въ другой разъ, доканчиваетъ разсказъ, заключая его духовною аллегоріею, и удаляется надолго. Въ теремъ, гдѣ жила Марѳа, приходитъ Маша, дочь Никанора, и разсказываетъ ей карельскія сказки. Монахъ является въ третій разъ. Изъ рѣчей и поступковъ его видно, что онъ проходилъ то состояніе души, въ которомъ бореніе внутренняго со внѣшнимъ, ветхаго съ новымъ означается рѣзкими чертами. Послѣ этого третьяго появленія, онъ опять уходитъ въ свои лѣса. Спустя три дня возвращается и Никаноръ. Привезенный отвѣтъ рѣшаетъ судьбу матери Михаила: ея заточеніе оканчивается.

[5]) Эти рѣчи—слѣдствіе «духовнаго боя», выдержаннаго отшельникомъ въ пустынѣ. Авторъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Въ рѣчахъ отшельника, несвязныхъ, отрывистыхъ, виденъ лиризмъ: иначе и быть не можетъ; ибо вдохновеніе его (слѣдствіе развитія духовной жизни)—непритворное. Кромѣ дикой пустыни и внутренней распри, самое размышленіе о тогдашнемъ настоящемъ могло привести отшельника въ нѣкоторую тоскливую тревогу за человѣчество. Раскрывая Исторію Карамзина, подъ годами 1601—1605 (т. XI), мы встрѣчаемъ рѣзкія черты въ мрачной картинѣ того времени».

XXXVI.

ГРИБОѢДОВЪ.

ГОРЕ ОТЪ УМА (1822—23).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 7.

Софья, Лиза и Чацкій.

Чацкій. Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну, поцѣлуйте-же. Не ждали? Говорите:
Чтожъ, рады? Нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите:
Удивлены—и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ

Мы мочи-нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря...
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!
Софья. Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!
Чацкій. Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей зноби,
Я только тѣшилъ самъ себя.
Лиза. Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями:
Ей Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.
Софья. Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека:
Кто промелкнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изчужа, издалека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ.
Чацкій. Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, изчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?...
Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы, въ темномъ уголкѣ, и кажется что въ этомъ?
Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь.
Софья. Ребячество!
Чацкій. Да-съ, а теперь—
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно;
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ.
Безъ думы, полноте смущаться...
Софья. Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ.
Чацкій. Помилуйте, не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.
Софья. Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ?
Гдѣ жъ лучше?
Чацкій. Гдѣ насъ нѣтъ!

Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ—какъ его—онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ...
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: «театръ и маскарадъ»;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротишься домой—
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья. Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій. А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ.
Что, нынче такъ-же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ... помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще?

Софья. На комъ?

Чацкій. Хоть на какой нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ,

Софья. Танцмейстеръ? Можно-ли!
Чацкій. Чтожъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ;
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на балахъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?
Софья. Смѣсь языковъ?
Чацкій. Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.
Лиза. Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!
Чацкій. По крайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе?—Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: «пожалуйте списать!»
А впрочемъ онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.
Софья (*въ сторону*). Не человѣкъ—змѣя! (*громко*) Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою добро о комъ нибудь сказали—
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?
Чацкій. Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю,—
Лице святѣйшей богомолки!..
А все таки я васъ безъ памяти люблю. (*Минутное молчаніе*).
Послушайте, уже-ль слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.
Софья. Да, хорошо, сгорите... если-жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ. Вотъ и другой!
Софья. Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! (*Уходитъ съ Лизой*).
Фамусовъ (*Ей въ слѣдъ, вполголоса*). Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Фамусовъ и Чацкій (смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла).

Фамусовъ. Ну, выкинулъ ты штуку!

Три года не писалъ двухъ словъ
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ (*обнимаются*).
Здорово, другъ; здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй (*садятся*).

Чацкій. Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ. Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

Чацкій. Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ. «Сонъ въ руку?» — мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій. Я? ничуть.

Фамусовъ. О комъ ей снилось? Что такое?

Чацкій. Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ. Не вѣрь ей: все пустое.

Чацкій. Я вѣрю собственнымъ глазамъ:
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно.

Фамусовъ. Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался сколько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій. Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли (*Встаетъ поспѣшно*).
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду.
Вамъ первымъ: вы потомъ разсказывайте всюду.
(*Въ дверяхъ*) Какъ хороша! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Фамусовъ (одинъ).

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ, какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь... да въ полымя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ.
Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!
(*уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ. Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, смотри, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же. На листѣ черкни на записномъ,

Противу будущей недѣли:
«Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели».
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день.... нѣтъ, нѣтъ...
«Въ четвергъ я званъ на погребенье».
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть!
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, — и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
«Максимъ Петровичъ! миръ ему!»
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
«Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить.»
Она не родила, но, по расчету
По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Фамусовъ, Слуга и Чацкій.

Фамусовъ. А, Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.
Чацкій. Вы заняты?
Фамусовъ (*слугѣ*). Поди (*слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.
Чацкій. Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.
Фамусовъ. Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.
Чацкій. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?
Фамусовъ. Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?

Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?

Чацкій. А вамъ на что?

Фамусовъ. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ. Сказалъ бы я, во первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка послужи.

Чацкій. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

Фамусовъ. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ...
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе.
А дядя — что твой князь, что графъ!
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хриплой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—
Изволили смѣяться... Что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... Да!... Вы, нынѣшніе—нутка!

Чацкій. И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,

Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда — тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха—
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!
Фамусовъ. Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!
Чацкій. Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.
Фамусовъ. Опасный человѣкъ!
Чацкій. Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.
Фамусовъ. Что говоритъ! — и говоритъ какъ пишетъ.
Чацкій. У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...
Фамусовъ. Онъ вольность хочетъ проповѣдать!
Чацкій. Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...
Фамусовъ. Да онъ властей не признаетъ!
Чацкій. Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...
Фамусовъ. Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!
Чацкій. Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...
Фамусовъ. Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!
Чацкій. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.
Фамусовъ. И знать васъ не хочу: разврата не терплю!
Чацкій. Я досказалъ.
Фамусовъ. Добро, заткнулъ я уши.
Чацкій. На что жъ? Я ихъ не оскорблю.
Фамусовъ (*скороговоркою*).
Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!
Чацкій. Я пересталъ...
Фамусовъ. Пожалуй, пощади!
Чацкій. Длить споры не мое желанье...

Фамусовъ. Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣже и Слуга.

Слуга. Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ (*ничего не видитъ и не слышитъ*). Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.

Чацкій. Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ. Не слушаю: подъ судъ!

Чацкій. Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

Фамусовъ. Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!

Чацкій. Да обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ (*оборачивается*).
А? бунтъ! Ну, такъ и жду содома!...

Слуга. Полковникъ Скалозубъ.
Прикажете принять?

Фамусовъ (*встаетъ*). Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! (*слуга уходитъ*).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ— власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину?...
А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину (*поспѣшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій (одинъ).

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?... нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ

Прошу покорно—здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ;
Отдушничекъ отворимъ поскорѣе...
Скалозубъ (*басомъ*). За чѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?... Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.
Фамусовъ. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.
Скалозубъ. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(*Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль*).
Фамусовъ. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настастья Николавна?
Скалозубъ. Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.
Скалозубъ. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.
Фамусовъ. Да, счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?
Скалозубъ. За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.
Фамусовъ. Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!
Скалозубъ. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.
Фамусовъ. Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.
Скалозубъ. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Ваканціи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.
Фамусовъ. Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ, въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

Скалозубъ. Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ. Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ. И славно судите; дай Богъ здоровья вамъ,
И генеральскій чинъ,—а тамъ
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ....

Скалозубъ. Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ. Чтожъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?

Скалозубъ. Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ: у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохонькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,—
Пускай себѣ разумникомъ слыви,—
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно!... возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь:
На юношей, сынковъ и внучатъ;
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и.... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнія, — вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,—
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно. Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,—
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!
Скалозубъ. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Фамусовъ. Не поминайте намъ! ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все—на новый ладъ.
Чацкій. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Фамусовъ (*Чацкому*). Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать,—не велика услуга. (*Скалозубу*).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...
Чацкій. Нельзя-ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ?

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.
Фамусовъ. Не я одинъ—всѣ такъ-же осуждаютъ.
Чацкій. А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма;
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ-ли, что грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитятею возили на поклонъ,—
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
Онъ вымѣнялъ на нихъ борзыя три собаки!
Или вотъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ,
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
Мундиръ! одинъ мундиръ!... Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ—расшитый и красивый—

Ихъ слабодушіе, разсудка нищету…
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть.
Но кто-бъ тогда за всѣми не увлекся
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины—ура!
И въ воздухъ чепчики бросали.

Ф а м у с о в ъ (*про себя*). Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
(*Громко*) Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Скалозубъ и Чацкій.

С к а л о з у б ъ. Мнѣ нравится: при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.
Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ.
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ 3.

Чацкій и Молчалинъ.

Ч а ц к і й. Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ,
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?

М о л ч а л и н ъ. По прежнему-съ.

Ч а ц к і й. А прежде какъ живали?

М о л ч а л и н ъ. День за-день, нынче какъ вчера.

Ч а ц к і й. Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

М о л ч а л и н ъ. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Ч а ц к і й. Взманили почести и знатность?

М о л ч а л и н ъ. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ.

Ч а ц к і й. У васъ?

М о л ч а л и н ъ. Два-съ.
Умѣренность и акуратность.

Ч а ц к і й. Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

М о л ч а л и н ъ. Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

Ч а ц к і й. Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

М о л ч а л и н ъ. Какъ удивлялись мы…

Ч а ц к і й. Какое жъ диво тутъ?

М о л ч а л и н ъ. Жалѣли васъ.

Ч а ц к і й. Напрасный трудъ.

М о л ч а л и н ъ. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,

Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Чацкій. Ей почему забота?
Молчалинъ. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Чацкій. Я съ нею незнакомъ.
Молчалинъ. Съ Татьяной Юрьевной?
Чацкій. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...
Молчалинъ. Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!... извѣстная... притомъ
Чиновные и должностные—
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...
Чацкій. На что-же?
Молчалинъ. Такъ... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.
Чацкій. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
Молчалинъ. Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить.
Чацкій. Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ, — я не изъ ихъ числа.
Молчалинъ. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?
Чацкій. Ну что жъ?
Молчалинъ. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.
Чацкій. Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!
Молчалинъ. Какъ можно!
Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?
Чацкій. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
Молчалинъ. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...
Чацкій. И по всему замѣтно.
Молчалинъ. Не смѣю моего сужденья произнесть...
Чацкій. За чѣмъ же такъ секретно?
Молчалинъ. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Чацкій. Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?
Молчалинъ. Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.
Чацкій. Зачѣмъ же надобно?
Молчалинъ. Въ чинахъ мы небольшихъ.
Чацкій (*почти громко*). Съ такими чувствами, съ такой душою
Любимъ!... Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ двери въ спальню къ Софьѣ. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй, Филька! Ѳомка! ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетки и свѣчей.
(*Стучится къ Софьѣ въ дверь*).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ; и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета. (*Расходятся; остается одинъ Чацкій*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Чацкій, Наталья Дмитріевна.

Наталья Дмитріевна. Не ошибаюсь-ли?... онъ точно по лицу!
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы-ли?
Чацкій. Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы —
Неужто тамъ меня три года измѣнили?
Наталья Дмитріевна. Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно-ли?
Чацкій. Нынче лишь...
Наталья Дмитріевна. Надолго?
Чацкій. Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ,
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.
Наталья Дмитріевна. Я замужемъ.
Чацкій. Давно бы вы сказали.
Наталья Дмитріевна. Мой мужъ — прелестный мужъ; вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?
Чацкій. Прошу.
Наталья Дмитріевна. И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.
Чацкій. Явѣрю: онъ вамъ мужъ.
Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ-съ! не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Чацкій, Наталья Дмитріевна и Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна. Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!
Чацкій. Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы. Вотъ судьба!
Платонъ Михайловичъ. Здорово, Чацкій, братъ!
Чацкій. Платонъ любезный, славно!

Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ. Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

Чацкій. Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ. Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій. Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Платонъ Михайловичъ. Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.

Чацкій. Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій. А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ! эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій. Здоровьемъ слабъ? Давно-ли?

Наталья Дмитріевна. Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій. Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна. Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій. Москву и городъ!... ты чудакъ,
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ. Да, братъ, теперь не такъ!...

Наталья Дмитріевна. Ахъ, мой дружочекъ,
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Послушайся разочекъ,
Мой милый, застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ (*равнодушно*). Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна. Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Платонъ Михайловичъ. Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна. Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ (*поднимая глаза къ небу*). Ахъ, матушка!

Чацкій. Ну, Богъ тебя суди:
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро — ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;

Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ (*вздыхаетъ*). Эхъ, братецъ! славное тогда житье-то было!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣ-же, князь Тугоуховскій и княгиня, съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна (*тоненькимъ голоскомъ*).
Князь Петръ Ильичъ, Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими! (*Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ*).

1-я княжна. Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна. Какія складочки!

1-я княжна. Обшито фалбарой.

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна. Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна. Ахъ, да, барежевый!

5-я княжна. Ахъ, прелесть!

6-я княжна. Ахъ, какъ милъ!

Княгиня. Тсъ! Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

Наталья Дмитріевна. Пріѣзжій, Чацкій.

Княгиня. От-став-ной?

Наталья Дмитріевна. Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня. И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна. Да, не женатъ.

Княгиня. Князь, князь! сюда, живѣе!

Князь (*обращаетъ къ ней слуховую трубу*). О, хмъ!

Княгиня. Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго: вонъ онъ.

Князь. И — хмъ! (*Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ*).

Княгиня. Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ.
Танцовщики ужасно стали рѣдки!...
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна. Нѣтъ.

Княгиня. Богатъ?

Наталья Дмитріевна. О, нѣтъ!

Княгиня (*громко, что есть мочи*). Князь! князь! назадъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Тѣже и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка. Ахъ, grand'maman! ну кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя. (*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня. Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ?
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

Графиня внучка (*вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ*).
Мсье Чацкій, вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе?

Чацкій. На что мѣняться мнѣ?

Графиня внучка. Вернулись холостые?

Чацкій. На комъ жениться мнѣ!

Графиня внучка. Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій. Несчастные! должны упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣже и множество другихъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья выходитъ изъ своей комнаты. Всѣ къ ней на встрѣчу.

Наталья Дмитріевна. Eh, bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!
Vous nous dônnez toujours le plaisir de l'attente!

Загорѣцкій (*Софьѣ*). На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья. Нѣтъ.

Загорѣцкій. Позвольте вамъ вручить. Напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то
Куда я ни кидался?
Въ контору—все взято;
Къ директору — онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей, въ шестомъ часу: и кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ!
Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного—старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ:
Пусть дома проситъ въ покоѣ.

Софья. Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье-вдвое.
(*Являются еще кое-какіе, Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ*).

Загорѣцкій. Платонъ Михайлычъ!

Платонъ Михайловичъ. Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь;
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ (*Чацкому*), рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Загорѣцкій. Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

Чацкій. И оскорбляться вамъ смѣшно-бы.
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ. Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ

Вездѣ, а всюду принимаютъ. (*Загорѣцкій мѣшается въ толпу*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже и Хлестова.

Хлестова. Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница!... Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арабку-дѣвку да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (*садятся*).
Ну, Софьюшка, мой другъ.
Какая у меня арабка для услугъ!
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! Въ дѣвичьей она;
Позвать-ли?

Софья. Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова. Представь: ихъ какъ звѣрей вывозятъ напоказъ.
Я слышала.... тамъ.... городъ есть турецкій...
А знаешь-ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій
(*Онъ выставляется впередъ*).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ
(*Загорѣцкій изчезаетъ*).
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій (*съ хохотомъ Платону Михайловичу*).
Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ: пропалъ.

Хлестова. Кто этотъ весельчакъ? изъ званія какого?

Софья. Вотъ этотъ? Чацкій.

Хлестова. Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ?, какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала;
Я за уши его драла—только мало!

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣже и Фамусовъ.

Фамусовъ (*громогласно*). Ждемъ князь Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова. Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣже и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!

А мы васъ ждали, ждали, ждали!
(*Подводитъ къ Хлестовой*).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова (*сидя*). Вы прежде были здѣсь... въ полку.... въ томъ.... гренадерскомъ?

Скалозубъ (*басомъ*). Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянскомъ мушкатерскомъ?

Хлестова. Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ. А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ. Пойдемте, батюшка; тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!
(*Уводитъ съ собою Скалозуба и князя*).

Хлестова (*Софьѣ*). Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли.
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ саженъ удалецъ!
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли!

Молчалинъ (*подаетъ ей руку*).
Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлестова. Спасибо, мой дружокъ (*встаетъ*).

Молчалинъ. Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ! не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка!

Хлестова. Спасибо, мой родной! (*Уходитъ; за нею Молчалинъ и многіе другіе*).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе сцены расходятся.

Чацкій. Ну, тучу разогналъ...

Софья. Нельзя-ль не продолжать?

Чацкій. Чѣмъ я васъ напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

Софья. А кончили-бы злостью.

Чацкій. Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ....
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли—да! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14.

Софья, потомъ г. N.

Софья (*про себя*). Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства.
Унизить радъ, кольнуть: завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N. (*подходитъ*). Вы въ размышленьи?

Софья. Объ Чацкомъ.

Г. N. Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья. Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. N. Ужель съ ума сошелъ?

Софья (*помолчавъ*). Не то, чтобы совсѣмъ....

Г. N. Однако есть примѣты?

Софья (*смотритъ на него пристально*). Мнѣ кажется.

Г. N. Какъ можно, въ эти лѣта!

Софья. Какъ быть! (*въ сторону*). Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Вы никого не любите щадить,
Угодно-ль на себя примѣрить? (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15.

Г. N., потомъ г. D.

Г. N. Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ на!
Недаромъ, стало быть.... съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?

Г. D. Что?

Г. N. Объ Чацкомъ.

Г. D. Что такое?

Г. N. Съ ума сошелъ!

Г. D. Пустое.

Г. N. Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D. А ты разславить это радъ?

Г. N. Пойду, освѣдомлюсь: чай кто нибудь да знаетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

Г. D. Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій. Ну?

Г. D. Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій. А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ.
Его въ безумные упряталъ дядя-плутъ;
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. D. Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!

Загорѣцкій. Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили.

Г. D. Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17.

Загорѣцкій, потомъ Графиня-внучка.

Загорѣцкій. Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Графиня внучка. Объ комъ?

Загорѣцкій. Объ Чацкомъ... онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Графиня внучка. Знаю.
Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій. Такъ я васъ поздравляю.
Онъ сумасшедшій....

Графиня внучка. Что?...

Загорѣцкій. Да, онъ сошелъ съ ума.

Графиня внучка. Представьте! я замѣтила сама;
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНІЕ 18.

Тѣже и Графиня бабушка.

Графиня-внучка. Ахъ, grand' maman! Вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!
Графиня бабушка. Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче...
Графиня внучка. Время нѣтъ?
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19.

Загорѣцкій и Графиня бабушка.

Графиня бабушка. Что? что? Ужъ нѣтъ-ли здѣсь пожара?
Загорѣцкій. Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.
Графиня бабушка. Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?
Загорѣцкій. Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.
Графиня бабушка. Что? къ фармазонамъ въ клобъ
Пошелъ онъ? въ басурманы?
Загорѣцкій. Ее невразумишь! (*Уходитъ*).
Графиня бабушка. Антонъ Антонычъ! Ахъ,
И онъ бѣжитъ! всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій.

Графиня бабушка. Князь! князь! Охъ, этотъ князь!—по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?
Князь. А? хмъ!
Графиня бабушка. Онъ ничего не слышитъ!
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?
Князь. Э? хмъ!
Графиня бабушка. Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?
Князь. И? хмъ?
Графиня бабушка. Тесакъ ему да ранецъ!
Въ солдаты!—шутка-ли? перемѣнилъ законъ!
Князь. У? хмъ?
Графиня бабушка. Да!... въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! Достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНІЕ 21.

Тѣже и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова. Съ ума сошелъ! прошу покорно!
Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?
Платонъ Михайловичъ. Кто первый разгласилъ?
Наталья Дмитріевна. Ахъ, другъ мой, всѣ!
Платонъ Михайловичъ. Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.
Фамусовъ (*входитъ*). О комъ? о Чацкомъ, что-ли?

Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй о властяхъ,—и невѣсть что наскажетъ?
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть передъ какимъ ни есть лицомъ—
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...

Хлестова. Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я, — онъ началъ хохотать.

Молчалинъ. Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня внучка. Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна. А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

Загорѣцкій. Безумный по всему!

Графиня внучка. Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ. По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова. На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня. О, вѣрно!

Графиня внучка. Безъ сомнѣнья!

Хлестова. Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна. Бутылками-съ, и пребольшими!

Загорѣцкій (*съ жаромъ*). Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ. Ну, вотъ, великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума! ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній....

Хлестова. И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ.... какъ бишь ихъ?
Да-отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня. Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе...да...го...ническій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился мой родня —
И вышелъ! хоть сей часъ въ аптеку, въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ, и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Өедоръ, мой племянникъ.

Скалозубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій.
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два,—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій,

Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,—
Собрать всѣ книги бы, да сжечь.

Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,
Такъ все равно — отъ книгъ ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ, право, жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ;
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ. Четыре.

Хлестова. Три, сударь!

Фамусовъ. Четыреста!

Хлестова. Нѣтъ, триста.

Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ...

Хлестова. Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ. Какъ разъ четыреста! Охъ, споритъ голосиста!

Хлестова. Нѣтъ, триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ. Четыреста, прошу понять.

Хлестова. Нѣтъ: триста! триста! триста!

ЯВЛЕНІЕ 22.

Тѣ же и Чацкій.

Наталья Дмитріевна. Вотъ онъ!

Графиня внучка. Штъ!

Всѣ. Штъ! (*Пятятся отъ него въ противную сторону*).

Хлестова. Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ, потребуетъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ. О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! (*Опасливо*).
Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ, — ты нездоровъ.

Чацкій. Да, мочи нѣтъ! мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ! (*Подходитъ къ Софьѣ*).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой!
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой!

Хлестова. Москва вишь виновата!

Фамусовъ. Подальше отъ него! (*Дѣлаетъ знаки Софьѣ*). Г-мъ! Софья! Не глядитъ!

Софья (*Чацкому*). Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій. Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто-бы въ отечествѣ, съ друзьями, —
Своя провинція! Посмотришь — вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой-же толкъ у дамъ, такіе же наряды:
Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ:
«Ахъ, Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны—сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ, иль примѣромъ,
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.
Пускай меня объявятъ старовѣромъ, —
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во-стократъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду — на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
«Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ,—странно что-то!
Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...
Вообразите: тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ужасно!...»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною, — онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи—то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,

И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять, —
Глядь…
(*Оглядывается: всѣ вальсируютъ, старики усѣлись за карты*).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Ночь.

У Фамусова въ домѣ; парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа, выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на томъ же планѣ, комната Молчалина. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Графиня бабушка и внучка.

ЛАКЕЙ. Графини Хрюминой карета!
ГРАФИНЯ ВНУЧКА (*пока ее укутываютъ*).
Ну, балъ! ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей созвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать!
ГРАФИНЯ БАБУШКА. Поѣдемъ, матушка, мнѣ право не подъ силу.
Когда нибудь я съ бала да въ могилу. (*Обѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Горичевы. Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!
НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА. Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душенька! что смотришь такъ уныло?
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?
ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ. Наташа, матушка, дремлю на балахъ я:
До нихъ смертельный неохотникъ;
А не противлюсь: твой работникъ!
Дежурю за полночь; подъ часъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.
НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА. Ты притворяешься, и очень неискусно:
Охота смертная—прослыть за старика. (*Уходитъ съ лакеемъ*).
ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (*хладнокровно*). Балъ вещь хорошая, неволя-то горька!
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано жъ иному на роду…
ЛАКЕЙ (*съ крыльца*). Въ каретѣ барыня-съ и гнѣваться изволитъ.
ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ. Иду, иду! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Чацкій и его лакей впереди.

ЧАЦКІЙ. Кричи, чтобы скорѣе подавали! (*Лакей уходитъ*).
Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли.
Чего я ждалъ, что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись…Пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя празднo,

Все что-то видно впереди:
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху — ночлегъ; куда ни взглянешь —
Все таже степь и гладь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь! (*Лакей возвращается*).
Готово?....

Лакей. Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій. Пошелъ, ищи: не ночевать же тутъ. (*Лакей уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чацкій и Репетиловъ.

Репетиловъ (*вбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется*).
Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза. Откудова, пріятель?
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу....
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ, —
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть.
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго—ей, ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь...,

Чацкій. Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ. Не любишь ты меня! естественное дѣло!
Съ другими—я и такъ, и сякъ;
Съ тобою—говорю не смѣло;
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!....

Чацкій. Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ. Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

Чацкій. Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ. Что, братецъ, балъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій. А ты читалъ?—задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ. Зови меня вандаломъ —
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;

Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по девяти;
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....

Чацкій. Послушай: ври, да знай же мѣру!
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Репетиловъ. Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ....

Чацкій. Вотъ нынче, напримѣръ?

Репетиловъ. Что ночь одна—не въ счетъ!
За то спроси, гдѣ былъ.

Чацкій. И самъ я догадаюсь:
Чай въ клубѣ?

Репетиловъ. Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста молчи,—я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

Чацкій. Ахъ, братецъ, я боюсь.
Какъ, въ клубѣ?

Репетиловъ. Именно.

Чацкій. Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ. Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ... ну, объ матерьяхъ важныхъ,—
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ахъ, Александръ, у насъ тебя недоставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ, — мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми!—Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!

Чацкій. Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь?... Домой — я спать хочу.

Репетиловъ. Э, брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... у насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ.

Чацкій. Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?
Ужъ вѣрно изъ какихъ нибудь да пустяковъ.

Репетиловъ. Шумимъ, братецъ, шумимъ!....

Чацкій. Шумите вы—и только?

*

Репетиловъ. Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ.
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ — князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху морить!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка:
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ.
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла-шьяръ ми, но-но-но!»
Еще у насъ два брата,
Леонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь, что сказать.
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ бишь «нѣчто?» — Обо всемъ,
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ;
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ.
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!...
Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ.
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними; я, конечно, зауряд—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ —
подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И вшестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся! а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру—простятъ....

Лакей (*у подъѣзда*). Карета Скалозуба!

Репетиловъ. Чья?

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣже и Скалозубъ (*спускается съ лѣстницы*).

Репетиловъ. А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!... (*Душитъ его въ объятіяхъ*).

Чацкій. Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? (*Входитъ въ швейцарскую*).

Репетиловъ. Слухъ о тебѣ давно затихъ:
Сказали, что ты въ полкъ отправился, на службу.
Знакомы вы? (*ищетъ глазами Чацкаго*). Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды. — Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма:
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во первыхъ—напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ—такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ. Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикните—такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ. Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы влѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.
По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ на-прямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси;
Онъ на Фонтанкѣ жилъ,—я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный—сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его;
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ—ничего!
Тесть нѣмецъ,—а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми! да легче ль мнѣ?
Секретари его — все хамы, всѣ продажны
Людишки, пишущая тварь,
Всѣ вышли въ знать, всѣ ныньче важны:
Гляди-ка въ «Адресъ-календарь»...
Тьфу! служба и чины, кресты— душѣ мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,

Что радикальныя потребны тутъ лекарства:
Желудокъ больше не варитъ.
Повѣрь, мой другъ, что скоро
Пойдетъ и наше дѣло споро.
Куда ни поглядимъ...
(*Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ*).
Пустое всѣ чины!... Найдемъ чего хотимъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Репетиловъ и Загорѣцкій.

Загорѣцкій. Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ:
Я неудачи самъ встрѣчалъ,
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!
Репетиловъ (*съ досадою*). Всѣ врозь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ, — гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ изчезъ; потомъ и Скалозубъ...
Загорѣцкій. Какъ думаете вы объ Чацкомъ?
Репетиловъ. Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣже вкусы.
Загорѣцкій. А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?
Репетиловъ. Какая чепуха!
Загорѣцкій. Объ немъ всѣ этой вѣры.
Репетиловъ. Вранье!
Загорѣцкій. Спросите всѣхъ.
Репетиловъ. Химеры!
Загорѣцкій. А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.
Репетиловъ. Дичь!

ЯВЛЕНІЕ 7.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь Тугоуховскій, княгиня съ шестью дочерьми; немного погодя, Хлестова спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій. Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?
1 княжна. Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?
2 княжна. Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!
3 княжна. Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы...
4 княжна. Ахъ, вѣсти старыя! кому онѣ ужъ новы?
5 княжна. Кто сомнѣвается?
Загорѣцкій. Да вотъ не вѣритъ!
6 княжна. Вы?
Всѣ вмѣстѣ. М-сье Репетиловъ! Вы? М-сье Репетиловъ! что вы?
Да какъ вы? Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!
Репетиловъ (*затыкая уши*).
Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня. Еще не гласно бы! съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ —
Вашъ Чацкій! Ѣдемте! Князь, ты вести бы могъ
Катишь или Зизи; мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова (*съ лѣстницы*). Княгиня, карточный должокъ?

Княгиня. За мною, матушка!

Всѣ другъ другу. Прощайте! (*Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Репетиловъ, Хлестова и Молчалинъ.

Репетиловъ. Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ,
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

Хлестова. Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полечатъ—вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ во-время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы: поди, Господь съ тобой. (*Молчалинъ уходитъ къ себѣ*).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься! (*Уѣзжаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Репетиловъ (*съ своимъ лакеемъ*).

Репетиловъ. Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь. (*Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

Чацкій (*выходитъ изъ швейцарской*). Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе—будто сострадаютъ!
О, еслибъ кто въ людей проникъ!
Что хуже въ нихъ: душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ;
Старухи въ-мигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!

[1]) Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ (1795—1829), получилъ первоначальное воспитаніе въ Москвѣ, въ домѣ родителей, которые ревностно заботились о томъ, чтобы дать своему сыну основательное образованіе. Потомъ (1810) поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, откуда, по экзамену, выпущенъ кандидатомъ правъ. Развитію его способностей наиболѣе способствовалъ профессоръ естественнаго права и теоріи изящныхъ искусствъ, Буле. При разнообразныхъ свѣдѣніяхъ, какими

не могли похвалиться многіе литераторы того времени, Грибоѣдовъ зналъ нѣсколько языковъ. Собственная его записка, относящаяся къ позднѣйшему времени (1820), показываетъ, что, кромѣ русскаго и славянскаго, ему были извѣстны франц., нѣм. и англ. языки. Изъ искусствъ онъ страстно любилъ музыку и отлично игралъ на фортепьяно. Въ 1812 г., Грибоѣдовъ вступилъ корнетомъ въ московскій гусарскій полкъ, сформированный гр. Салтыковымъ. По смерти графа и по распущеніи его полка, перешелъ въ иркутскій гусарскій полкъ. Эскадронъ, въ который онъ поступилъ, находился тогда въ Литвѣ, въ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ генерала Кологривова. Главная корпусная квартира была въ Брестѣ-Литовскомъ. Отсюда Грибоѣдовъ послалъ къ издателю Вѣстника Европы (Влад. Измайлову) описаніе праздника, даннаго офицерами Кологривову, по случаю полученія послѣднимъ ордена св. Владиміра первой степени (1814). Въ томъ же году онъ написалъ статью: «о кавалерійскихъ резервахъ». Ни родъ службы, ни мѣсто, ни обстоятельства не могли удовлетворить Грибоѣдова, стремившагося къ умственнымъ занятіямъ и соотвѣтственной его дарованіямъ дѣятельности. Онъ былъ крайне недоволенъ своимъ положеніемъ и сообществомъ, и съ горечью вспоминалъ о Брестъ - Литовскомъ житьѣ-бытьѣ, которое истрачивалось на пустое и вредное разсѣяніе. «Я въ этой дружинѣ всего пробылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный», писалъ онъ въ 1817 г. Дружба, говоритъ одинъ изъ его біографовъ (Булгаринъ), спасла его отъ сѣтей, въ которыя часто попадаютъ пылкіе и благородные, но неопытные юноши, въ началѣ свѣтскаго поприща. Грибоѣдовъ познакомился и подружился съ Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ при Кологривовѣ, и нашелъ въ немъ не только преданнаго друга, но и благодѣтельнаго ментора. Нравственное вліяніе Бѣгичева было дѣйствительно велико, судя по собственнымъ признаніямъ Грибоѣдова, который часто упоминаетъ объ этомъ въ своихъ письмахъ. «Ты, мой другъ, поселилъ въ меня или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и—ей Богу—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь несравненно лучше, добрѣе».... «Я привыкъ тебя уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца... Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ моего почитателя». При обязанностяхъ службы, въ удаленіи отъ столицъ, Грибоѣдовъ не имѣлъ возможности ни продолжать своего образованія, важность котораго для службы отечеству онъ сознавалъ вполнѣ, ни слѣдить за успѣхами русской литературы, которую горячо любилъ,—и потому переѣхалъ въ Петербургъ въ 1815 г. Здѣсь, 29 сентября того же года, была играна его ком.: «Молодые супруги», написанная имъ въ мѣстѣ его служенія. Въ 1816 г. вышелъ въ отставку изъ военной службы и думалъ отправиться въ Дерптъ, вѣроятно для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ; однакожъ не отправился — какъ онъ выразился въ письмѣ къ Бѣгичеву—засѣлъ въ Петербургѣ, очень довольный своей

судьбой, искренно признаваясь другу, что онъ все такой же «пасынокъ здраваго разсудка», какимъ былъ и прежде. Кругъ его знакомства состоялъ преимущественно изъ драматическихъ писателей и артистовъ. Онъ постоянно находился въ обществѣ кн. Шаховскаго, котораго еще узналъ въ Литвѣ, до пріѣзда своего въ Петербургъ, Катенина, Жандра, Корсакова, Хмѣльницкаго и другихъ. Пріятельскими его отношеніями къ этимъ лицамъ объясняются его непріязненныя отношенія къ Карамзину, Жуковскому и нѣкоторымъ членамъ литературнаго общества «Арзамасъ». Онъ защищалъ кн. Шаховскаго отъ эпиграммъ и сатиръ, посыпавшихся на него за «Липецкія воды» (стихотвореніе: «отъ Аполлона»), возражалъ Гнѣдичу на разборъ перевода Бюргеровой «Леноры», сдѣланнаго Катенинымъ, и вмѣстѣ указывалъ недостатки въ переводѣ той же баллады, Жуковскаго. Въ 1817 г. онъ познакомился съ А. Пушкинымъ. Связь съ драматическими литераторами заставила его трудиться общими силами для театра. Въ 1818 г. были представлены: переведенная имъ и Жандромъ ком.: «Притворная невѣрность» и ком. въ 3 д. кн. Шаховскаго: «Своя семья или замужняя невѣста», въ которой Грибоѣдову принадлежитъ нѣсколько сценъ 2-го акта, а Хмѣльницкому — сцена экзамена Наташи, главнаго лица піесы. Когда Загоскинъ, также по своимъ литературнымъ понятіямъ примкнувшій къ обществу Шаховскаго, выписалъ слабые стихи изъ комедіи: «Молодые супруги», которая давалась очень часто, и напечаталъ ихъ, съ своими примѣчаніями, въ «Сѣверномъ наблюдателѣ» (1817, № 15), Грибоѣдовъ, въ отвѣтъ своему рецензенту, сочинилъ шуточное стихотвореніе: «Лубочный театръ». Впрочемъ, по словамъ Булгарина, Грибоѣдовъ не столько занимался литературою, сколько побуждала его къ тому врожденная склонность, и только малые урывки посвящалъ музамъ. Свѣтская жизнь была причиною непріятныхъ съ нимъ случаевъ: такъ, въ 1817 г., онъ былъ секундантомъ у кавалергардскаго офицера Шереметева, на дуэли его съ гр. Завадовскимъ. Того же года поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ 1818-мъ опредѣленъ секретаремъ персидскаго посольства и отправился въ Таврисъ. Жаль ему было разставаться съ Петербургомъ, гдѣ онъ «хотя и имѣлъ огорченія, но иногда былъ и счастливъ». Горестныя предчувствія осаждали его воображеніе; ничто веселое не шло ему на умъ. Въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Новгорода, въ день своихъ именинъ (30 августа 1818 г.), онъ воспоминаетъ, что благовѣрный князь Александръ Невскій скончался на возвратномъ пути изъ Азіи: «можетъ быть», замѣчаетъ онъ, «и соименнаго ему секретаря посольства ожидаетъ таже участь». Москва, въ которую онъ пріѣхалъ 3-го октября, крайне ему не понравилась: «Въ Москвѣ все не по мнѣ—праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку: нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному». Особенное негодованіе возбуждалъ въ немъ московскій театръ и его посѣтители: «Здѣшніе готентоты ничему не аплодируютъ, какъ будто на перекоръ петербургскимъ, которые рады, что Богъ далъ имъ ужасныя ладони, и при всякомъ случаѣ готовы гремѣть; надобно однако согласиться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ, Росцій въ сравненіи съ первѣйшими здѣшними актерами. Ко времени этого перваго выѣзда Грибоѣдова изъ Россіи должно отнести стихотвореніе: «Прости, отечество!», представляющее рядъ печальныхъ, мрачныхъ размышленій.

Вотъ взглядъ автора на судьбу человѣка:

> Не наслажденье—жизни цѣль,
> Не утѣшенье—наша жизнь.—
> Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
> Опутываетъ неразрывно.—
> Премудрость! вотъ урокъ ея:
> Чужихъ законовъ несть ярмо,
> Свободу схоронить въ могилу,
> Не вѣрить въ собственную силу,
> Отвагу, дружбу, честь, любовь.

Въ Тифлисѣ, куда онъ прибылъ въ сентябрѣ 1818 г., временемъ его завладѣли: дуэль, карты и болѣзнь. Такъ говоритъ онъ самъ въ путевыхъ запискахъ. Дуэль происходила между имъ и Якубовичемъ, бывшимъ секундантомъ у гр. Завадовскаго и находившимся въ это время также въ Тифлисѣ. Якубовичъ обвинялъ Грибоѣдова въ дуэли и смерти Шереметева, дрался съ нимъ и ранилъ въ лѣвую руку. Въ Тифлисѣ же Грибоѣдовъ познакомился съ А. П. Ермоловымъ, который оцѣнилъ и полюбилъ его. «Что это за славный человѣкъ!» писалъ онъ Бѣгичеву. «Мало того, что уменъ (нынче всѣ умны), но совершенно по-русски; на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи — замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, да не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сей часъ положить на бумагу. Любитъ много говорить, однако позволяетъ говорить и другимъ. Иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ; однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать». Послѣ четырехмѣсячной жизни въ Тифлисѣ, при Ермоловѣ, Грибоѣдовъ отправился къ своему посту, въ Персію, куда и прибылъ въ февралѣ 1819 г. На пути отъ Тифлиса до Тегерана, онъ велъ дорожныя замѣтки, въ формѣ писемъ къ Бѣгичеву, не назначая ихъ для печати: «Ни строчки моего путешествія не выдамъ въ свѣтъ, даромъ что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, разстегиваюсь когда тепло; не справляюсь съ термометромъ и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается; не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство; не придумываю по обнаженнымъ кустамъ, къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень». Въ Персіи Грибоѣдовъ занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ, и въ скоромъ времени не только объяснялся свободно на первомъ изъ нихъ, но и понималъ персидскихъ поэтовъ. Онъ пріобрѣлъ особенную благосклонность наслѣдника престола, принца Аббаса-Мирзы, который полюбилъ его и находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ. Въ первый годъ своего посольства (1819), онъ убѣдилъ многихъ плѣнныхъ русскихъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ военную службу къ шаху, возвратиться въ отечество. Ему поручено было проводить этотъ отрядъ въ наши предѣлы, и онъ въ походѣ подвергался опасности лишиться жизни отъ озлобленныхъ персіанъ, которымъ непріятно было возвращеніе переселенцевъ. Можетъ быть съ этого времени персіане возъимѣли къ нему ненависть, которая въ послѣдствіи разрѣшилась столь гибельною для него катастрофой. Грибоѣдовъ ровно три года пробылъ въ Персіи (1819—1822), изъ которой иногда уѣзжалъ къ Ермолову за совѣтами и наставленіями: такъ, въ сентябрѣ 1819 г., онъ находился при немъ въ Чечнѣ. Отдаленность отъ родины, откуда «извѣстія доходили, какъ лучи отъ Сиріуса», разлука со всѣмъ и всѣми, что дорого сердцу, жизнь въ странѣ, которую Грибоѣдовъ называлъ то печальною, то «дурацкою», и въ которой онъ,

какъ человѣкъ просвѣщенный, чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, тяготили его, не давали ему покоя. Къ службѣ, имъ же самимъ выбранной, у него не лежало сердце, почему, въ одномъ письмѣ Катенину, онъ назвалъ себя «добровольнымъ изгнанникомъ». Онъ началъ рѣшительно думать о возвратѣ въ отечество, или, по крайней мѣрѣ, о перемѣнѣ мѣста. Сохранилась на франц. яз. его записка (1820), содержащая въ себѣ черновую просьбу объ увольненіи отъ службы. Начавъ съ того, что ему знакомы многіе иностранные языки, онъ продолжаетъ: «Но для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще недостаточно владѣть нѣсколькими словами для выраженія одной и той же мысли, какъ говоритъ Ривароль. Чѣмъ мы просвѣщеннѣе, тѣмъ можемъ быть полезнѣе отечеству. И для того-то именно, чтобы имѣть способъ къ пріобрѣтенію познаній, я прошу объ увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ печальной страны, гдѣ не только что ничему не научишься, но еще забудешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — эти общія мѣста, которымъ никто уже не вѣритъ». Задушевное желаніе его исполнилось черезъ пятнадцать мѣсяцевъ. Въ 1822 г. получивъ за отличіе чинъ коллежскаго ассесора, онъ, по собственному желанію, въ февралѣ того же года, изъ персидской миссіи переведенъ къ главноуправлявшему въ Грузіи, Ермолову, для занятій при немъ по дипломатической части. Ермоловъ любилъ и отличалъ своею довѣренностію Грибоѣдова, который также былъ искренно привязанъ къ своему начальнику и даже сопутствовалъ ему въ военныхъ экспедиціяхъ. Между черновыми бумагами его сохранился, между прочимъ, путевой журналъ, веденный во время переходовъ черезъ горы. «При Алексѣѣ Петровичѣ», писалъ онъ Булгарину, «у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался». Въ Грузіи же (1822) написалъ онъ знаменитую комедію «Горе отъ ума», первая мысль о которой, по свидѣтельству Булгарина, относится ко времени пребыванія автора въ Персіи, и именно къ 1821 г. Задумавъ отправиться за границу для излеченія болѣзни, Грибоѣдовъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ 1823 г., гдѣ пробылъ по іюнь слѣдующаго 1824 г. Здѣсь онъ докончилъ свою комедію, передѣлалъ нѣкоторыя сцены и написалъ вновь другія. Въ Петербургѣ онъ прожилъ почти ровно годъ, съ іюня 1824 г. до половины или конца мая 1825-го, все сбираясь въ чужіе краи. Но этой заграничной поѣздкѣ не было суждено осуществиться. Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ преимущественно обращался въ кругу литераторовъ и артистовъ, читалъ имъ свою комедію и безуспѣшно хлопоталъ о ея пропускѣ цензурой. Піеса его приватнымъ образомъ была разъиграна въ театральной школѣ. Въ 1824 г. написалъ онъ стихотвореніе «Телешовой», исполнявшей роль Людмилы въ балетѣ «Русланъ и Людмила», и перевелъ «Прологъ къ Гетеву Фаусту». Письма Грибоѣдова къ Катенину и Бѣгичеву изъ Петербурга часто содержатъ въ себѣ ѣдкіе отзывы объ окружавшихъ его людяхъ, недовольство самимъ собою и тревожно-мрачное расположеніе души. Какъ прежде не щадилъ онъ Москвичей, такъ теперь достается отъ него петербургскимъ литераторамъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ Бѣгичеву (4 января 1825): «Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ

ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ.... Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя поищу прибѣжища не отъ бурей, не отъ угрожающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! кѣмъ населенъ! и какая дурацкая исторія!» А вотъ что онъ писалъ къ Катенину, высланному на житье въ костромскую деревню: «было бы о чемъ расписаться, но мелочи—главныя черты Петербурга и его глупцовъ—тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны... Милый другъ, не тужи: право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно: всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда я вырвусь изъ этого мертваго города?» Правда, бичуя другихъ, Грибоѣдовъ разоблачаетъ и свои собственные недостатки: «Мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно! (восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Симферополя, отъ 9 сентября 1825 г.). Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности». Иногда эта несносная грусть переходила даже въ отчаяніе: «Пора умирать! Не знаю, отъ чего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ: пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» (письмо къ Бѣгичеву, изъ Ѳеодосіи, отъ 12 сентября 1825). А. Пушкинъ вѣрнѣе самого Грибоѣдова опредѣлилъ источникъ такого невыносимаго состоянія духа: не столько замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности, сколько отличныя, необыкновенныя дарованія и равное имъ честолюбіе — были тому причиною. Честолюбіе требовало дѣятельности, но эта дѣятельность выбиралась не по мѣрѣ и характеру способностей, не по сердечной потребности, а по заказу общественнаго положенія и другимъ соображеніямъ. Грибоѣдовъ былъ, такъ сказать, подъ гнетомъ постояннаго душевнаго насилія—или самъ навязывая на себя такія обязанности, къ которымъ не лежала его душа, или по волѣ, отъ него независимой, занимаясь тѣмъ, къ чему не чувствовалъ призванія, и откладывая въ сторону то, къ чему питалъ пристрастіе и что въ его мнѣніи и по его наклонностямъ было самымъ важнымъ и самымъ пріятнымъ дѣломъ жизни. Онъ хотѣлъ учиться, а учиться было некогда; онъ хотѣлъ заниматься литературой, и не могъ заниматься ею, сколько бы того хотѣлось. Обыкновенная жизнь, не представлявшая особенныхъ даровъ ни ума, ни чувства, равно какъ и обыкновенная канцелярская работа безъ особенно-важныхъ политическихъ или административныхъ дѣйствій—тяготили его, сердили, вызывали сарказмы, отъ которыхъ не избавлялись ни враги, ни пріятели, ни жалкая посредственность, ни люди въ сущности добрые и полезные. Отсюда озлобленный умъ, съ явственною и сильною наклонностью къ деспотизму; отсюда внутренній раздоръ съ самимъ собою, постоянное пошеніе самого себя, — это тревожное кочевье духа, ищущаго осѣдлости, но получающаго осѣдлость только временную, и то не въ привольныхъ мѣстахъ, а тамъ, гдѣ ему не думалось и не хотѣлось останавливаться. Отказавшись отъ намѣренія ѣхать за границу, Грибоѣдовъ рѣшился воротиться въ Грузію. На пути побывалъ онъ въ южной Россіи и въ Крыму, который давно желалъ видѣть. Путевыя замѣтки его о Крымѣ идутъ съ 24 іюня по 12-ое іюля. Пріѣхавъ осенью того же 1825 г. въ

Грузію, онъ былъ въ экспедиціи съ генераломъ Вельяминовымъ противъ горцевъ, и въ виду кавказскихъ горъ и непріятельскаго стана написалъ стихотвореніе «Хищники на Чегемѣ» (горной рѣкѣ, при сѣверномъ склонѣ Кавказа). Въ началѣ 1826 г. Грибоѣдовъ былъ отправленъ Ермоловымъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, представлялся Государю Императору и получилъ въ награду чинъ надворнаго совѣтника. Въ это время онъ жилъ съ Булгаринымъ, который пишетъ о немъ слѣдующее: Часто онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности: «время летитъ, въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». Воротясь въ Грузію почти при самомъ началѣ войны съ Персіей, Грибоѣдовъ состоялъ сначала при Ермоловѣ, а потомъ (1827) при графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, своемъ родственникѣ, которому онъ былъ крайне полезенъ, какъ человѣкъ, хорошо знавшій персіанъ, ихъ языкъ и находившійся въ близкихъ связяхъ съ главнымъ тогдашнимъ военнымъ и политическимъ со стороны Персіи дѣятелемъ, Аббасомъ-Мирзою. Вотъ что писалъ онъ о своей службѣ къ Булгарину (16 апрѣля 1827 г.): «Не ожидай отъ меня стиховъ: горцы, персіане, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе—не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща». Въ походъ 1827 г., Грибоѣдовъ велъ короткія замѣтки, съ 12-го мая по 1-ое іюля. По окончаніи кампаніи, награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника. За труды же при веденіи переговоровъ о мирѣ и заключеніи туркманчайскаго трактата, былъ избранъ главнокомандующимъ поднести мирный трактатъ Государю. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1828 г. Государь пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазами, медаль за персидскую войну и 4000 червонныхъ. Въ апрѣлѣ того же года онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ персидскомъ. Грибоѣдовъ не предугадывалъ этого назначенія, разсказываетъ Булгаринъ: онъ намѣревался выйти въ отставку и посвятить себя наукамъ и словесности. Съ мрачнымъ предчувствіемъ вспоминалъ онъ о Персіи, часто повторяя: «тамъ моя могила! чувствую, что не увижу болѣе Россіи». Тѣ же предчувствія выражалъ онъ и передъ Пушкинымъ, который напрасно старался его успокоить: «Vous ne connaissez pas ces gens-là», сказалъ Грибоѣдовъ: «vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux». Въ этотъ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, Грибоѣдовъ читалъ своимъ друзьямъ отрывки изъ романтической трагедіи или драмы: «Грузинская ночь», планъ которой составленъ въ Грузіи, вѣроятно въ 1825–1826 гг. Еще въ 1824 г., занимаясь Шекспиромъ, онъ задумалъ сочинить трагедію, о чемъ и упоминаетъ въ письмѣ къ Бѣгичеву. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, Грибоѣдовъ предложилъ руку дочери генералъ-лейтенанта Чевчевадзе, княжнѣ Нинѣ Александровнѣ, на которой вскорѣ и женился, свидѣвшись прежде съ главнокомандующимъ и приведя къ нему небольшой отрядъ войска подъ крѣпость Ахалкалаки (тогда началась уже война съ турками въ Азіи). Казалось, счастіе поэта было полное: литературная слава, значительность общественнаго положенія,

радости семейной жизни — все соединилъ для него 1828 г. Однакожъ письма его въ эту, по видимому самую счастливую, эпоху жизни постоянно выражаютъ печальное настроеніе духа. Мрачныя предчувствія стѣсняли его сердце болѣе, нежели когда-нибудь, и онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣе, какъ будто зналъ, что приближается къ гробу. При отъѣздѣ изъ Таврнса въ Тегеранъ, нѣсколько разъ вырывались у него слова: «Я не ворочусь оттуда; не оставляйте костей моихъ въ Персіи, похороните въ Грузіи». Эти предчувствія сбылись: 30 января 1829 г., онъ былъ убитъ въ Тегеранѣ чернію, раздраженною тѣмъ, что въ домѣ посланника укрывались русскіе подданные, которыхъ хотѣли воротить на родину. Останки его перевезли изъ Тегерана въ Тифлисъ. А. С. Пушкинъ, во время путешествія своего въ Арзрумъ, встрѣтилъ ихъ на границѣ Персіи, у крѣпости Гергеры. Прахъ Грибоѣдова покоится въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, построенномъ на крутой горѣ, замыкающей городъ къ западу. Мѣстоположеніе всегда нравилось покойному, который называлъ его поэтическою принадлежностью Тифлиса и упоминаетъ о немъ въ «Грузинской ночи». Надъ могилою Грибоѣдова, супруга его воздвигла памятникъ, на пьедесталѣ котораго, съ одной стороны, подъ портретомъ, написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 г. января 30 дня», а на другой: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!» (Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ, Ѳ. Булгарина, въ 1 № Сына Отеч. и Сѣвер. Архива, 1830 г.; О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова, ст. К. Полеваго, при ком. «Горе отъ ума», 2-ое изд., 1839; А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, изд. Е. Серчевскаго, 1858; Черновая тетрадь Грибоѣдова, двѣ статьи Д. Смирнова въ 4 и 5 №№ Рус. Слова, 1859 г.; Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому и письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву, 1860; статья А. Н. Веселовскаго: А. С. Грибоѣдовъ, въ русской библіотекѣ, изд. Стасюлевича, кн. V). Для знакомства съ личностью Грибоѣдова, представляемъ отзывы о ней А. Пушкина и К. Полеваго. Первый говоритъ: «Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, — все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». К. А. Полевой такъ изображаетъ Грибоѣдова въ упомянутой статьѣ, приложенной ко 2-му изд. «Горя отъ ума»: «Его обращеніе всегда отличалось рѣдкимъ свойствомъ, какою-то искренностью, которая однакожъ не переходила свѣтскихъ формъ. Слушая Грибоѣдова, можно было вѣрить каждому слову его потому, что онъ не терпѣлъ преувеличеній и будто мыслилъ въ слухъ, не скрывая своихъ чувствъ. Образованность и свѣтскость придавали ему

характеръ обворожительный. Еще больше увидѣлъ я справедливость своихъ замѣчаній, встрѣтившись съ Грибоѣдовымъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Разговоры и сужденія Грибоѣдова были чрезвычайно замѣчательны. Между прочимъ рѣчь зашла о власти человѣка надъ самимъ собою. Грибоѣдовъ утверждалъ, что власть его ограничена только физическою невозможностью, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно и даже сдѣлать изъ себя все. «Говорю такъ потому (собственныя слова Грибоѣдова), что многое испыталъ надъ самимъ собою. Напримѣръ, въ послѣднюю персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилось подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ такое содроганіе, что я задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть я трусъ въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, чего бы то ни стоило, вылечить себя отъ робости. Я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха — оно усилится и утвердится». Главными, отличительными его свойствами были большая сила воли и самостоятельность въ сужденіяхъ и образѣ жизни. Онъ не находилъ ничего невозможнаго для ума и воли: не хотѣлъ, чтобы человѣкъ робѣлъ передъ непріятельскою батареею, или, потворствуя лѣни, читалъ въ переводѣ то, что можетъ читать въ подлинникѣ. Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго, приторнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отличнымъ людямъ. А между тѣмъ, онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія; всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно».

Сочиненія Грибоѣдова въ хронологическомъ порядкѣ:

Письмо изъ Брестъ-Литовска (Вѣст. Европы, 1814, № 15).

Молодые супруги, ком. въ 1 д., въ стихахъ (представлена 29 сентября 1815 г.; нап. въ томъ же году). Франц. подлинникъ этой піесы, соч. Крёзе де Лессе, называется: Le secret de ménage.

Отъ Аполлона, стихотвореніе (Сынъ Отеч. 1815, № 45).

О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора (Ib. 1816, № 30).

Отрывокъ изъ ком.: «Своя семья или замужняя невѣста» (Ib. 1817, № 48).

Лубочный театръ, стихотвореніе, 1817 г. (Лѣтопись русскаго театра, г. Арапова, стр. 260—261).

Притворная невѣрность, ком. въ 1 д., въ стихахъ (представлена 11 февраля 1818, нап. 1818). Передѣлка франц. піесы Барта: «Les fausses infidélités». Въ трудѣ Грибоѣдова принималъ участіе Жандръ.

«Прости, отечество!» стихотвореніе (черновая тетрадь Грибоѣдова, ст. 2-ая, въ 5 № Рус. Слова, 1859). Авторъ статьи, г. Д. Смирновъ, относитъ это стихотвореніе къ 1818 г.

Путевыя замѣтки изъ Тифлиса въ Тегеранъ, 1819 г. (Черн. тетрадь, ст. 1, въ 4 № Рус. Слова, 1859).

Путевыя замѣтки во время перехода черезъ горы, 1822 (Черн. тетрадь, ст. 2, въ 5 № Рус. Слова, 1859).

Горе отъ ума, ком. въ 4 д., въ стихахъ (1822—1823).

Отрывокъ изъ Гете, переводъ втораго пролога изъ Фауста (Полярная звѣзда на 1825 г.).

Путевыя замѣтки о Крымѣ, 1825 (Чернов. тетрадь Грибоѣдова, Рус. Слово, 1859, № 5).

Хищники на Чегемѣ, стихотвореніе. Другое его названіе: «Дѣлежъ добычи» (Сѣв. Пчела 1826, № 143, и Черн. тетрадь, Рус. Слово, 1859, № 5).

Короткія замѣтки во время персидскаго похода 1827 (Черн. тетрадь, Рус. Слово, 1859, № 5).

Сочиненіе неизвѣстнаго времени: Отрывки изъ Грузинской ночи.

Объ этой трагедіи Булгаринъ пишетъ: *«Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи*, Грибоѣдовъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ. Трагедію назвалъ онъ «Грузинская ночь».

Изданія сочиненій Грибоѣдова:

Первое — Смирдинское, въ Полн. собраніи сочиненій русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Крюковскаго (Спб. 1854).

Второе—Евграфа Серчевскаго: «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія». (Спб. 1857). Изданіе крайне небрежное.

Третье — Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Съ портретомъ автора и 5-ю картинами (Спб. 1860).

Четвертое—Сочиненія А. С. Грибоѣдова, первое полное изданіе, съ примѣчаніями (Берлинъ, 1860).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

345

Ivan J. Mrmtchiloff

